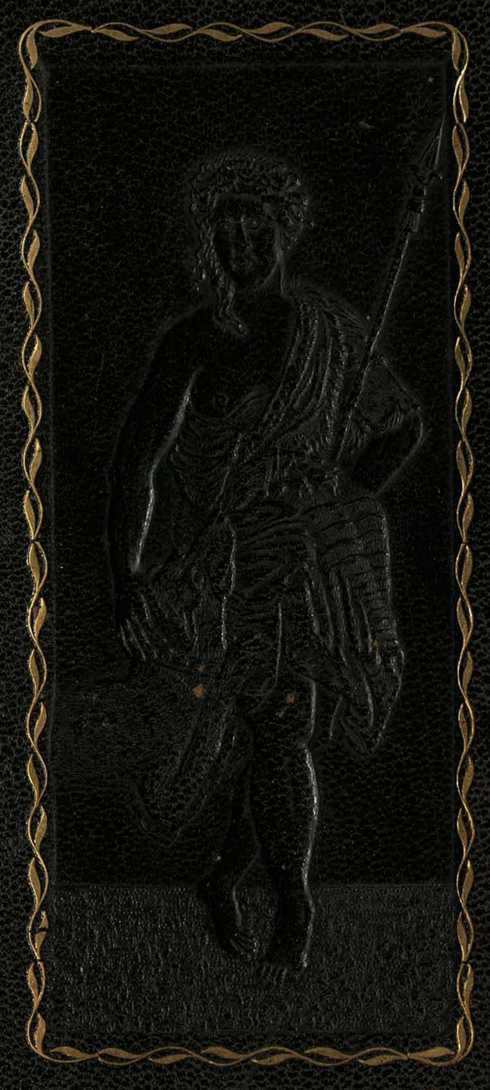

Иллюстрированная исторія нравовъ.

101 илл, не совпадают
с илл-ми архивного экз-ра

Иллюстрированная исторія нравовъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВРЕМЕННЫЯ ПРОБЛЕМЫ“.

Эдуардъ Фуксъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ НРАВОВЪ.

Томъ II—ГАЛАНТНЫЙ ВѢКЪ.

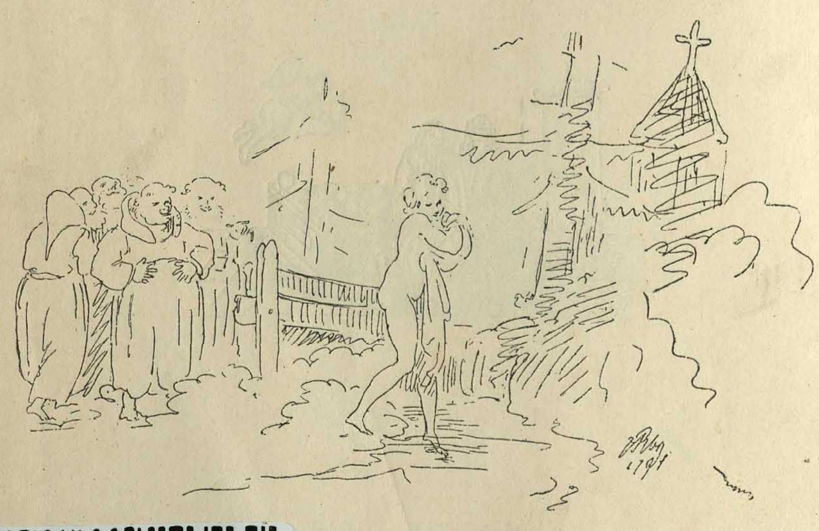
Переводъ съ нѣмецкаго В. М. Фриче.

МОСКВА — 1913.

Тип. Акц. О-ва изд. и печ. дѣла „Московское Издательство“, Б. Дмитровка, 26.

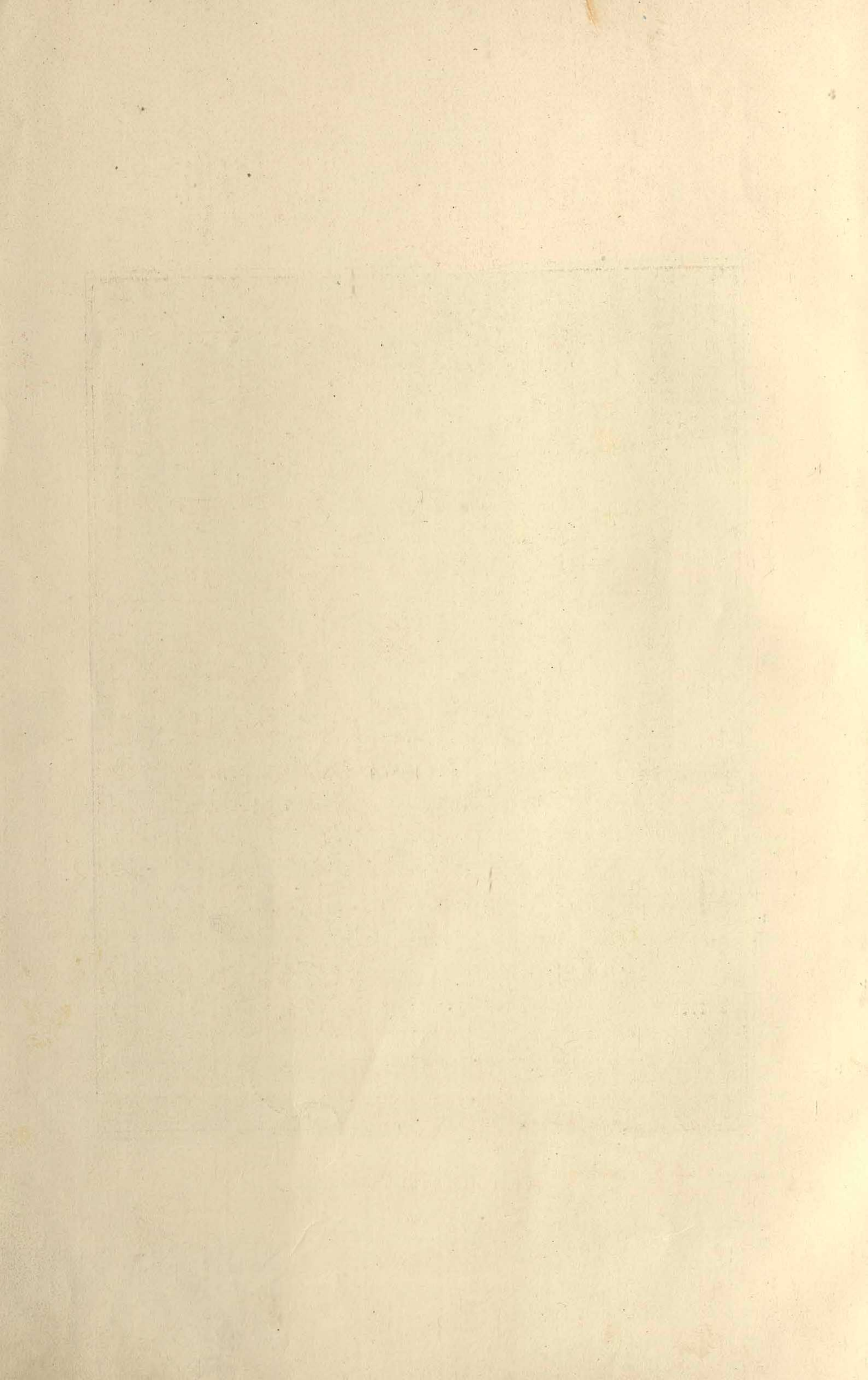

Сентъ-Обэнъ: **Садовница.**

1

ВСТУПЛЕНІЕ.

Потерянный рай!

Старикъ Тайльеранъ замѣтилъ однажды: кто не жилъ до 1789 года, тотъ вообще не жилъ. И многія тысячи его современниковъ были того же мнѣнія.

Тѣ, кто пережили этотъ годъ, остатокъ жизни грустили о потонувшемъ островѣ блаженныхъ, чарующія утѣхи котораго они извѣдали въ юности. Дѣйствительность становилась все печальнѣе и было ясно, что это волшебное счастье миновало навсегда. Кончилось сновидѣніе о красотѣ и наслажденіи.

Наиболѣе яркіе документы эпохи стараго режима: искусство и изящная литература, отражающія ея духъ, оправдываютъ подобную печаль и тоску. Въ нихъ дышитъ безупречная, сверкающая красота. Здѣсь все прекрасно: никогда женщины не были такъ соблазнительны; никогда мужчины не были такъ элегантны; даже истина шествовала тогда по землѣ не обнаженная, а въ облаченіи неизсякавшаго остроумія. Роза потеряла свои колючіе шипы, порокъ—свое безобразіе, добродѣтель—свой скучный видъ. Все стало ароматомъ, граціей, зачарованнымъ блескомъ. Лица людей не омрачались трагическими переживаніями, физической болью, преступными замыслами. Радость и счастье одухотворяютъ каждую ихъ черту. Слезы смягчаются смѣхомъ, а горе только ступень къ болѣе высокому блаженству.

Люди не признаютъ ни старости, ни увяданія. Они вѣчно молоды, вѣчно шутятъ и даже на смертномъ одрѣ они все еще кокетничаютъ. Все насыщено чувственностью, все дышитъ сладостра-

стіемъ. Жизнь стала непрекращающимся экстазомъ наслажденія. А за опьянѣньемъ слѣдуетъ не угнетающее отрезвленье, а новое блаженство. Событія и поступки не имѣютъ послѣдствій. Есть только „сегодня". „Завтра" не существуетъ. Чопорность не позоритъ, не искажаетъ чувственности; послѣдняя подобна большому заколдованному лѣсу, откуда изгнанъ грѣхъ, гдѣ не растетъ древо съ запретными плодами. Вкушать можно отъ всѣхъ сладкихъ, заманчивыхъ плодовъ сада и на каждомъ шагу тысяча разнообразныхъ осуществленій ожидаетъ желаніе. Наслажденіе—неизмѣнный спутникъ человѣка вплоть до гробовой доски и каждому оно щедро расточаетъ свои дары. Въ предчувствіи наслажденія блеститъ уже взоръ отрока, какъ обѣщаніемъ сіяетъ все еще взоръ матроны. Природа отмѣнила свои желѣзные законы, лишивъ отвращенія даже то, что противоестественно. Даже то, что противоестественно, погружено въ море сверкающей красоты. Куда ни взглянешь, всюду красота, всюду яркое сіяніе. Люди живутъ и умираютъ среди красоты. Она стоитъ у постели новорожденнаго и держитъ въ своихъ рукахъ руку умирающаго. Она—солнце, которое никогда не заходитъ.

Таковъ былъ тотъ эдемъ, о которомъ вспоминали съ такой щемящей грустью, до послѣдняго біенія сердца, тѣ, кто пережили старый режимъ. Пылкія стихотворенія, очаровательныя гравюры, граціозныя картины эпохи Рококо не лгутъ, воспроизводя передъ нашими глазами этотъ міръ блаженства и наслажденія. Этотъ эдемъ въ самомъ дѣлѣ когда-то существовалъ, чтобы навсегда исчезнуть съ лица земли.

Свидѣтели прошлаго не лгутъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія—зато они скрываютъ часть истины и при томъ для исторіи самую важную. Они умалчиваютъ, что въ эпоху стараго режима въ этомъ эдемѣ жило лишь меньшинство, именно тѣ немногіе, которымъ абсолютизмъ давалъ возможность жить такой жизнью праздныхъ паразитовъ, какую не знало европейское человѣчество даже въ дни античной культуры.

Упомянутые документы умалчиваютъ далѣе о томъ, что почти для всего остального человѣчества жизнь была тогда настоящимъ

адомъ нескончаемыхъ заботъ и мукъ, да и должна была сложиться такъ, чтобы земля стала раемъ для немногихъ.

И вотъ почему эпоха стараго режима была не для всего человѣчества потеряннымъ раемъ.

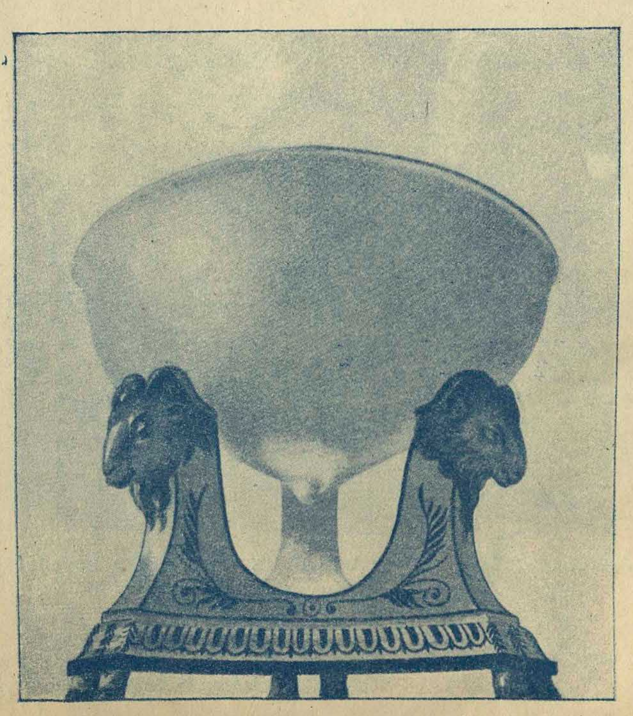
Человѣчество въ широкомъ смыслѣ слова пока еще не обитало въ раю и потому и не могло быть изъ него изгнано, не могло его потерять. Врата эдема для него все еще закрыты. До настоящаго времени человѣчеству въ этомъ широкомъ смыслѣ слова удавалось въ лучшемъ случаѣ заручиться лишь правомъ, стоять у стѣны, огораживающей эдемъ блаженства. И ему онъ лишь порой мерещился въ мечтахъ, какъ страна будущаго... Сильной рукой оно зато устранило тотъ фундаментъ, на которомъ могъ воздвигаться рай, подобный раю стараго режима. И въ этомъ—надежная гарантія, вѣрный залогъ того, что однажды оно раскроетъ врата, ведущія въ такой эдемъ, который вмѣститъ всѣхъ и всѣмъ дастъ счастье въ равной мѣрѣ.

Конечно, этотъ эдемъ будетъ носить иной характеръ, осуществить иной идеалъ жизни, чѣмъ то праздное сибаритское существованіе, какимъ былъ въ сущности въ эпоху стараго режима рай господствующихъ классовъ. То будетъ, напротивъ, эдемъ неутомимаго и активнаго труда. Въ настоящее время лишь вдали виднѣется тотъ заманчивый порогъ, который еще предстоитъ перешагнуть человѣчеству. И все-таки: путь, который ему еще осталось пройти, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, который оно уже прошло, поднимаясь тысячелѣтіями отъ низшихъ ступеней варварства на высоты современной культуры. Вотъ почему оно когда-нибудь пройдетъ и этотъ путь, отдѣляющій его отъ совершенства, и перешагнетъ мощнымъ побѣдителемъ порогъ, за которымъ только и начнется его настоящая исторія.

Фрагонаръ: **О, если бы онъ былъ мнѣ также вѣренъ!**

Осень. Англійская гравюра.

Бюстъ Маріи Антуанеттъ.

Эпоха абсолютизма.

. . . .

. . . .

. . . .

Наиболѣе яркой чертой въ духовной структурѣ эпохи абсолютизма было безконечное презрѣніе королевской власти ко всѣмъ недворянскимъ элементамъ населенія, къ roture, какъ тогда обобщающе называли среднее сословіе. Мѣщанинъ, рабочій, крестьянинъ были въ глазахъ командующихъ классовъ не людьми даже, а просто существами, креатурами,—Creaturen. Именно въ эпоху абсолютизма сложилось убѣжденіе, что только начиная съ барона человѣкъ имѣетъ право называться—человѣкомъ.

На этомъ основаніи государь окружалъ себя только дворянами, былъ доступенъ только дворянамъ, и только дворянство имѣло права. „Король абсолютенъ только по отношенію къ народу, къ мѣщанству и крестьянству, а также къ отдѣльнымъ представителямъ дворянства (къ которому можно вполнѣ отнести и высшее духовенство), но не по отношенію къ дворянству, какъ сословію. Государство становится собственностью короля, при чемъ, однако, доходы—собственность дворянства. Дворянство все: на него работаетъ крестьянинъ и ремесленникъ, для него содержится армія, для него создаются должности и ему принадлежатъ доходы государства“ (К. Гуго).

Подобное презрѣніе къ ротюрѣ (roture) было неотдѣлимо отъ соотвѣтствовавшаго ему прямо противоположнаго умонастроенія, выливавшагося въ своемъ крайнемъ выраженіи въ чувство собственнаго богоподобія. Абсолютный государь становится въ своихъ глазахъ, а также въ глазахъ всего міра высшимъ земнымъ существомъ, становится владыкой „божьей милостью". Власть его не отъ народа и онъ отвѣтственъ только передъ Богомъ. Такой типичный абсолютный государь, какъ виртембергскій герцогъ Карлъ Евгеній, имѣлъ своимъ девизомъ слова: „Государь—образъ и подобіе Божье. Онъ имѣетъ право дѣлать добро и зло, какъ ему заблагоразсудится". Изъ такого воззрѣнія само собой возникаетъ убѣжденіе, что единственнымъ и высшимъ закономъ для страны является *его* благо, *его* удовольствіе: suprema lex regis voluntas. Этотъ принципъ становится во всѣхъ странахъ общимъ мнѣніемъ, получаетъ всеобщее признаніе, возводится въ догматъ, который впродолженіи столѣтій принимается на вѣру, и если критикуется, то только украдкой и тайкомъ. Фраза: car tel est notre plaisir все оправдывала или же опровергала.

Наука и искусство обязаны прославлять лишь короля и онѣ въ самомъ дѣлѣ поютъ только его—всемогущаго—хвалу. Исторія становится описаніемъ его и его предковъ героизма и подвиговъ. Въ его и ихъ лицѣ на землю спустился самый блестящій и гордый родъ. Монархъ полонъ мудрости и добродѣтели. Никогда раньше міръ не видалъ подобнаго соединенія въ одномъ лицѣ благородства, величія и возвышенности.

Когда сынъ геніальнаго Кольбера былъ причисленъ къ придворнымъ Людовика XIV, то отецъ усмотрѣлъ въ этомъ высшее счастье, ибо „ошибки сына будутъ замѣчены и исправлены лучшимъ изъ государей, возвышеннѣйшимъ человѣкомъ, величайшимъ и могущественнѣйшимъ королемъ". И онъ обращался къ монарху съ слѣдующими словами: „Сиръ, наша обязанность благоговѣйно молчать и ежедневно благодарить Бога за то, что Онъ позволилъ намъ родиться подъ скипетромъ государя, не признающаго иныхъ границъ, кромѣ собственной воли".

Нелли Гвинъ въ видѣ Амура.

П. Лонги: **Ненасытная.**

А Людовикъ XIV не умѣлъ ни читать, ни писать, тогда какъ Кольберъ былъ однимъ изъ наиболѣе выдающихся умовъ своего времени.

Въ приведенныхъ словахъ Кольбера отнюдь не слѣдуетъ видѣть ироніи. Нѣтъ, именно таковъ былъ языкъ придворныхъ въ эпоху абсолютизма. Въ устахъ болѣе посредственныхъ умовъ этотъ языкъ звучалъ лишь болѣе напыщенно, пестрилъ одними превосходными степенями.

И тѣми же путями шло искусство.

Стиль барокко—художественное отраженіе княжескаго абсолютизма, художественная формула величія, позы, представительности. Абсолютизмъ создалъ особый стиль дворцовыхъ построекъ. Дворецъ уже на крѣпость, какъ въ Средніе вѣка, пробуждающая въ обитателяхъ чувство безопасности отъ нападеній и неожиданностей, а низведенный на землю Олимпъ, гдѣ все говоритъ о томъ, что здѣсь обитаютъ боги. Обширныя переднія, огромныя залы и галлереи. Стѣны покрыты сверху до низу зеркалами, ослѣпляющими взоры. Безъ зеркалъ не могутъ обойтись ни поза, ни жажда представительствованія. Ничто не должно быть скрываемо: все должно стать выставкой богоподобія—даже сонъ государя. Сады и парки, окружающіе на значительномъ разстояніи дворецъ, выстроенный въ стилѣ барокко—сверкающія поляны Олимпа, вѣчно смѣющіяся и вѣчно веселыя. Весна превращена въ отягченную плодами осень, зима становится напоеннымъ ароматами лѣтомъ. Опрокинуты всѣ законы природы и только воля государя повелѣваетъ ею.

Величіе, помпезность—таковы наиболѣе яркіе признаки и искусства. Сцены изъ классической древности, жизнь боговъ—его постоянная тема—это *его* жизнь, обожествленіе *его* власти. Юпитеръ и Марсъ надѣлены *его* чертами, какъ Юнона и Венера—портреты *его* супруги. Пластическія искусства превращаютъ античные миѳы о богахъ въ исторію *его* династіи и жизни, ихъ побѣды это *его* побѣды. Въ *его* рукахъ покоятся громъ и молніи и, сгорая отъ сладострастной истомы, рвутся къ *нему* божественно-прекрасныя тѣла Данаи и Леды. Отъ него родится новое поколѣніе боговъ, и если

блистательно возрождается вѣкъ древнихъ героевъ, то только благодаря ему.

Выше монарха ни въ идеѣ, ни на практикѣ, нѣтъ никого. Вотъ почему дворецъ въ стилѣ Рококо, послѣдняго звена въ развитіи архитектуры эпохи абсолютизма, всегда одноэтаженъ, ибо никто не долженъ и не можетъ стоять или ходить надъ его головой: онъ—церковь, идея божества въ переводѣ на мірской языкъ. Въ лицѣ абсолютнаго государя на землѣ шествуетъ само божество. Отсюда великолѣпіе, отсюда золотомъ сверкающая пышность, въ которую облекается абсолютный монархъ. Золото и драгоцѣнные каменья—его одежда; золотомъ и блескомъ сверкаетъ ливрея его придворныхъ лакеевъ. Изъ золота сдѣланы: стулъ, на которомъ онъ сидитъ, столъ, за которымъ онъ обѣдаетъ, тарелки, съ которыхъ онъ ѣстъ, приборы, которыми онъ пользуется. Золотомъ и серебромъ затканы занавѣски надъ его ложемъ, обои на стѣнахъ. Со всѣхъ сторонъ, заливая его своимъ блескомъ, окружаетъ его золото. Золотомъ украшена упряжь его лошадей и онъ ѣдетъ по улицамъ города въ золотой колесницѣ. Вся его жизнь, весь его придворный штатъ облечены въ золото. Все залито свѣтомъ, а свѣтъ сталъ золотомъ. Ослѣпительно сіяетъ блескъ тысячи свѣчей въ его хоромахъ въ праздничные дни и все снова и снова отражаютъ его покрытыя зеркалами стѣны. Онъ самъ есть свѣтъ и вотъ почему онъ всегда окруженъ свѣтомъ.

Этимъ объясняется также чопорный, до мельчайшихъ подробностей предусмотрѣнный церемоніалъ, которымъ обставлена каждая услуга, оказываемая ему съ момента пробужденія и до минуты погруженія въ сонъ. Этотъ церемоніалъ превращаетъ самое ничтожное дѣйствіе въ актъ первостепенной государственной важности, лишаетъ даже самую противную услугу ея унизительнаго характера. Ежедневный присмотръ за уборной французскихъ королей—почетная должность, исполняемая доподлиннымъ герцогомъ. Вотъ почему государь далѣе постоянно окруженъ плеядой придворныхъ. Одинокъ только ничтожный и безсильный. Знаку всемогущаго повинуется вся вселенная. Придворные—вѣстники его могущества.

Такъ какъ въ лицѣ абсолютнаго монарха на землю спустился самъ Богъ, то личность его священна. Отсюда неприступность и величіе, свойственныя каждому его шагу, окружающія его атмосферой, непроницаемой для простыхъ смертныхъ.

Само собой понятно, что „чернь" была отдѣлена отъ монарха не только гранями незримыми, но и строгими предписаніями, неприступными стѣнами, изгородями и заборами. Входъ въ огромные парки и сады, окружавшие резиденціи государя, былъ строжайше запрещенъ, для ихъ посѣщенія требовалось особое разрѣшеніе, и нарушеніе этого правила каралось обыкновенно драконовыми наказаніями. Когда монархъ совершалъ прогулку по городу, то нерѣдко цѣлыя улицы и бульвары отцѣплялись для народа, и только издали послѣдній удостаивался высокаго счастья лицезрѣть священную особу монарха. Такъ было въ Веймарѣ при жизни Гете. А тотъ, кто удостаивался его взгляда или милостиваго обращенія, постигалъ величайшее счастье, которое только можетъ выпасть на долю смертнаго, и на всю жизнь онъ чувствовалъ себя вознесеннымъ высоко надъ своими согражданами. На немъ покоилось око самого божества, его коснулся лучъ божьей милости. А тотъ, кто удостаивался постояннаго интереса со стороны государя, до извѣстной степени самъ пріобщался къ его божественности.

Оффиціальная любовница вызывала презрѣніе развѣ только въ сердцѣ ея конкурентокъ. Разъ ея красота и ея любовь удостоились королевскаго вниманія, то она сама становилась „божьей милостью".

И это положеніе пытались даже научно обосновать. Въ своей „Придворной философіи" знаменитый Томазіусъ изъ Галле говоритъ: „Когда рѣчь идетъ о князьяхъ и господахъ, то нѣтъ мѣста odium in concubinas (ненависти къ метрессамъ), ибо князья и господа обязаны отдавать отчетъ въ своихъ поступкахъ только Богу, въ силу чего на любовницу видимымъ образомъ падаетъ нѣкій отсвѣтъ отъ ореола ея любовника".

Почести, предписанныя королемъ для оффиціальной любовницы, оказываются ей съ тѣмъ же благоговѣніемъ, какъ и ему,—правда,

только до тѣхъ поръ, пока ей разрѣшено раздѣлять его ложе. Какъ только чары другой признаны болѣе обоятельными, звѣзда и счастье недавней фаворитки погружаются въ ночь забвенія.

Такъ какъ смертный не въ состояніи прямо смотрѣть на солнце, то къ воплотившемуся въ земномъ тѣлѣ божеству подходятъ не иначе, какъ склонивъ голову и колѣна, а рѣчь становится заглушенной, такъ какъ слишкомъ громкое слово нарушило бы почтеніе. Аудіенція, милостиво дарованная, превращается въ актъ боготворенія. Въ своемъ дворцѣ герцогъ де-Фейадъ воздвигъ золоченную статую Людовика XIV и устраивалъ передъ ней по ночамъ при свѣтѣ факеловъ своего рода идолопоклонство. Склонивъ колѣна, привѣтствуютъ монарха даже придворные, какъ и прохожіе на улицѣ. Когда по дорогѣ мчится королевская карета, кавалеры и дамы бросаются въ ровъ и ждутъ на колѣняхъ, пока она проѣдетъ. Мимоходомъ брошенный на нихъ случайный взглядъ служитъ для нихъ достаточнымъ вознагражденіемъ за то, что они встаютъ съ земли, покрытые грязью. И даже если въ каретѣ никого нѣтъ, ей оказывается такое же почтеніе.

Абсолютный монархъ охотно выставлялъ на показъ свое земное всемогущество: отсюда демонстративная игра въ солдатики. Ничто лучше внушительной арміи такъ убѣдительно не обнаруживало власть, имѣвшуюся въ рукахъ. Такъ какъ этимъ путемъ можно было продемонстрировать, по крайней мѣрѣ, свое земное могущество, то даже ничтожнѣйшій изъ земныхъ деспотовъ содержалъ „войско". Милитаризмъ принималъ при такихъ условіяхъ характеръ декораціи, становился игрушкой, доходя въ иныхъ случаяхъ до смѣшного. Въ Виртембергѣ самые рослые парни попадали въ „лейбъ-гвардію". Одинъ современникъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ.

„Лейбъ-гвардія щеголяетъ въ красныхъ мундирахъ съ чорными отворотами, въ жабо и манжеткахъ, въ высокихъ каскахъ, съ расчесанными и напудренными волосами и съ черными усами. Сапоги и брюки ихъ до того узки, а послѣдніе къ тому же такъ набиты сзади и спереди толстой бумагой, что имъ трудно садиться и вставать. Горе тѣмъ несчастнымъ, которые падаютъ на улицѣ или во время парада! Своими силами они не могутъ подняться. При-

Сильвія. Английская галантная гравюра.

4

Буальи: **Урокъ супружеской любви.**

ходится ихъ брать подъ руки, и требуется не менѣе двухъ человѣкъ, чтобы ихъ снова поставить на ихъ бумажныя ноги“.

Не менѣе смѣшны были, впрочемъ, и высокорослые молодцы прусскаго короля Фридриха Вильгельма I. Смѣшная поза и здѣсь замѣняла истинную силу. Абсолютный монархъ вѣрилъ подъ гипнозомъ своего видимаго всемогущества, очутившагося въ его рукахъ только благодаря противоположности интересовъ боровшихся общественныхъ силъ, въ самомъ дѣлѣ искренно и крѣпко, что все это такъ и быть должно. Онъ нисколько не сомнѣвался, что въ немъ живетъ и дѣйствуетъ само божество. Французскіе короли однимъ прикосновеніемъ руки лѣчатъ болѣзни и недуги, порой дѣйствительно исцѣляя больныхъ: чудо это творила вѣра.

Въ этомъ ключъ разгадки и логическое оправданіе всѣхъ поступковъ самодержавнаго государя. Божество можетъ распорядиться всѣмъ. Оно вольно надъ жизнью и свободой подданныхъ, въ особенности же надъ ихъ собственностью. Все принадлежитъ по праву королю. Все государство—его личное владѣнье. При Людовикѣ XIV не разъ серьезнѣйшимъ образомъ обсуждался вопросъ „не слѣдуетъ ли королю фактически взять въ свои руки всѣ земли и доходъ Франціи“. Къ этой удивительной мысли все снова и снова возвращались. Въ инструкціи, составленной по порученіи короля для дофина, говорится:

„На томъ же основаніи все, что находится въ предѣлахъ нашихъ владѣній, принадлежитъ намъ, что бы оно ни было. Вы должны быть убѣждены въ томъ, что короли отъ природы имѣютъ право свободнаго и полнаго распоряженія всѣмъ имуществомъ клира и мірянъ и могутъ каждую минуту, подобно мудрымъ управляющимъ, имъ воспользоваться для нуждъ государства.

А когда привиллегированныя сословія увидѣли въ пропагандѣ подобной абсолютистической аксіомы угрозу своимъ стариннымъ „правамъ“ и подняли протестъ, то немедленно же выступили придворные юристы и стали доказывать, что „король собственникъ всей земли государства“.

Такъ какъ абсолютный монархъ считалъ себя естественнымъ, прирожденнымъ собственникомъ всей страны, то онъ не только имѣлъ право распоряжаться всѣми налогами,—абсолютистическая логика внушала кромѣ того мысль, что не можетъ быть ничего болѣе естественнаго, какъ желаніе присвоить себѣ на личныя нужды большую часть этихъ налоговъ. При этомъ, разумѣется, въ голову не приходило считаться съ вопросомъ, соотвѣтствуютъ ли находящіяся въ наличности суммы прихотямъ. Всѣ абсолютистическіе дворы поэтому отличались безумной расточительностью.

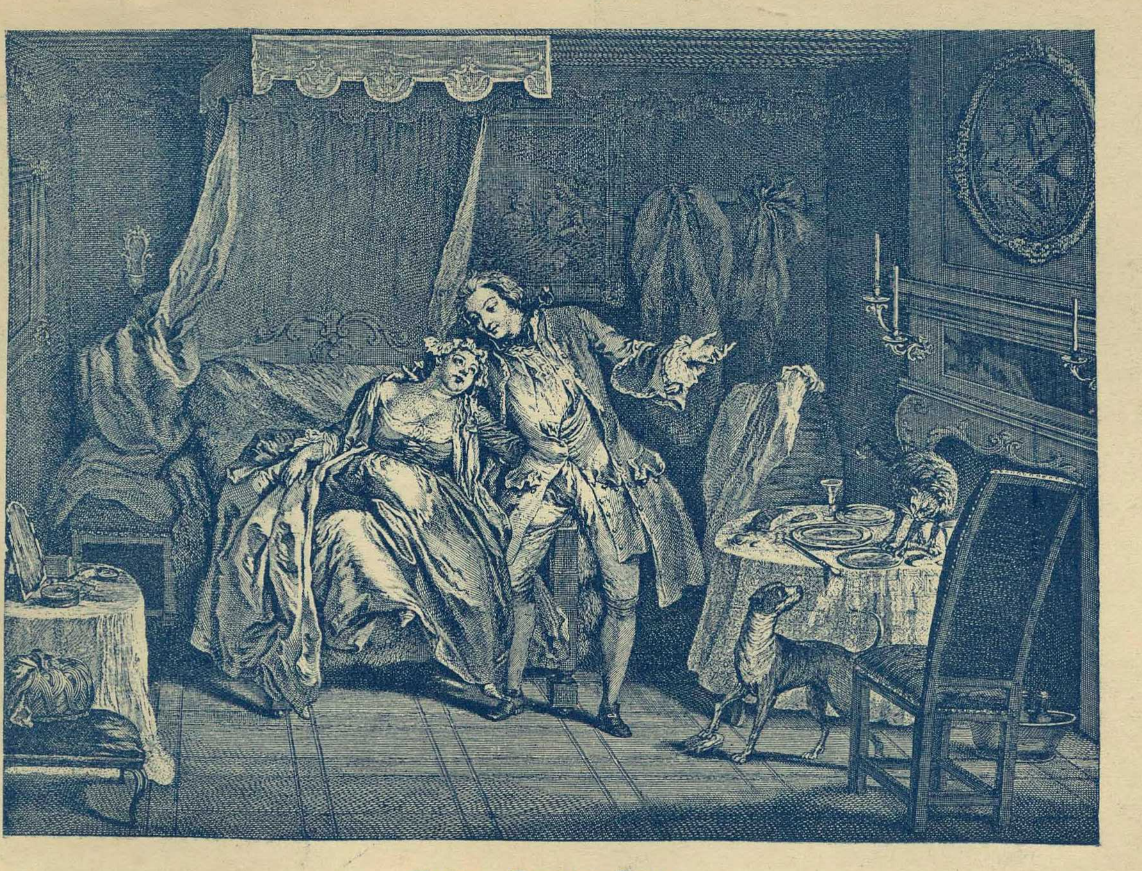
Огромный дефицитъ во французскомъ бюджетѣ, незадолго до революціи приводившій министровъ въ крайнее смущеніе, не помѣшалъ Людовику XIV купить для королевы за 18 мил. ливровъ замокъ Сенъ-Клу, а для себя—за 14 мил. замокъ Рамбульи. Проиграть 100 или 200,000 ливр. въ одинъ вечеръ было для Маріи-Антуанеты пустякомъ. Екатерина II истратила на своихъ фаворитовъ 90 мил. руб. Эта огромная сумма однако ничто въ сравненіи съ тѣмъ, сколько Людовикъ XV тратилъ на свои любовные капризы. Одно снабженіе пресловутаго Parc aux cerf все новымъ, свѣжимъ товаромъ стоило нѣсколько сотъ милліоновъ, не считая расходы на видныхъ любовницъ въ родѣ г-жи Помпадуръ, сестеръ Нель, Дюбари и др. Одна Помпадуръ стоила государству нѣсколько десятковъ милліоновъ. Недешевле обошлись Франціи незаконныя жены Людовика XIV. Строительная манія Людовика XIV стоила еще дороже. Въ одинъ годъ, желая создать обиталище, достойное его священной особы, онъ истратилъ 90 мил. франковъ.

Каждый абсолютный государь Европы считалъ своей обязанностью подражать пышности, маніи сооруженія великолѣпныхъ зданій и расточительности короля-солнца... Строительная горячка Фридриха II поглотила въ короткій срокъ нѣсколько десятковъ милліоновъ, что представляло огромную сумму, если принять во вниманіе какъ бѣдность Пруссіи вообще, такъ въ особенности вызванную семилѣтней войной нищету, ибо съ этимъ періодомъ какъ разъ совпадаетъ манія строительства короля. Абсолютно и относительно еще значительнѣе были траты на великолѣпныя постройки виртемберг-

Ланда. Англійская гравюра.

Уордъ: **Думы о бракѣ.**

5

Патеръ: **Поищите блоху.**

скаго, баденскаго и гессенскаго дворовъ. При самомъ маленькомъ дворѣ существовали: оберъ-гофмейстеры, оберъ-гофмейстерины, кавалеры, дамы, аристократы-пажи, стоявшіе въ блестящей ливреѣ за стульями ихъ величествъ и мѣнявшіе тарелки, несмотря на свое знатное происхожденіе. А далѣе слѣдовали просто пажи, гофмейстеры, шталмейстеры, повара, садовники, камердинеры, егеря, гейдуки, скороходы, не считая огромной толпы лакеевъ, камеристокъ, гардеробщицъ, кучеровъ, эфрейторовъ, конюховъ, помощниковъ садовика, поварятъ, служанокъ, и, наконецъ, неизмѣнная „лейбъ-гвардія", которая то и дѣло при всякомъ поводѣ должна была брать на караулъ и салютовать.

Большинство абсолютныхъ монарховъ не только горячо стремилось къ тому, чтобы не отстать отъ версальскаго образца—часто они полагали свое честолюбіе въ томъ, чтобы еще превзойти, разумѣется,—въ мелочахъ, этотъ образецъ. И многимъ, въ самомъ дѣлѣ, удавалось осуществить эту честолюбивую мечту. Въ особенности прославились этимъ Карлъ Августъ Саксонскій и Карлъ Евгеній Виртембергскій. Ихъ, впрочемъ, извиняетъ то обстоятельство, что ихъ мозговыя способности были развиты обратно пропорціонально ихъ вожделѣніямъ самцовъ. Праздники виртембергскаго „деспота въ миніатюрѣ", расточительность котораго была тѣмъ больше, чѣмъ меньше была страна—въ ней насчитывалось тогда не болѣе 600,000 жителей—ежегодно украшалъ балетный идолъ Вестрисъ, получавшій гонораръ въ 1,200 гульд. Еще дороже обходились великолѣпные фейерверки, которыми завершались праздники, и для устройства которыхъ герцогъ выписалъ итальянца Веронезе, знаменитаго фейерверкера своего времени. Этотъ послѣдній долженъ былъ показывать свое искусство даже и тогда, когда ненастье мѣшало проявленію его таланта.

Въ одномъ описаніи Виртемберга, вышедшемъ въ 1765 г. подъ заглавіемъ: „Die reine Wahrheit oder Denkwürdigkeiten des Hauses Würtemberg" говорится:

„Хотя во дворцѣ смѣются не много, зато тѣмъ больше ѣдятъ. Не мало и пьютъ, а во время дессерта пускаютъ фейерверки не хуже, чѣмъ при дворѣ христіаннѣйшаго короля. Впрочемъ, эти фейерверки

не имѣютъ ничего общаго съ большимъ фейерверкомъ, который сжигается на вольномъ воздухѣ, все равно какая бы ни была погода. Въ 1763 г. дождикъ совершенно промочилъ всѣ ракеты. Однако, герцогъ и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы отложить фейерверкъ—стоилъ онъ 52,000 гул.—хотя фейерверкеръ и увѣрялъ его, что и пятидесятая доля не загорится. Въ такихъ представленіяхъ герцогъ видѣлъ истинныя доказательства великолѣпія и пышности".

Недурненькая сумма—52,000 гульденовъ! На эти деньги можно было тогда прокормить въ продолженіи одного дня всю страну.

Въ мемуарахъ барона фонъ-Вимфена, который долгое время былъ участникомъ веселой жизни при виртембергскомъ дворѣ, встрѣчается описаніе, прекрасно обобщающее эту послѣднюю:

„Въ 1763 г. я вернулся послѣ годового пребыванія при испанскомъ дворѣ въ Штуттартъ, и съ тѣхъ поръ впродолженіи 10 лѣтъ кружился здѣсь въ вихрѣ удовольствій и праздниковъ и никакое безпокойство не нарушало наши наслажденія. Герцогъ содержалъ 15000 солдатъ, красивѣе и дисциплинированнѣе которыхъ не было ни въ одной странѣ. Къ его услугамъ находилось до 200 дворянъ, среди нихъ 20 принцевъ и имперскихъ графовъ. Онъ содержалъ 800 лошадей, и постоянно увеличивалъ и украшалъ свою лѣтнюю резиденцію Людвигсбургъ. При виртембергскомъ дворѣ была лучшая въ Европѣ опера, лучшій оркестръ, и послѣ парижской, лучшая въ свѣтѣ французская комедія. Кромѣ ежедневныхъ представленій, доступъ къ которымъ былъ безплатенъ, часто устраивались праздники, великолѣпіе которыхъ я сумѣлъ оцѣнить только тогда, когда я позднѣе познакомился съ тѣмъ, что вызывало всеобщій восторгъ при другихъ дворахъ. Пріятнѣе же всего были лѣтнія путешествія герцога въ его виллы, преимущественно въ Графенекъ, замокъ, лежащій въ одной изъ самыхъ глухихъ мѣстностей Шварцвальда, гдѣ герцогъ часто проводилъ часть лѣта. Обыкновенно герцога сопровождало только 10—12 кавалеровъ, и я почти всегда имѣлъ счастье быть въ ихъ числѣ. Остальная свита состояла изъ 600 или 700 человѣкъ, предназначенныхъ для его развлеченія. Здѣсь были на лицо всѣ лучшія силы французской комедіи, комической и

итальянской оперъ. Оркестръ состоялъ сплошь изъ первоклассныхъ виртуозовъ. Тутъ были: Дзомелли, Лолли, Нардини, Рудольфсъ, Шварцъ, братья Пла. Новерръ получилъ приказъ ставить самые восхитительные балеты. Зритель видѣлъ только очаровательные танцы богинь и нимфъ. Все, что только могутъ дать талантъ и природа въ смыслѣ наслажденій и утѣхъ, было на лицо и всѣ были какъ нельзя лучше настроены, чтобы по достоинству оцѣнить эти удовольствія. Мы засыпали и просыпались среди веселья. Два оркестра будили насъ по утрамъ. Завтракали всѣ вмѣстѣ, обыкновенно подъ сѣнью безлюднаго лѣса. Подъ звуки музыки приступали къ кадрилямъ и рондамъ, готовясь къ вечернему балу. Въ промежуткахъ занимались туалетомъ, игрой, ѣдой, разнообразными развлеченіями. То отправлялись ловить рыбу, то на охоту, то на прогулку въ темный зеленый лѣсъ, всегда въ компаніи богинь и нимфъ.

Болѣе пріятно я никогда не проводилъ время, а иногда я испытывалъ такое наслажденіе, что еще и теперь при одномъ воспоминаніи меня охватываетъ очарованіе, хотя чаще грусть. И не однѣ только красавицы—дѣвушки способствовали веселому времяпрепровожденію. Все рѣшительно содѣйствовало ему: прекрасный столъ, превосходный аппетитъ, вызываемый какъ утренними танцами, такъ и послѣобѣденной охотой и, что важнѣе всего—съ нами былъ герцогъ, всегда веселый, всегда въ добромъ расположеніи, исполненный мудрости и остроумія, всегда снисходительный къ своимъ придворнымъ“.

Одна цифра можетъ дать наглядное представленіе о томъ, сколько стоили упомянутыя здѣсь охоты. Однажды крестьяне должны были для развлеченія государя согнать со всей страны къ замку Solitude не менѣе 6000 оленей. А о томъ, какъ совершались эти „охоты“, свидѣтельствуютъ вышеупомянутые мемуары.

„Въ 1763 году третья часть праздника происходила на равнинѣ, гдѣ устроили облаву на дичь. Перестрѣляли многія сотни крупной и мелкой. Я долженъ объяснить, какъ это дѣлалось. Загоняютъ въ загонъ нѣсколько тысячъ штукъ разной дичи, которая потомъ по-одиночкѣ выпускается изъ калитки. Герцогъ и знат-

пѣйшіе участники охоты уже стояли на готовѣ съ ружьями и встрѣчали бѣдное животное дробью. Вы скажете, что это не развлеченье, а бойня. Слушайте же, чѣмъ все это кончалось. Дорога отъ калитки, черезъ которую выходили животныя, замыкалась прудомъ, который былъ вырытъ такимъ образомъ, что въ немъ ямы чередовались съ насыпями. Испуганное животное бросалось въ прудъ и здѣсь его ожидали уже двѣ смерти, а не одна. И въ этомъ заключалось главное удовольствіе. А это удовольствіе усугублялось еще тѣмъ, что прудъ былъ созданіемъ не природы, а человѣческихъ рукъ, копавшихъ его въ суровую зимнюю пору. Несмотря на отчаянный морозъ герцогъ велѣлъ пригнать воду изъ отдаленныхъ мѣстностей и сорокъ печей, никогда не потухавшихъ, подогрѣвали ее, чтобы она не замерзла".

Уже эти немногіе приведенные документы доказываютъ, что виртембергскій герцогъ, Карлъ-Евгеній, въ самомъ дѣлѣ, ухитрялся побить рекордъ расточительности, введенный въ моду королемъ-солнцемъ. Нетрудно было бы привести еще множество другихъ аналогичныхъ фактовъ. Такіе же краснорѣчивые примѣры и такія же внушительныя цифры иллюстрируютъ расточительность Августа Сильнаго. Достаточно указать на извѣстный „дворецъ наслажденій" при Мюльбергѣ, приводившій въ изумленіе всю Европу: о расточительности именно этого государя намъ, впрочемъ, придется говорить еще не разъ.

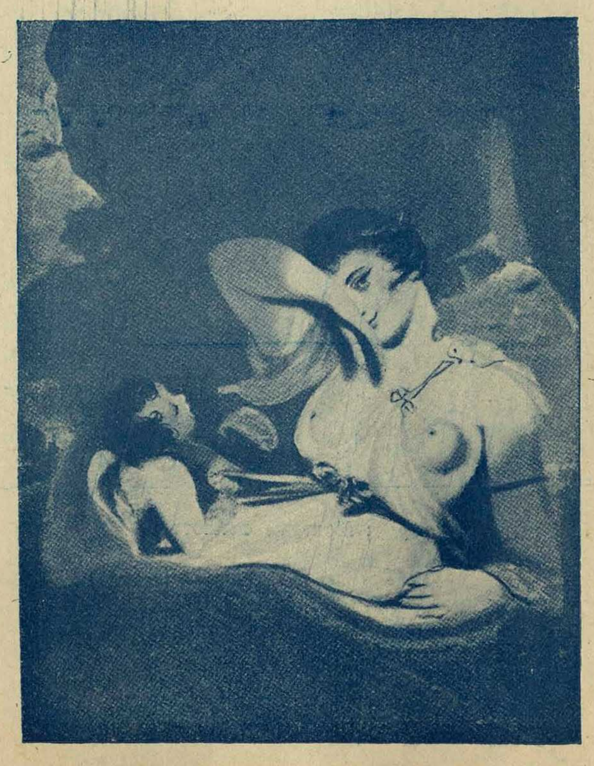
Необходимо здѣсь упомянуть, что короля-солнце старались перещеголять не только, какъ любителя пышности и блеска, но и какъ абсолютнаго самодержца. Государи маленькихъ странъ были часто наиболѣе мстительными деспотами и были болѣе другихъ помѣшаны на своемъ богоподобіи. Въ Виртембергѣ каждый обыватель былъ обязанъ снять шляпу не только передъ самымъ герцогомъ, но и передъ его часовыми, при томъ подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія. Ни санъ, ни возрастъ, а тѣмъ менѣе заявленіе провинившагося, что онъ не замѣтилъ герцога, не спасали отъ этой кары. Когда въ 1783 году нѣкій камеръ-совѣтникъ по разсѣянности не отдалъ чести часовому, то лейтенантъ фонъ-Бёненъ приказалъ

Кевердо: **Молодые встаютъ.**

Мушэ: „Ложись сюда“.

Рейнольдсъ: Амуръ распускаетъ поясъ на груди Венеры.

отвести провинившагося на гауптвахту и тамъ всыпать ему 25 палочныхъ ударовъ. Подобные процедуры составляли даже одну изъ тѣхъ заслугъ, ради которыхъ герцогъ основалъ въ 1759 году высокій орденъ Карла. И потому расторопный по части порки лейтенантъ былъ немедленно же награжденъ этимъ орденомъ за свое усердіе.

Не менѣе яркій примѣръ помѣшанности государей небольшихъ странъ на своемъ богоподобіи представляютъ комическія изліянія болтушки Елизаветы Шарлотты, которая во всемъ видѣла оскорбленіе ея сана. Пфальцграфиня писала, напр.:

„Однажды г-жа Ментенонъ выписала изъ Страсбурга двухъ дѣвушекъ, выдала ихъ за графинь и опредѣлила въ качествѣ suivantes къ своимъ nièces. Я ничего объ этомъ не знала. M-me la Dauphine пожаловалась мнѣ со слезами на глазахъ. Я отвѣтила ей: не волнуйтесь, я устрою это дѣло. Когда я въ правѣ, мнѣ наплевать на старую вѣдьму. Въ окно я вижу, какъ niece гуляетъ съ нѣмецкими барышнями. И вотъ я спускаюсь и встрѣчаюсь съ ними. Подзываю одну и спрашиваю: кто она? Она отвѣчаетъ въ лицо: она пфальцграфиня фонъ-Лицельштейнъ. Такъ!—говорю я.—Но я вовсе не незаконная,—говоритъ она.—Молодой пфальцграфъ женился на моей матери, урожденной фонъ-Геленъ. Я возражаю: въ такомъ случаѣ вы не можете быть пфальцграфиней, ибо мы—пфальцграфы—не признаемъ мезальянсовъ. Впрочемъ, я скажу больше: ты просто лжешь, утверждая, будто пфальцграфъ женился на твоей матери, она просто-на-просто . . . . ., которая спала вовсе не съ нимъ, а со многими другими. Я знаю, кто ея настоящій мужъ,—музыкантъ, играющій на гобоѣ. Да, это правда! А если ты еще разъ осмѣлишься выдать себя за пфальцграфиню, то я велю сорвать съ тебя юбку. Не желаю я больше слышать подобной чепухи. Если же ты послѣдуешь моему совѣту и будешь называть себя своимъ именемъ, то я не буду тебя больше упрекать за твое происхожденіе. Дѣвушка приняла мои слова такъ близко къ сердцу, что умерла нѣсколько дней спустя. Другую отправили въ Парижъ въ пансіонъ. Я пошла къ нашей Dauphine и разсказала ей, что

произошло. Она призналась, что очень рада, что я такъ поступила, такъ какъ у нея не хватило бы мужества. Madame la Dauphine замѣтила, что король задастъ мнѣ, однако, мнѣ не сказали ни слова. Только нѣсколько разъ, смѣясь, король замѣтилъ: il ne faut pàs bien se jouer à vous sur le chapitre de votre maison. La vie én depend. Я отвѣтила: je n'aime pas les menteries. Другая „пфальцграфиня“ сдѣлалась въ Парижѣ такой же непотребной женщиной, какой была и ея мать. Такъ какъ она, однако, измѣнила свое имя, то я махнула на нее рукой. 25 окт. 1720 г.“.

Подобными жалобами изобилуютъ вообще письма Елизаветы Шарлотты, а эта дама принадлежала, несомнѣнно, еще къ наиболѣе умнымъ представителямъ этой породы.

Мстительное отношеніе маленькихъ деспотовъ къ своимъ антагонистамъ прекрасно характеризуется такимъ позорнымъ фактомъ, какъ десятилѣтнимъ заточеніемъ Шубарта въ крѣпости Гогенасперпъ. Можно ограничиться этимъ примѣромъ.

Божьей милости нѣтъ предѣла, и когда раскрывается Его щедрая рука, она положительно осыпаетъ своимъ благословеніемъ голову осчастливленныхъ. Не менѣе расточителенъ и щедръ поэтому и самодержавный государь. Въ этомъ отношеніи неосновательна острота Галіани: „Добродѣтель монарха подобно дѣвственности: представленіе о ней пріятнѣе ея обладанія“. Изъ всей идеологіи абсолютизма логически вытекаетъ, что эти милости предназначались исключительно для дворянства и ни одинъ ихъ лучъ не касался простого народа. Послѣ всего вышесказаннаго нѣтъ надобности болѣе подробно обосновать это положеніе.

Въ 15 лѣтъ (1774—1789) Людовикъ XVI истратилъ круглымъ счетомъ 228 милл. ливровъ на подарки дворянству, изъ которыхъ 80 милл. пошли на его собственную семью. Нетрудно видѣть, какъ выгодно было пользоваться дружбой королевской фамиліи. Краснорѣчивымъ доказательствомъ можетъ служить благословеніе, покоившееся на семействѣ Полиньякъ. Герцогиня Полиньякъ была интимнѣйшей подругой Маріи-Антуанеты, и это было настолько выгодно, что ея семья пользовалась благодаря милости королевы ежегодной

пенсiей въ 700,000 ливровъ. Самъ герцогъ Полиньякъ получалъ ежегодную ренту въ 120,000 ливр,. а однажды расписался въ полученiи въ подарокъ 120,000 ливр. на покупку имѣнiя: бѣднякъ не выносилъ городского воздуха.

Не менѣе щедры были предшественники Людовика XVI. Пфальцграфиня Лиза-Лотта сообщаетъ, ухмыляясь, о миллiончикѣ, который ей подарилъ ея щедрый любвеобильный сынъ. Она пишетъ (1 сент. 1719): „Мой сынъ сдѣлалъ меня теперь богаче и увеличилъ мою пенсiю на 150,000 ливр.“ А менѣе, чѣмъ четверть года спустя (28 ноября 1719) она снова сообщаетъ: „Сынъ подарилъ мнѣ на 2 милл. ливровъ акцiй на постройку дворца“. Эти люди умѣли прикарманивать деньги, а карманы ихъ были поистинѣ бездонны.

А кромѣ той заслуги, что Провидѣнiе въ образѣ маленькаго государственнаго переворота сдѣлало ея сына регентомъ Францiи, другихъ у нея совершенно не имѣлось. Эта дама тратила на хозяйство ежегодно 300,000 ливровъ, а она была еще одной изъ наиболѣе экономныхъ. Впрочемъ, тогда и вообще не скупились. Когда смѣнившая сантиментальную Лавальеръ г-жа Монтеспанъ получила послѣ десятилѣтней вѣрной службы въ свою очередь отставку, то чтобы ее утѣшить, ей назначили ежегодную пенсiю въ 1000 луидоровъ. „Эта метресса,—писалъ одинъ современникъ,—стоила Францiи втрое болѣе, чѣмъ всѣ ученые Европѣ“. Эти слова вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно показываютъ, какъ скупо относился абсолютизмъ къ наукѣ. Не менѣе хорошо устраивались обыкновенно и любовники въ отставкѣ. Достаточно напомнить, какiя огромныя суммы получали бывшiе фавориты Екатерины II.

Мелкiе государи подражали и въ этомъ отношенiи крупнымъ. Во всѣхъ странахъ приспѣшники абсолютизма проглотили несчетные миллiоны. Виртембергскiй герцогъ Карлъ-Евгенiй любилъ дарить приглашеннымъ на праздникъ дамамъ котильонные ордена въ видѣ драгоцѣнныхъ украшенiй. Однажды это развлеченiе обошлось ему ровно въ 100,000 гульд.: такую сумму онъ раздарилъ въ какiе-нибудь четверть часа. А Августъ Сильный обыкновенно вручалъ

дамамъ, пользовавшимся его благосклонностью, для перваго знакомства букеты изъ рубиновъ и алмазовъ.

Даже въ экономной Пруссіи царили безумные привычки и пріемы. Предпринятая въ 1796 г. подъ эгидой Фридриха-Вильгельма II „германизація“ Польши была ничѣмъ инымъ, какъ грандіознымъ мошенничествомъ, причемъ въ данномъ случаѣ несущественно, что отъ него пострадало преимущественно польское дворянство и духовенство, безсовѣстно обираемыя. Приведемъ для характеристики слѣдующее описаніе этого пріема.

„Товарищество Гоймъ, Бишофсвердеръ, Трибенфельдъ и Рицъ— „правительство“ Фридриха-Вильгельма II—работало слѣдующимъ образомъ. Оцѣнивъ конфискованныя польскія имѣнія значительно ниже ихъ стоимости, оно или передавало ихъ даромъ (какъ „дарованныя помѣстья“), или же продавало по фиктивной цѣнѣ „добрымъ нѣмецкимъ сельскимъ хозяевамъ“, готовымъ заплатить хорошіе на-чаи. А новые владѣльцы спѣшили перепродать имѣнія всѣмъ, кто только подвертывался, все равно: полякамъ, евреямъ, русскимъ, туркамъ, если только могли разсчитывать получить за свои имѣнія полную рыночную стоимость. Вотъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи этой удивительной коммерческой аферы. Бишофсвердеръ получилъ въ подарокъ имѣніе, стоившее будто бы 18,000 тал., на самомъ же дѣлѣ 191,000, и перепродалъ его за 115,000. Тайный совѣтникъ фонъ-Гольдбекъ получилъ за подаренное ему имѣніе, цѣною, будто бы, въ 28,000 тал. сразу 80,000. Графъ Люттихгау продалъ имѣніе, оцѣненное въ 84,000 тал., за 800,000. Кромѣ того, онъ „купилъ“ за 26,000 тал. восемь помѣстій, одно изъ которыхъ было вскорѣ оцѣнено въ 90,000 тал. Не довольствуясь „даровыми имѣніями“, генералъ-майоръ фонъ-Кухель „купилъ“ еще помѣстье за 30,000 тал. и сейчасъ же перепродалъ его за 130,000 тал. Блюхеръ также получилъ нѣсколько значительныхъ помѣстій, которыя онъ спустилъ одному эльбингскому купцу за 140,000. Впрочемъ, слѣдуетъ признать, что товарищество Гоймъ и К° дѣлало дѣла не только съ юнкерами, но и не забывало „канальи“—адвокатовъ, купцовъ, владѣльцевъ гостиницъ и т. д.,—конечно, если они платили хорошіе на-чаи. Одинъ вто-

Сентъ-Обэнъ: **Галантный аббатъ.**

Буалли: **Тайное свиданіе.**

Грезъ: **Молодая дѣвушка.**

ростепенный приспѣшникъ Трибенфельда и Рица, владѣлецъ галантерейной лавки, Тресковъ получилъ разрѣшеніе „скупить“ на 80,000 тал. помѣстій, стоившихъ по меньшей мѣрѣ 350,000, и удостоился за подобный патріотическій подвигъ еще и дворянства“.

Лишь въ одномъ отношеніи земные боги эпохи абсолютизма отличались отъ своего небеснаго образца: сколько они не напрягались, творить чудеса они не умѣли. Дѣлать изъ ничего золото,—этотъ экспериментъ не удался ни одному изъ нихъ. А такъ какъ даже такіе хитроумные планы, какъ упомянутая мысль Людовика XIV объявить всякую собственность собственностью короны, разбивались о безжалостную логику фактовъ, то поневолѣ приходилось изыскивать другіе пути. И они дали въ концѣ-концовъ больше, чѣмъ могли дать экспропріація или сдача въ аренду земли, принадлежавшей бюргерамъ и крестьянамъ. Доказательствомъ можетъ служить хотя бы политика займовъ, практиковавшаяся министромъ Колоннъ, назначеннымъ въ 1783 г. Людовикомъ XVI министромъ финансовъ. Ему удалось въ какіе-нибудь три года, когда онъ стоялъ у кормила власти, мошенническимъ образомъ выманить у Франціи колоссальную сумму въ 650 милл. ливр.,—сумма для того времени прямо баснословная. И всѣ эти деньги стекались въ королевскіе карманы или по крайней мерѣ большая ихъ часть шла этой дорогой.

Первое средство, всюду пущенное въ ходъ абсолютизмомъ, чтобы получить суммы, необходимыя для его потребностей, состояло въ произвольномъ назначеніи новыхъ налоговъ. Все рѣшительно подвергалось обложенію, и одинъ налогъ слѣдовалъ за другимъ. Желая обезпечить себѣ полученіе налоговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить себя отъ необходимости организовать поборы, французскіе короли придумали геніальный съ виду методъ—систему откуповъ, институтъ генеральныхъ откупщиковъ. Они вербовались, естественно, изъ рядовъ придворныхъ креатуръ, и съ ними заранѣе сговаривались относительно суммы, которую они должны были внести въ королевскія кассы. Въ 1787 г. существовало 44 откупщиковъ, вмѣстѣ вносившихъ въ государственное казначейство 138 милл. Взамѣнъ какъ этой суммы, такъ и организаціи податного сбора они получали

привилегію по собственному усмотрѣнію увеличивать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ цифру налога.

Въ результатѣ народъ долженъ былъ платить вдвое больше, чѣмъ вносилось въ кассу короля.

Разумѣется, отсюда не слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ назначеніемъ и сборомъ податей завѣдовало само государство, бремя налоговъ было менѣе тягостнымъ. Въ Пруссіи „контрибуція", которой были обложены крестьяне, колебалась въ зависимости отъ провинцій между 33½ и 45% дохода. Другими словами: каждая гуфа земли была обложена восемью тал., тогда какъ помѣщикъ платилъ съ нея менѣе двухъ тал. А изъ оставшихся на его долю жалкихъ остатковъ крестьянинъ долженъ былъ платить почти столько же всякихъ другихъ повинностей. Это, конечно, не мѣшаетъ Фридриху II фигурировать въ „историческихъ" трудахъ придворныхъ историковъ въ качествѣ „мужицкаго короля".

Однако, налоги не пополняли и на половину королевскихъ кассъ, потребности которыхъ возрастали обратно пропорціонально доходамъ. Абсолютизмъ долженъ былъ поэтому организовать форменный грабежъ народнаго кармана. Онъ кромѣ того поддерживалъ открыто или тайно тѣ махинаціи, при помощи которыхъ капиталисты-эксплоататоры особенно успѣшно наживались во время голода или другихъ подобныхъ бѣдствій, пользуясь народной нуждой для выгодныхъ аферъ.

Провозгласить продажность всего, чѣмъ король могъ распоряжаться, было самымъ естественнымъ и близкимъ средствомъ получить деньги. Поэтому всѣ должности не передавались, а продавались подобно тому, какъ нѣкогда папство продавало съ аукціона церковныя должности. Само собой понятно, что тѣмъ самымъ каждая должность становилась источникомъ и средствомъ эксплоатаціи. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Ни одна служебная функція отнынѣ не исполнялась безъ предварительныхъ поборовъ. Кромѣ того, каждый обыватель былъ обязанъ безпрекословно подчиняться всякому проявленію „служебнаго" рвенія. Бѣднякъ долженъ былъ позволить осмотрѣть свои винныя бочки и платить за нихъ, даже

въ томъ случаѣ, если онѣ давно уже развалились и онъ давно уже по бѣдности не лакомился виномъ.

Въ то же время всякая должность была провозглашена государственной службой. „У городовъ отняли ихъ автономію, и если города не выкупали ея, то городскія должности превращались въ государстественныя, само собой понятно, за счетъ самого же городского населенія, которое должно было ихъ содержать“. Такъ поступали впродолженіи столѣтій французскіе короли, Габсбурги, Гогенцоллерны, а съ ними вся армія мелкихъ государей. Получить должность могъ уже только тотъ, кто платилъ больше другихъ. Не было надобности доказывать наличность способностей для данной должности. Дуракъ побѣждалъ генія, если у него былъ туго набитый кошелекъ.

Содержатель дома терпимости могъ сдѣлаться совѣтникомъ консисторіи, и такихъ случаевъ было немало. Завѣдомые идіоты назначались совѣтниками. Мошенники и жулики получали мѣсто бургомистра или судьи. Лакеи становились директорами театровъ и т. д. Въ одномъ рескриптѣ Карла-Евгенія Виртембергскаго, данномъ на имя Витледера, завѣдовавшаго торгомъ должностями, объ одномъ покупателѣ,—претендентѣ на должность,—говорится довольно откровенно: „Хотя таланта у него нѣтъ, но зато онъ честный человѣкъ, а 4,000 гульд.—сумма порядочная“. Отецъ Юстинуса Кернера купилъ свою должность за 6500 гульд. и всю жизнь не могъ раздѣлаться съ долгами.

Въ Виртембергѣ каждый вновь назначенный чиновникъ долженъ былъ подписать слѣдующую бумагу, прежде чѣмъ вступить въ отправленіе своей должности:

„Если его герцогское величество соизволитъ принять на службу нижеподписавшагося, то послѣдній имѣетъ честь симъ предложить всеподданнѣйше сумму такую-то... и немедленно ее уплатить“ (Слѣдуетъ подпись).

Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I неоднократно руководился при назначеніи на ту или другую должность соображеніемъ „кто больше дастъ“. А если на какую-нибудь должность не нахо-

дилось любителя, то ее просто предлагали первому попавшемуся богачу, а если тотъ осмѣливался отказаться отъ предложенной ему „чести“, то въ Германіи онъ рисковалъ попасть въ крѣпость, а во Франціи—въ Бастилію, „пока не научится лучше цѣнить благосклонность его величества“.

Такъ какъ этотъ пріемъ оказался чрезвычайно выгоднымъ, а, съ другой стороны, недостатокъ въ деньгахъ никогда не прекращался, то число мѣстъ постоянно увеличивалось или же придумывались самыя нелѣпыя должности. Если раньше въ какой-нибудь коллегіи засѣдало четверо или восемь совѣтниковъ, то ихъ число доводили до 12, 24 и даже больше. При Людовикѣ XIV были, между прочимъ, созданы слѣдующія важныя должности: осмотрщика поросятъ и свиней, париковъ, свѣжаго масла, соленаго масла, кирпичей счетчика сѣна, контролера дровъ, винъ, продавца снѣга и т. д. И каждая должность продавалась сразу десятку или сотнѣ желающихъ. Въ одномъ Парижѣ было не менѣе 900 контролеровъ винъ. Такимъ способомъ при Людовикѣ XIV удалось въ какіе-нибудь 15 лѣтъ (1700—1715) обогатить королевскую казну суммой въ 5½ милліоновъ ливровъ.

Однако, лучшимъ средствомъ улучшенія финансовъ абсолютизму казалось ухудшеніе монетной системы. Въ самомъ дѣлѣ: что могло быть проще—стоило только уменьшить размѣръ и вѣсъ талера, гульдена и зильбергрошена, и изъ той же массы металла можно было получить гораздо больше денежныхъ знаковъ. Въ одну ночь бѣднякъ могъ стать Крезомъ. И, потому, къ этой процедурѣ постоянно возвращались, впрочемъ, уже съ самаго возникновенія денежнаго хозяйства. До царствованія Людовика XV номинальная цѣнность серебряной монеты мѣнялась во Франціи не болѣе и не менѣе, какъ 250 разъ, а золотой—150. Насколько подобная процедура была порой выгодна, доказываетъ великая перечеканка 1709 г., которая принесла казнѣ болѣе 50 милл. ливровъ. Немудрено, что въ моменты кризиса почти всѣ абсолютные монархи прибѣгали къ этой хитроумной уловкѣ. Въ связи съ указаннымъ средствомъ находился другой излюбленный трюкъ: слѣдуемыя казнѣ

суммы, какъ-то налоги, залоги и т. д. уплачивались полновѣсной монетой, тогда какъ казна уплачивала, напр., жалованье ухудшенной монетой. Особенно Фридрихъ II обнаруживалъ въ этой области блестящій финансовый геній.

А когда и это средство не спасало изъ затруднительнаго положенія, то не стѣснялись переходить и къ открытому грабежу. Такъ, напр., во Франціи въ 1689 году былъ изданъ указъ о передачѣ подъ страхомъ тяжелаго наказанія въ распоряженіе королевскаго монетнаго двора всей серебряной мебели, бывшей въ модѣ во второй половинѣ XVII в. Спекулировать на народной нуждѣ было также часто испытаннымъ средствомъ. Такъ какъ во Франціи въ періоды неурожая спекулянты—цѣлыя компаніи, скупавшія весь хлѣбъ на рынкѣ, послѣдствіемъ чего былъ систематическій голодъ,—наживали огромныя деньги, то Людовикъ XV примкнулъ къ „заговорщической шайкѣ“ и ростовщической торговлей хлѣбомъ обезпечилъ своей казнѣ чрезвычайно обильный источникъ дохода. Теперь извѣстно, что Людовикъ XV былъ главнымъ акціонеромъ компаніи Малиссэ, занимавшейся скупкой хлѣба, а въ реестрахъ придворныхъ штатовъ встрѣчается спеціальный казначей по части „хлѣбныхъ спекуляцій его величества“.

Государямъ, естественно, подражали ихъ клевреты. Герцогиня Орлеанская сообщаетъ о г-жѣ Ментенонъ: „Когда она увидѣла, что хлѣбъ не уродился, она дала приказъ скупать его на всѣхъ ярмаркахъ. Люди умирали съ голода, а она нажила массу денегъ“. Понятно, что Людовикъ XV не былъ сторонникомъ свободной торговли хлѣбомъ,—какъ все, такъ и она была монополизирована. Хроническій голодъ народа казался ему самымъ счастливымъ положеніемъ, ибо по идеологіи абсолютизма выходило, что счастье народа заключается исключительно въ счастьѣ государя, дарованнаго ему Богомъ.

Всѣ подобныя средства были, однако, выгодны только въ значительныхъ странахъ. Непосредственная эксплоатація народа путемъ налоговъ, продажей должностей, монополій и т. д. ограничена въ маленькихъ странахъ еще больше, нежели въ крупныхъ. И

потому, мелкіе государи, подражавшіе великолѣпію короля-солнца, были вынуждены изобрѣтать совсѣмъ особые пріемы эксплоатаціи народа, отданнаго во власть ихъ произвола. Наиболѣе выгоднымъ такимъ средствомъ оказалась продажа людей, продажа собственныхъ подданныхъ воевавшимъ государствамъ, особенно Голландіи и Англіи, нуждавшимся для своихъ убійственныхъ колоніальныхъ войнъ все въ новыхъ солдатахъ, которыхъ они не могли найти у себя на родинѣ. Такая торговля людьми была еще нѣсколько гнуснѣе обычая за извѣстную субсидію отдавать свои войска Франціи или Англіи или обѣщать не двигать ихъ противъ нихъ.

Наиболѣе усердными торговцами людьми были въ Германіи: ландграфъ Вильгельмъ Гессенскій, наслѣдный принцъ Брауншвейгскій, мучитель Лессинга, и герцогъ Карлъ-Евгеній Виртембергскій, палачъ Шубарта. Мы преднамѣренно сказали: только наиболѣе усердными. Ибо продажа собственныхъ подданныхъ была впродолженіи многихъ лѣтъ излюбленнѣйшей „финансовой реформой“ цѣлаго ряда мелкихъ деспотовъ... Вообще торговля людьми была однимъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ фундаментовъ нѣмецкаго мелко-калибернаго деспотизма. Въ періодъ 1776—1782 гг. брауншвейгскій герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ продалъ не болѣе и не менѣе, какъ 5,723 чел. на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

„Герцогъ Брауншвейгскій обязуется предоставить корпусъ въ 4,300 чел. пѣхоты и легкой кавалеріи англійскому правительству, взамѣнъ чего послѣднее обязуется выплачивать субсидію со дня ратификаціи договора, при томъ простую, ежегодно въ размѣрѣ 64,500 нѣм. тал., впродолженіи всего того времени, пока войско будетъ состоять на англійской службѣ и получать жалованіе. Съ того момента, какъ войска перестанутъ находиться на жалованіи, субсидія должна быть удвоена, т.-е. достигнуть 129,000 тал., и эта удвоенная субсидія должна выплачиваться еще два года по возвращеніи войскъ въ Германію. Кромѣ того, герцогъ получалъ еще по 30 тал. за каждаго солдата, какъ вознагражденіе за расходъ по вербовкѣ, а за каждаго убитаго и за каждыхъ трехъ раненыхъ по 40 тал.“.

Изъ числа проданныхъ по этому тарифу подданныхъ браун-швейгскаго герцога въ 1783 г. на родину вернулось только 2,708 человѣкъ,—итакъ, погибло 3,015. Впрочемъ, не всѣ они пали на полѣ битвы, многіе изъ нихъ погибли самымъ жалкимъ образомъ въ Америкѣ. Благородный покровитель Лессинга далъ приказъ бросить изувѣченныхъ и раненыхъ на произволъ судьбы, разумѣется, чтобы увеличить кровавое жалованіе, получаемое имъ отъ Англіи. Такимъ путемъ герцогъ-спекулянтъ извлекъ во имя удовлетворенія своихъ похотливыхъ вожделѣній троякую выгоду изъ этихъ несчастныхъ: сначала онъ продавалъ ихъ здоровое тѣло, потомъ бралъ за ихъ увѣчья и раны и, наконецъ, экономилъ на содержаніи инвалидовъ, предоставляя бѣднякамъ, потерявшимъ свою трудоспособность, погибать на чужбинѣ. Неудивительно, что подобная славная „финансовая реформа“ доставила ему 5 милл. чистаго дохода (Мерингъ: Легенда о Лессингѣ).

Быть можетъ, еще болѣе чувствительнымъ и благороднымъ человѣкомъ былъ герцогъ Виртембергскій, такъ какъ онъ продавалъ даже собственную кровь и плоть африканскимъ мясникамъ, главнымъ поставщикомъ которыхъ онъ долго состоялъ за голландскія деньги и во имя голландскихъ интересовъ. Среди солдатъ, поставляемыхъ имъ по договору въ Капштатъ, было немало его незаконныхъ дѣтей, носившихъ всѣ фамилію: Франкемонъ. Само собой понятно, что виртембергскій работоторговецъ продавалъ своихъ собственныхъ дѣтей не по той цѣнѣ, по которой отпускалъ сыновей мужиковъ... За такой товаръ, да еще за такое самопожертвованіе приходилось платить больше. Они фигурировали поэтому въ качествѣ офицеровъ. Смотря по чину, за нихъ платили втрое или еще больше, чѣмъ за простого рядового. Извѣстно, что одинъ изъ этихъ Франкемонъ погибъ въ пустынѣ, другой—Фридрихъ—нашелъ только послѣ 13-лѣтнихъ страшныхъ мукъ и страданій дорогу домой, будучи вообще однимъ изъ немногихъ несчастныхъ, вернувшихся на родину. Большинство (за исключеніемъ тѣхъ умниковъ, которые дезертировали еще въ пути) умерли въ Батавіи отъ чумы.

При оцѣнкѣ этой позорной торговли людьми необходимо имѣть въ виду, что только сравнительно небольшая часть запроданныхъ за границу солдатъ состояла изъ добровольцевъ. Огромное большинство вербовалось насильно. Частью это были подданные, обязанные отбывать воинскую повинность, частью ихъ брали тѣмъ же способомъ, которымъ впослѣдствіи рабовладѣльцы добывали себѣ черный товаръ. Изъ года въ годъ многіе юноши и мужчины захватывались въ полѣ во время работъ или же ночью въ постели, другихъ спаивали и насильно уводили... А кто попадалъ въ когти вербовщиковъ, для того уже не было спасенья. Въ тысячѣ семействъ, гдѣ были взрослые сыновья или отецъ еще находился во цвѣтѣ силъ, каждый вечеръ ложились спать не иначе, какъ дрожа отъ страха. Надо себѣ живо представить всѣ трюки этой единственной въ своемъ родѣ „финансовой реформы", чтобы понять истинную сущность нѣмецкаго мелкокалибернаго абсолютизма. Но, какъ уже замѣчено, все это въ высшей степени логично. Доктрина абсолютизма сама собой приводила къ этому. Историческая ситуація, сдѣлавшая абсолютизмъ возможностью, снабдила его аттрибутами всемогущества.

Въ идейной области этотъ фактъ приводилъ къ тому убѣжденію, что государство и въ особенности народъ не имѣютъ никакой иной цѣли существованія, какъ только повышать возможность наслажденія жизнью облеченному властью государю и его двору, и притомъ въ такой степени, въ какой этого потребуютъ ихъ индивидуальный капризъ.

Такъ какъ подданные существуютъ исключительно для государя, то любая его прихоть, одинъ часъ счастья въ его жизни не слишкомъ дорого оплачены даже непрекращающимся горемъ десяти тысячъ низкорожденныхъ. Въ Германіи и Франціи, напр., въ извѣстное время года крестьяне были обязаны пріостанавливать полевыя работы, чтобы не мѣшать фазанамъ и рябчикамъ выводить птенцовъ. Что за бѣда, если то-и-дѣло погибалъ весь урожай или часть его, если крестьянинъ не могъ расчитывать ни на возмѣщеніе убытковъ, ни даже на пониженіе налоговъ! Если еже-

Аугсбургская картина модъ.

Мода 1785 г.

Буальи: Поцѣлуй.

годно тысячи буквально умирали голодной смертью, то это нисколько не тревожило христіаннѣйшаго короля.

Въ тотъ самый годъ, когда Людовикъ XIV истратилъ милліоны на роскошныя постройки, населеніе Дофины питалось травой и корой, и въ отвѣтъ на горе и отчаяніе голодныхъ въ лучшемъ случаѣ раздавалась ироническая фраза: „Что-жъ!—кора пища недурная". Меню нѣмецкихъ крестьянъ очень часто состояло изъ однихъ этихъ лакомствъ. Въ городахъ дѣло обстояло не лучше, чѣмъ въ деревняхъ. Даже больше: здѣсь нищета достигала крайняго предѣла. Изъ 1¼ милл. нищихъ, насчитывавшихся во Франціи въ 1777 г., на одинъ Парижъ приходилось 120,000,—т.-е. $^1/_6$ всего населенія. Никогда соціальныя противоположности не выступали такъ наглядно. Одни умирали съ голода или жизнь ихъ была медленной голодной смертью, а другіе тонули въ изобиліи и— разлагались.

Трагизмъ положенія еще увеличивался тѣмъ, что только незначительная часть буржуазіи, дворянства и духовенства могла предаваться и, въ самомъ дѣлѣ, предавалась той безумной расточительности, въ которой усматривали тогда характерный признакъ привилегированныхъ классовъ. Хотя общество эпохи стараго режима распадалось по существу именно на эти три главныхъ сословія, однако внутри каждаго изъ нихъ существовали рѣзкія противоположности, и только незначительные слои каждаго изъ нихъ могли участвовать въ описанныхъ „выгодахъ" абсолютизма.

Во Франціи, напримѣръ, дворянство состояло во второй половинѣ XVIII вѣка изъ 30,000 семействъ, всего 140,000 человѣкъ, однако, пользоваться благами режима могла только та часть, которая отказалась отъ своихъ прежнихъ феодальныхъ занятій и добровольно опустилась до уровня придворной знати, исполняя съ виду обязанности преторіанцевъ, а на самомъ дѣлѣ лишь функціи высшихъ лакеевъ. Впрочемъ и эта послѣдняя служба была лишь фиктивной. Но и этой фикціи было достаточно, чтобы придворная знать получала большинство синекуръ, которыми въ каждой странѣ могъ

распоряжаться по собственному усмотрѣнію самодержавный монархъ и которыя были одинаково чудовищны какъ по формѣ, такъ и по доходности. Вѣрнѣе: такая фиктивная служба была необходимымъ условіемъ полученія синекуры, тогда какъ истинныя заслуги были мотивомъ для отказа въ ней.

Такъ какъ положеніе придворной знати покоилось на мнимыхъ заслугахъ, то отсутствіе заслугъ становилось постепенно главной добродѣтелью аристократіи. Какъ монархъ, такъ и дворянство имѣли лишь „прирожденныя", а не „пріобрѣтенныя" права. Доходы были связаны съ титуломъ, а не съ какой-нибудь дѣятельностью. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ каждой странѣ сотни лицъ занимали должности, существовавшія только ради получаемаго жалованія. Истинная заслуга встрѣчала презрѣніе, какъ добродѣтель плебейская. Изъ всего духовенства принимались въ разсчетъ только высшіе сановники, всѣ безъ исключенія принадлежавшіе къ аристократіи. Все ихъ отличіе отъ придворной знати состояло въ томъ, что ихъ синекуры состояли въ приходахъ. Какъ прибыльны порой были эти приходы, видно изъ того, что страсбургскій кардиналъ Роганъ могъ позволить себѣ шутку, добиться путемъ великолѣпнаго ожерелья стоимостью въ 1½ мил. фр. благосклонности Маріи Антуанетты, шутку, инсценированную и использованную ловкимъ мошенникомъ.

Даже если допустить, что число лицъ обоихъ этихъ классовъ, кормившихся и одѣвавшихся по милости короля, постоянно возрастало въ виду того, что развившаяся капиталистическая система производства отрывала все большее число аристократовъ отъ ихъ прежнихъ феодальныхъ занятій, заставляя ихъ путемъ интригъ и подхалимства оспаривать другъ у друга падавшіе съ королевскаго двора куски, если—повторяемъ, допустить даже это, то все же не слѣдуетъ упускать изъ виду, что всегда рѣчь шла въ лучшемъ случаѣ о нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ изъ обоихъ этихъ сословій, т.-е. совершенно ничтожномъ слоѣ населенія. И тоже самое вѣрно и относительно буржуазіи. Здѣсь также рѣчь шла о чрезвычайно тонкомъ пластѣ, именно о представителяхъ финансовой бур-

жуазіи. Промышленный капиталъ не идетъ въ счетъ, такъ какъ производство все еще носило преимущественно мелкій характеръ.

Этотъ незначительный слой современной буржуазіи, — финансовая аристократія—имѣлъ однако очень большее вліяніе на физіономію жизни въ эпоху стараго режима. Роскошь этой части буржуазіи вызывала роскошь дворянства.

Съ точки зрѣнія абсолютистической идеологіи было непростительно, если бы дворянство отставало въ роскоши и расточительности отъ богатой буржуазіи. Въ силу выше описанныхъ финансовыхъ операцій въ буржуазныхъ рукахъ скопились значительныя состоянія, а съ другой стороны, въ эпохи первоначальнаго накопленія роскошь и расточительность считаются всегда высшимъ доказательствомъ богатства. Поэтому финансовая буржуазія отличалась страстью къ небывалой роскоши и стремилась прежде всего къ тому, чтобы въ этомъ отношеніи по крайней мѣрѣ перещеголять аристократію.

Въ роскошной жизни эпохи стараго режима участвовала впрочемъ еще одна группа, а именно всевозможные авантюристы и огромная армія паразитовъ, постоянно терщихся около привиллегированныхъ классовъ. Благодаря наличности этой группы число лицъ, жившихъ въ эпоху стараго режима какъ въ раю кажется значительнѣе, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, такъ какъ эти авантюристы и паразиты, естественно, подражали пріемамъ тѣхъ, кому происхожденіе позволяло ступать по головамъ людей ниже ихъ по рожденію... Но и включая эти промежуточные слои, мы должны сказать, что неопровергнутымъ остается тотъ фактъ, что паразитическій классъ составлялъ въ лучшемъ случаѣ 5% всего населенія въ каждой отдѣльной странѣ.

Возвращаемся къ нашей исходной точкѣ: дабы эти немногіе имѣли возможность исполнять малѣйшій свой капризъ, хотя-бы даже самый безумный, 95% населенія были обречены на голодную смерть или на жизнь среди постоянныхъ лишеній и заботъ. И въ этомъ заключается истинный и глубокій трагизмъ абсолютизма.

Паразитическимъ классамъ и группамъ чужды самыя элементар-

ныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ. Въ доказательство того, какія жестокости позволялъ себѣ абсолютизмъ, не наталкиваясь при этомъ ни на протестъ, ни еще менѣе на противодѣйствіе, приведемъ одно мѣсто изъ переписки герцогини Орлеанской. Она пишетъ:

„Принцъ Конти становится съ каждымъ днемъ все безумнѣе и нелѣпѣе. На одномъ изъ послѣднихъ баловъ въ здѣшней оперѣ онъ насильно беретъ за руку бѣдную дѣвушку, пріѣхавшую изъ провинціи, отрываетъ ее отъ матери, сажаетъ на колѣни, одной рукой придерживаетъ ее, а другой—даетъ ей сто пощечинъ, такъ что кровь хлынула у нея изо рта и носа. Бѣдная дѣвушка плачетъ навзрыдъ, а онъ смѣется, приговаривая: Ne sais je pas bien donner des chiquenaudes. Всѣмъ, видѣвшимъ эту сцену, стало жаль дѣвушки, не сдѣлавшей ему никакого зла. Онъ даже совсѣмъ не зналъ ее. И никто за нее не заступился, такъ какъ никому не охота связываться съ дуракомъ". 3 фев. 1720 г.

„Господская натура" забавлялась и этого достаточно: car tel est notre plaisir.

На всѣ подобныя явленія абсолютизмъ отвѣчалъ одной и той же формулой, все оправдывавшей: таковъ Богомъ созданный порядокъ, не подлежащій измѣненію. И подобная философія, весьма удобная для пользованія настоящимъ, лишала большинство абсолютныхъ государей всякаго предвидѣнія историческихъ послѣдствій.

Изъ тѣхъ же предпосылокъ вытекало ужасное политическое угнетеніе массы въ эпоху абсолютизма, доведенное въ концѣ концовъ до полнаго политическаго безправія. Все зависитъ исключительно отъ Богомъ даннаго государя. Такова постоянно повторяющаяся основная мысль абсолютистическаго права. У народа одно только „право": безропотно подчиняться. Непосредственнымъ послѣдствіемъ подобнаго тезиса явилось убѣжденіе, что нѣтъ большаго преступленія, какъ сомнѣніе въ законности этого режима или стремленія къ его измѣненію, бунтъ противъ него. Исторія не знаетъ принципа развитія, ея законъ—неизмѣнность всего существующаго: такъ декретировалъ абсолютизмъ. Не меньшимъ преступленіемъ является и

Фрагонаръ: La Gimblette.

Шёнау: **Разбитое зеркало.**

критика поведенія носителя власти. Критика—кощунство Для такого преступника—тюрьма есть слишкомъ мягкое наказаніе.

И не только критика существующаго строя является преступленіемъ. Когда рѣчь идетъ о массахъ, то преступленіемъ надо считать уже самостоятельное мышленіе. Послѣднее излишне и потому прибѣгали къ самому раціональному противоядію: тамъ, гдѣ разумъ обнаруживался, его били палками до смерти. Въ смыслѣ профилактики средство это настолько же простое, насколько и цѣлесообразное, ибо какъ извѣстно, мертвые не мыслятъ. Худшей палкой, которой всюду до смерти колотили разумъ, была цензура. И абсолютизмъ такъ мастерски пользовался цензурой, что Библія и молитвенникъ, а въ католическихъ странахъ еще и легенды о святыхъ были единственными книгами, доступными массѣ въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній. Въ Баваріи, напр., существовало 25,000 церквей и 200 монастырей съ 5,000 монаховъ и—ни одного издателя свѣтскихъ книгъ. Когда однажды одинъ отважный издатель открылъ подобное предпріятіе, ему очень скоро показали, гдѣ раки зимуютъ.

Въ результатѣ, какъ идеологическое отраженіе, господство въ религіи суровѣйшей ортодоксіи, верховная формула которой гласила: „На все воля Божья, безъ которой и воробей не упадетъ съ крыши“. При этомъ ортодоксія выступала съ одинаковой суровостью какъ въ протестантской рясѣ, такъ и подъ католической тонзурой. Іезуиты учили: „Кто хочетъ удостоиться небеснаго блаженства, тотъ долженъ связать разумъ цѣпями“. Въ контекстѣ разумъ значитъ здѣсь: критика существующаго строя.

Нетрудно представить себѣ послѣдствія подобнаго положенія вещей. Наука окаменѣла и задыхалась въ тискахъ пустой формалистики. Вездѣ—не въ однихъ только низахъ—царило невѣроятное невѣжество, господствовали дикія суевѣрія. Угнетенные и покоренные ортодоксіей умы склонялись къ тупой покорности и резиньяціи, нашедшимъ—особенно въ Германіи—свое выраженіе въ піэтизмѣ, доведенномъ до крайности.

„Піэтизмъ былъ послѣдствіемъ 30-лѣтней войны, отраженіемъ въ религіозной области ужасной нищеты, вызванной этимъ крова-

вымъ бичомъ нѣмецкой націи. Въ лицѣ піэтизма нѣмецкое бюргерство заявило во всеуслышаніе о своемъ банкротствѣ: оно хотѣло имѣть дѣло уже не съ землей, а только съ небесами" (Мерингъ). Пріемы же абсолютизма, воцарившагося послѣ тридцатилѣтней войны, не могли освободить душу народа отъ этого кошмара. Напротивъ, абсолютизмъ старался еще закрѣпить его, такъ что въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія массы совершенно отчаивались, что на землѣ когда-нибудь взойдетъ лучшее будущее. Земля стала долиной скорби. Религіозныя общины братьевъ и сестеръ всюду возникавшія въ XVII в., эти похотливыя отпрыски сектантства, были продуктомъ этого всеобщаго отчаянія.

Было бы необычайнымъ чудомъ, если бы въ такой политической и соціальной обстановкѣ остался неподкупленнымъ хотя бы какой-нибудь одинъ органъ государства. А такимъ органомъ государства былъ послѣдній ночной сторожъ. И, конечно, такое чудо не произошло. Такъ какъ каждый чиновникъ покупалъ свое мѣсто, то пользоваться его услугами можно было тоже только за деньги. Отсюда само собой вытекало, что—ограничимся лишь областью правосудія—оберегались всегда лишь права того, кто больше платилъ. Поэтому только негодяямъ жилось хорошо и только они были въ почетѣ. Человѣкъ же съ характеромъ легко подвергался подозрѣніямъ, проявлять характеръ даже считалось преступленіемъ и каралось соотвѣтствующимъ образомъ. Когда военные совѣтники Коелльнъ и Гербони возстали противъ вышеописанной „германизаціи" Польши, то первый былъ немедленно разжалованъ, а второй, не желавшій прекратить своихъ нападокъ на мошенниковъ, былъ брошенъ въ магдебургскую крѣпость за свои „недозволенныя связи, клонившія къ расшатанію порядка и тишины".

Не мѣшаетъ здѣсь прибавить, что тамъ, гдѣ городскія республики исполняли тѣ же функціи, устанавливались тѣ же формы абсолютнаго режима, приводившія къ тѣмъ же моральнымъ послѣдствіямъ. Достаточно указать на Венецію, абсолютистическое правительство которой не уступало по своей жестокости въ XVII и XVIII вѣкахъ Франціи и Германіи.

Резюмируя все сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что исторія абсолютизма была великою трагедіей европейской культуры и мысль, что для большинства народовъ этотъ скорбный путь былъ исторической неизбѣжностью, можетъ служить лишь ничтожнымъ утѣшеніемъ. Тѣмъ отраднѣе фактъ, что дни абсолютизма нынѣ сочтены во всѣхъ странахъ и что въ виду коренного измѣненія исторической ситуаціи даже временное возрожденіе его господства невозможно.

Если вы спросите, какія же причины обусловили жестокость методовъ абсолютизма и почему эта жестокость всегда была неразрывно съ ними связана, то слѣдуетъ отвѣтить: какъ то, такъ и другое, какъ грубое присвоеніе власти, такъ и не менѣе грубое использованіе этой власти вплоть до послѣднихъ дней ея существованія вытекало изъ вышеизложенныхъ предпосылокъ историческаго положенія вещей. Возникновеніе абсолютизма было, несомнѣнно, исторической необходимостью, а образованіе центральной политической власти было даже значительнымъ прогрессивнымъ явленіемъ.

И однако абсолютизмъ не былъ органическимъ образованіемъ.

Это была политическая форма, не связанная съ общественнымъ процессомъ производства. Только такія политическія формы, которыя такъ или иначе участвуютъ въ производственномъ процессѣ, могутъ быть названы органическими. Абсолютизмъ былъ всегда лишь политической возможностью и потому въ конечномъ счетѣ только паразитомъ на тѣлѣ общественнаго организма: это вѣрно даже для его революціоннаго періода. Абсолютизмъ былъ той политической возможностью, которая вытекала изъ классовой борьбы между восходившими денежными классами и нисходившимъ феодальнымъ міромъ. Онъ былъ тѣмъ смѣявшимся третьимъ, который сумѣлъ использовать въ своихъ собственныхъ интересахъ относительное безсиліе обѣихъ боровшихся за господство силъ.

Такъ какъ этотъ третій могъ обезпечить себѣ свою долю добычи только силою, то историческая ситуація, позволившая монарху съ выгодою для себя уравновѣшивать одинъ классъ другимъ, при-

вела, естественно, къ торжеству грубой силы и постоянно вновь приводила къ нему. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока восходящій классъ—въ данномъ случаѣ буржуазія—не окрѣпъ настолько, что сбросилъ, даже болѣе, долженъ былъ сбросить съ своихъ плечъ этого паразита во имя собственнаго самосохраненія, такъ какъ внѣшняя форма вещей уже не соотвѣтствовала ихъ измѣнившемуся содержанію. Въ Англіи это произошло въ великую революцію 1649 г., во Франціи—въ великую революцію 1789 г.

Прибавимъ для большей ясности: эта борьба никогда не велась, само собой понятно, сознательно. Но отъ этого нисколько не мѣняется результатъ. Въ исторіи рѣшающее, дѣйствительное значеніе имѣетъ внутренняя сокровенная логика вещей, ибо логика вещей всегда сильнѣе нелогичности умовъ. Конечно, знаніе законовъ, которымъ подчиненъ историческій процессъ, упрощаетъ и ускоряетъ историческое развитіе. Но и теперь еще мысль о человѣчествѣ, сознательно творящемъ свою исторію, свѣтитъ намъ лишь впереди, какъ идеалъ.

До сихъ поръ мы старались изобразить типическія черты въ физіономіи политическаго бытія эпохи абсолютизма, набросали такъ сказать его магистральную линію.

Въ рамкахъ этой картины замѣчается самое рѣзкое разнообразіе, въ зависимости отъ неодинаковости экономическаго базиса, на которомъ въ отдѣльныхъ странахъ выстраивался абсолютизмъ. Игнорировать это разнообразіе нельзя. Необходимо отмѣтить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе бросающіяся въ глаза особенности и выяснить ихъ причину, такъ какъ только онѣ позволятъ намъ объяснить неодинаковость культурнаго уровня въ разныхъ странахъ. Почему культура французскаго абсолютизма сіяла такимъ ослѣпительнымъ блескомъ? Почему она стала прообразомъ, вызывавшимъ восторгъ во всей Европѣ? Почему въ Германіи сѣверъ такъ отличался отъ центра и т. д.?

Абсолютизмъ восторжествовалъ сначала въ Испаніи и здѣсь,—

Бодуэнъ: **Тайный визитъ.**

Кевердо: **Молодые ложатся.**

почти столѣтіемъ раньше, чѣмъ въ остальныхъ странахъ,—зародилась и абсолютистическая культура. Первое, что создала Испанія, былъ образъ неприступнаго величія. Эта особенность объясняется тѣмъ, что въ Испаніи власть абсолютнаго монарха была относительно наименѣе ограниченной и потому здѣсь представленіе о величіи, типъ величественнаго монарха могли быть доведены до крайности и стать прообразомъ для всѣхъ странъ и временъ. Въ началѣ XVII в. формы французскаго абсолютизма стали рядомъ съ испанскими, а французскій этикетъ, и французскіе нравы стали повсюду задавать тонъ. Испанія обанкротилась, и ея міровая роль перешла къ Франціи. Франція довела до апогея то, что Испанія начала. Законы французскаго двора заимствовались теперь всѣми дворами. Такъ какъ тѣмъ временемъ борьба за власть окончилась всюду побѣдой абсолютизма, то побѣдное шествіе французскаго абсолютизма было гораздо грандіознѣе испанскаго.

Такъ создались повсюду предпосылки для абсолютистической культуры.

Даже французскій языкъ становится теперь международнымъ, принимается не только дворами, гдѣ офиціально не говорятъ ни на какомъ другомъ языкѣ, но и въ „обществѣ" этотъ языкъ становится обязательнымъ для всякаго, кто хочетъ считаться образованнымъ. Поэтому даже мѣщане говорятъ во всѣхъ странахъ на языкѣ, состоявшемъ наполовину изъ французскихъ словъ и выраженій. Нигдѣ никто не говорилъ безъ того, чтобы не употребить нѣсколько французскихъ фразъ. И то же самое въ литературѣ. Въ высшихъ слояхъ бюргерства дѣтямъ нанимали французскихъ гувернантокъ, обучавшихъ ихъ съ малолѣтства французскому языку и французскимъ нравамъ. Походка, манеры, поведеніе—все должно было быть французскимъ, если хотѣло претендовать на свѣтскость. Только французское достойно удивленія и подражанія, все родное—достойно презрѣнія.

Если въ такомъ обезьяньемъ подражаніи всему иностранному выражается—вообще говоря—фактъ полнаго подчиненія доктринѣ

могущественнаго французскаго побѣдителя—оффиціально Франція господствовала надъ міромъ,—то все же, при оцѣнкѣ этого явленія, не слѣдуетъ все валить въ одну кучу. Если, напр., нѣмецкіе ученые также подражали всему французскому, то здѣсь обнаруживается нѣчто иное, а именно „первая попытка прогрессивныхъ элементовъ общества помочь своему классу выйти изъ бездоннаго болота его бытія“.

И это не трудно понять.

Во Франціи княжескій абсолютизмъ сдѣлался могущественнѣе, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ странахъ, такъ какъ здѣсь онъ располагалъ наиболѣе богатымъ экономическимъ источникомъ и здѣсь концентрація политической власти достигла своей наиболѣе послѣдовательной формы. Парижъ, гдѣ была сосредоточена центральная власть, къ тому же не былъ искусственнымъ созданіемъ. Благодаря своему удобному географическому мѣстоположенію онъ рано сдѣлался узловымъ пунктомъ міровой торговли, а послѣ побѣды абсолютизма — естественной столицей всего абсолютистическаго міра. Матеріальное же превосходство французскаго абсолютизма привело къ его превосходству духовному. Нигдѣ абсолютизмъ не могъ сдѣлаться такимъ щедрымъ заказчикомъ, нигдѣ онъ не могъ, хотя приблизительно, въ такой степени приковать къ своимъ интересамъ всю жизнь, жизнь огромнаго населенія, и пропитать ее своими тенденціями.

Здѣсь поэтому и возникла научная доктрина абсолютизма и здѣсь же онъ получилъ и свое высшее художественное выраженіе въ стилѣ Рококо. Въ Парижѣ абсолютизмъ не только обнаруживалъ свои грабительскія тенденціи, но и имѣлъ, повидимому, также свои свѣтлыя стороны. Такъ какъ въ Парижѣ все доходило до своего предѣла, то здѣсь же зарождались и произрастали также новыя историческія идеи, которымъ предстояло въ будущемъ опрокинуть все зданіе абсолютной монархіи. Это сознавалъ весь міръ, въ особенности же классы, стремившіеся къ эмансипаціи.

Въ виду этого, французская культура настолько превосходила не только нѣмецкую культуру, но и культуру многихъ другихъ

Участь всѣхъ мужей. 1700.

Бодуэнъ: Вечеръ.

странъ, что подняться на такую идеальную высоту было равносильно значительному прогрессу, было равносильно освобожденію отъ своей собственной отсталости. Этимъ въ достаточной мѣрѣ оправдывается французоманія прогрессивныхъ элементовъ другихъ странъ.

Насколько значительны были доходы абсолютизма во Франціи, настолько ничтожны были они въ Германіи. Воплощенная въ абсолютизмѣ политическая центральная власть должна была безусловно опираться на города, если только хотѣла развиваться въ нанаправленіи исторической логики, такъ какъ здѣсь, въ городахъ, были сосредоточены естественные источники его могущества, такъ какъ здѣсь находились денежные классы, способные выносить налоги. Тамъ, гдѣ не хотѣли понять этой логики вещей, тамъ, гдѣ абсолютизмъ опирался на дворянство и дѣйствовалъ въ интересахъ землевладѣльческаго дворянства, результатомъ экономическаго развитія была жалкая нищета. Исторія Германіи тому классическій и столь же печальный примѣръ. Въ Германіи центральная политическая власть укрѣпилась въ отдѣльныхъ странахъ не съ помощью городовъ, а въ разрѣзъ съ ними и въ интересахъ юнкерства. А Германія пребывала вплоть до XIX в. и находилась даже еще въ XIX в. въ жалкой нищетѣ.

Нѣмецкіе князья были скорѣе крупными помѣщиками феодальнаго типа, чѣмъ абсолютными монархами капиталистической эры. Они видѣли въ городахъ не источники своей силы, а лишь частолюбивыхъ и опасныхъ конкурентовъ. Совершенно въ духѣ средневѣковыхъ рыцарей-разбойниковъ, въ болѣе только грандіозномъ масштабѣ, они стремились убить курицу, которая несла золотыя яйца (Мерингъ). Разумѣется, это не единственная причина позднѣйшей нищеты Германіи. Основная причина относится еще къ началу XVI в. и коренится въ измѣненіи торговыхъ путей, вызванныхъ съ конца XV в. открытіемъ морского пути въ Индію. Такъ какъ процвѣтаніе Германіи покоилось не на производствѣ, а почти исключительно на ея функціи посредника—страна являлась главной промежуточной станціей для международной торговли, —

то измѣненіе торговаго пути быстро сгубило ея экономическое развитіе, превративъ ея недавнее богатство въ жалкую нищету. Эта катастрофа еще осложнилась тридцатилѣтней войной, не только вообще ея тяжестью, но и ея фатальнымъ послѣдствіемъ, а именно упроченіемъ политической раздробленности. Препятствуя образованію единой центральной политической власти въ Германіи, война задержала ея превращеніе въ буржуазную страну, въ концѣ-концовъ, правда, неизбѣжное. На тотъ путь, который Англія прошла еще въ 1649 г., а Франція въ 1789 г., Германія вступила только въ 1848 г., да и то весьма нерѣшительно. Въ этомъ было виновато ея неорганическое развитіе.

Уже однѣ эти экономическіе предпосылки вскрываютъ намъ въ достаточной степени печальныя особенности Германіи въ эпоху абсолютизма, объясняютъ намъ, почему она въ періодъ между 1600 и 1770 гг. выбыла изъ строя культурныхъ странъ, почему низшіе классы не жили здѣсь сознательной жизнью, почему революціонная энергія вспыхнула въ нѣмецкомъ бюргерствѣ позже всего, почему нѣмецкое угодничество и нѣмецкое подхалимство вошли, если не въ моду, то въ поговорку и т. д. И подобно тому, какъ отрицательная сторона нѣмецкой жизни объясняется экономическимъ разореніемъ, такъ и единственная положительная черта, тотъ, къ сожалѣнію, неоспоримый фактъ, что грубость нѣмецкихъ деспотовъ также были особаго рода и нигдѣ въ такомъ видѣ не повторялась.

Неимовѣрная тупость и грубость, усѣвшаяся въ эпоху абсолютизма на нѣмецкихъ престолахъ, уже тогда наполняла сердца всѣхъ благомыслящихъ людей ужасомъ и отвращеніемъ. Уже въ началѣ XVIII в. нѣкій графъ Мантейфель, бравый юнкеръ и знатокъ нѣмецкой придворной жизни, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія слова:

„Германія кишитъ князьями, три четверти которыхъ едва обладаетъ здравымъ смысломъ и является бичомъ и позоромъ для человѣчества. Какъ бы ни была мала ихъ страна, они тѣмъ не менѣе, воображаютъ, что человѣчество создано спеціально для

кихъ въ качествѣ матеріала для ихъ глупыхъ затѣй. Считая свое часто сомнительное происхожденіе заслугой, они находятъ лишнимъ или ниже своего достоинства воспитать сердце и образовать умъ. Если присмотрѣться къ ихъ поведенію, то выносишь такое впечатлѣніе, будто они существуютъ только для того, чтобы оскотинить своихъ ближнихъ. Своими нелѣпыми извращенными поступками они разрушаютъ всѣ принципы, безъ которыхъ человѣкъ не достоинъ называться разумнымъ существомъ".

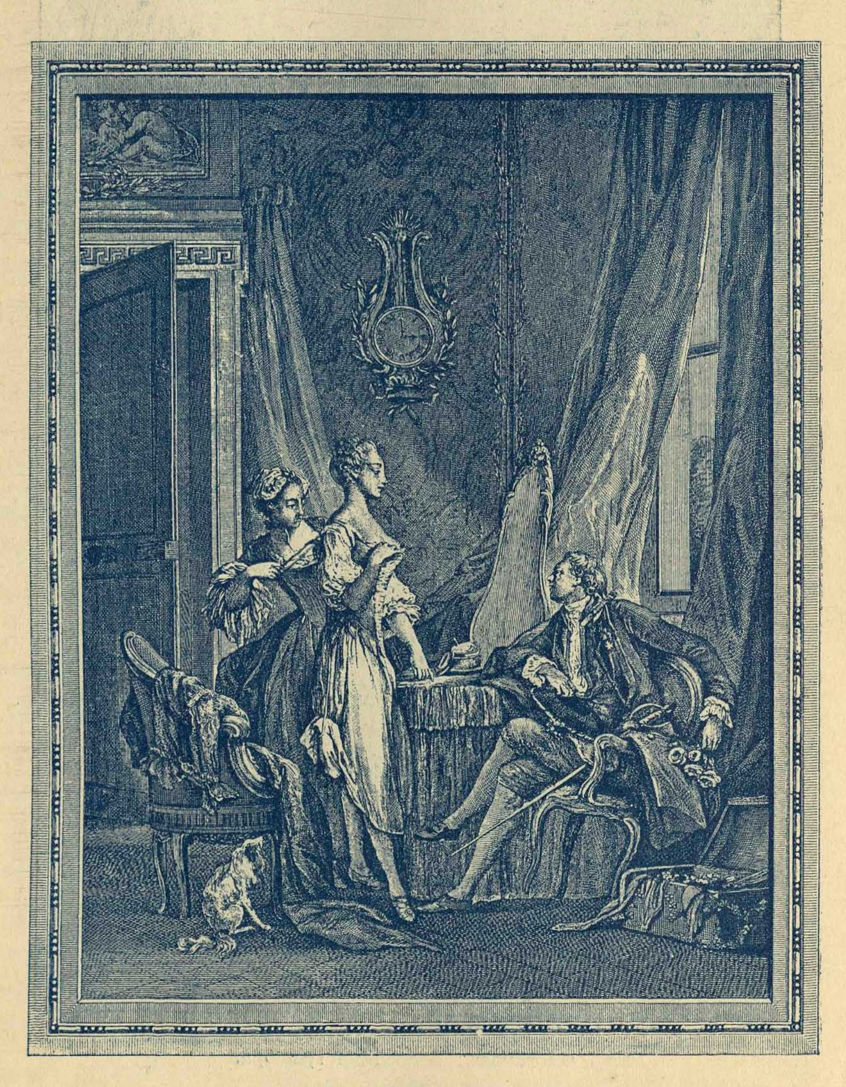
Какъ ни правильна эта характеристика, описанное въ ней положеніе вещей обусловлено печальнымъ экономическимъ состояніемъ Германіи. „Такъ какъ нѣмецкіе князья не могли существовать трудомъ своихъ подданныхъ, то они существовали ихъ кровью". И потому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ исторической, а не съ индивидуальной виной. Даже если бы на нѣмецкихъ престолахъ сидѣли люди совсѣмъ иного пошиба, то они все равно сдѣлались бы такими же отъявленными деспотами. Классъ князей, главнѣйшимъ источникомъ котораго является продажа за границу собственныхъ подданныхъ, классъ, способный существовать только цѣной ежедневной измѣны національнымъ интересамъ, не можетъ породить изъ своей среды образцы добродѣтели, а долженъ стать школой порока.

Не во всей Германіи, конечно, царили одинаковыя условія, напротивъ, между отдѣльными странами и династіями существовали рѣзкія противоположности. Это различіе обусловливалось тѣми же причинами, которыя вознесли Францію надъ другими странами и поставили послѣднія въ зависимость отъ нея. Возьмемъ хотя бы Саксонію и Пруссію.

Саксонія представляла по отношенію къ остальной Германіи и, въ частности, къ Пруссіи то же, что Франція по отношенію къ Германіи. Богатство серебряныхъ рудниковъ сдѣлало Саксонію уже въ концѣ среднихъ вѣковъ наиболѣе цвѣтущимъ и вліятельнымъ государствомъ въ Германіи. Горныя богатства Саксоніи позволяли династіи Веттинъ давать Германіи императоровъ, такъ какъ на ея деньги покупались голоса курфюрстовъ. Германія управля-

лась собственно Саксоніей. Здѣсь поэтому уже въ XVI в. существовала развитая абсолютистическая культура и здѣсь мы находимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и перваго нѣмецкаго свѣтскаго художника, Лукаса Кранаха (младшаго). Такъ „свѣтски", какъ изображалъ младшій Кранахъ женское тѣло, не рисовалъ его ни одинъ художникъ нѣмецкаго Ренессанса. Нигдѣ въ остальной Германіи не было еще необходимыхъ историческихъ предпосылокъ для появленія такого художника. Матеріальное и духовное превосходство Саксоніи надъ остальной Германіей было такъ сильно, что, несмотря на оттѣсненіе саксонской горной промышленности, вызванное эксплоатаціей испанскими конквистадорами мексиканскихъ серебряныхъ рудъ, саксонская культура все же продолжала преобладать въ Германіи. Дрезденъ и Лейпцигъ были такими же органически выросшими городами, какъ Парижъ, и, подобно ему, представляли въ XVII и XVIII вв. кульминаціонныя точки тогдашней культуры. Въ Дрезденѣ была сосредоточена культура художественная, а въ Лейпцигѣ „бюргерство достигло высшаго развитія". Дрезденъ и Лейпцигъ были очагами искусства и науки. Въ Лейпцигѣ почти три десятилѣтія работалъ великій Іоганнъ Себастіанъ въ качествѣ кантора, къ Лейпцигу направили свои шаги, какъ Лессингъ, такъ и Гете. Здѣсь восприняли они наиболѣе яркія впечатлѣнія, здѣсь развился ихъ геній. И именно изъ саксонскихъ университетовъ впервые распространился по Германіи духъ новаго времени.

Напротивъ, большинство остальныхъ нѣмецкихъ столицъ и, прежде всего, Берлинъ, были только искусственными паразитическими образованіями, призванными служить „пышнымъ фономъ для княжескаго абсолютизма". А паразитъ знаетъ только заимствованный блескъ. Въ Берлинѣ XVIII в. все великое бывало лишь, такъ сказать, на гастроляхъ, а не на постоянномъ ангажементѣ. Приговоръ, произнесенный лэди Монтэгю, объѣздившей въ началѣ XVIII в. Германію, надъ столицами, въ родѣ Берлина, правда, грубоватъ, зато тѣмъ точнѣе. „Онѣ похожи на нарумяненныхъ и причесанныхъ проститутокъ, которыя носятъ ленты въ волосахъ, серебряныя пряжки на башмакахъ и—дырявыя нижнія юбки".

Бодуэнъ: **Утренній туалетъ.**

12

Фрагонаръ: **Галантная гравюра.**

И тоже самое можно было бы сказать о нѣмецкихъ университетахъ. Ни одинъ нѣмецкій университетъ не представлялъ тогда столь жалкаго явленія и не находился въ такомъ плачевномъ состояніи, какъ прусскій университетъ Галле. Прочтите воспоминанія магистра Лаукхарта и васъ охватитъ отвращеніе. Никогда въ Германіи народное образованіе не стояло на такой низкой ступени равитія, какъ при Фридрихѣ II. Часто говорятъ въ оправданіе: „сухой песокъ бранденбургской марки былъ безплоденъ“. Это просто трусливая отговорка въ устахъ людей, не желающихъ нащупать истинную причину зла. Нѣтъ, прусскій милитаризмъ, обслуживавшій исключительно династическіе интересы гогенцоллерновъ, явившійся къ тому же лишь въ очень незначительной степени причиной нынѣшняго величія Германіи, поглощалъ здѣсь вдвое больше, чѣмъ въ другихъ странахъ развратъ и роскошь государей. Вотъ единственная и истинная причина указаннаго явленія. Вотъ почему прусская культура была даже и въ XIX в. такой бѣдной, вотъ почему поведеніе всѣхъ отличалось такой грубостью и неотесанностью, а высшимъ шикомъ считалась поддѣльная элегантность кокотки.

Остается еще разсмотрѣть Англію.

Въ силу своей совершенно исключительной исторической ситуаціи Англія, третья первоклассная европейская держава, пережила только короткій періодъ абсолютизма, а именно тѣ три десятилѣтія послѣ великой англійской революціи, которыя извѣстны подъ названіемъ „реставраціи“ и нашли своего представителя на тронѣ въ лицѣ Карла II. Этотъ періодъ англійскаго абсолютизма насъ и будетъ здѣсь преимущественно интересовать. Пока абсолютизмъ процвѣталъ въ Англіи, онъ пускалъ въ ходъ тѣ же пріемы, какъ и французскій. Карлъ II также видѣлъ въ королѣ-солнца свой прообразъ и сравняться съ нимъ было для него высшимъ торжествомъ. Однако въ такой короткій промежутокъ времени англійскій абсолютизмъ не сумѣлъ выработать своей специфической англійской нотки, а въ еще меньшей мѣрѣ смогла французская культура офранцузить англійскую, какъ она офрану-

зила культуру другихъ странъ. И это потому, что революція 1649 г. совершила слишкомъ основательную работу. Компромиссъ характеризуетъ англійскій абсолютизмъ еще въ большей степени, чѣмъ абсолютизмъ континента. Ибо даже въ эпоху реставраціи восходящее бюргарство не позволяло здѣсь ступать себѣ на ногу, а послѣ кратковременнаго правленія Якова II оно окончательно свело свои счета съ королевской властью.

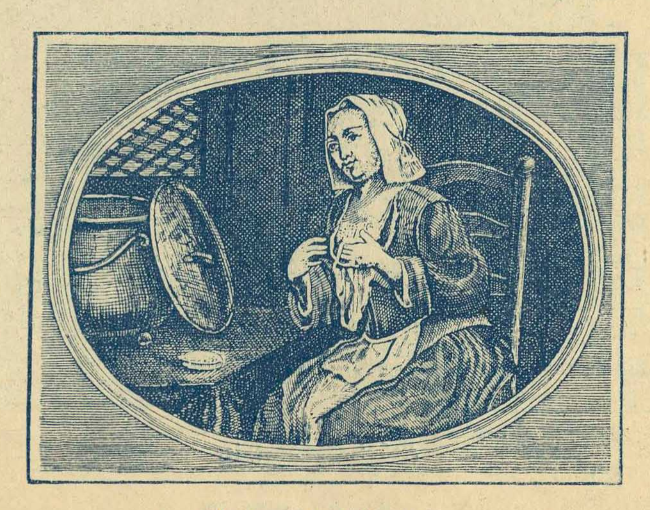
Когда потомъ въ XVIII в. индійскія богатства несмѣтными массами стекались въ Лондонъ, когда англійская буржуазія сдѣлалась богатѣйшимъ классомъ міра, она, правда, была лучшей заказчицей Франціи. Однако экономическая и политическая независимость Англіи воспитала буржуазію въ духѣ самосознанія. Англійская буржуазія могла, правда, позволить абсолютистической культурѣ Франціи пригласить ее къ своему столу, но никогда не позволила бы ей поработить себя.

Скорѣе имѣло мѣсто противоположное явленіе: французская культура подверглась въ Англіи порабощенію, такъ какъ англійскіе экспропріаторы довели ее до смѣшного. Современное буржуазное государство уже расправляло здѣсь свои могучіе члены, а съ тѣмъ вмѣстѣ родилась и буржуазная культура. Правда, родилась она не какъ фениксъ изъ пепла абсолютизма. Она скорѣе выскочила на міровую сцену, какъ веселый арлекинъ, шутки ради сшившій себѣ костюмъ изъ культуры всѣхъ странъ, чтобы крикнуть имъ самодовольно: я вашъ наслѣдникъ.

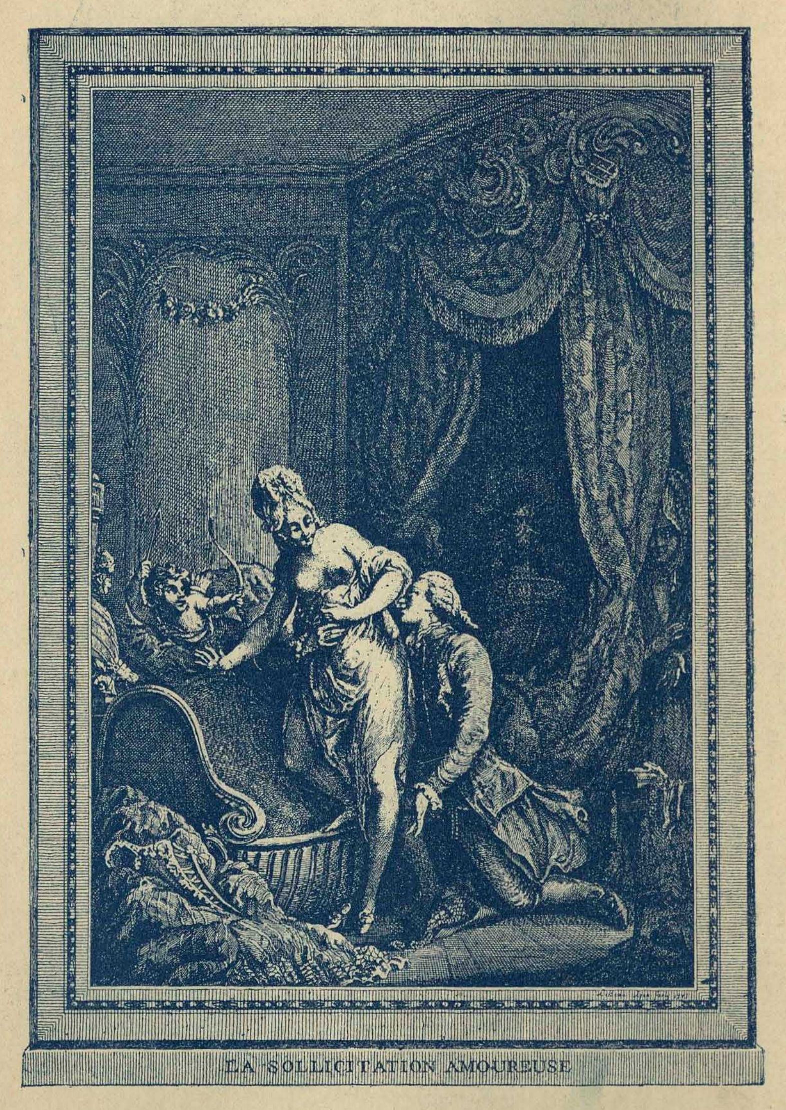
Такъ какъ представленія о жизни носятъ не метафизическій характеръ, т. е. складываются не сами по себѣ,—а всегда являются кристаллизаціей экономическихъ и политическихъ условій, то опредѣленной экономической и политической ситуаціи соотвѣтствуетъ всегда совершенно опредѣленная общая культура.

Мы уже разсмотрѣли главнѣйшія черты порожденной абсолютизмомъ общей культуры. Но для того, чтобы получить для нашихъ дальнѣйшихъ описаній достаточно крѣпкій базисъ, мы

Нескромность. Французская галантная гравюра.

Кокетливая мѣщанка.

Лебо: **Объясненіе.**

должны, указать въ этой вступительной главѣ еще болѣе подробно, чѣмъ было сдѣлано до сихъ поръ, на главнѣйшія общественныя излученія княжескаго абсолютизма.

Къ числу важныхъ для характеристики общей картины эпохи порожденій абсолютизма принадлежитъ возникновеніе *вѣрноподданической психики,* какъ результатъ полнаго политическаго порабощенія народовъ.

Эпоха Ренессанса, возродившая индивидуализмъ, выставила какъ высшую добродѣтель человѣка—самосознаніе личности. Это индивидуалистическое самосознаніе привело къ гражданской гордости со всѣми ея чудесными откровеніями во всѣхъ областяхъ жизни. Такъ какъ культура Ренессанса выстраивалась на гражданской свободѣ, то ея защита считалась почетнѣйшей и высшей обязанностью каждаго. Когда абсолютизму удалось сломить гражданскую свободу и низвести народъ до уровня стада барановъ, то нравственный законъ эпохи перекинулся въ свою собственную противоположность, такъ какъ интересы абсолютизма требовали наличности совсѣмъ иныхъ „добродѣтелей". Отнынѣ нравственнымъ долгомъ каждаго становилось „вѣрноподданическое" подчиненіе власти абсолютнаго государя, а постоянное соблюденіе этого принципа—высшей и похвальнѣйшей добродѣтелью гражданина. Вѣдь держать стадо барановъ въ повиновеніи можно только тогда, когда отдѣльная личность отказывается отъ собственной воли и безпрекословно подчиняется приказаніямъ вожака. Такъ какъ духовное вліяніе на массы, ихъ психическое порабощеніе всегда тѣмъ глубже, чѣмъ ярче обнаруживается господствующая власть въ области политической, то абсолютизмъ этой цѣли достигъ въ совершенствѣ, ибо, какъ извѣстно, никакая другая исторически сложившаяся власть не могла такъ категорически распоряжаться народомъ, какъ именно абсолютизмъ.

Наиболѣе характерной чертой вѣрноподанической психики является принимаемая, какъ нѣчто естественное и само собой понятное, несамостоятельность отдѣльнаго лица: каждый слушается безъ колебанія и безъ раздумья. Люди не вѣрятъ больше въ себя, такъ

какъ у нихъ нѣтъ больше идеаловъ, созданныхъ ими же самими: у нихъ есть только идеалы, навязанные имъ насильно. Поведеніе ихъ поэтому лишено всякаго истиннаго величія, какъ лишена его и общая картина культуры такой эпохи. Люди уже не устанавливаютъ новыхъ вѣхъ, новыхъ цѣлей для человѣчества, они напротивъ услужливо помогаютъ, когда абсолютный монархъ произвольно переставляетъ пограничные столбы своихъ правъ, возводитъ выше валы своего могущества и грубой рукой срубаетъ древо свободы, вокругъ котораго народы плясали въ дни юности въ радостномъ сознаніи своей силы.

„Подданный" изъ принципа трусъ, изъ покорности глупъ и изъ мести подлъ. Въ этомъ всѣ проявленія его жизнеспособности, въ этой сервильности, тогда ставшей массовымъ явленіемъ. Одно неотдѣлимо отъ другого. Тамъ, гдѣ существуютъ „подданные", неизбѣжна сервильность. Сервильность ничто иное, какъ оффиціальная форма подчиненія господину въ полной увѣренности въ законности такого подчиненія. Подданный говоритъ своему господину: „топчи меня, обезчесть меня, унижай меня—для меня все почетъ и наслажденіе; я буду цѣловать ногу, которая ступала по мнѣ, я самъ укажу путь къ моему позору, который для тебя—удовольствіе". И такъ разсуждаютъ всѣ классы. Только форма разсужденія иная въ зависимости отъ того, отличался ли данный классъ раньше развитымъ политическимъ сознаніемъ или нѣтъ.

У простого народа это вѣрноподданическое чувство выражается еще кромѣ того въ безграничномъ никогда не прекращающемся благоговѣніи передъ носителемъ абсолютной власти и въ не менѣе безграничномъ довѣріи. Простой народъ относится къ абсолютизму, какъ къ религіи. Онъ искренно вѣритъ, что господствующій порядокъ—божескій законъ и потому по существу хорошъ, служа къ благу всѣхъ. Страданія, навязываемыя ему абсолютизмомъ, народъ объясняетъ не системой, а только особой злобой даннаго носителя власти. Его единственная, его высшая мечта: чтобы Богъ ниспослалъ ему истинно милостиваго господина. И если случится

это чудо, то все будетъ хорошо. И масса не замѣчала, что это чудо, нигдѣ не совершалось.

Въ верхнихъ слояхъ бюргерства и въ особенности въ восходящей группѣ капиталистовъ духовное порабощеніе абсолютизмомъ, выражалось въ томъ, что дворъ сталъ единственнымъ и высшимъ масштабомъ поведенія. Здѣсь проявляется высшій вкусъ, здѣсь можно найти формулы для всего, что считается благовоспитанностью. И подобно тому, какъ мелкіе государи подражали болѣе ослѣпляющимъ носителямъ абсолютизма, такъ бюргерство въ каждой странѣ подражало обычаямъ, нравамъ и модѣ, царившимъ при данномъ дворѣ. Костюмъ носили только такого цвѣта, который былъ въ ходу при дворѣ, и купцы давали ему соотвѣтствующія названія: bleu royal, à le Reine, à le Dauphine и т. д. Явится у короля фантазія ѣсть черный хлѣбъ и немедленно же всѣ начинаютъ употреблять черный хлѣбъ. Его величество изволило купить въ извѣстномъ магазинѣ два раза подъ рядъ какой нибудь предметъ и сейчасъ же всѣ сходятся на томъ, что нигдѣ нѣтъ такого превосходнаго товара, цѣлыми недѣлями обыватели штурмуютъ лавку осчастливленнаго купца и репутація его упрочена быть можетъ навсегда.

Казанова сообщаетъ слѣдующій характерный случай, который онъ наблюдалъ въ Парижѣ въ 1755 г.

„Мы покинули Палэ-Ройяль и я увидѣлъ массу народа передъ лавкой съ изображеніемъ соболя. Что это значитъ, спросилъ я свою спутницу. Вы будете смѣяться!—отвѣтила она. Всѣ эти добрые люди ждутъ, пока до нихъ дойдетъ очередь купить табакъ.

— Развѣ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не продается табакъ?

— Да нѣтъ, его вездѣ можно купить, но вотъ уже три недѣли всѣ покупаютъ табакъ именно здѣсь.

— Здѣсь онъ развѣ лучше?

— Нѣтъ, вѣроятно хуже. Но съ тѣхъ поръ, какъ герцогиня Шартрская ввела его въ моду, никто не хочетъ покупать другого.

— Какъ же она ввела его въ моду?

— Она остановила раза два свою карету передъ лавкой, чтобы наполнить свою табакерку, и наговорила хозяйкѣ, что ея табакъ

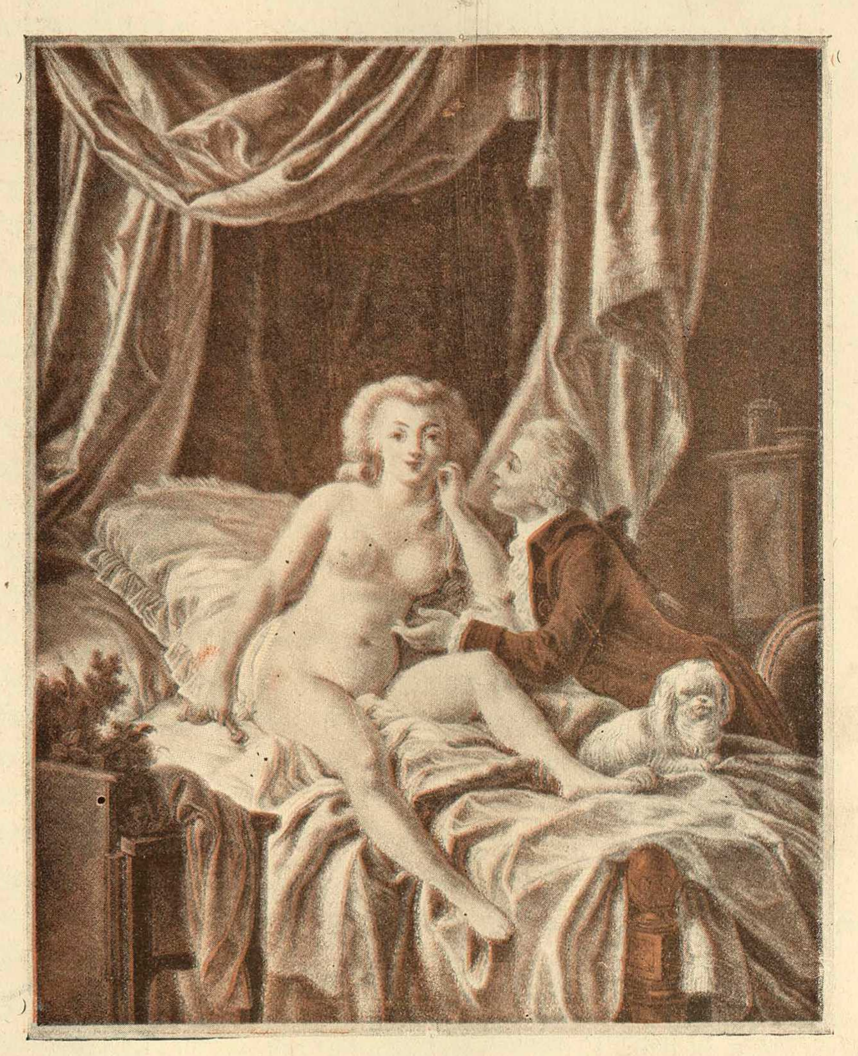
лучшій во всемъ Парижѣ. Праздно шатающіеся гуляки, обыкновенно толпящіеся у каретъ высокопоставленныхъ лицъ, хотя бы они ихъ видѣли сотню разъ или они были уродливы, какъ обезъяны, разнесли по городу слова герцогини и этого было довольно, чтобы поставить на ноги всѣхъ, кто нюхаетъ табакъ въ столицѣ. Хозяйка навѣрное составитъ себѣ цѣлое состояніе, такъ какъ продаетъ въ день болѣе чѣмъ на сто тал. табаку.

Подобное рабское подражанье придворнымъ правамъ, не ограничивавшееся такими мелочами, а простиравшееся на весь жизненный обиходъ, облегчалось мѣщанству все болѣе накоплявшимися въ его рукахъ благодаря развивавшемуся процессу капитализаціи средствами. Если же бюргерство порой становилось сознательно въ оппозицію придворнымъ нравамъ, то это было обыкновенно доказательствомъ скорѣе его бѣдности, чѣмъ силы характера.

Въ особенности сильно и отвратительно обнаружилась эта измѣна классовому сознанію,—а ничѣмъ инымъ было по существу подобное подражаніе придворнымъ нравамъ со стороны бюргерства—у столичнаго населенія, такъ какъ здѣсь оно отчасти выростало изъ низменныхъ коммерческихъ соображеній, изъ надежды сдѣлать выгодное дѣльце, и какъ въ случаѣ, разсказанномъ Казановой, никогда не забывали глядѣть вверхъ, думая про себя: сегодня ты, а завтра—я.

Изъ этого сочетанія вѣрноподданическихъ чувствъ съ коммерческими соображеніями вытекало въ значительной степени то огромное вліяніе, которое оказывала придворная мораль на мораль эпохи вообще, а это вліяніе обнаруживалось въ страшной извращенности опять-таки преимущественно въ столичномъ населеніи. Лордъ Мольмсбюри говоритъ о Берлинѣ 1772 г. слѣдующее:

„Берлинъ—городъ, гдѣ не найдется ни одного честнаго мужчины и ни одной цѣломудренной женщины. Оба пола во всѣхъ классахъ отличаются крайней нравственной распущенностью, соединенной съ бѣдностью, вызванной отчасти исходящими отъ нынѣшняго государя притѣсненіями, отчасти любовью къ роскоши, которой они научились у его дѣда. Мужчины стараются вести развратный

Юэ: Галантная гравюра.

14

образъ жизни, имѣя лишь скудныя средства, а женщины настоящія гарпіи, лишенныя чувства деликатности и истинной любви, отдающіяся каждому, кто готовъ заплатить".

Столь характерный для абсолютизма институтъ метрессъ перенимается какъ придворной знатью, такъ и городской буржуазіей. У кого нѣтъ средствъ содержать любовницу, видитъ въ этомъ позорящую стѣсненность мѣщанскаго существованія, которая унижаетъ его въ глазахъ другихъ. Прусскій „бардъ" Рамлеръ, бывшій учителемъ кадетскаго корпуса въ Берлинѣ, писалъ одному коллегѣ, что онъ положительно „боленъ", такъ какъ у него „нѣтъ средствъ содержать метрессу". Любовница отнюдь не всегда была проституткой: часто это была мать, сестра, жена, даже невѣста друга. Чѣмъ „приличнѣе" дама, тѣмъ дороже стоитъ ее содержать. Позоромъ дамы считается не то, что она любовница, а то, что ея любовникъ можетъ ей дѣлать лишь небольшіе подарки или—что еще хуже—платить только лаской. Впрочемъ, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ будутъ приведены соотвѣтствующіе документы.

Разумѣется, это не значитъ, что классовыя понятія и чувства были совершенно уничтожены и перестали существовать. Совсѣмъ напротивъ. Никогда классовыя отличія въ такой мѣрѣ не культивировались и не вырабатывались, какъ именно тогда. Подобно тому, какъ въ присутствіи короля никто не смѣлъ сѣсть безъ особаго приглашенія, такъ каждому сословію была предписана особая „ливрея", ясно указывавшая на отдѣлявшее его отъ вершины человѣчества разстояніе. Для населенія была установлена самая строгая табель о рангахъ. Что было запрещено дѣлать по отношенію къ монарху придворнымъ, не могла себѣ позволить служанка по отношенію къ госпожѣ, мѣщанка по отношенію къ дамѣ и т. д. Надъ всѣми царило абсолютистическое убѣжденіе, что только съ барона начинается человѣкъ.

Само собой понятно, что при такомъ рѣзкомъ дѣленіи на классы выскочки особенно ярко подчеркивали свое классовое превосходство, подобно тому, какъ мелкіе деспоты настойчивѣе другихъ требовали, чтобы въ нихъ видѣли образъ и подобіе Божье. Это

такъ понятно, потому что претензіи этихъ выскочекъ, считаться въ рядахъ людей высшаго порядка въ большинствѣ случаевъ покоились лишь на милости монарха или могущественнаго министра. Вѣрность королю была поэтому часто ни чѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ страхомъ быть снова изгнаннымъ съ переполненнаго пищей государеваго стола. Циники прямо открыто въ этомъ признавались. Галіани, атташэ при неаполитанскомъ посольствѣ въ Парижѣ, писалъ подругѣ:

„Я люблю монархію, такъ какъ чувствую себя гораздо ближе къ власть имущимъ, чѣмъ къ людямъ плуга. У меня 1500 фунтовъ дохода и я лишусь ихъ, если разбогатѣютъ мужики. Если бы всѣ поступали какъ я и заботилась бы только о своихъ собственныхъ интересахъ, на землѣ жилось бы спокойнѣе. Галиматья и фразы родятся отъ того, что каждый желаетъ во что бы то ни стало обслуживать чужіе, а не свои интересы. Аббатъ Мореллэ пишетъ противъ духовенства, финансистъ Гельвецій противъ финансистовъ, Бодо противъ лѣнивцевъ—и всѣ вмѣстѣ о благѣ ближняго. Чортъ побери ближняго. Его нѣтъ. Говорите о томъ, что касается васъ, или же лучше молчите.

Жажда представительствовать, поза—эти характерныя внѣшнія черты абсолютизма—являются—что вполнѣ понятно послѣ всего вышесказаннаго—также отличительными чертами общей культуры вѣка.

Абсолютизмъ—грандіозная и единственная въ своемъ родѣ обстановочная пьеса и потому каждый, кто въ ней участвуетъ, обязанъ позировать и представительствовать. Кто этого не дѣлалъ, сбивался съ роли эпохи. А кто соблюдалъ эту роль, тотъ постоянно позировалъ и постоянно репетировалъ роль или выпавшую на его долю, или же присвоенную себѣ. Кто позируетъ, тотъ долженъ умѣть и контролировать себя.

Вотъ почему во всѣхъ дворцахъ аристократіи, а также въ домахъ бюргерства всѣ стѣны покрыты зеркалами. Вездѣ и всюду

зеркало главный предметъ обихода. Люди къ тому же хотѣли быть зрителями собственной позы, хотѣли имѣть возможность апплодировать себѣ и потому всѣ только и дѣлали, что со всѣхъ сторонъ разсматривали себя. Даже наверху, подъ балдахиномъ постели, помѣщалось зеркало—люди мечтали заснуть въ той позѣ, въ которой хотѣлось быть застигнутыми любопытнымъ окомъ, имѣть даже въ моментъ полнаго самозабвенія возможность принять болѣе стильную позу. Даже проявленіе духа часто не болѣе, какъ своего рода сооруженіе зеркала. Письма, которыя писались друзьямъ—а тогда всѣ писали письма—не болѣе, какъ зеркала. „Въ нихъ человѣкъ придавалъ себѣ такую позу, въ которой ему хотѣлось быть увидѣннымъ другими. Тогдашнія письма не простыя увѣдомленія, какъ наши современныя. Они зафиксированныя туалетныя фокусы ума"

Своего рода зеркалами были и многія тысячи мемуаровъ той эпохи. Онѣ отражаютъ историческую позу, въ которой человѣкъ хочетъ дожить до потомства. Каждый, кто занимаетъ положеніе, кто обладаетъ умомъ хочетъ создать особую позу и обезсмертить эту позу. Вотъ почему эпоха абсолютизма была вмѣстѣ съ тѣмъ классическимъ вѣкомъ литературы мемуаровъ и богатства этой послѣдней и понынѣ еще не изучены.

Съ обстановочной пьесой, съ позой не вяжется интимность, такъ какъ стать предметомъ лицезрѣнія—высшее желаніе всѣхъ. Интимность поэтому исключена изъ жизни и все поведеніе становится единымъ оффиціальнымъ актомъ, вся жизнь отъ рожденія и до смерти и даже въ ея священнѣйшіе моменты. Ибо и въ сферѣ чувствъ царятъ поза и представительство. Каждый живетъ, такимъ образомъ, въ миніатюрѣ жизнью абсолютнаго государя. Дама совершаетъ свой интимнѣйшій туалетъ въ присутствіи друзей и посѣтителей, не потому что ей некогда и она поэтому на этотъ разъ вынуждена игнорировать стыдливость, а потому, что она имѣетъ внимательныхъ зрителей и можетъ принять самыя деликатныя позы. Кокетливая проститутка высоко поднимаетъ на улицѣ юбки и приводитъ въ порядокъ подвязку, не изъ страха ее потерять, а въ увѣ-

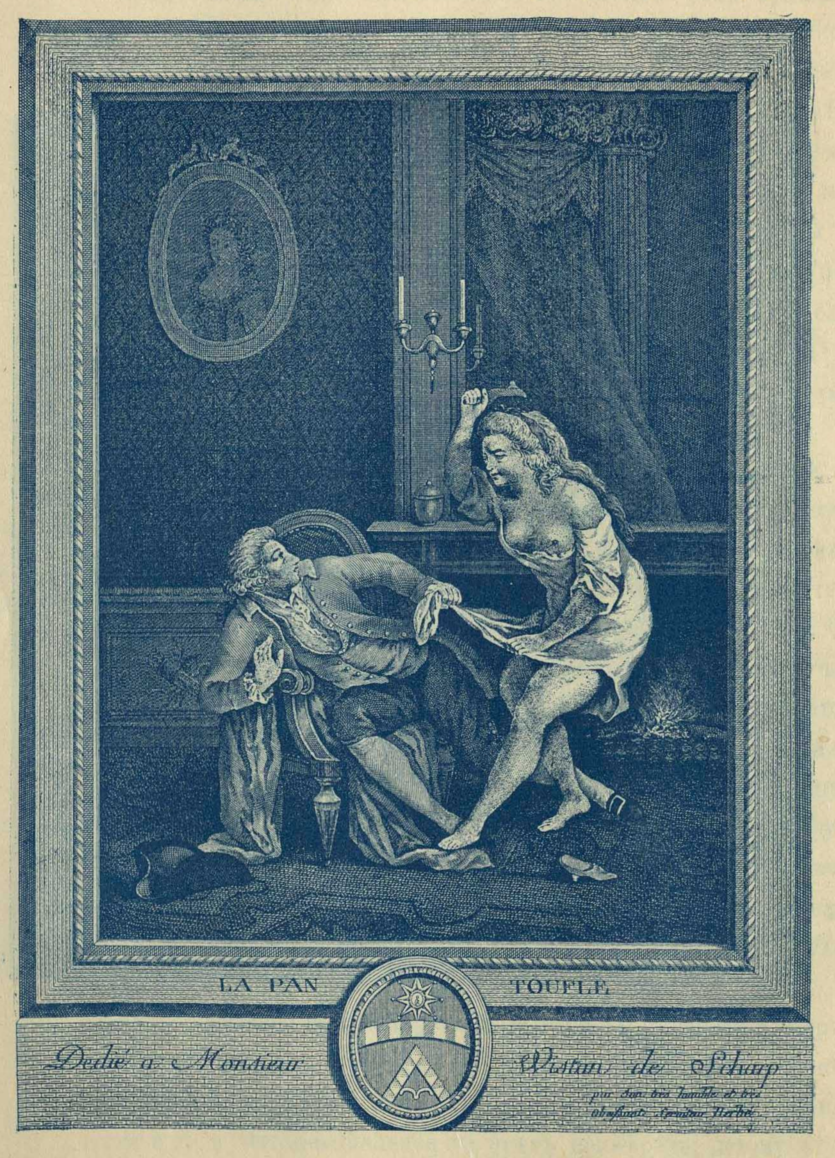
ренности, что она на минуту будетъ стоять въ центрѣ вниманія. И эпоха выработала сотни разнообразныхъ поводовъ и варьяцій позъ—мы объ этомъ еще будемъ имѣть случай говорить.

Мода вѣка—тоже единственное въ своемъ родѣ грандіозное средство позировать, принять въ глазахъ публики совершенно индивидуальную позу: даже самые смѣлые пріемы не пугаютъ никого—объ этомъ мы также поговоримъ ниже. И тоже самое примѣнимо и къ всему моральному поведенію. Мужчина способенъ на геройство только, когда на него смотрятъ. Говорятъ лишь тогда, когда можно расчитывать быть услышаннымъ, и именно для того, чтобы быть услышаннымъ. По той же причинѣ эпоха ставитъ выше всего остроуміе. Острота сразу бьетъ въ глаза, и чтобы ее воспринять слушатель не нуждается въ предварительной подготовкѣ. Часто и художественныя произведенія не болѣе, какъ острота, сжатое point или коротенькій анекдотъ.

Гдѣ нѣтъ интимности, нѣтъ и тайны. И въ самомъ дѣлѣ нѣтъ больше тайнъ ни въ своей, ни въ чужой жизни. Всѣ трубятъ во всѣ трубы о своихъ горестяхъ и радостяхъ. Нѣтъ больше ни интимныхъ страданій, ни интимнаго счастья. Всякій былъ свидѣтелемъ чужой жизни, а до извѣстной степени и участникомъ въ ней. Каждый спѣшитъ покаяться въ своихъ грѣхахъ. Сокровеннѣйшія тайны сообщаются другу или подругѣ. Горе женщинѣ, при смерти которой узнаютъ, что у нея былъ тайный любовникъ, о существованіи котораго никто не догадывался. Гете сообщаетъ: „Нельзя было говорить или писать безъ того, чтобы не быть убѣжденнымъ, что это дѣлается не для одного, а для многихъ. Собственное и чужое сердце становилось предметомъ выслѣживанія". Эпоха не знала ничего болѣе пикантнаго, какъ застигнуть кого-нибудь въ самый интересный моментъ: красавицу въ пикантной позѣ, влюбленную парочку въ ту минуту, когда она обмѣнивается первымъ поцѣлуемъ, жениха, тайкомъ отъ невѣсты заводящаго шашни съ камеристкой, невѣрную жену, украдкой выходящую изъ комнаты гостя и т. д. Останавливаемся на этихъ примѣрахъ, потому что они входятъ въ предметъ нашего спеціальнаго изслѣдованія и потому, что

Галантный аббатъ. Нѣмецкая гравюра.

Галантная гравюра Нербэ.

въ каждой главѣ встрѣчается рядъ соотвѣтствующихъ иллюстрацій. Всѣ напрягаютъ свои силы въ этомъ направленіи, всѣ готовы служить этому дѣлу.

Такъ какъ вся личная жизнь становится публичнымъ актомъ, то характерной чертой всего является—поверхностность. Люди вліяютъ другъ на друга только внѣшностью и совершенно этимъ довольствуются. Всѣ жаждутъ немедленнаго успѣха и ему приносится въ жертву все. Никто не смотритъ вглубь, чтобы имѣть возможность угнаться за всѣмъ и все использовать. Отсюда неизбѣжное слѣдствіе—все обманъ и ложь. Непосредственность и искренность неудобны, такъ какъ ихъ нельзя по желанію мѣсить, какъ тѣсто, и придавать имъ разныя формы. Истина всегда только одна и вытекаетъ изъ нея всегда одно только слѣдствіе. А это сокращаетъ до минимума шансы воздѣйствовать на слушателей или зрителей. Правда, истина поэтому—величайшій врагъ эпохи, ихъ мѣсто во всѣхъ сферахъ занялъ обманъ.

Конечно, это была очень фатальная, но и единственно возможная логика вещей при данной исторической ситуаціи. Обстановочная пьеса нуждается не въ настоящемъ лѣсѣ, а въ кулисахъ лѣса, не въ героизмѣ, а лишь въ позѣ героя. Все похоже поэтому на театральныя кулисы и всякое величіе только театральное.

Общая культура вѣка всегда яснѣе всего отражается въ воззрѣніяхъ на половыя отношенія и въ законахъ, регулирующихъ эти отношенія. Именно это сраженіе и представляетъ главную тему нашего изслѣдованія. (См. т. I. Вступленіе).

Культура абсолютизма отразилась въ области половой, какъ галантность, какъ провозглашеніе женщины властительницей во всѣхъ областяхъ, какъ ея безусловный культъ. Вѣкъ абсолютизма—классическій вѣкъ женщины. Она повелѣваетъ не только, какъ тайная государыня, ея права царицы признаны оффиціально передъ лицомъ всего міра. Она открыто выставляетъ свой санъ, какъ открыто пользуются связанными съ нимъ привиллегіями. Въ своей из-

вѣстной книгѣ „Женщина въ XVIII в.“ братья Гонкуръ прекрасно охарактеризовали этотъ золотой вѣкъ женщины.

„Въ эпоху между 1700 и 1789 г. женщина не только единственная въ своемъ родѣ пружина, которая все приводитъ въ движеніе. Она кажется силой высшаго порядка, королевой въ области мысли. Она—идея, поставленная на вершинѣ общества, къ которой обращены всѣ взоры и устремлены всѣ сердца. Она—идолъ, передъ которымъ люди склоняютъ колѣна, икона, на которую молятся. На женщину обращены всѣ иллюзіи и молитвы, всѣ мечты и экстазы религіи. Женщина производитъ то, что обыкновенно производитъ религія: она заполняетъ умы и сердца. Въ эпоху, когда царилъ Людовикъ XV и Вольтеръ, въ вѣкъ безвѣрія, она замѣняетъ собою небо. Всѣ спѣшатъ выразить ей свое умиленіе, вознести ее до небесъ. Творимое въ честь ея идолопоклонство поднимаетъ ее высоко надъ землей. Нѣтъ ни одного писателя, котораго она не поработила бы, ни одного пера, которое не снабжало бы ее крыльями. Даже въ провинціи есть поэты, посвящающіе себя ея воспѣванію, всецѣло отдающіеся ей. И изъ фиміама, который ей расточаютъ Дора и Жентиль Бернаръ, образуется то облако, которое служитъ трономъ и алтаремъ для ея апофеоза, облако, прорѣзанное полетомъ голубей и усѣянное дождемъ изъ цвѣтовъ. Проза и стихи, кисть, рѣзецъ и лира создаютъ изъ нея, ей же на радость, божество, и женщина становится, въ концѣ концовъ, для XVIII в. не только богиней счастья, наслажденія и любви, но и истинно поэтическимъ, истинно священнымъ существомъ, цѣлью всѣхъ душевныхъ порывовъ, идеаломъ человѣчества, воплощеннымъ въ человѣческой формѣ“.

Эти слова Гонкуровъ о Франціи примѣнимы ко всѣмъ европейскимъ странамъ. Такъ какъ экономическая и политическая ситуація была вездѣ одна и та же, то одинакова была и культурная физіономія эпохи. Вездѣ царила женщина, вездѣ господствовали законы галантности. Различіе здѣсь только въ большей или меньшей утонченности формъ. Въ другихъ странахъ эти формы только грубѣе и неуклюжее,—какъ это бываетъ всегда съ копіями,—чѣмъ во Франціи, гдѣ въ силу вышеописанныхъ благопріятныхъ для проявленія

Бодуэнъ: **Любопытная жена.**

Буальи: **Опасный примѣръ.**

абсолютистической культуры предпосылокъ могли развиться и утонченнѣйшія формы галантности. Въ этомъ все различіе.

Сущность галантности заключается въ томъ, что женщина въ качествѣ орудія наслажденія, какъ живое воплощеніе чувственности, вошла на престолъ. Ей поклоняются, ей курятъ фиміамъ, какъ олицетворенному сладострастію. Передъ ея умомъ и воображеніемъ, передъ ея душой благоговѣютъ лишь настолько, насколько онѣ возвышаютъ и разнообразятъ ея чувственныя прелести и доставляемое ею чувственное наслажденіе. Культъ женщины и чувственности въ указанной формѣ былъ также неизбѣженъ, былъ такимъ же необходимымъ историческимъ послѣдствіемъ, какъ и самое возникновеніе абсолютизма. Тамъ, гдѣ ограниченный численно классъ могъ существовать за счетъ всего остальнаго населенія и безпрепятственно удовлетворять свои вожделѣнія, онъ неизбѣжно становится паразитомъ. А у паразита одна только программа—физическое наслажденіе. Одинъ изъ остроумнѣйшихъ эпикурейцевъ эпохи, уже разъ нами процитированный, аббатъ Галіани, писалъ: „Человѣкъ существуетъ не для того, чтобы постигнуть истину и не для того, чтобы быть жертвой обмана. Все это безразлично. Онъ существуетъ исключительно, чтобы радоваться и страдать. Будемъ же наслаждаться и постараемся поменьше страдать". А желаннѣйшимъ наслажденіемъ является любовь. Такъ послѣдняя должна была стать въ вѣкъ абсолютизма—самоцѣлью. Такъ долженъ былъ возникнуть общеобязательный законъ: во всѣхъ случаяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ надо быть „галантнымъ".

Паразитъ хочетъ, однако, наслаждаться, не затрачивая предварительно или одновременно никакой умственной или душевной энергіи. Поэтому страсть и борьба безусловно упраздняются. Удовлетвореніе чувственности—таковъ общій законъ морали: нравственности противорѣчитъ только отказъ. Женщина поэтому съ самаго начала готова уступить. Ея колебанія только средство увеличить наслажденіе мужчины. Одинъ изъ величайшихъ мастеровъ по части галантности, графъ Тилли говоритъ въ своихъ мемуарахъ:

„Во Франціи необходимо пустить въ ходъ немало прилежанія,

ловкости, внѣшней искренности, игры и искусства, чтобы побѣдить женщину, которую стоитъ побѣдить. Приходится соблюдать формальности, изъ которыхъ каждая одинаково важна и одинаково обязательна. Зато почти всегда есть возможность насладиться побѣдой, если только нападающiй не болванъ, а женщина, подвергшаяся нападенiю, не олицетворенiе добродѣтели".

Если дама колеблется, то только потому, что хочетъ увеличить удовольствiе мужчины, добивающагося ея благосклонности. „Какое очарованiе связано съ подобными сооружаемыми препятствiями!— восклицаетъ графъ Тилли.—Женщина не желаетъ сразу сдаться. Она позируетъ въ роли неприступной. Она должна говорить „нѣтъ", а ея поза внушаетъ мужчинѣ увѣренность въ успѣхѣ. Все грубое и опасное должно быть исключено изъ любви. Страстная ревность считается смѣшной. Если обнаруживается это чувство, оно вызываетъ только недовѣрчивое и неодобрительное покачиванiе головой. Соперники скрещиваютъ шпаги, но они рѣдко прокалываютъ сердце, обыкновенно оставляя на кожѣ лишь царапину. Подобно шипамъ розы любовь должна наносить лишь моментальную боль, а не— подобно кинжалу въ бѣшеной рукѣ,—опасныя для жизни раны, еще менѣе убивать. Кровь только символъ, а не удовлетворенiе мести. Не нужно бойни, достаточно одной капли, чтобы создался этотъ символъ.

Желанiя обнаруживаются всегда элегантно и грацiозно, а не бурно и разрушительно. Никто не позволитъ себѣ жеста циклопа. Съ руки никогда не снимается перчатка. Люди садятся за столъ наслажденiя, какъ беззаботные жуиры, а за ихъ стульями, въ качествѣ прислужника, стоитъ радость.

Подобное представленiе о любви, лишенной всякаго „животнаго элемента" предполагаетъ, какъ свое полярное дополненiе, систематическое воспитанiе женщины, какъ лакомаго кусочка для чувственнаго наслажденiя. Все въ общенiи съ ней должно гарантировать сладострастiе. Она постоянно должна находиться, такъ сказать, въ состоянiи сладострастнаго самозабвенiя—въ салонѣ, въ театрѣ, въ обществѣ, даже на улицѣ, равно какъ и въ укромномъ

будуарѣ, въ интимной бесѣдѣ съ другомъ или поклонникомъ. Она должна утолять желанія всѣхъ и каждаго, кто съ ней соприкасается. Каждая женщина должна принадлежать всѣмъ, должна обладать искусствомъ увеличивать до безконечности свою способность наслажденія, удвоить, удесятерить свою личность.

Всѣми способами: рѣчью, движеніями, костюмомъ, шуткой, игрой, всѣмъ своимъ психическимъ и духовнымъ существомъ женщина обязана доказывать, что она постоянно и мастерски осуществляетъ эту свою единственную программу жизни. Поведеніе ея должно внушать мысль, что ея воображеніе всецѣло насыщено сладострастными представленіями, что ея мысль обращена лишь на одинъ этотъ предметъ, занята только его разнообразными возможностями. Во всякомъ случаѣ она должна принять такую позу. Ибо и любовь стала публичнымъ актомъ, предметомъ выставки и разыгрывается на сценѣ передъ тысячью зрителей. Поэтому эпоха особенно высоко цѣнитъ женщину, уже отъ природы настроенную чувственно, жаждущую все новыхъ наслажденій и вѣчно мечтающую о праздникахъ любви. Этотъ типъ женщины пластическія искусства воспроизводятъ въ безконечномъ количествѣ славословящихъ изображеній, а также восторженно поютъ ей хвалу галантные пѣвцы. Самая прекрасная женщина та, на щекахъ которой цвѣтутъ „розы сладострастія", пышная грудь которой, „поднимаясь и опускаясь, обнаруживаетъ тайный огонь, ее сжигающій".

Само собой понятно, что и все поведеніе мужчины дѣйствовало въ томъ же направленіи, такъ какъ поведеніе женщины было лишь отвѣтомъ на его поведеніе. Мужчина долженъ былъ уважать въ женщинѣ драгоцѣннѣйшій сосудъ сладострастія. И онъ такъ и поступалъ, превращалъ женщину въ идола, въ единственное божество. Обращеніе его съ ней было равносильно постоянному боготворенію ея, неизмѣнному и самозабвенному культу въ словахъ и дѣлахъ. Любой разговоръ съ женщиной мужчина начиналъ словами: „Я былъ бы счастливъ, если бы..." И заканчивалъ его неизмѣнно той же мольбой: „Когда вы осчастливите меня..." Эти слова мужчина нашептывалъ женщинѣ на ухо, говорилъ ей, при встрѣчѣ тай-

комъ пожимая руку, вкладывалъ въ легкій поцѣлуй, который запечатлѣвалъ на ея рукѣ, или во взглядъ, которымъ обдавалъ ее въ театрѣ или въ салонѣ. Онъ постоянно произносилъ эти слова и произносилъ только ихъ,—а она постоянно снисходила, даже еще въ то время, когда онъ произносилъ эти слова.

Женщина обладаетъ только достоинствами, она добродѣтельна и прекрасна и притомъ прекрасна каждая. Подобно тому, какъ каждая женщина до извѣстной степени принадлежитъ каждому мужчинѣ, такъ и мужчина обязанъ распространять свой культъ на каждую женщину въ отдѣльности. Каждой женщинѣ въ частности обязанъ онъ говорить и доказывать, что именно она то существо, которое заставляетъ его кровь течь быстрѣе, которая возбуждаетъ его чувства и т. д. Каждая женщина должна себя чувствовать царицей. И эта цѣль кладетъ отпечатокъ на все его поведеніе, смягчаетъ его голосъ, такъ какъ преданность и боготвореніе не мирятся съ шумливостью. Искренность и откровенность во взаимныхъ отношеніяхъ вытѣсняются вѣжливостью и смотря по обстоятельствамъ болѣе или менѣе подчеркнутой лестью. Противорѣчіе допускается только въ томъ случаѣ, если оно превращается въ комплиментъ.

Мужчина устраняетъ съ пути женщины каждое препятствіе. Каждое ея желаніе становится для него приказаніемъ, малѣйшій ея капризъ — закономъ. Женщинѣ предоставлено первое мѣсто, ей уступаютъ дорогу, дабы ей было удобно идти. Каждый считаетъ для себя честью отказаться отъ собственныхъ правъ и выгодъ въ пользу ея. Желанія и взгляды женщины обязательны для мужчины и заглушаютъ еще въ зародышѣ его собственное мнѣніе. Служенію женщинѣ мужчина посвящаетъ половину жизни, а нѣкоторые даже и всю цѣликомъ. Нѣтъ такого дня, когда бы онъ не удѣлялъ ей нѣсколько часовъ, и въ такіе часы она можетъ распоряжаться даже геніемъ, какъ преданнымъ и безвольнымъ рабомъ.

Только-что описанное поведеніе мужчины должно однако,— и это важно! — имѣть эротическую нотку, которая и отличаетъ галантный вѣкъ отъ всѣхъ другихъ эпохъ. По существу галантность, рыцарское отношеніе болѣе сильнаго къ болѣе слабому, вѣчно и по-

Фрагонаръ: **Купающіяся женщины.**

Фрагонаръ: **Любовныя игры.**

Первый урокъ. Английская галантная гравюра.

тому всегда на-лицо въ отношеніяхъ половъ, какъ вѣчно и ихъ отличіе другъ отъ друга въ смыслѣ физической силы. Въ эпоху галантности это рыцарское отношеніе, однако, доведено до смѣшного и притомъ исключительно въ направленіи эротическомъ. Мужчина относится къ женщинѣ по-рыцарски не только, какъ къ существу болѣе слабому, а какъ къ драгоцѣнному орудію желаннѣйшаго наслажденія, въ ней воплощеннаго.

Въ эпоху галантности, естественно, должна была коренпымъ образомъ измѣниться и сущность чувственныхъ проявленій. Изъ проявленія силы, всегда, впрочемъ, самой природой ограниченной, чувственность превратилась въ простую игру. Любовь стала галантностью, такъ какъ игру можно продолжать до безконечности и каждый день ее можно разнообразить. Всѣ формы взаимнаго ухаживанья превращаются въ игру и тѣмъ самымъ становятся болѣе утонченными. Раффинированность не только обычная попытка найти новое рѣшеніе для удовлетворенія страсти, помимо естественнаго, ставшаго невозможнымъ въ виду предшествовавшаго разврата, а также—въ данномъ случаѣ—секретъ удесятерить ограниченныя силы индивидуума, чтобы идти вровень съ числомъ любовниковъ и любовницъ, содержать которое позволяютъ средства и обстоятельства. Все духовное, душевное, артистическое лишь средство возбужденія, средство выработать новыя формы галантности, придумать новыя откровенія въ этой области.

Все это неизбѣжно приводитъ къ измѣненію моральныхъ воззрѣній. „Мораль внесла въ любовь все зло“,—говоритъ Ретиффъ де ла Бретоннъ. А аббатъ Галіани издѣвался: „Если добродѣтель не дѣлаетъ насъ счастливыми, то какого же чорта она существуетъ“. И поэтому ее и отсылали къ чорту, равно какъ и вѣрность, всегда скучную. Порокъ получаетъ теперь общественную санкцію. Правда, онъ не провозглашенъ оффиціально добродѣтелью, зато его идеализируютъ въ интересахъ „наслажденія“ — высшей жизненной цѣли. Въ ней онъ находитъ свое оправданіе. Проститутка въ глазахъ всѣхъ уже не публичная клоака, а опытнѣйшая жрица любви. Невѣрная жена или невѣрная любовница становятся въ глазахъ мужа

или друга послѣ каждой новой измѣны тѣмъ болѣе пикантной. Удовольствіе, доставляемое женщинѣ ласками мужчины, усугубляется отъ мысли, что до нея безчисленное множество другихъ женщинъ уступало его желаніямъ и т. д.

Таковы въ общихъ чертахъ законы абсолютистической культуры и ихъ специфическое отраженіе въ половой области. Болѣе детальное обоснованіе этихъ законовъ и ихъ отраженій, иными словами вопросы, какъ они осуществлялись и выражались, какъ они вліяли на житейскую философію, на языкъ, на частную и публичную нравственность, на юридическія понятія, на литературу и искусство — эти вопросы будутъ нами разсмотрѣны въ отдѣльныхъ главахъ.

Здѣсь необходимо подчеркнуть только одинъ выводъ. Этотъ выводъ гласитъ: Вѣкъ господства женщины никогда не бываетъ вѣкомъ истиннаго возвышенія женщины, а напротивъ ея глубочайшаго униженія. Культъ женщины, подобный тому, который господствовалъ въ XVIII в., могъ установиться вообще только при условіи такого униженія. Въ самомъ дѣлѣ! Въ эпоху абсолютизма мужчина и женщина стояли рядомъ не какъ равноправныя личности, а вѣдь только въ такомъ равноправіи коренится истинное возвышеніе женщины. Въ XVIII в. она не имѣла никакихъ реальныхъ и гарантированныхъ правъ. Напротивъ, политическое господство мужчины и его произволъ по отношенію къ женщинѣ были безграничны. Вѣкъ, видѣвшій въ невѣрности женщины желаннѣйшую пикантность, способную только повысить половое наслажденіе, предоставлялъ въ то же время мужчинѣ право подвергать жену на основаніи одного только подозрѣнія въ измѣнѣ строжайшему наказанію, а именно пожизненному заключенію въ монастырѣ.

Такъ какъ мужчина имѣлъ полную возможность исполнять всякое свое желаніе, то онъ неизбѣжно сталъ рабомъ своихъ капризовъ. И незамѣтно общепризнаннымъ закономъ сдѣлался безумнѣйшій парадоксъ. Мужчина провозгласилъ своего раба своимъ господиномъ и служилъ ему, какъ рабъ. Основной сущностью любви сдѣлался мазохизмъ: такова въ послѣднемъ счетѣ половая мораль абсолютизма.

Бракъ. Французская гравюра.

18

Леклеркъ: Сатира на монаховъ.

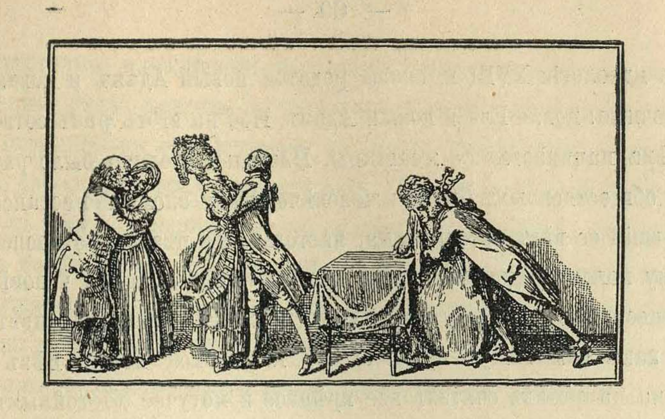
Послѣ всего сказаннаго не требуется особаго дара проникновенія, чтобы понять эту основную черту эпохи и разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ. Тѣмъ не менѣе надо здѣсь особенно подчеркнуть эту черту, такъ какъ ее необходимо принять во вниманіе при оцѣнкѣ какъ всей тогдашней женоподобной культуры, такъ и каждаго изъ той сотни параграфовъ, на которые распадался кодексъ галантности и соблюденіе которыхъ эпоха требовала съ такой же категоричностью, съ какой она требовала подчиненія установленнымъ абсолютизмомъ политическимъ законамъ.

Развитіе абсолютизма происходило въ разныхъ странахъ съ неодинаковой быстротой, а господство его длилось въ разныхъ странахъ неодинаково долго. Причина этихъ явленій коренилась въ неодинаково быстромъ темпѣ развитія капитализма, который сначала предполагалъ наличность абсолютизма, а потомъ на извѣстной ступени развитія устранилъ его. Въ Германіи и Австріи господство абсолютизма продолжалось въ сущности до 1848 г., т. е. держалось болѣе двухсотъ лѣтъ, тогда какъ во Франціи оно кончилось уже въ 1789 г., просуществовавъ менѣе двухъ сотъ лѣтъ, а Англія уже въ XVIII в. вступила на путь развитія буржуазныхъ отношеній.

Изъ этихъ отличій, равно какъ изъ неодинаковой продолжительности существованія въ разныхъ странахъ абсолютизма слѣдуетъ (какъ и въ эпоху Ренессанса), что не только въ одно и тоже время существовали различія между отдѣльными странами, какъ уже было указано, а также и то, что въ каждой отдѣльной странѣ не трудно констатировать крупныя различія между восхожденіемъ, расцвѣтомъ и упадкомъ абсолютистической культуры. Такъ какъ наша цѣль выяснить только основной законъ эпохи, изобразить исторію скорѣе въ поперечномъ, чѣмъ въ продольномъ разрѣзѣ, то мы можемъ спокойно удовольствоваться общимъ разсмотрѣніемъ абсолютизма во всѣхъ странахъ. Съ другой стороны естественной рамкой для этого второго тома, посвященнаго „галантному вѣку“, является именно

XVIII в., такъ какъ въ XVIII в. абсолютизмъ всюду, за исключеніемъ Англіи, достигъ своего апогея.

Во всѣхъ европейскихъ странахъ XVIII в. былъ вѣкомъ господства женщины, имѣвшимъ, конечно, свой періодъ какъ подготовленія, такъ и завершенія.

II.

Новый Адамъ и новая Ева.

Эпоха Ренессанса вновь сотворила человѣка. Освѣщая половые нравы эпохи, необходимо было поэтому исходить отъ физическаго человѣка. Однако при характеристикѣ какой бы то ни было эпохи вообще первымъ вопросомъ, подлежащимъ изслѣдованію, является анализъ господствующаго въ данный періодъ идеала красоты.

Каждая новая эпоха производитъ прежде всего коренной пересмотръ прежнихъ воззрѣній относительно того инструмента, на которомъ она намѣрена сыграть новую мелодію, и нигдѣ новыя мелодіи не требуютъ въ такой мѣрѣ новаго инструмента, какъ въ этой области. Есть еще одна причина, въ силу которой отвѣтъ на указанный вопросъ долженъ стоять во главѣ характеристики половыхъ нравовъ опредѣленной эпохи. Въ процессѣ пересозданія физическаго идеала красоты новая сущность чувственныхъ переживаній и эмоцій не только облекается въ теоретическія формулы, но и принимаетъ физіологически осязаемыя формы. Идеалъ физической красоты эпохи является вмѣстѣ съ тѣмъ и идеаломъ особенно цѣнимыхъ эпохой нравственныхъ качествъ, такъ какъ въ своей идеологической сущности онъ всегда не болѣе, какъ результатъ постоянно бодрствующей тенденціи обоготворенія, всегда формирующей человѣческое тѣло въ зависимости отъ своихъ спеціальныхъ цѣлей. Вотъ почему и самый результатъ иной въ каждую иную эпоху.

Въ идеологіи XVIII в. снова родится новый Адамъ и новая Ева. Или точнѣе: новая Ева и новый Адамъ. Ибо на этотъ разъ сотвореніе человѣка начинается съ женщины. Насколько велико было различіе между общественнымъ бытіемъ человѣчества въ эпоху Ренессанса и въ смѣнившій ее вѣкъ абсолютизма, настолько же рѣзко противоположно старому новое представленіе о физіологической красотѣ человѣка.

Ренессансъ выше всего цѣнилъ въ мужчинѣ и женщинѣ цвѣтущую силу, какъ важнѣйшую предпосылку творческой мощи. Вѣкъ абсолютизма напротивъ считалъ все крѣпкое и могучее достойнымъ презрѣнія. Сила казалась ему эстетически безобразной. Въ этомъ, вѣроятно, наиболѣе выразительное отличіе въ идеологіи красоты обѣихъ эпохъ, во всякомъ случаѣ здѣсь принципіально наиболѣе важное отличіе: ибо только уясненіе рѣшающей причины, обусловившей это измѣненіе, приведетъ насъ къ познанію истинной сущности созданнаго абсолютизмомъ идеала красоты. И потому отъ этой черты должны мы исходить, разъ мы желаемъ получить пластическое и ясное представленіе о воззрѣніяхъ стараго режима на красоту.

Въ эту эпоху законы красоты диктовались, какъ мы знаемъ, классомъ, который, имѣя въ своихъ рукахъ возможность всецѣло жить за счетъ другихъ, не зналъ ничего болѣе презрительнаго, какъ трудъ. Въ глазахъ представителя господствующаго класса эпохи стараго режима трудъ и въ особенности трудъ физическій—позоръ. Въ глазахъ паразита трудъ настолько унижаетъ человѣка, что послѣдній перестаетъ быть человѣкомъ. Въ глазахъ паразита истинное благородство и истинный аристократизмъ заключаются прежде всего въ бездѣльи и бездѣлье становится постепенно первой и главною обязанностью этихъ классовъ и группъ населенія. Уже одно это указаніе бросаетъ свѣтъ на противоположность между идеологіями физіологической красоты, царившими въ эпоху Ренессанса и въ вѣкъ абсолютизма.

Такъ какъ всякая идеологія, слѣдовательно и понятіе о красотѣ, является ничѣмъ инымъ, какъ кристаллизаціей общественнаго бытія политически господствующихъ классовъ, то въ эпоху Ренессанса прекраснымъ должно было считаться все здоровое и мощное, ибо въ нихъ сущность активнаго и продуктивнаго человѣка. Напротивъ, въ вѣкъ

абсолютизма идеализаціи подлежали какъ разъ противоположныя качества тѣла: красиво въ отдѣльности и въ совокупности лишь то, что оказывается неспособнымъ къ труду. Таковъ былъ основной базисъ красоты въ эпоху абсолютизма. Красива узкая кисть, непригодная къ работѣ, неспособная къ сильнымъ движеніямъ, зато умѣющая тѣмъ болѣе нѣжно и деликатно ласкать. Красива маленькая ножка, походка которой похожа на танецъ, едва способная ходить и совершенно неспособная ступать рѣшительно и твердо. Такъ какъ по понятіямъ паразитическаго класса дѣторожденіе также есть трудъ, то тѣло женщины не должно быть приспособлено и къ этой задачѣ.

Такъ какъ всякая борьба, предполагающая наличность силы, исключена изъ жизни господствующаго класса, опредѣляющаго законы красоты, то прекраснымъ считается въ эту эпоху такое тѣло, которое не пышетъ силою. Оно не тренировано, а холено, нѣжно и хрупко, или какъ тогда предпочитали выражаться: граціозно. И тоже примѣнимо ко всѣмъ жестамъ, движеніямъ. Во всемъ преобладаетъ игра, которой однако стараются придать благородство.

Выражаясь сжато: „эпоха стараго режима считаетъ истинно аристократическимъ идеаломъ красоты типическія линіи человѣка, предназначеннаго для бездѣлья. Вершиной человѣческаго совершенства признанъ человѣкъ въ смыслѣ предмета роскоши, идеализированный бездѣльникъ, что не значитъ, конечно, что здѣсь идетъ рѣчь о противоположности между человѣкомъ духовно и физически активнымъ“. Прибавимъ, что такимъ всегда былъ аристократическій идеалъ и всегда онъ такимъ оставался въ этихъ классахъ, а въ остальныхъ лишь до той поры, пока послѣдніе настолько были порабощены аристократіей, что зависѣли отъ нея и въ духовномъ отношеніи.

Этому вовсе не противорѣчитъ тотъ фактъ, что когда абсолютизмъ находился на апогеѣ, то красивой считалась величественная мужская и женская фигура. Эта величественность была не болѣе какъ позой, только актерской демонстраціей силы. Выставляли поэтому на показъ даже не силу, а сверхсилу. Да и царилъ этотъ идеалъ лишь мимолетно. Онъ знаменуетъ собой тотъ короткій періодъ, когда абсолютизмъ, повидимому, достигъ апогея своего никѣмъ не оспари-

ваемаго могущества, періодъ между 1680 и 1700 гг., эпоху париковъ—Allonge и фантажа.

Мы незамѣтно переходимъ ко второй характерной чертѣ идеала красоты, созданнаго эпохой абсолютизма.

Бездѣльникъ XVIII в. вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже знаемъ, также и утонченный жуиръ. Въ силу этого и самый идеалъ красоты развивался въ сторону раффинированности. Основное отличіе въ данномъ случаѣ отъ эпохи Ренессанса состояло въ томъ, что, хотя животный элементъ остается въ любви по прежнему самымъ главнымъ, въ немъ техника преобладаетъ теперь надъ творчествомъ. Важнѣе всего техника любви, пути, ведущіе къ ея послѣднему слову. Идеализируется только орудіе наслажденія или вѣрнѣе различныя его орудія и въ нихъ кульминируетъ самый идеалъ красоты. А это равносильно систематическому изгнанію творческаго начала изъ идеальной тѣлесной фигуры человѣка, въ чемъ и состоитъ сущность раффинированности въ половой области.

Стремленіе къ возможно раффинированному чувственному наслажденію обнаруживается очень характерно въ идеологіи красоты. Такъ какъ паразитъ-жуиръ стремится все къ новому увеличенію возможностей наслажденія, то первое, что онъ дѣлаетъ: онъ раздробляетъ наслажденіе, чтобы его умножить. Это заставляетъ его по необходимости раздроблять и самое человѣческое тѣло. Жуиръ дѣлаетъ изъ него десятокъ отдѣльныхъ, самодавлѣющихъ орудій наслажденія. Тѣло перестаетъ быть единымъ, становится—составнымъ. Такъ разрушается прежняя гармонія, характерная для царившаго въ эпоху Ренессанса идеала человѣческой красоты. Въ женщинѣ видятъ уже не нѣчто цѣлое, а прежде всего отдѣльныя прелести и красоты: маленькую ножку, узкую кисть, нѣжную грудь, стройный станъ и т. д. Существуютъ только отдѣльныя части ея личности, женщина не болѣе, какъ mixtum compositum этихъ отдѣльныхъ частей. Это какъ бы отдѣльныя блюда эротическаго пиршества, которыя женщина подноситъ мужчинѣ. А отсюда вытекаетъ одно совершенно новое и весьма важное явленіе.

Подъ вліяніемъ такого раздробленія на части прежней единой

гармоніи, обусловленной творческой тенденціей эпохи, идеалъ красоты уже не былъ соединенъ непремѣнно съ наготой. Отнынѣ онъ напротивъ находится въ тѣснѣйшей связи съ одѣтымъ тѣломъ, неотдѣлимъ отъ послѣдняго. Вслѣдствіе этого мѣняется и отношеніе къ наготѣ. Нѣтъ больше нагихъ тѣлъ, есть только тѣла раздѣтыя: средствами служатъ декольтэ и retroussé. Если раньше одежда была только до извѣстной степени облаченіемъ, только декораціей, украшающей нагое тѣло, то отнынѣ она становится существеннымъ элементомъ. Моды эпохи абсолютизма ни что иное, какъ попытки рѣшенія вставшей передъ ней проблемы: разъединить гармоническое единство тѣла, разложить его на его отдѣльныя „прелести", стало быть въ отношеніи женщины на: грудь, бедра и лоно. Разложивъ сначала человѣка на эти отдѣльныя части, костюмъ служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ связующей рамкой для этихъ особенно цѣнимыхъ эпохой частей тѣла.

Тѣло, раньше стоявшее передъ взоромъ обнаженнымъ, теперь всегда одѣто или раздѣто. Желая показать красоту возлюбленной или жены какъ можно выгоднѣе, ее рисовали уже не нагой, какъ Генрихъ II велѣлъ изобразить Діану Пуатьэ въ молочной ваннѣ, или Филиппъ II принцессу Эболи на ложѣ—напротивъ, ее изображали теперь въ такой позѣ, чтобы соблазнительное декольтэ или retroussé превращало костюмъ въ не менѣе соблазнительную рамку для отдѣльныхъ прелестей ея тѣла, направляя взоры прежде всего именно на нихъ. Методъ, разумѣется, не столько болѣе приличный, сколько болѣе раффинированный.

При оцѣнкѣ этого факта не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ вида, что это явленіе обусловливается еще однимъ важнымъ фактомъ и новымъ воззрѣніемъ, сложившимся въ обществѣ. Необходимо здѣсь также считаться съ особымъ ходомъ прогресса культуры. Молодость всегда настроена бурно, для нея на первомъ планѣ конечная цѣль и потому она всегда отличается производительностью. Это вѣрно по отношенію къ цѣлымъ классамъ и народамъ, какъ вѣрно по отношенію къ отдѣльнымъ индивидуумамъ. Если поэтому человѣчество переживаетъ новую юность,—а въ первомъ

томѣ мы выяснили, при какихъ это бываетъ условіяхъ и при какихъ это еще можетъ повториться—то оно положительно преисполнено смѣлыхъ подвиговъ. Этимъ объясняется творческая продуктивность эпохи Ренессанса во всѣхъ областяхъ. Дальнѣйшее развитіе культуры, процессъ ея старѣнія отличается, напротивъ, тѣмъ, что люди уже не стремятся въ той же степени къ конечной цѣли, а скорѣе озабочены тѣмъ, чтобы увеличить разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ этой цѣли: они придумываютъ все новые обходные къ ней пути.

Не самое счастье или наслажденіе, а лишь пути къ нему—вотъ что теперь самое главное.

Это результатъ всеобщаго тяготѣнья къ развитію и облагороженію жизни, стало быть въ конечномъ счетѣ стремленіе къ усовершенствованію человѣческаго рода, чѣмъ отличается каждая болѣе поздняя культура отъ культуры болѣе примитивной. И это сооруженіе обходныхъ путей происходитъ во всѣхъ областяхъ культуры безъ исключенія, въ особенности же въ половой области, во всѣхъ ея составныхъ частяхъ. Эпоха абсолютизма представляетъ по своимъ результатамъ, несомнѣнно, болѣе развитую, хотя и не болѣе высокую культуру. Она только болѣе развитая, а не вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе высокая культура потому, что высшимъ идеаломъ господствующихъ классовъ, наложившихъ печать на всю эпоху, было только физическое удовольствіе. А чѣмъ болѣе выдвигается это послѣднее, тѣмъ раффинированнѣе обходные пути въ половой области. Побѣда въ любви разлагается на сотню отдѣльныхъ побѣдъ и хотя пораженіе дамы дѣло заранѣе рѣшенное, передъ каждой побѣдой приходится брать штурмомъ нѣсколько укрѣпленій.

Эротическій пиръ состоитъ всегда изъ десятка блюдъ, причемъ главное блюдо только вѣнчаетъ его, да и то не всегда. Во всякомъ случаѣ это главное блюдо цѣнится только въ томъ случаѣ, если ему предшествовало или если оно было обставлено достаточнымъ количествомъ вкусныхъ закусокъ, hors d'oeures. Чувственное наслажденіе — меню лакомыхъ кусковъ, пріятно щекочущихъ, притомъ всегда на новый ладъ. Грубая домашняя ѣда, гдѣ интересъ сосредоточенъ на главномъ блюдѣ, гдѣ этимъ главнымъ блю-

Сантиментальная любовь. Английская гравюра.

19

Парижскія моды. 1686.

Мушнъ: **Качели.**

домъ объѣдаются до того, что уже не остается никакихъ другихъ желаній, находится подъ запретомъ. Итти прямо къ цѣли—это манера мужиковъ и болвановъ. Если же иногда поступаютъ такъ, то исключительно для разнообразія и самое это разнообразіе также воспринимается, какъ лакомство.

Все это придаетъ созданному абсолютизмомъ идеалу красоты его особую выше отмѣченную нотку. Она заключается въ подчеркиваніи всего тѣлеснаго въ направленіи раффинированности, а это подчеркиваніе состоитъ въ томъ, что на мѣсто истинно прекраснаго становится пикантное, на мѣсто здороваго и сильнаго—пикантное и сладострастное. Пикантность—вотъ истинное шиболэтъ красоты этой эпохи и она заставляетъ закрывать глаза не только на явную дисгармонію, но даже и на несомнѣнное безобразіе.

Пикантна интересная блѣдность лица, символъ физической хрупкости, а также печать, наложенная на лицо ночами, посвященными любви. Любимый цвѣтъ кожи этой эпохи не пышущій свѣжестью и здоровьемъ, а блѣдный. Цвѣтущее здоровье—черта мужицкая. Въ вышедшей въ 1712 г. въ Гамбургѣ книгѣ Kurioser Antiquarius, представляющей описаніе нравовъ разныхъ народовъ, говорится: „Женщины не любятъ, если у нихъ лицо красное, красивымъ считается блѣдный цвѣтъ лица". Графъ Тилли говоритъ въ своихъ мемуарахъ о дѣвушкѣ, въ которую онъ влюбился: „Я почти забылъ упомянуть о главномъ ея достоинствѣ,—о ея томной блѣдности. Я не скажу, чтобы художникъ усмотрѣлъ въ ней идеалъ совершенства. Но одно внѣ всякаго сомнѣнія: каждый чувствительный мужчина, у котораго глаза и умъ на мѣстѣ, подумалъ бы при видѣ ея: о если бы она была твоя".

Чтобы еще рѣзче подчеркнуть свою блѣдность, дамы ради контраста украшали черными мушками щеки, лобъ и шею. Въ Franenzimmer-lexicon (1715) говорится:

„Мушками называются маленькіе или большіе пластыри изъ черной тафты въ видѣ разныхъ фигуръ, которыя женщины налѣпляютъ себѣ на лицо или грудь, чтобы сдѣлать кожу болѣе бѣлой и привлекательной".

Такъ какъ блѣдный цвѣтъ лица и кожи считался признакомъ красоты, то въ XVIII в. тратили огромную массу пудры. Впрочемъ на то существовала и другая причина, о которой рѣчь впереди. Лишь розовымъ налетомъ должна быть подернута кожа, точно сквозь нее просвѣчиваетъ тайный огонь желаній, ни на минуту не потухающій, какъ доказательство постоянной готовности къ галантнымъ похожденіямъ. То огонь, только электризующій, а не сжигающій ни очага, на которомъ онъ горитъ, ни предмета, котораго онъ коснется.

Пикантенъ и потому красивъ ротикъ, похожій на бокалъ, наполненный до краевъ сладострастіемъ, бокалъ, изъ котораго можно вкушать одно только наслажденіе. Губы должны быть такой формы, чтобы онѣ каждаго возбуждали къ поцѣлуямъ, а при поцѣлуѣ онѣ должны трепетать отъ затаеннаго желанія. Въ Leibdiener der Schönheit говорится: „Красота губъ заключается въ томъ, чтобы онѣ были покрыты тонкой кожею, сквозь которую, какъ сквозь стекло, просвѣчиваетъ пріятно-красный цвѣтъ или красная коралловая тинктура". „Онѣ та нива, на которой любовь сѣетъ сахаръ и медъ, за которымъ, какъ пчелы, гоняются влюбленные, усердно облизывая другъ друга, я говорю о поцѣлуяхъ, съ нѣжными укусами и чмоканьемъ, называемыхъ поэтами molles morsinuculos..."

Венерой считается та женщина, груди которой подобны „двумъ чудеснымъ сахарнымъ головамъ наслажденія", а бедра подобны „двумъ сладострастнымъ полушаріямъ блаженства". Члены ея должны быть подобны „плющу нѣжности".

Грудь уже не источникъ жизни, а бокалъ наслажденія. И то же самое говорится объ утонченныхъ линіяхъ бедеръ, тальи и т. д. Предпочтеніе дается линіямъ опытности и ловкости. Эти положительныя черты уже ясно указываютъ на то, что считалось отрицательнымъ. Героическая структура тѣла, мощныя и жирныя ляжки кажутся безобразными. Подобныя формы, когда-то слывшія царственно прекрасными, теперь внушаютъ страхъ. Массивныя руки и ноги вызываютъ отвращеніе. Члены должны быть изящными орудіями наслажденія. Тѣло женщины должно быть нѣжной игрушкой для всевозможныхъ фантазій влюбленной галантности, а тѣло

Римскія Куртизанки.

Красавица на балу. Нѣмецкая гравюра.

Роуландсонъ: **Плутовка.**

мужчины—обѣщаніемъ, что онъ сумѣетъ сыграть на этомъ инструментѣ все новыя варьяціи, все новыя мелодіи. Идеальными типами мужчины и женщины считаются тѣ, внѣшность которыхъ еще въ преклонномъ возрастѣ говоритъ о ихъ способности рѣшать эту задачу.

Инымъ теперь становится и отношеніе къ старости. Такъ какъ въ эпоху Ренессанса выше всего ставилось полное безъ остатка удовлетвореніе желанія, то всѣ горячѣе всего мечтали о томъ, чтобы вновь помолодѣть. Эпоха абсолютизма игнорировала старость, стараясь утонченными способами продлить юность, замѣняя удовлетвореніе—желаніемъ и разнообразіемъ. Такимъ образомъ, люди никогда какъ бы не старились. Доказательствомъ можетъ служить фантастическій портретъ Нинонъ де-Ланкло, еще восьмидесятилѣтней старушкой дарившей свою любовь мужчинамъ. Какъ теперь извѣстно, эта Нинонъ никогда не существовала: она только образъ, созданный идеологіей.

Тогда всѣ пудрились, даже дѣти, не для того, чтобы выглядѣть старше, а для того, чтобы всѣ казались одинаковаго возраста. Всѣ стремились остановить время. Въ этомъ была главная проблема. Этими соображеніями объясняется также и употребленіе румянъ—тоже одной изъ особенностей XVIII в. Такъ какъ повелѣвать природой человѣкъ не въ силахъ, то искусственно былъ созданъ цвѣтъ, считавшійся типическимъ цвѣтомъ красоты. Съ этой цѣлью румянились не только женщины, но и мужчины. Впрочемъ, конечно, и тогда уже румяна были для женщинъ единственнымъ средствомъ остановить время и сохранить путемъ соотвѣтствующей ретушовки подобіе вѣчной весны.

Эта новая точка зрѣнія, приравнивавшая всѣ возрасты, покончила также съ высокой оцѣнкой физической зрѣлости, характерной для Ренессанса. Зрѣлость приноситъ плоды, а теперь люди хотѣли имѣть цвѣтъ безъ плодовъ, удовольствіе безъ всякихъ послѣдствій. Послѣдствія портятъ игру и шутки или, въ лучшемъ случаѣ, надолго кладутъ имъ конецъ. Люди любятъ теперь больше всего юность и признаютъ только ея красоту. Женщина никогда не становится старше двадцати, а мужчина—тридцати лѣтъ. Такъ именно

изображало и искусство преимущественно человѣка. Никогда художники Рококо не рисовали зрѣлыхъ женщинъ. Они предпочитали изображать нѣжность и игру вмѣсто страсти, обѣщанія— вмѣсто послѣдствій. Дѣвушка, мечтающая о любви, жаждущая любви—вотъ излюбленный типъ эпохи. Если въ XVII в. каждой женщинѣ какъ будто сорокъ лѣтъ, то это только особая формула для идеи величія. Знатокъ, разумѣется, всегда цѣнилъ опытную женщину, такъ какъ съ ней игра не опасна, а удовольствіе всегда полно новизны.

Чѣмъ утонченнѣе становилась культура абсолютизма, тѣмъ болѣе отдавали предпочтеніе ранней зрѣлости, юношѣ, принимающему позу возмужалости, дѣвушкѣ, сознающей себя орудіемъ наслажденія. Именно эти два типа эпоха охотнѣе всего изображала въ идеализированномъ видѣ, такъ какъ они ближе всего подходили къ ея идеалу красоты. Пластическія искусства всегда старались придать тѣлу юношескія или дѣвичьи очертанія. Это, впрочемъ, черта, вообще характерная для старческихъ культуръ. Что вѣрно для отдѣльнаго индивидуума, то примѣнимо и къ линіи движенія культуры. Мужчина въ разцвѣтѣ силъ любитъ женщину въ періодѣ полнаго развитія ея женственности, тогда какъ старика больше всего притягиваетъ незрѣлость, грудь, контуры которой только что обозначаюся. И тоже самое вѣрно и относительно женщинъ. Цвѣтущая женщина отдаетъ предпочтеніе мужчинѣ, который въ состояніи удовлетворить ея страсть, а перезрѣлая женщина, и въ особенности старуха, неспособная возбудить желаніе въ мужчинѣ, добивается любви отрока, въ которомъ мужчина только что пробуждается: ея честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобы сорвать первые ростки его любви.

Старикъ-дядя, знакомящій свою только что оперившуюся племянницу съ бурными радостями любви, старуха-тетя, посвящающая молодого, красиваго племянника въ мистеріи страсти—излюбленные мотивы искусства Рококо. Доброжелательный дядюшка пробуетъ, не слишкомъ ли стянутъ корсетъ у племянницы, и пользуется этимъ, чтобы запустить руку за корсажъ. Игривая тетушка про-

ситъ племянника найти у нея блоху и разоблачаетъ передъ нимъ сокровища своей перезрѣлой красоты. Таковы всегда первые уроки любви: вмѣсто удовлетворенія только игра. Когда культура вступаетъ въ старческій возрастъ, то эти черты индивидуальной дряхлости принимаютъ соціальный характеръ, становятся чувствомъ, раздѣляемымъ всѣмъ обществомъ.

Культъ дѣтскости—признакъ, главнымъ образомъ, нисходящаго абсолютизма. Наиболѣе пикантнымъ такой эпохѣ представляется въ концѣ-концовъ взаимная любовь незрѣлыхъ отроковъ: любовныя сцены между дѣвочками и мальчиками, далеко еще не достигшими половой зрѣлости. Таковъ заключительный аккордъ эпохи, когда-то начавшей восхищеніемъ пышными формами, созданными кистью Рубенса.

Божество чтятъ не только тѣмъ, что о немъ говорятъ возможно больше, а также тѣмъ, что говорятъ только о немъ, восхваляютъ и прославляютъ только его.

Эпоха абсолютизма была вѣкомъ женщины, а женщина была божествомъ вѣка. Она была воплощеніемъ идеала вообще. Этимъ объясняется то обстоятельство, что тогда существовалъ собственно только идеалъ женской красоты, что рядомъ съ обнаженной и раздѣтой на тысячу ладовъ Евой почти никогда не ставится раздѣтый Адамъ. Въ искусствѣ Рококо обнаженный мужчина выступаетъ рѣдко, какъ рѣдко выступаетъ въ немъ и мужчина раздѣтый. Удовольствіе, получаемое женщиной отъ мужчины, не зависитъ въ такой же степени отъ его физическаго строенія. Мужчина можетъ и не быть красивымъ, чтобы исполнять свои функціи. Мужчина остается одѣтымъ, а это въ свою очередь еще болѣе оттѣняетъ раздѣтость женщины. Воображеніе и желанія должны просыпаться только въ мужчинѣ. Идеологія превращаетъ его поэтому въ фавна, сатира и, наконецъ, пріапа, т.-е. въ олицетвореніе всегда бодрствующаго полового вожделѣнія, тогда какъ женщина остается свѣтской дамой эпохи Рококо даже въ томъ случаѣ, когда выслушиваетъ

комплименты и терпитъ ласки этого похотливаго фавна. Мужчина, какъ таковой, упраздненъ. Онъ превратился въ простое понятіе эротическаго чувства.

Мужской идеалъ, цѣнимый эпохой, обнаруживается только въ костюмѣ. Элегантный придворный—совершеннѣйшій типъ мужчины. Первоначально, въ эпоху восходящаго абсолютизма, онъ принимаетъ позу величія. Каждый хотѣлъ изобразить бога, въ его лицѣ ступающаго по землѣ. Проблема эта была удовлетворительнѣйшимъ образомъ разрѣшена при помощи парика Allonge, въ одинъ мигъ превращавшаго голову любого портного или перчаточника въ величественную голову Юпитера. Потомъ этотъ величественный богъ очень скоро превратился въ юркаго и ловкаго élégant. И это превращеніе совершилось тѣмъ быстрѣе, чѣмъ болѣе девизы: laisser aller, laissez faire и apres nous le deluge становились общепризнанными принципами господствующаго класса. Ловкій elegant, одна внѣшность котораго ясно говоритъ о томъ, что онъ сумѣетъ использовать любую ситуацію съ граціей и изяществомъ, что онъ не отступитъ и передъ самымъ щекотливымъ положеніемъ, что онъ всю свою жизнь посвятилъ служенію Венеры—вотъ отнынѣ истинный мужчина, Adonis in Escarpins. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда изображается нагая фигура бога, послѣдній никогда не является истиннымъ Юпитеромъ, еще менѣе Геркулесомъ, а именно только Адонисомъ. Силъ Адониса было совершенно достаточно въ глазахъ эпохи. Вѣдь женщину уже не покоряютъ и не порабощаютъ необузданной страстью, быть можетъ, оскорбляющей и возмущающей ее, зато и заставляющей ее прощать всякую смѣлость. Мужчина теперь только ухаживаетъ за дамой, привлекаетъ ее тысячью пикантныхъ вѣжливыхъ нападеній. Своей физической личности онъ придаетъ поэтому кокетливый и граціозный видъ.

Бабушка Жоржъ-Сандъ разсказывала внучкѣ:

„Твой дѣдушка былъ красивъ, элегантенъ, тщательно одѣтъ, надушенъ, всегда любезенъ, нѣженъ и до самой смерти жизнерадостенъ. Тогда не существовало безобразящихъ физическихъ страданій. Предпочитали умереть на балу или въ театрѣ, а не на

Мирисъ. **Искушеніе.**

M-me Дюбарри, любовница Людовика XV.

ложѣ между четырьмя восковыми свѣчами и некрасивыми мужчинами въ черномъ. Люди умѣли наслаждаться жизнью, а когда наступалъ часъ разставанья съ ней, никто не хотѣлъ портить другимъ ихъ жизнерадостности. Послѣднiй привѣтъ моего мужа состоялъ въ данномъ мнѣ совѣтѣ пережить его на много лѣтъ и какъ можно лучше использовать жизнь".

Изъ характера мужчины постепенно исчезаютъ мужественныя черты. Въ эпоху упадка абсолютизма, онъ становится все болѣе женоподобнымъ. Женственность становится его характернѣйшей сущностью. Женоподобными становились его манеры и костюмъ, его потребности и все его поведенiе. Въ исторiи Архенхольца этотъ модный во второй половинѣ XVIII в. типъ зафиксированъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Мужчина теперь болѣе, чѣмъ когда либо похожъ на женщину. онъ носитъ длинные завитые волосы, посыпанные пудрой и надушенные духами, и старается ихъ сдѣлать еще болѣе длинными и густыми при помощи парика. Пряжки на башмакахъ и колѣнахъ замѣнены для удобства шелковыми бантами. Шпага надѣвается—тоже для удобства—какъ можно рѣже. На руки одѣваются перчатки, зубы не только чистятъ, но и бѣлятъ, лицо румянятъ. Мужчина ходитъ пѣшкомъ и даже разъѣзжаетъ въ коляскѣ, какъ можно рѣже, ѣстъ легкую пищу, любитъ удобныя кресла и покойное ложе. Не желая ни въ чемъ отставать отъ женщины, онъ употребляетъ тонкое полотно и кружева, обвѣшиваетъ себя часами, одѣваетъ на пальцы перстни, а карманы наполняетъ бездѣлушками".

Во второй половинѣ XVIII в. недавнiй богъ прогуливается, такимъ образомъ, по землѣ въ штанишкахъ пажа. По внѣшности онъ скорѣе похожъ на переодѣтую, задорную камеристку. Таковъ высшiй трiумфъ господства женщины въ эпоху абсолютизма. Линiи, соотвѣтствующiя ея существу, легли въ основу стиля всей жизни.

Если подвести итогъ, то мы должны сказать, что созданный эпохой абсолютизма идеалъ красоты не является ни достойнымъ удивленiя, ни заслуживающимъ зависти. Онъ ведетъ лишь въ заманчивыя низины наслажденiя, себѣ довлѣющаго и себя собой

исчерпывающаго. Дары его не утоляютъ даже того, кто наслаждается имъ полными глотками, ибо онъ уходитъ со стола неудовлетвореннымъ и разочарованнымъ. Если эпоха пѣла хвалу этому ей созданному идеалу, то это обстоятельство не должно насъ вводить въ заблужденіе. За звонкими словами не слѣдуетъ забывать о ихъ реальномъ содержаніи. Рѣшающее значеніе всегда имѣетъ лишь та цѣль, къ которой хотятъ вести человѣчество.

Однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ того, что XVIII в. былъ вѣкомъ женщины, является тотъ культъ, который воздавали отдѣльнымъ аттрибутамъ женской красоты. Формы этого культа какъ въ отдѣльности, такъ и въ своей совокупности подтверждаютъ выше указанныя тенденціи. Такъ какъ документы, въ которыхъ выразился этотъ культъ, вмѣстѣ съ тѣмъ часть того матеріала, изъ котораго мы вывели эти тенденціи, то они являются тѣми данными, которыя позволяютъ намъ получить пластическое представленіе о современномъ идеалѣ красоты.

Быть можетъ, никогда гимнъ въ честь эротической красоты женщины не раздавался такъ восторженно, какъ тогда. Въ этомъ отношеніи никакая другая эпоха не можетъ сравниться съ эпохой абсолютизма и всякая другая рядомъ съ ней кажется блѣдной. Этой задачѣ галантный вѣкъ посвятилъ главную часть своихъ творческихъ способностей.

На первомъ планѣ и въ эту эпоху во всѣхъ странахъ стоитъ прославленіе женской груди, на которой у средиземныхъ расъ сосредоточенъ культъ женской красоты. Гиппель замѣчаетъ:

„Долженъ еще прибавить, что высшая красота женщины заключается въ ея груди. Обнаженная женщина всегда спѣшитъ прежде всего закрыть руками грудь (хотя въ этомъ скорѣе нуждаются другія части ея тѣла), такъ какъ взоръ останавливается прежде всего на ней. Закрывая ее, женщина хочетъ защитить берегъ отъ высадки непріятельскихъ войскъ. Сама природа про-

Грёзъ. Лѣнивая.

22

Шаллъ. **Предательская тѣнь.**

возгласила грудь высшей красотой женщины и положила ее, какъ лучшій хлѣбъ, на выставкѣ окна".

Неудивительно, что въ честь женской груди раздаются самыя горячія славословія. Большинству человѣческій языкъ кажется слишкомъ бѣднымъ, чтобы исчерпать всю ея красоту. Въ ея описаніе вносятся захлебывающимися отъ восторга панигиристами все новые образы и сравненія. Порой уже одно простое описаніе становится восторженнымъ панигирикомъ. По словамъ Leibdiener der Schönheit грудь прекрасна, если она „подобна двумъ яблокамъ, бѣлымъ, какъ только-что выпавшій снѣгъ, и если каждая такой величины, что ее можно покрыть одной рукой". Того же мнѣнія держатся и поэты. Одинъ поэтъ XVII в. поетъ: *).

Die Brüste gleichen falls, die éine Hand spannt ein
Die Gipfel müssen drauff gleich Kleinen Erdbeern sein.

Эти описанія, однако, совершенно блѣднѣютъ передъ дифирамбомъ, который женской груди поютъ искусство и поэзія. Здѣсь нѣтъ границъ восторгамъ и экстазу. Въ очень попукярномъ въ XVIII в. романѣ Dic Asiatische Banise „молодые холмики груди" героини уподобляются „алебастровымъ горамъ любви". А въ анакреонтическомъ стихотвореніи Dorchens Reizé, возникшемъ полстолѣтіемъ позже, красота груди воспѣвается слѣдующимъ образомъ:

Der elast'sche Busen wallend
Durch zwei Knöspchen, die er trägt
Schöner noch ins Auge fallend
Zeigt mir, wo das Herz dir schlägt
So symmetrisch wölben, spalten
Konnt ihn nur die Meisterhand
Die dich herrlich zu gestalten
Deines Leibes Form erfand.

*) Здѣсь какъ и въ дальнѣйшемъ примѣры, приведенные авторомъ, сокращены, такъ какъ они въ большинствѣ случаевъ всѣ па одинъ ладъ.

Переводчикъ.

А между этими двумя полюсами развертывается въ пламенныхъ аккордахъ безконечная скáла восхищенія, не пропускающаго ни одной подробности, отмѣчающаго блаженство, которое даритъ ея лицезрѣніе, и мученіе, являющееся слѣдствіемъ отказа въ этомъ лицезрѣніи. При описаніи красоты другихъ частей тѣла,—всѣ онѣ имѣютъ свой особый культъ — воображніе людей XVIII вѣка никогда не обнаруживало даже приблизительно такой же продуктивности, что, однако, не позволяетъ намъ говорить о сказавшемся здѣсь пренебреженіи. Въ Leibdiener der Schönheit говорится: „хвалы достойны прекрасныя руки Минервы прекрасные глаза Юноны, прекрасная грудь Венеры, прекрасныя икры Өетиды„ прекрасные зубы Зиновьи, подобные жемчужинамъ“. „Маленькія ручки и маленькія ножки“ являются, по словамъ Гиппеля, тѣми красивыми частями женскаго тѣла, которыя сохраняются дольше другихъ. Въ одномъ стихотвореніи, въ стилѣ барокко, красивыми считаются „бѣлыя, какъ крылья лебедя, руки“, а въ одномъ стихотвореньицѣ, въ духѣ Рококо, руки называются „плющемъ любовной тоски“. Такъ какъ маленькія ножки особенно цѣнятся, то націи, женщины которыхъ въ особенности отличаются этимъ достоинствомъ, съ гордостью ссылаются на это преимущество. Кромѣ француженки этимъ достоинствомъ отличается, по словамъ современниковъ, испанка. По поводу послѣднихъ въ Frauenzimmer-lexicon говорится:

„Если испанка хочетъ выразить ухаживающему за ней кавалеру особую благосклонность, то она показываетъ ему свою ножку, которую вообще ревниво оберегаетъ, такъ какъ она въ этомъ отношеніи превосходитъ остальныя націи, а ножка испанки—мала, узка и очень нѣжна“.

Своего наиболѣе фанатическаго поклонника нашла маленькая ножка въ XVIII ст. въ лицѣ Ретиффъ де ля Бретонна, написавшаго въ честь нея цѣлый романъ Le Pied de Fanchette. Здѣсь описаны всѣ прелести маленькой женской ножки, передано то чувство сладострастія, которое она возбуждаетъ въ мужчинѣ. А что этотъ

культъ могъ выродиться во всеобщую манію, доказываетъ примѣръ Веймарской герцогини, Анны-Амаліи.

Въ одномъ описаніи Веймара XVIII ст. говорится:

„Чтобы доказать свое умиленіе передъ маленькой ножкой герцогини, мужчины украшали свои цѣпочки ея золотымъ изображеніемъ, а дамы скупали башмаки герцогини, мѣнявшей ихъ каждый день по нѣсколько паръ".

Это одинъ изъ тѣхъ пароксизмовъ вѣрноподданническаго чувства, которые были нерѣдкостью у столичнаго населенія, въ данномъ случаѣ прямо перешедшій въ эпидемію извращенности.

Икры должны быть полны и круглы, „какъ у Ѳетиды", и, конечно, бѣлы, „словно они покрыты снѣгомъ" или „выточены изъ слоновой кости". Округло должно быть и колѣно, о чемъ подробно говорится въ Liebdiener der Schönheit. Когда Фридрихъ Шлегель еще не открылъ красоту всеспасающей церкви, онъ пѣлъ: „Я обожаю красивое колѣно: это моя единственная религія". Однако, красота колѣна, хотя бы идеально округлаго, ничто въ сравненіи съ красивымъ бедромъ. Одинъ восторженный французъ писалъ:

Rien n'est plus gracieux que les courbes delicates et provocantes dont est fait l'interieur des jambes dansleur ligne ascendante.

И потому рѣчь снова становится пламенной, когда очередь доходитъ до описанія и прославленія этихъ красотъ. Бедра женщины, „колонны, поддерживающіе храмъ любви", „цѣпи сладострастія", и т. д. Юная возлюбленная поэта можетъ гордиться своей красотой, такъ какъ ея бедра „бѣлы, какъ снѣгъ", и „гладки, какъ бархатъ". Восхваленіе бедеръ обыкновенно связано съ восхваленіемъ красоты Венеры Каллипигосъ. Красота этой части тѣла единственная, которая, по мнѣнію поэтовъ, можетъ безбоязненно соперничать съ красотою груди, а по убѣжденію нѣкоторыхъ она для послѣдней является даже непобѣдимой конкуренткой.

Одинъ современникъ, описывая красоту англичанокъ, повидимому, особенно славившихся этимъ достоинствомъ, восторженно восклицаетъ:

Les reliefsque les cuisses surmontent postérieurment, ces formes, dout la Venns Callipyge offre le plus parfait modèle, ont un génie de beauté, qu'ii serait dlfficile de décrire et qui parait consister principalement dans le passage agréable, que ces renflements établissent entre le torse et le membre.

Если все до сихъ поръ сказанное съ очевидностью доказываетъ правильность вышеприведеннаго положенія, а именно, что красота женщины цѣнится только съ точки зрѣнія ея эротической прелести, то еще нагляднѣе это подтверждается ходячимъ тогда восхваленіемъ интимнѣйшихъ красотъ женскаго тѣла...

Въ женщинѣ обращаетъ на себя вниманіе только ея физическая красота.

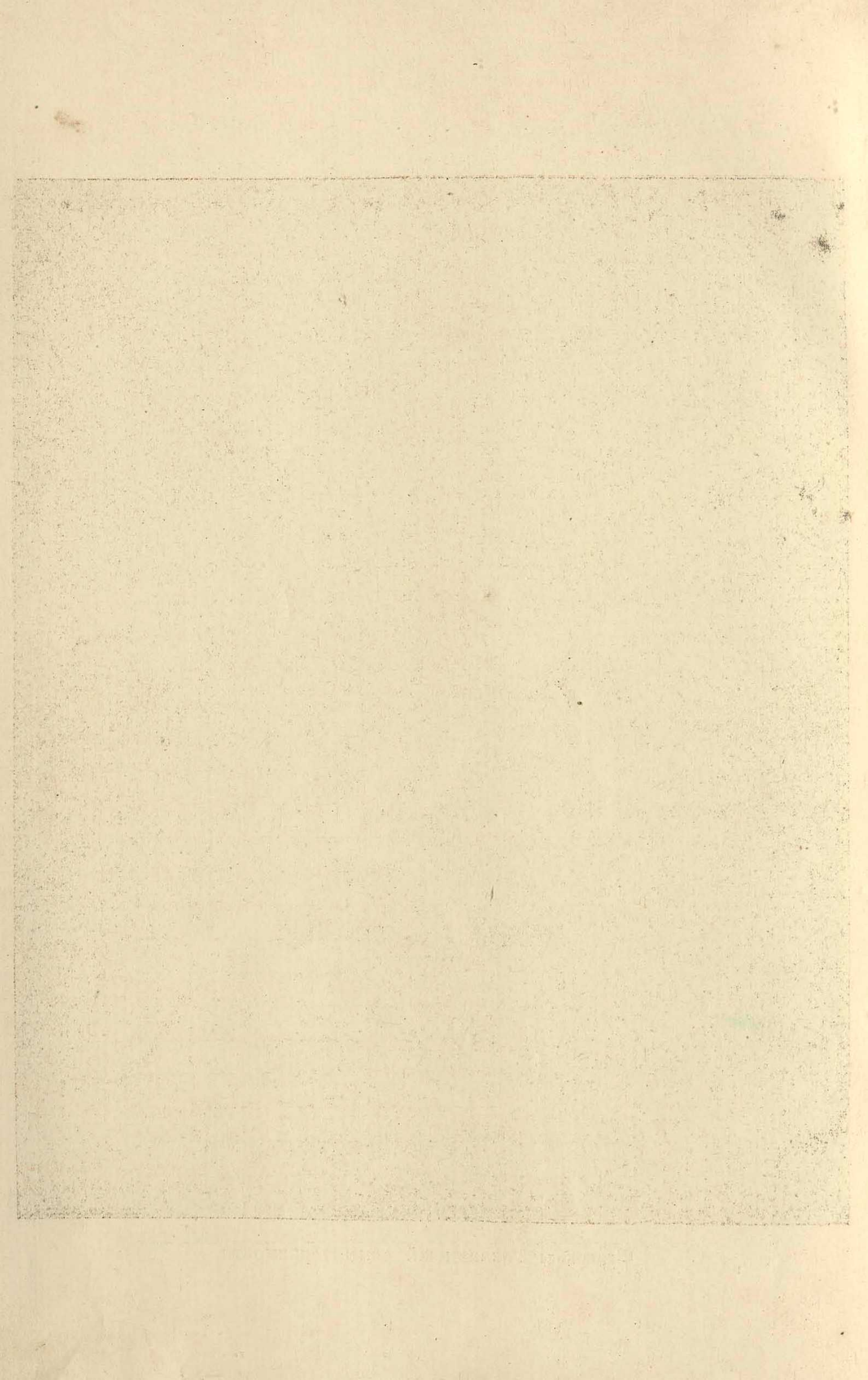
„Красота позволяетъ женщинѣ исполнять свое назначеніе и повергать насъ—то въ большей, то въ меньшей степени—въ море возвышающаго насъ блаженства", — говорится въ Das Frauenzimmer und dessen Schönheit, свадебной проповѣди, вышедшей въ Франкфуртѣ въ 1754 г. Такъ какъ у женщины нѣтъ никакихъ иныхъ достоинствъ, то небо даровало ей красоту!—говорится въ Leibdiener der Schönheit.

Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго галантнаго міровоззрѣнія, признававшаго за женщиной одно только положительное качество, а именно, способность эротическаго возбудителя, былъ тотъ фактъ, что всегда, когда говорили о женщинѣ, первое и главное, на что указывали, было возможно болѣе детальное описаніе ея физическаго портрета. Если упоминается о ея душѣ, то почти только постолько, поскольку эти ея качества способны увеличить степень ея эротическаго воздѣйствія на мужчину.

Приведемъ одинъ примѣръ,—а ихъ подобрать можно множество,—изъ извѣстныхъ мемуаровъ герцога Граммонъ объ англійскомъ дворѣ эпохи Карла II. Авторъ слѣдующимъ образомъ описываетъ нѣкую миссъ Фрэнсисъ-Дженнингсъ: „Находясь въ расцвѣтѣ юности, миссъ Дженнингсъ отличалась ослѣпительной бѣлизной кожи и великолѣпными русыми волосами. Ея живость и задушевность оберегали ея кожу отъ той монотонной тусклости,

Верколье: Голландскій домъ терпимости.

которая обыкновенно отличаетъ подобный цвѣтъ лица... Ротъ ея, хотя и не очень маленькій, былъ прелестнѣйшимъ ротикомъ въ мірѣ. Природа разукрасила его невыразимой красотой, восхитительнѣйшими чарами. Очертанія лица отличались изяществомъ. Маленькія груди были блестяще бѣлы, какъ и лицо".

Много яркихъ примѣровъ, доказывающихъ, что женщину оцѣнивали только, какъ предметъ наслажденія, можно найти въ вышедшей въ 1737 г., книгѣ барона фонъ-Пелльница: Das galante Sachsen... Говоря о знаменитой Аврорѣ фонъ-Кенигсмаркъ, онъ ее представляетъ читателю съ слѣдующими словами:

„Средняго роста, она отличалась непринужденностью движеній. Черты ея лица были нѣжны и удивительно правильны. Безукоризненные зубы были похожи на жемчужины. Глаза черные, живые, огненные и очень красивые. Выкрашенные въ черный цвѣтъ волосы еще лучше оттѣняли прелесть цвѣта ея лица, не знакомаго съ румянами и бѣлилами. Груди и руки отличались несравненной бѣлизной. Однимъ словомъ, создавая ея красоту, природа исчерпала всѣ свои сокровища".

Когда на сцену выступила г-жа фонъ Гоймъ, другая изъ многочисленныхъ метрессъ Августа-Сильнаго, то Пелльницъ пишетъ:

„Прежде чѣмъ приступить къ изложенію этой исторіи, я считаю цѣлесообразнымъ описать внѣшность г-жи Гоймъ. У нея было продолговатое лицо, правильный носъ, маленькій ротъ, прекрасные бѣлые зубы, большіе черные блестящіе и проницательные глаза. Черты лица были нѣжны, улыбка очаровательна, способна пробудить любовь въ каждомъ сердцѣ. Волосы чернаго цвѣта, грудь и руки прекрасно сложены и естественнаго цвѣта, бѣло-розовые. Ея тѣло могло считаться образцовымъ произведеніемъ. Выраженіе лица дышало величіемъ. Танцовала она съ большимъ совершенствомъ".

Романисты, естественно, поступали по тому же шаблону. Описаніе женщины и въ романахъ обыкновенно ограничивалось исключительно ея эротической физіономіей. Можно сослаться на цитированный выше романъ Циглера Die asiatische Banise, которымъ

тогда увлекалось все свѣтское общество въ Германіи (1688). Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ видно, что и лирики при описаніи возлюбленной поступали также „инструментально-технически“. Не мѣшаетъ здѣсь напомнить, что въ тогдашней любовной лирикѣ рѣчь шла въ большинствѣ случаевъ о вымышленной возлюбленной: воображеніе создавало существо, составленное изъ особенно цѣнимыхъ эпохой красотъ и это фантастическое существо получало затѣмъ то или другое имя. Въ XVII в. были въ ходу имена: Сильвія, Альбина, Лесбія, Арисмена, Розалисъ и т. д., въ XVIII в. ихъ смѣнили: Флеретта, Филида, Розхенъ, Луиза, Минна, Лаура...

Другимъ очень интереснымъ проявленіемъ подобнаго чисто галантнаго воззрѣнія на женщину являются многочисленныя въ XVIII в. описанія чужихъ странъ и народовъ. Въ специфической женской красотѣ той или другой страны обыкновенно подчеркиваютъ и то специфическое лакомство, которое она доставляетъ: физическій портретъ женщины той или другой страны поэтому не только не забывается, а ставится даже во главу угла. Англичанки пользовались, повидимому, высшей общепризнанной славой красоты. Въ „британскихъ анналахъ“ Архенхольца англичанки объявляются красивѣйшими женщинами въ мірѣ и подобное мнѣніе подтверждаетъ и такой знатокъ женщинъ, какъ французъ, графъ Тилли. Впрочемъ, этотъ умный наблюдатель прибавляетъ, что въ Англіи встрѣчаются не только красивѣйшія, но и безобразнѣйшія женщины. Это значитъ: разъ англичанка теряетъ свою красоту, то преображается до такой степени, какъ нигдѣ. Графъ Тилли говоритъ:

„Англичанки, вообще говоря, довольно красивы, зато нѣкоторыя и замѣчательно безобразны. Необходимо допустить двѣ возможности: Во-первыхъ, въ Англіи, вѣроятно, существуетъ больше красавицъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, такъ какъ здѣсь природа очень позаботилась о прекрасномъ полѣ, хотя и поскупилась на грацію, которую лишь до извѣстной степени можетъ замѣнить дѣланная естественность. И, во-вторыхъ, если англичанка теряетъ красоту, то ея безобразіе превосходитъ всякія границы, становясь для остальныхъ предметомъ настоящаго торжества.

Классическими типами англійской красоты, пользовавшимися міровой извѣстностью, являются сестры Геппингъ и лэди Гамильтонъ, прославившаяся во всѣхъ европейскихъ столицахъ изобрѣтеніемъ пластическихъ позъ, а потомъ благодаря своимъ скандальнымъ отношеніемъ къ неаполитанской королевѣ—Каролинѣ и къ англійскому адмиралу Нельсону ставшая предметомъ такой же ненависти, какъ прежде восторга. Модный тогда культъ красоты привелъ къ тому, что красота упомянутыхъ трехъ дамъ не только подробнѣйшимъ образомъ описывалась въ многочисленныхъ статьяхъ, сообщеніяхъ и брошюрахъ, но и воспроизводилась во множествѣ всюду выставленныхъ картинъ. Существуютъ цѣлыя коллекціи изображеній лэди Гамильтонъ, самыя извѣстныя среди которыхъ принадлежатъ художнику Уистоллю.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда создавался, такъ сказать, сборный портретъ красивой женщины, англичанка вносила въ него значительную часть составлявшихъ его прелестей. Обыкновенно у нея заимствовали грудь и достоинства Венеры Каллипигосъ, иногда, напротивъ, лицо. Только ноги англичанки никогда не удостоиваются такой чести: онѣ всѣми считаются слишкомъ большими. Надо, впрочемъ, замѣтить, что слава англичанокъ, какъ красивѣйшихъ женщинъ, имѣла не одни только антропологическія причины. Если все чаще отдавалось предпочтеніе пышной красотѣ англичанки, полной груди, которую уже нельзя покрыть одной рукой, статной фигурѣ и т. д., то въ этомъ сказалось, безъ сомнѣнія реакція противъ упадочной женской красоты нисходящаго абсолютизма, слишкомъ много обѣщавшей и слишкомъ мало дававшей. Это вмѣстѣ съ тѣмъ доказательство, что наряду съ абсолютистической культурой все болѣе господствующей становилась культура буржуазная, слѣдовательно, еще задолго до того времени, когда ея носители завоевали себѣ политическую власть. Такъ какъ въ Англіи буржуазная культура зародилась раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то здѣсь она и вносила впервые поправки въ созданный абсолютизмомъ идеалъ красоты.

Красота англичанокъ пользовалась такой славой что сравненіе

съ ними всегда считалось равносильнымъ комплименту. Пёлльницъ, напр., говоритъ о саксонкахъ (въ вышеприведенномъ сочиненіи): „Саксонки вполнѣ могутъ поспорить съ англичанками въ смыслѣ красоты, привлекательности, пріятности манеръ и прекраснаго тѣлосложенія. Среди нихъ особенно выдѣляются уроженки Дрездена и Лейпцига, хотя и остальные города могутъ гордиться своими дочерьми, такъ-что можно подумать: вся страна населена ангелами. Впрочемъ, иностранцы говорятъ, что уроженки Лейпцига легче остальныхъ склонны влюбляться, ибо небо одарило ихъ сердцемъ, вѣчно жаждущимъ бесѣды съ мужчинами: правда ли это, онѣ сами знаютъ лучше другихъ“.

Въ Германіи особенной красотой славились по общимъ отзывамъ также уроженки Брауншвейга и Ганновера. Напротивъ, берлинки никогда не считались красивыми. Въ „Описаніи Берлина, Потсдама и Сансуси“ І. Мюллеръ говоритъ:

„Берлинцы и берлинки далеко уступаютъ по красотѣ своимъ сосѣдкамъ, уроженкамъ Брауншвейга, Ганновера и Саксоніи. Онѣ рѣдко отличаются стройнымъ ростомъ, живымъ, пріятнымъ выраженіемъ лица... Страсть къ румянамъ, распространенная среди женщинъ высшихъ классовъ, ихъ высокія шляпы, похожія на усѣченный конусъ, и надвигающіяся на самое ухо, безобразные чепчики, обрамляющіе лицо, точно крылья летучей мыши, употребляемые женщинами низшихъ классовъ,—все это отвратительно... Прибавьте сюда еще дерзкое и циничное выраженіе, съ которымъ женщины (и не только проститутки) смотрятъ на васъ и аффектированный, ни на чемъ не основанный, смѣшной тонъ самодовольства и важность мужчинъ“.

Въ описаніяхъ француженокъ подчеркивается преимущественно соблазнительная красота походки, которой слѣдовало бы подражать всѣмъ женщинамъ „желающимъ получить отъ любви мужчинъ возможно больше удовольствія“. Въ выходившемъ въ Веймарѣ ежемѣсячникѣ „Лондонъ и Парижъ“ говорится: на француженку нельзя смотрѣть безъ эротическихъ желаній. А въ другомъ мѣстѣ: француженка является мастерицей въ области любви, такъ какъ „всѣ

ея движенія продиктованы любовью", потому она и „прекраснѣйшая изъ всѣхъ". „Истинная красота состоитъ не въ совершенствѣ формъ, а въ томъ эротическомъ возбужденіи, которое она вызываетъ въ мужчинѣ".

Таково было торжество пикатности.

Пластическія искусства окружали женщину культомъ, ничѣмъ не уступавшимъ тому, который творили въ честь ея поэты. Живописцы, граверы, скульпторы также точно идеализировали женское тѣло, изображая его всегда не обнаженнымъ, а раздѣтымъ, при помощи декольтэ или retroussé. Никогда Венера не является сверхземной богиней, а всегда лишь совсѣмъ или наполовину раздѣтой салонной дамой. Художники стремятся показать указанныя выше специфическія прелести женскаго тѣла въ возможно болѣе пикантной рамкѣ: очаровательную грудь, красивую ножку или соблазнительную талію. Они никогда не говорятъ зрителю: смотри, что за красота, а всегда: смотри, что за красоты! И потому, всѣ эти отдѣльныя прелести всегда подчеркиваются такъ же пикантно, какъ и въ стихахъ поэтовъ.

Однимъ изъ излюбленныхъ мотивовъ этого культа красоты въ тогдашней живописи является „сравненіе". Этотъ мотивъ La Comparaison чрезвычайно часто повторяется въ искусствѣ Рококо. Двѣ или нѣсколько женщинъ спорятъ, кому принадлежитъ пальма первенства за ту или другую красивую часть тѣла. Само собой понятно, что въ такомъ спорѣ недостаточно однихъ словъ и заявленій, необходимо показать то, что подлежитъ оцѣнкѣ. И вотъ красавицы кокетливо раскрываютъ корсажъ, чтобы передъ зеркаломъ установить, чья грудь соединяетъ въ себѣ наиболѣе цѣнныя преимущества, какъ, напр., на картинѣ Лоренса (La Comparaison). Или же онѣ поднимаютъ до колѣнъ юбки и сравниваютъ миніатюрность ножки или округлость икръ, какъ на картинѣ Буалли, или, наконецъ, во время купанія онѣ смѣло вступаютъ въ состязаніе съ статуей Венеры Каллипигосъ, какъ на гравюрѣ Шалля.

Въ особенности совмѣстное купаніе является на картинахъ XVIII в. полной самонаслажденія, демонстраціей своихъ прелестей, въ которой явно звучатъ нотки соревнованія и конкуренціи. Каждая говоритъ: я самая красивая. А ея поза прибавляетъ: и самая пикантная. Женщина, повидимому, не знаетъ болѣе излюбленнаго состязанія и потому каждый день снова вступаетъ въ такое состязаніе. Дама, разумѣется, не очень сердится, если неожиданно появляется свидѣтель подобныхъ сценъ, такъ какъ въ такихъ вопросахъ, кто болѣе компетентный судья, какъ не мужчина. И для кого, какъ не для него, хотятъ быть прекрасной?

Къ той же категоріи принадлежатъ и картины, изображающія, какъ дама, сидя въ укромномъ будуарѣ, вся ушла въ созерцаніе собственной красоты. Юная красавица спускаетъ рубашку и изслѣдуетъ передъ зеркаломъ совершенство своего тѣла. Можетъ ли бутонъ розы соперничать съ красотой ореоловъ ея грудей?—спрашиваетъ она,—съ нѣжной улыбкой сравнивая ихъ. И все для нея становится желаннымъ зеркаломъ ея красоты. Склоняясь надъ яснымъ ручейкомъ, на берегу котораго она раздѣвается для купанья, она подвергаетъ осмотру сладострастныя линіи бедра. И этотъ осмотръ простирается на самыя интимныя части тѣла. Она знаетъ, какія качества особенно цѣнимы и въ какой мѣрѣ она ими обладаетъ. Вообще, когда красавица одна, для нея нѣтъ большаго удовольствія, какъ поднять юбки, раскрыть грудь и выставить на показъ свою красоту. Обнажаясь, принимая пикантныя позы, она устраиваетъ настоящую выставку своихъ красотъ. Ибо все—поза и выставка. Въ воображеніи она создаетъ себѣ желаннаго свидѣтеля. Ей хотѣлось бы въ такомъ именно видѣ разыграть съ нимъ галантную сцену, въ такой позѣ кокетливо спросить его: создавала ли когда-нибудь природа подобныя прелести? И мысленно она ставитъ этотъ вопросъ ему, отсутствующему или ожидаемому (какъ на картинахъ Бушэ). Лежа обнаженной на постели, она точно спрашиваетъ возлюбленнаго: не чудесно ли то, что раскрывается твоимъ взорамъ и найдется ли нѣчто болѣе достойное твоихъ желаній? Не отвѣчаетъ ли каждая изъ моихъ прелестей твоимъ осо-

Уестоллъ. Лэди Гамильтонъ.

Шевиллэ. Материнская любовь.

бымъ желаніямъ (Le Coucher Ванлоо). И то же говоритъ поза трехъ грацій на гравюрѣ Жанинэ (съ картины Пеллегрини).

Подобное тысячекратное освѣщеніе сокровенныхъ красотъ женскаго тѣла въ современномъ искусствѣ, подобное подчеркиваніе тѣлесныхъ достоинствъ, особенно цѣнимыхъ эпохой, является въ послѣднемъ счетѣ лишь художественною формулой всеобщаго культа женской красоты. Методъ пластическаго искусства поэтому совершенно совпадаетъ съ методами литературы. Тамъ и здѣсь главную роль играетъ прославленіе груди. Ея красота всегда—при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ—выставляется на показъ передъ зрителемъ. Словно это самое опьяняющее зрѣлище, которое только можно доставить человѣку. На каждой картинѣ вы найдете поэтому обнаженную грудь и художникъ отыскиваетъ все новые поводы для декольтэ. Вообще, нѣтъ ни единой картины,—особенно изъ эпохи Рококо,—которая не вплетала бы, по крайней мѣрѣ, одну новую нотку въ апофеозъ красоты женской груди. Сотни другихъ ничто иное, какъ гимнъ въ честь этого лучшаго украшенія женскаго тѣла. Желая изобразить „красоту" вообще, художникъ на самомъ дѣлѣ рисуетъ женщину съ обнаженной грудью (The beauty Бомонта). Грудь—это „приманка, коей улавливаются мужчины" (картина Петерса), а „знатоки" при видѣ соблазнительно покоящейся Венеры, прежде всего, останавливаютъ свой взоръ на ея красивой груди („Знатоки" Роуландсона).

Необходимо здѣсь вспомнить одинъ историческій фактъ, характеризующій этотъ культъ женской груди, какъ эротическаго возбудителя, отличающійся къ тому же особенной смѣлостью. Рѣчь идетъ о чудесной вазѣ для фруктовъ, нѣкогда украшавшей Le petit Trianon въ Версалѣ и имѣющей форму совершенной по красотѣ женской груди. По словамъ братьевъ Гонкуръ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ изображеніемъ груди королевы Маріи Антуанетты. Исторія возникновенія этой вазы слѣдующая. Однажды въ интимномъ кружкѣ разгорѣлся споръ, кто изъ присутствующихъ придворныхъ дамъ можетъ похвастаться самой прекрасной грудью. Само собой понятно, что первый призъ былъ присужденъ Маріи Антуанеттѣ. Если уже въ наше время

каждая государыня является образцовой матерью народа и олицетворенiемъ всякихъ добродѣтелей, то въ вѣкъ галантности sans phrase королева была, естественно, прекраснѣйшей изъ всѣхъ женщинъ. И вотъ во имя увѣковѣченiя этого благороднаго состязанiя, въ которомъ ея грудь осталась всѣми признанной побѣдительницей, Марiя-Антуанетта разрѣшила художнику отлить ея несравненную грудь: то былъ памятникъ, съ ея разрѣшенiя воздвигнутый въ честь ея груди. Впрочемъ, почему и не воздвигать подобные памятники? Вѣдь достоинства этой груди были во всякомъ случаѣ несомнѣннѣе многихъ заслугъ, за которыя людямъ сооружаются памятники.

Намъ, впрочемъ, не удалось отыскать никакихъ новыхъ данныхъ для выясненiя этого факта. Если бы однако дѣло обстояло даже не такъ, какъ полагаютъ столь компетентные въ данномъ случаѣ братья Гонкуръ, то все же внѣ сомнѣнiя остается тотъ фактъ, что ваза, о которой идетъ рѣчь, служила украшенiемъ построенной для Марiи Антуанетты виллы Трiанонъ и что мы имѣемъ передъ собой, какъ доказываютъ примѣненные символы, прославленiе груди не съ точки зрѣнiя ея естественнаго назначенiя, а лишь какъ эротическаго возбудителя. Ибо бараньи головы, на которыхъ покоится ваза, символизируютъ мужскую похотливость. И уже этого достаточно, чтобы считать это украшенiе важнымъ документомъ эпохи.

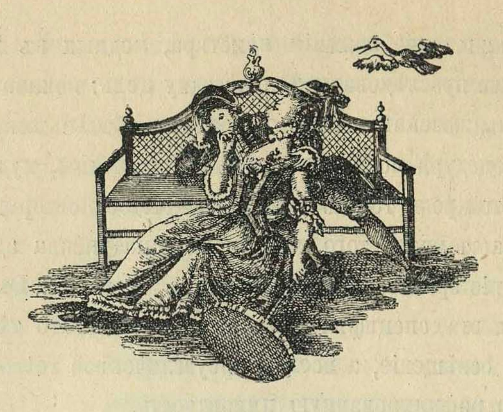
Культъ женской груди связанъ въ живописи—какъ и въ поэзiи—съ культомъ Венеры Каллипигосъ. Если Бушэ изображаетъ прачку, за работой, то онъ вовсе не думаетъ о томъ, чтобы дать художественное олицетворенiе труда—онъ просто ищетъ удобнаго случая изобразить позу, особенно ярко оттѣняющую эту часть тѣла. Трудъ интересовалъ художниковъ этой эпохи лишь настолько, насколько съ нимъ можно было связать галантную нотку. Такъ какъ эпоха особенно цѣнила красоту пикантно выпуклыхъ бедеръ, то не менѣе ходячимъ мотивомъ въ тогдашнемъ искусствѣ является изображенiе задней части женскаго тѣла. Въ особенности Бушэ отличался въ этомъ отношенiи, придумывая все новыя варiацiи на эту тему. Онъ можетъ считаться наиболѣе восторженнымъ почитателемъ Венеры Каллипигосъ въ эпоху стараго режима.

Разнообразныя изображенія клистира, модныя въ 70 и 80 гг. XVIII в., также преслѣдовали только одну цѣль: показать и прославить эту часть женскаго тѣла въ возможно болѣе пикантной позѣ. Хотя этой процедурѣ подвергались также мужчины, художники изображали въ этой роли только женщинъ. Частое повтореніе этого мотива доказываетъ кромѣ того, что эпоха усматривала здѣсь наилучшее разрѣшеніе эротической проблемы въ ея вкусѣ. Въ рамкѣ поднятаго платья эта специфическая красота женскаго тѣла получила самое смѣлое освѣщеніе, а всегда преувеличенное retroussé вносило въ нее самую рафинированную пикантность.

Культъ удушливой красоты прекрасныхъ женскихъ ляшекъ— вотъ третья форма царившаго тогда культа женской красоты. Обыкновенно онъ тѣсно связанъ съ только что указаннымъ. Однако часто изображеніе этой части тѣла становится самоцѣлью или по крайней мѣрѣ главной темой, какъ на многочисленныхъ гравюрахъ Жоллэна, или на еще болѣе, можетъ быть, многочисленныхъ рисункахъ Чипріани, столь искусно выгравированныхъ Бартолоцци и другими.

И здѣсь также не было границъ находчивости. Эпоха стараго режима не переставала кистью художниковъ все снова изображать и прославлять эту специфическую прелесть и ей все казалось, что она не сказала еще послѣдняго слова, не исчерпала всѣхъ возможностей. Только время клало здѣсь границу.

А это время пришло, когда на зарѣ занимавшеся буржуазной культуры снова на мѣсто триединыхъ груди, лона и бедръ былъ поставленъ человѣкъ, какъ цѣлостное понятіе, а рядомъ съ новой Евой сталъ и новый Адамъ. Адамъ съ стальными мускулами, правда, непригодными для менуэта, но зато способными упрочить буржуазный порядокъ жизни, совершавшій въ концѣ XVIII в. свой шумный въѣздъ въ европейскую культуру.

III.

Ливрея разврата.

Костюмъ это та форма, которую духъ придаетъ тѣлу во вкусѣ времени. Каждая эпоха, создающая новаго Адама и новую Еву поэтому принципіально всегда создаетъ и новый костюмъ. Костюмъ все сызнова рѣшаетъ и пытается разрѣшить какъ эротическую проблему, такъ и проблему классового обособленія. Должна была придумать новое рѣшеніе этихъ проблемъ и эпоха абсолютизма. Разнообразныя, возникшія въ эпоху стараго режима моды представляютъ ни что иное, какъ варьяціи или развитіе тѣхъ же основныхъ линій, которыя были созданы основными силами и тенденціями эпохи.

Существеннѣйшее отличіе эпохи абсолютизма—и не только ея, а если откинуть короткій промежутокъ, занятый Революціей, вообще новѣйшаго времени—отъ Ренессанса заключается въ томъ, что съ этого момента начинается вновь эра—одѣтаго человѣка. Костюмъ уже не является, какъ въ эпоху Ренессанса, простой декораціей для нагого тѣла, а главнымъ, рядомъ съ чѣмъ живой человѣкъ отступаетъ далеко на задній планъ. Идеалъ красоты теперь осуществляется путемъ одежды, сосредоточивается въ одеждѣ. Она становится необходимостью. Отдѣлить человѣка отъ его костюма уже невозможно, ибо они составляютъ единое цѣлое. Только подъ покровомъ своей специфической одежды человѣкъ становится опредѣленной личностью.

Жера. Транспортъ проститутокъ.

25

Дюсартъ. Разные возрасты.

Въ эпоху абсолютизма люди вообще состоятъ только изъ платья и часто платье составляетъ всего человѣка.

Изъ этого важнаго обстоятельства слѣдуетъ, что отнынѣ въ исторіи нравовъ анализу специальной ливреи времени и тѣмъ варіаціямъ, которыя въ нее вноситъ мода, должно быть отведено значительно большее мѣсто, чѣмъ при характеристикѣ предыдущихъ періодовъ, такъ какъ они являются важными пособными средствами содѣйствія тенденціямъ эпохи и ихъ осуществленію. Доказательствомъ этого положенія можетъ, между прочимъ, служить и тотъ фактъ, что отнынѣ моды играютъ гораздо большую роль въ изобразительныхъ искусствахъ, чѣмъ прежде. Именно, съ XVII в. (если не считать нѣкоторыхъ подготовительныхъ явленій въ этомъ смыслѣ) начинаютъ появляться, съ тѣмъ, чтобы уже больше не исчезнуть, гравюры, посвященныя модамъ.

Мы ограничимся здѣсь, естественно, описаніемъ и анализомъ только существенныхъ чертъ, особенно къ тому же характерныхъ для исторіи половой морали.

Такъ какъ костюмъ одно изъ важнѣйшихъ средствъ классового обособленія, то новая мода всегда принципіально дѣло рукъ господствующихъ классовъ. Послѣдніе стараются всѣми мѣрами обособиться отъ низшихъ классовъ и по внѣшнему своему виду и тѣмъ еще ярче подчеркнуть свое господствующее соціальное положеніе.

Такъ какъ съ другой стороны въ эту эпоху сосредоточіемъ всего служитъ абсолютный государь, такъ какъ онъ мѣра всему, то не менѣе логично, что въ началѣ этой эпохи господствовали величественныя формы и линіи. Монархъ же неземного происхожденія и потому недоступенъ. Таковъ былъ, какъ мы знаемъ, основной законъ абсолютизма. Этотъ законъ долженъ былъ поэтому найти свое особо яркое выраженіе именно въ модѣ, созданной абсолютизмомъ. И мода нашла рѣшеніе задачи какъ въ кринолинѣ, такъ и въ характерныхъ для эпохи нагофренныхъ воротникахъ и оттопыривающихся бантахъ на платьѣ, какъ женщинъ, такъ и мужчинъ. Въ

такомъ костюмѣ человѣкъ становился въ самомъ дѣлѣ неприступнымъ, принуждая соблюдать почтительное разстояніе.

Физіономія абсолютизма оформилась впервые въ Испаніи и потому Испанія была родиной этой моды. Въ сатирическомъ памфлетѣ Des heutigen Frauenzimmers Sturmhaube (1690) говорится, между прочимъ: „лѣтъ тридцать тому назадъ каждый, кто хотѣлъ производить величественное впечатлѣніе, одѣвался по-испански. И вся Германія кишѣла испанцами. Теперь же всѣ одѣваются по-французски. А что послѣдуетъ за этой модой, вѣдомо одному Богу: даже и умнѣйшіе люди не смогутъ этого предсказать“.

Абсолютный монархъ не только недоступенъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно желаетъ показать свое величіе и могущество, свое богоподобіе. Эта вторая тенденція нашла свое характерное выраженіе во Франціи при Людовикѣ XIV. Человѣкъ невѣжественный и необразованный, онъ, однако, несомнѣнно, обладалъ большимъ чутьемъ въ вопросахъ представительства. Позднѣйшіе его панегиристы говорятъ: „Людовикъ XIV обладалъ въ такой степени сознаніемъ своего королевскаго величія, какъ ни одинъ изъ его предшественниковъ“. Было бы правильнѣе и точнѣе сказать: онъ былъ величайшимъ актеромъ идеи королевства божьей милостью, ни разу не сбившимся съ своей роли.

Правда, во Франціи абсолютизмъ нуждался въ такихъ ловкихъ комедіантахъ. Здѣсь народъ когда-то былъ силой и съ нимъ приходилось считаться. Вновь созданная власть абсолютнаго государя должна была здѣсь быть продемонстрирована народу наглядно и недвусмысленно. Въ Испаніи она въ этомъ не нуждалась: контрреформація въ союзѣ съ инквизиціей праздновала въ этой странѣ кровавыя оргіи и не сложила оружія, пока не была окончательно вытравлена послѣдняя свободная мысль и послѣдніе порывы къ свободѣ. Божественность королевской власти была здѣсь общепризнаннымъ догматомъ, въ которомъ никто не сомнѣвался, и абсолютизмъ поэтому не находилъ здѣсь нужнымъ итти на уступки. Всѣ искренно вѣрили, что испанскіе короли въ самомъ дѣлѣ облекшіеся въ человѣческія формы боги и здѣсь эта истина не нужда-

Бушэ. Влюбленная куртизанка.

Легранъ. Подвязка.

лась въ символахъ. Не то во Франціи, гдѣ побѣда абсолютизма надъ народомъ никогда не была такой полной.

Введеніе парика Allonge было тѣмъ средствомъ, на которое прежде всего напали, чтобы дать возможность мужчинѣ принять позу величественнаго и могущественнаго земного бога. Надо было начать съ прически, которая является не только неизмѣнной рамкой для головы, но и наиболѣе удобнымъ средствомъ продемонстрировать другимъ свою сущность. Ничто такъ хорошо не позволяетъ казаться простымъ, скромнымъ, сдержаннымъ, задумчивымъ, или смѣлымъ, дерзкимъ, веселымъ, фривольнымъ, циничнымъ, или наконецъ, чопорнымъ, недоступнымъ, величественнымъ, какъ именно специфическая прическа. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о стереотипномъ достиженіи именно впечатлѣнія величественности. Парикъ Allonge рѣшилъ эту проблему. Въ немъ голова мужчины становилась величественной головой Юпитера. Или какъ выражались тогда: лицо выглядывало изъ рамки густыхъ свѣтлыхъ локоновъ, какъ „солнце изъ-за утреннихъ облаковъ". Для усиленія этого впечатлѣнія, для доведенія его до крайности пришлось пожертвовать главнымъ украшеніемъ мужчины—бородой. Борода въ самомъ дѣлѣ исчезла вмѣстѣ съ воцареніемъ парика и снова появилась лишь, когда онъ исчезъ.

Въ женскомъ костюмѣ идея величія была осуществлена съ одной стороны удлиненіемъ шлейфа, съ другой—путемъ фонтанжа. Введеніе послѣдняго обыкновенно приписывается метрессѣ Людовика XIV, носившей это имя. На самомъ дѣлѣ этотъ чудовищный головной уборъ только заимствовалъ свое названіе у этой дамы. Введеніе его не было простымъ случайнымъ капризомъ, а какъ всякая мода, царившая болѣе или менѣе продолжительное время, неизбѣжнымъ звеномъ въ развитіи извѣстной категоріи явленій, постепенно подготовлявшимся. Фонтанжъ съ одной стороны логическое дополненіе парика Allonge, а съ другой столь же естественный противовѣсъ огромному шлейфу, длина котораго колебалась въ зависимости отъ двухъ до тринадцати метровъ. А чѣмъ длиннѣе былъ шлейфъ, тѣмъ выше становился и фонтанжъ.

Современные моралисты-проповѣдники даютъ намъ всегда больше всего свѣдѣній о сущности модъ и нравовъ эпохи. Такія данныя мы находимъ напр. въ проповѣдяхъ Абрагама а Санта Клара или въ памфлетѣ Des heutigen Frauenzimmers Sturmhaube, направленномъ спеціально противъ фонтанжа. Цѣлью фонтанжа авторъ послѣдняго сочиненія объявляетъ: „Женщины одѣваются такъ, чтобы остаться голыми, и надѣваютъ фонтанжъ, чтобы ихъ лучше было видно". Что моралисты не преувеличивали, нападая на чудовищные размѣры фонтанжа, видно хотя бы изъ того, что напр. въ Вѣнѣ онъ достигалъ порой одну Elle, т.-е. 1,30 метра.

Когда послѣ короткаго періода расцвѣта абсолютизма старыя формы государства и общества распадались, мода также должна была потерять свое недавнее чопорное величіе и подвергнуться процессу разложенія, который ярко обнаружился въ модахъ Рококо. Здѣсь все вывернуто на изнанку. Главныя линіи, однако, сохранялись или по крайней мѣрѣ къ нимъ постоянно старались вернуться. За продолжавшимся болѣе тридцати лѣтъ суверреннымъ господствомъ кринолина и фонтанжа послѣдовала сначала довольно продолжительная реакція, въ періодъ которой вернулись къ болѣе скромнымъ формамъ юбки и относительно болѣе разумнымъ видамъ прически. Послѣднее касается впрочемъ только женской прически— мужчины продолжали носить парикъ. Надо однако замѣтить, что эта реакція родилась не изъ какой нибудь разумной идеи, а лишь изъ стремленія какъ можно свободнѣе и беззастѣнчивѣе предаваться своимъ эротическимъ капризамъ, стремленія, замѣчаемаго во Франціи въ эпоху Регенства. Однако эта свобода носила въ своемъ внѣшнемъ выраженіи слишкомъ буржуазный характеръ, да и слишкомъ мало соотвѣтствовала интересамъ строгаго классового обособленія, чтобы положить конецъ смѣшному безумію моды, характеризующему первый періодъ господства абсолютизма. Рококо снова вернулось къ кринолину и высокимъ, какъ башня, прическамъ. Послѣдніе годы Рококо даже создали такія куафюры и такія кринолны, которые оставляли далеко позади себя все прежнее въ этомъ родѣ.

Юбка превратилась въ настоящее чудовище и оффиціальный

придворный костюмъ дѣлалъ каждую даму похожей на огромную движущуюся бочку. Только протянувъ руку, могла она коснуться руки спутника. А прическа становилась настоящей маленькой театральной сценой, на которой разыгрывались всевозможныя пьесы. Мы вовсе не преувеличиваемъ. Все, что производило въ общественной и политической жизни сенсацію, искусно воспроизводилось на головѣ дамы (сцены охоты, пейзажи, мельницы, крѣпости, отрывки изъ пьесъ и т. д.). Даже казни доставляли мотивы и сюжеты. Такъ какъ эпоха требовала прежде всего позы, то всѣ демонстрировали въ самой смѣшной формѣ свои чувства. Мечтательное возвращеніе къ природѣ символизировалось построеніемъ на головѣ фермы съ коровами, овцами, розами и пастухами, все, конечно, въ миніатюрномъ видѣ, или воспроизведеніемъ сѣющихъ и пашущихъ мужиковъ. Увлеченіе пасторалями въ свою очередь переносило на дамскія головы идиллическія и галантныя пастушьи сценки: Селадонъ совращаетъ Хлою, Филида и Тирсъ объясняются въ нѣжныхъ чувствахъ и т. д.

Дама, желавшая показать, что она преисполнена мужества, выбирала сражающихся солдатъ, галантная дама, кокетливо выставлявшая на показъ свои успѣхи, предпочитала носить на головѣ любовниковъ, дерущихся изъ-за обладанія ею на дуэли и т. д. Эта до смѣшного смѣлая мода возникла, какъ вообще всѣ моды, во Франціи, и не осталась, подобно остальнымъ, въ предѣлахъ Парижа, а совершила очень скоро свое тріумфальное шествіе по всѣмъ европейскимъ столицамъ. Въ описаніи нравовъ Вѣны, вышедшемъ въ 1744 г. подъ заглавіемъ Die Galanterien Wiens говорится:

„Головы вѣнокъ, на которыхъ они тащатъ съ собой цѣлые военные корабли, увеселительные сады и клѣтки съ фазанами, служатъ для иностранцевъ предметомъ удивленія, а ихъ волосы, надушенные всевозможными духами, такъ что отъ нихъ пахнетъ на разстояніи пятидесяти шаговъ, бьютъ по носу удивительными запахами“.

А въ другомъ мѣстѣ:

„Иногда ихъ головы похожи на парусныя лодки, съ мачтой и веслами. Я видѣлъ одну даму, употреблявшую для своей прически два

фунта помады, три фунта пудры, флаконъ eau de Lavande, mille fleurs и poudre marchale, шесть подкладокъ, нѣсколько сотъ шпилекъ, нѣкоторыя весьма значительной длины, нѣсколько десятковъ перьевъ и столько же пестрыхъ лентъ".

Подобныя данныя имѣются и относительно женщинъ другихъ странъ.

Когда эту прическу смѣнила мода на перья, эта послѣдняя характерная мода абсолютизма накануиѣ революціи, то это было только временнымъ возвращеніемъ къ разсудительности, такъ какъ и въ данномъ случаѣ очень скоро дошли до гротескныхъ сооруженій, какъ не трудно убѣдиться на основаніи многочисленныхъ описаній и изображеній.

Постоянная смѣна моды была высшимъ закономъ и въ области прически.

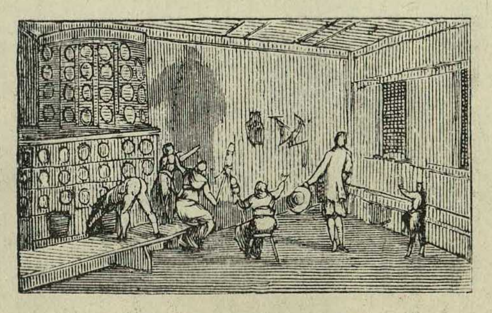
Придумать какую нибудь новую комбинацію въ этой сферѣ было поэтому горячей мечтой многихъ свѣтскихъ дамъ, а высшимъ тріумфомъ для такой дамы было видѣть, какъ придуманная ею новая комбинація нашла такое сочувствіе, что входила въ моду на нѣсколько недѣль или по крайней мѣрѣ дней—дольше не длилась ни одна мода. Марія Антуанетта каждую недѣлю совѣщалась со своимъ придворнымъ парикмахеромъ, знаменитымъ Леонаромъ, „великимъ Леонаромъ, тратившимъ на одну прическу около 19 метровъ газа и принципіально не пользовавшимся кружевами". И каждую недѣлю она заставляла его придумывать новыя комбинаціи, которыя она затѣмъ вводила въ моду.

Знаменитые куаферы никогда дважды не повторяли одной и той же прически и потому создавали впродолженіи года нѣсколько сотъ новыхъ комбинацій. Парижскій модный журналъ Courrier de la mode помѣщалъ въ 70 г. въ каждомъ выпускѣ около 9 новыхъ прическокъ, что составляетъ въ годъ 3744 образца. Въ эпоху безпредѣльнаго господства индивидуальныхъ капризовъ эти комбинаціи прославлялись, какъ высшее торжество индивидуализма. Разумѣется, это не болѣе, какъ смѣшная, гротескная сторона индивидуализма. Несомнѣнно, прическа всегда была средствомъ индивидуальной само-

Детруа: **Любительница кофе.**

Куртенъ: **Щедрый любовникъ.**

Публичное сѣченіе въ Россіи.

Любовный оракулъ 1709.

характеристики, средствомъ рѣзче выдѣлить особенности характера. И потому этимъ средствомъ всегда и пользовались. А такъ какъ эпоха абсолютизма не признавала ничего интимнаго, такъ какъ для нея существовала только поза, то она и превращала каждое отдѣльное ощущеніе въ оффиціальную и демонстративную обстановочную пьесу.

Была еще и третья тенденція, которая придавала особую линію тогдашнему костюму, именно та, которая и раньше и потомъ была главнѣйшимъ творцомъ новыхъ формъ моды, а именно: общественное бытіе господствующихъ классовъ. Во всѣ времена эта тенденція придавала всякой модѣ тѣ антропологическіе признаки, которые отличаютъ человѣка празднаго, человѣка, ставшаго предметомъ роскоши, отъ труженика. Въ эпоху абсолютизма эта тенденція должна была, однако, привести къ особо бросающимся въ глаза результатамъ. Такъ какъ специфическое общественное бытіе господствующихъ классовъ состояло въ праздности, то модѣ предстояла задача сдѣлать тѣло, предназначенное для праздности, неспособнымъ къ труду. И эта тенденція точно также вылилась въ самыя смѣшныя, гротескныя формы. Въ парикѣ, въ сюртукѣ, отороченномъ золотомъ и украшенномъ бриллiантами, въ кружевномъ жабо и т. д., мужчина могъ только медленно двигаться, а дама съ стянутой въ щепку таліей, въ похожемъ на бочку кринолинѣ и совсѣмъ почти не могла двигаться, должна была взвѣшивать каждый шагъ, если не хотѣла стать смѣшной, утерять равновѣсіе и упасть. Также точно и шлейфъ характерная черта неспособности къ труду, праздности. У тѣхъ классовъ и группъ, вся жизнь которыхъ была праздникомъ, шлейфъ поэтому сдѣлался оффиціально составной частью костюма.

Такъ какъ всѣ вышеупомянутыя тенденціи, формировавшія моду, сходились въ томъ, чтобы создать впечатлѣніе неспособности къ труду, то въ результатѣ и явилась та въ своемъ родѣ единственная картина моды, которая такъ отличаетъ эпоху Барокко и Рококо отъ всѣхъ другихъ эпохъ. Подчеркивая, что человѣкъ не только не хочетъ, а прямо не можетъ работать, моды эпохъ Барокко и Рококо отличались, естественно, крайней неограниченностью. Это

самая нелѣпая и въ сущности безобразная мода, которая когда либо существовала. Она безобразна, ибо находится въ кричащемъ противорѣчіи съ внутренней логикой костюма. Безусловная свобода человѣка пользоваться своими членами—таковъ высшій разумъ костюма, необходимая предпосылка гармонической и слѣдовательно красивой моды. Гдѣ принципіально исключена эта возможность безпрепятственныхъ движеній, тамъ нѣтъ мѣста гармоніи въ костюмѣ, тамъ костюмъ перестаетъ быть красивымъ въ общепринятомъ смыслѣ слова. Онъ можетъ считаться красивымъ развѣ только съ извѣстной спеціальной точки зрѣнія. Это замѣчаніе примѣнимо въ особенности къ модамъ эпохи абсолютизма.

Моды Барокко пышны, а моды Рококо—граціозны. Однако, величіе Барокко становится смѣшнымъ (люди, не умѣющіе отличить позу отъ дѣйствительности, говорятъ: „возвышеннымъ"), такъ какъ право предаваться всякому капризу отражается и въ костюмѣ. Грація же моды Рококо—это грація доведенной до послѣдней степени раффинированности, разлагающей человѣка на его составныя части, усматривающей въ нихъ и подчеркивающей ихъ исключительно, какъ орудія чувственнаго наслажденія. По отношеніи къ женщинѣ, она состоитъ въ смѣшномъ прославленіи и боготвореніи du sexe, какъ элегантно и вмѣстѣ цинически-откровенно выражаются французы. Никогда женщина не выглядывала такъ пикантно, такъ аппетитно, такъ вызывающе, словомъ никогда она не была такъ „женственна", какъ тогда. Спорить противъ этого не приходится, еще менѣе это положеніе можно опровергнуть. Необходимо, однако, называть вещи ихъ именами, вскрывать ихъ тайный смыслъ, если хочешь ихъ понять.

Эта специфическая пикантность, которую моды Рококо придавали женщинѣ—впрочемъ и мужчинѣ—ничто иное, какъ облекшійся въ классическую форму высшій разумъ тенденціи къ разврату. Моды Рококо—утонченнѣйшее рѣшеніе, придуманное европейской культурой, чтобы подчеркнуть въ костюмѣ эротическую нотку, безпредѣльно господствующую. А эта особенность въ связи съ упомянутымъ фактомъ, что это была мода паразитовъ и бездѣль-

никовъ, гарантировала ей продолжительное господство. Это господство продолжалось до тѣхъ поръ, когда было разрушено преобладанiе того класса, житейскую философiю котораго она выражала.

И хотя моды Рококо и исчезли, восхищенiе ими сохранилось до нашихъ дней. Почему?—на этотъ вопросъ отвѣчаетъ сокровенный смыслъ этой моды, нами выше выясненный. Дальнѣйшая характеристика особыхъ методовъ и средствъ, которыми достигалось это единственное въ своемъ родѣ впечатлѣнiе, только подтвердитъ это положенiе.

Насъ будетъ интересовать здѣсь преимущественно женская мода.

Такъ какъ главной программой эпохи было созданiе новой Евы, то ея различныя тенденцiи яснѣе всего обнаруживаются въ женскомъ костюмѣ. А, какъ мы уже знаемъ, главная тенденцiя въ идеологiи красоты состояла въ раздробленiи женскаго тѣла на отдѣльныя его прекрасныя подробности, преимущественно: грудь, лоно и бедра. Эта тенденцiя должна была поэтому особенно ярко выразиться въ модѣ. Даже больше: только мода могла осуществить эту тенденцiю, такъ какъ только костюмъ можетъ подчеркнуть или же разрушить гармоническое единство тѣла.

Чтобы имѣть возможность продемонстрировать въ духѣ времени отдѣльныя красоты, на которыя распалось женское тѣло, прежнiя средства были уже недостаточны. Для этого необходимо было придумать совсѣмъ новое средство. И оно было найдено. То былъ—каблукъ.

На первый взглядъ роль его въ ансамблѣ костюма можетъ показаться ничтожной. И однако онъ представляетъ одно изъ наиболѣе революцiонныхъ завоеванiй въ этой области. Каблукъ открываетъ совершенно новую эру подчеркиванiя тѣлеснаго момента, эру, въ которой мы сами еще пребываемъ и прiобрѣтенiями которой мы все

еще пользуемся. Необходимо поэтому прежде всего поговорить о немъ. Въ другомъ мѣстѣ (Die Frau in der Karikatur) мы уже указали на значенье каблука для выявленія женскаго тѣла. Мы замѣтили тамъ: каблукъ мѣняетъ самую манеру держаться; животъ втягивается, грудь выступаетъ впередъ; чтобы сохранить равновѣсіе, надо втянуть спину, благодаря чему выпуклѣе выступаетъ тазъ; особое положеніе колѣнъ дѣлаетъ походку моложавѣе и бойчѣе; выступающая впередъ грудь кажется пышнѣе, линіи бедеръ становятся напряженнѣе, ихъ формы пластичнѣе и яснѣе.

Къ этимъ словамъ необходимо еще прибавить: всѣ эти части тѣла предстаютъ передъ нами въ состояніи активности, а такъ какъ активность нѣкоторыхъ изъ этихъ частей тѣла, особенно груди, тѣсно связана съ половой жизнью, то ихъ воздѣйствіе на чувства получаетъ особенно вызывающій характеръ. Это впечатлѣніе активности можно уяснить себѣ не только при видѣ живой женщины, но и на основаніи многихъ видныхъ художественныхъ произведеній. Всегда, когда художнику приходилось подчеркивать эти особыя прелести или когда онѣ были главной задачей его художественнаго воспроизведенія, онъ придавалъ нютѣ позу, вполнѣ соотвѣтствующую той, которую она приняла бы, если бы была обута въ башмаки на каблукахъ. Достаточно указать на такія общеизвѣстныя произведенія, какъ статуя Венеры Каллипигосъ или картина Рубенса „Три граціи". Временному состоянію каблукъ придаетъ такимъ образомъ видимость постояннаго. А такъ какъ эпохѣ абсолютизма съ ея паразитической культурой было важно, чтобы женщина всегда производила впечатлѣніе половой активности, то эта эпоха и напала на мысль о каблукѣ. Чтобы убѣдиться въ томъ, что вызванная каблукомъ манера держаться не похожа на ту, которая характерна для среднихъ вѣковъ и для Ренессанса, достаточно также вспомнить большинство картинъ, посвященныхъ модамъ той эпохи, въ особенности картины Дюрера и Гольбейна (см. Ренессансъ).

Введеніемъ каблука блестяще была разрѣшена главная проблема вѣка, а именно: проблема разрушенія гармоніи тѣла и выявленія

отдѣльныхъ его красотъ. Искусственное обнаруженіе груди и таза равносильно демонстративному выставленію на показъ этихъ эротически дѣйствующихъ частей тѣла. Онѣ дѣйствуютъ подобно плакату: женщина точно говоритъ мужчинѣ: обрати вниманіе спеціально на эти прелести, онѣ—самое интересное, что у меня есть, и ихъ я хочу тебѣ показать прежде всего и т. д. И въ самомъ дѣлѣ: мужчина видитъ прежде всего именно эти части тѣла, для его взора онѣ самая главная приманка и часто онъ видитъ только ихъ.

Что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ проблемой, характерной спеціально для абсолютизма, доказывается до очевидности отдѣльными датами изъ исторіи каблука. До конца XVI в. знали только плоскую подошву. Каблукъ встрѣчается лишь начиная съ XVII в. Само собой понятно, что онъ явился не сразу, а лишь какъ конечное звено продолжительной эволюціи. Его предшественниками были гротескные ходульные башмаки, заимствованные, какъ говорятъ, испанцами у мавровъ. Однако мы встрѣчаемъ подобныя подставки и въ другихъ странахъ, напримѣръ въ Италіи, гдѣ ихъ называли Zoccoli (см. Ренессансъ). Эти подставки, достигавшіе порой значительной высоты (въ Венеціи даже, какъ говорятъ, 12 и 15 дюймовъ) служили двумъ цѣлямъ.

Наиболѣе извѣстная та, что онѣ должны были помогать пѣшеходу итти по всегда грязной улицѣ, не загрязняя самыхъ башмаковъ. Необходимо принять во вниманіе, что тогда нигдѣ не существовало тротуаровъ, что даже улицы были въ большинствѣ случаевъ не мощенныя, въ лучшемъ случаѣ мостились лишь нѣкоторыя главныя улицы, всѣ же остальныя впродолженіи года были покрыты грязью, превращавшейся послѣ каждаго дождика въ огромныя бездонныя лужи. До насъ дошли извѣстія, касающіяся разныхъ городовъ, о томъ, что тамъ то и дѣло лошади уходили по колѣно въ грязь, даже о томъ, что иногда въ грязи утопали и погибали животныя и люди. Нечистоты выбрасывались на улицу даже еще въ XVI в. и такъ какъ уборныя существовали лишь въ немногихъ домахъ, то люди обычно отправляли свои естественныя потребности на улицѣ. По-

этому даже на мощенныхъ улицахъ протекалъ мутный ручеекъ нечистотъ, проходимый лишь въ извѣстныхъ мѣстахъ. Такъ обстояло дѣло еще въ XVIII в., какъ видно изъ гравюры Гарньэ, иллюстрирующей обычную тогда сцену, какъ дюжій парень, живущій этимъ промысломъ, переноситъ черезъ такой взбухшій отъ дождя грязный потокъ на спинѣ элегантную даму.

При такихъ обстоятельствахъ подставка подъ башмакомъ была необходимымъ аксессуаромъ и ея примѣненіе вполнѣ понятно. Но подобно тому, какъ все, что касается женскаго костюма, бываетъ женщиной использовано еще и въ ея спеціальныхъ интересахъ, такъ и эти подставки становились для нея удобнымъ средствомъ эффектнѣе подчеркнуть извѣстныя линіи. Она дѣлала такимъ образомъ свою фигуру болѣе видной и, слѣдовательно, болѣе величественной. Доказательствомъ можетъ служить помѣщенный въ первомъ томѣ нашей „Исторіи нравовъ“ портретъ венеціанской куртизанки. И постепенно эта послѣдняя цѣль становилась главной, что видно хотя бы изъ того, что подобныя подставки употреблялись и въ тѣхъ случаяхъ, когда на улицѣ не было никакой грязи, какъ и изъ того, что онѣ употреблялись только такими женщинами, которыя умѣли ловко прятать ихъ подъ шлейфомъ.

Первые каблуки отличались неуклюжей формой, какъ показываютъ не только изображенія, а еще яснѣе хранящіеся въ разныхъ музеяхъ башмаки начала XVII в. Очень скоро стали однако появляться и болѣе изящные. Люди научились пользоваться этимъ изобрѣтеннымъ ими для осуществленія ихъ специфическихъ цѣлей средствомъ, выявлять всѣ скрытыя въ немъ возможности. Вплоть до нашихъ дней поэтому постоянно производились всевозможные эксперименты съ каблукомъ. Съ одной стороны онъ становился средствомъ придать фигурѣ больше гордости и величія, съ другой—онъ позволялъ ногѣ казаться маленькой. Для этого было достаточно подвинуть его впередъ. Постепенно пріемы эти становились все менѣе грубыми, достигали все болѣе тонкихъ оттѣнковъ. Для каждаго класса, для каждой группы каблукъ становился средствомъ лучше

Мирисъ. Искушеніе.

28

Фрагонаръ. **Любовная надпись.**

всего выявить свою сущность, свои характерныя особенности. У почтенной мѣщанки онъ былъ не такой, какъ у дамы или кокотки. Первоначально широкій и неуклюжій онъ постепенно достигъ такой высоты, что на немъ нельзя уже было ходить, а можно было только подпрыгивать.

Въ эпоху Людовика XIV онъ былъ вышиною въ шесть дюймовъ и продержался на этой высотѣ почти безъ измѣненія до самой революціи.

Какое впечатлѣніе производили дамы въ такомъ башмакѣ, видно напр. изъ одного мѣста въ мемуарахъ Казановы. Онъ сообщаетъ, что видѣлъ однажды, какъ французскія придворныя дамы переходили изъ одной комнаты въ другую въ припрыжку, подобно согнувшимся кэнгуру. Такую позу дамы должны были принять, если хотѣли сохранить равновѣсіе.

Первоначально такіе каблуки носили какъ женщины, такъ и мужчины, ибо они отвѣчали потребностямъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Но кажется нѣтъ надобности доказывать, что ихъ значеніе для женщины было безконечно важнѣе. Хотя и мужской каблукъ отличался порой значительной высоты, только женскій достигалъ вышеуказанной гротескной вышины. И вокругъ него вращалось преимущественно вниманіе экспериментаторовъ.

Такъ какъ каблукъ обслуживалъ главнымъ образомъ интересы дамъ, такъ какъ оргія его господства совпадаетъ съ вѣкомъ абсолютизма, то это явное доказательство, что онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ и характернѣйшихъ символовъ вѣка женщины. Признанная въ ту или другую эпоху относительная высота каблука можетъ прямо служить мѣриломъ господства женщины. Онъ становился тѣмъ выше, чѣмъ больше въ общественномъ бытіи господствующихъ классовъ женщины занимали мѣсто боготворимаго олицетворенія эротики и онъ достигъ своей наиболѣе головокружительной высоты тогда, когда господство женщины дошло до высшаго предѣла и праздновало свои самыя дикія оргіи, а именно въ эпоху Людовика XV, когда принципъ „наслаждайтесь“, когда возгласъ

„послѣ насъ потопъ“ были единственной религіей господствующихъ классовъ.

Лицомъ къ лицу съ такими несомнѣнными фактами можно безъ преувеличенія сказать: необходимой предпосылкой изобрѣтенія каблука было возведеніе на престолъ женщины, какъ высшаго божества. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ доказательствомъ пораженія мужчины, всецѣло подчинившагося какъ рабъ своимъ желаніямъ, исключительно направленнымъ на физическое наслажденіе.

Дальнѣйшая исторія каблука позволитъ намъ подвергнуть наше утвержденіе провѣркѣ. Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ господства въ обществѣ и государствѣ женщины должны были исчезнуть и гротескныя формы каблука. Такъ оно и случилось. Правда, не навсегда. Онѣ снова появились, какъ только въ обществѣ обнаруживались аналогичныя тенденціи, напр. въ эпоху второй имперіи во Франціи, а у тѣхъ группъ и индивидуумовъ, которыя осуществляли свои главнѣйшіе жизненные интересы путемъ эротическаго воздѣйствія на мужчину, т.-е. у свѣтскихъ дамъ и кокотокъ, до смѣшного высокій каблукъ сохранился навсегда. Онъ былъ неизмѣннымъ спутникомъ всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыя должны были исполнять прежде всего функціи орудія полового наслажденія или которымъ было важно выполнять эту функцію въ повышенной степени.

Всегда же тогда, когда женщина какъ индивидуумъ или классъ сознательно становилась человѣкомъ, она сокращала размѣры каблука. Ибо только такимъ путемъ она становилась цѣльнымъ существомъ, переставала быть механическимъ соединеніемъ груди, лона и бедръ, т. е. существомъ половымъ, обреченнымъ постоянно воздѣйствовать на сексуальныя чувства мужчины.

Если высокій женскій каблукъ представляетъ наиболѣе важное пріобрѣтеніе въ области моды эпохи абсолютизма, то ея наиболѣе бросающейся въ глаза чертой является выставленіе на показъ женской груди.

Дамы носили тогда декольтэ не только въ праздничныхъ слу-

чаяхъ, но и дома, на улицѣ, въ церкви, однимъ словомъ вездѣ. Еще въ эпоху Ренессанса, правда, мужчинамъ показывали эту часть тѣла какъ можно чаще. Однако было въ этомъ отношеніи важное различіе, на которое слѣдуетъ указать. Это различіе между обнаженной и раздѣтой грудью. Отличіе это обусловливается не степенью оголенія груди, а общей тенденціей костюма и особымъ способомъ демонстрированія этой прелести. Эпоха Ренессанса показывала взорамъ обнаженную грудь. Она оставляла грудь непокрытой, какъ непокрытыми были лицо и руки. Это вполнѣ органическая черта, такъ какъ въ эпоху Ренессанса весь костюмъ былъ только, собственно говоря, декораціей для нагого тѣла.

Эпоха абсолютизма поставила на мѣсто обнаженной груди грудь раздѣтую, раскрытую. Логика новаго костюма требовала, чтобы грудь была закрыта. Но женщина хотѣла показать мужчинѣ свою грудь: „я знаю, ея видъ взволнуетъ твои чувства и такъ какъ это совершенно соотвѣтствуетъ моимъ намѣреніямъ, то я и показываю ее тебѣ"—таково тайное признаніе каждой женщины. И вотъ она демонстративно дѣлаетъ отверстіе въ платьѣ, обнажая грудь, раскрываетъ свое платье спереди подобно тому, какъ иногда она поднимаетъ юбку, чтобы показать ножку. То, что въ эпоху Ренессанса только показывалось, теперь прямо предлагается мужчинѣ.

Въ Leibdiener der Schönheit говорится:

„Женщина должна, стоя или сидя, выставлять впередъ грудь, что является признакомъ красоты".

Это значитъ другими словами: необходимо всегда находиться въ такомъ положеніи, которое каблукъ придаетъ женщинѣ, стоящей или сидящей... Чтобы достигнуть этой цѣли, чтобы помѣшать женщинѣ принять иную какую-нибудь позу, каблукъ получаетъ союзника въ видѣ лифа, потомъ корсета: онѣ та форма, въ которую отливается женское тѣло. Верхняя часть женскаго тѣла облекалась въ броню изъ рыбьей кости, которая безжалостно отодвигала назадъ плечи и руки и тѣмъ самымъ заставляла грудь выдаваться впередъ. Теперь грудь получала такое положеніе, въ которомъ ее хотѣли преимущественно видѣть. Или другими словами и яснѣе: теперь

грудь представлялась взорамъ всегда въ томъ видѣ, въ какомъ она, собственно говоря, по законамъ природы бываетъ только въ моментъ эротическаго возбужденія. Симулировать постоянную эрекцію женской груди—вотъ высшее требованіе красоты съ точки зрѣнія эпохи.

Отсюда вытекаетъ не только декольтэ, а декольтэ, возможно болѣе глубокое, такъ какъ только такимъ образомъ достигается имѣющаяся въ виду цѣль. Эпоха доходила поэтому до самыхъ гротескныхъ формъ оголенія груди. Вырѣзъ дѣлался какъ можно глубже и больше. Въ описаніяхъ современныхъ нравовъ часто встрѣчаются фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Женщина не позволяетъ портному закрывать высокія снѣжныя горы" или „Галантная дама любитъ показать, что на вершинахъ этихъ красивыхъ горъ горитъ огонь нѣжной страсти". Въ „Die Galanterien Wiens" говорится: „Не слишкомъ закрывайте —замѣтила недавно въ моемъ присутствіи одна красавица, когда скульпторъ женской красоты примѣрялъ ей платье".

Такъ какъ при обнаженіи груди—при всемъ желаніи итти какъ можно дальше—приходится все же соблюдать извѣстныя границы, то старались какъ можно выше поднять грудь при помощи лифа. Многія матери придерживались тогда того взгляда, что дѣвушки должны выставлять на показъ какъ можно больше изъ того, чѣмъ ихъ наградила природа. Въ Versuch einer Charakteristik des weiblichen Geschlechts Покеля говорится:

„Мало ли существуетъ матерей, не только дозволяющихъ дочерямъ одѣвать неприличный костюмъ, но даже и наталкивающихъ ихъ на это. Недавно одна мать замѣтила дочкѣ въ обществѣ, гдѣ были какъ дамы, такъ и мужчины: „Глупая дѣвочка, ты почти совсѣмъ закрыла свою грудь. Терпѣть не могу этой дурацкой стыдливости. Дѣвушка недурна собой, а ея gorge самая прекрасная во всей округѣ".

Подобная стыдливость глупа въ глазахъ опытной женщины, знающей, что нѣтъ для мужчины болѣе соблазнительной приманки.

Такой пріемъ позволялъ даже зрѣлымъ женщинамъ, грудь которыхъ уже не отличалась дѣвичьей свѣжестью, симулировать пыш-

Дикинсонъ: **Лидія.**

Утренняя ванна. Нѣмецкая гравюра.

Англійская проститутка.

ную грудь, тѣ же, кого природа лишила подобнаго преимущества, прибѣгали къ искусственнымъ средствамъ, къ подкладкамъ. Такъ какъ полное обнаженіе груди дѣлаетъ невозможной такую симуляцію, то оно и не было принято, или пускалось въ ходъ развѣ только отдѣльными лицами, при томъ преимущественно въ праздничныхъ случаяхъ. Такъ, миссъ Чёдли (Cudleigh), будущая герцогиня Кингстонъ, появилась въ 1719 г. на балу у венеціанскаго посла въ видѣ Ифигеніи, въ костюмѣ, который лэди Монтэгю описала такъ:

„Платье, или вѣрнѣе, отсутствіе платья (undress) на миссъ Чёдли было достопримѣчательно. Она изображала Ифигенію, которую готовятся принести въ жертву, но столь обнаженную, что главный жрецъ могъ съ легкостью подвергнуть изслѣдованію ея внутренности“.

Цѣлый рядъ случаевъ доказываетъ, что красивыя женщины не довольствовались тѣмъ, что показывали такъ смѣло свою грудь или дома, или въ праздничной залѣ, а любили въ такомъ видѣ выходить на улицу. Красавица—жена шотландца Депортера часто прогуливалась въ Парижѣ подъ руку съ мужемъ, съ совершенно обнаженной грудью. Хотя подобныя зрѣлища и не были рѣдкостью, но иногда, какъ намъ сообщаютъ, происходили настоящія скопища. То были отнюдь не враждебныя демонстраціи, напротивъ „каждый хотѣлъ вблизи насладиться прекрасной грудью, возбуждавшей въ зрителяхъ сладострастныя чувства“. О вышеупомянутой миссъ Чёдли также сообщаютъ, что она любила на улицахъ Лондона „выставлять на показъ алчнымъ и восхищеннымъ взорамъ мужчинъ прелести своей несравненной груди“. Другой современникъ разсказываетъ о трехъ молодыхъ англичанкахъ, которыя каждый день прогуливались вмѣстѣ по аллеямъ вокзала: груди ихъ производили сенсацію, потому что ни одна не походила на другую. „Каждый день люди спорили, кому присудить пальму первенства, и никакъ не могли столковаться“.

Впрочемъ, такое смѣлое декольтэ, повидимому, было исключеніемъ уже по одной той важной причинѣ, что при частичномъ декольтэ легче симулировать впечатлѣніе постоянно приподнятой гру-

ди, чѣмъ при полномъ ея обнаженіи: послѣднее было въ модѣ, напр., при дворѣ Карла II, въ Англіи.

О степени декольтэ мы больше и лучше всего узнаемъ отъ современныхъ моралистовъ-проповѣдниковъ. Если для большинства другихъ писателей декольтэ дѣло настолько понятное, что они вспоминаютъ о немъ лишь вскользь, то для моралистовъ она была „причиной всякаго зла". Глубокій вырѣзъ на груди кажется имъ входомъ въ адскую пасть, въ геенну огненную, которая всѣхъ поглощаетъ и всѣмъ грозитъ—юношѣ, мужчинѣ, старику, которая уничтожаетъ всѣ лучшія намѣренія и т. д. О размѣрахъ вырѣза въ XVII в. говорится: „Женщина хочетъ, чтобы онъ былъ по крайней мѣрѣ настолько великъ, чтобы двѣ мужскія руки могли удобнѣе проскользнуть, хотя онѣ ничего не имѣютъ и противъ того, чтобы онъ былъ еще *немного* больше". По словамъ сатириковъ выходитъ, что подъ этимъ „немного" слѣдуетъ подразумѣвать возможность для женщины все показать, а для мужчины все видѣть, ибо, если какъ слѣдуетъ заглянуть въ сердце женщины, то очень скоро стало бы ясно, что онѣ сами бы предпочли бы ходить совсѣмъ голыми.

Въ сатирическомъ памфлетѣ Der dencsche Kleideraffé, авторъ, котораго спрятался подъ псевдонимомъ Almodo Pickelhbring (1685), гдѣ подъ видомъ дискуссіи между портнымъ и его подмастерьемъ изображены—не столько остроумно, сколько многословно,—всѣ современныя нелѣпости моды, между прочимъ, говорится:

„Между тѣмъ, какъ г. Флоріанъ такъ ораторствовалъ, Гарсону прислали для передѣлки роскошное дамское платье. Наверху оно было такъ вырѣзано, что едва доходило до сердца. Гарсонъ показалъ его ради курьеза нашему Флоріану и сказалъ: „недурная мода, очень откровенная мода, очень откровенная мода!" Флоріанъ выразилъ свое удивленіе и замѣтилъ: эта проклятая мода должна возмутить всякаго цѣломудреннаго человѣка. Я готовъ поклясться, что многія ходили бы съ удовольствіемъ совсѣмъ безъ платья и съ удовольствіемъ выставляли бы на показъ свой костюмъ Евы, если бы только возникла подобная мода"... Авторъ книги „Der

Бодуэнъ. Плодъ запретной любви.

30

Шаллъ. **Le Comparaison.**

Leibdiener der Schönheit" принципіально ничего не имѣетъ противъ декольтэ. Онъ только желалъ бы, чтобы грудь обнажалась не слишкомъ, такъ какъ это все же „неприлично". Онъ возстаетъ главнымъ образомъ противъ обычая подпирать грудь лифомъ, такъ что она превращается „въ выставку предметовъ, предназначенныхъ для продажи". „Подобное оголѣніе груди должно, несомнѣнно, вызвать соблазнъ и скандалъ, какъ хорошо доказалъ авторъ превосходной книги объ оголѣніи груди. Я весьма рекомендую эту книгу въ качествѣ зеркала".

„Превосходная книга", о которой здѣсь говорится, это вышедшее съ 1686 г. разсужденіе: Dass die Brüste sein ein gross Gerüste böser Lüste. Ея авторомъ былъ протестантскій пасторъ, и она можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе ярыхъ памфлетовъ, когда-либо написанныхъ. Вѣроятно, она пользовалась большимъ успѣхомъ, такъ какъ часто переиздавалась и воровскимъ образомъ перепечатывалась.

Въ началѣ XVIII в. въ моду вошла накидка Adrienne или же Volante, накидка, придававшая женщинѣ видъ, будто она въ неглижэ и потому производившая особенно пикантное впечатлѣніе. Эта мода въ особенности вызвала гнѣвъ проповѣдниковъ морали, такъ какъ дамы одѣвали ее, когда утромъ посѣщали церковь. Если во всѣ времена женщина ходила въ церковь менѣе всего для молитвы, главнымъ же образомъ, чтобы показать свой костюмъ, то въ XVIII вѣкѣ женщины очень скоро поняли, что едва ли имъ найти болѣе удобнаго случая показать свою грудь, какъ именно въ церкви, во время колѣнопреклоненія, когда такъ удобно заглянуть къ нимъ въ корсажъ. Эти неблагочестивыя кокетки не могли, естественно, укрыться отъ взоровъ священниковъ, и потому послѣдніе рѣзко обрушивались на обычай декольтировать грудь въ церкви.

Вообще говоря, поповскій гнѣвъ противъ маніи женщины оголяться, проходилъ безрезультатно, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ все-таки удалось провести нѣкоторыя ограничительныя мѣры. Такъ, напримѣръ, въ 1730 г. вѣнкамъ было запрещено посѣщать въ Адріеннѣ или волантѣ большіе храмы, ставшіе настоящими рынками

любви... Еще болѣе характернымъ для эпохи намъ представляется тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ, въ Италіи и Франціи въ XVII и въ XVIII в. даже монашенки ходили декольтэ. Объ этомъ часто сообщаетъ Казанова и его слова, вполнѣ подтверждаются венеціанскими картинами, изображающими сцены изъ монастырской жизни. Хотя этотъ фактъ очень характеренъ, однако, въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что тогда, какъ и въ эпоху Ренессанса, многія женскія монастыри были просто дворянскими пріютами, куда отправляли дочерей, которыхъ по денежнымъ соображеніямъ не могли выдать замужъ, или куда благородныя дамы на время уединялись по особымъ причинамъ.

Если церковныя проповѣди, осуждавшія декольтэ, оставались до извѣстной степени безплодными, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что эта мода господствовала на протяженіи всей эпохи абсолютизма. Даже въ XVIII в. въ этой области замѣчаются рѣзкія колебанія. Самое смѣлое обнаженіе груди смѣнялось ея почти герметическимъ закупориваніемъ. Дебютировала эпоха абсолютизма поистинѣ чрезмѣрно расточительнымъ декольтэ—во второй половинѣ XVII вѣка. Десятилѣтіе спустя, въ началѣ XVIII в., напротивъ, обнажать грудь болѣе чѣмъ на два дюйма ниже шеи уже считалось неприличнымъ. Въ серединѣ этого столѣтія хорошимъ вкусомъ отличалась опять та дама, которая выставляла на показъ большую часть груди и плечъ, а нѣсколько лѣтъ спустя снова каждая женщина закрывала грудь до самой шеи и т. д.

Какъ-будто нѣтъ единообразія.

Однако, эта смѣна не опровергаетъ основнаго положенія, а только обнаруживаетъ тотъ темпъ самоуничтоженія, съ которымъ абсолютизмъ творилъ надъ собой судъ исторіи. Абсолютизмъ, достигшій во второй половинѣ XVII в. вершину могущества, въ началѣ XVIII в. во всѣхъ странахъ обанкротился. Наступила первая реакція, первое тяжелое похмелье, продолжавшееся въ однихъ странахъ одно, въ другихъ—нѣсколько десятилѣтій. Банкротство потомъ не прошло, правда, зато породило вѣчно одинаковый ме-

тодъ банкрота, который созналъ свое положенiе и съ обычнымъ для банкрота девизомъ, après nous le déluge бросается съ послѣдними силами въ вихрь извращенно-безумнаго самоистребленiя. Своей высшей точки это лихорадочное возбужденiе абсолютизма достигло въ серединѣ XVIII в. И на этотъ разъ за кризисомъ послѣдовала—смерть, смерть медленная, но вѣрная, прерываемая лишь послѣдними экстазами агонiи, пока эти судороги абсолютизма не потонули окончательно, жалко и печально въ водоворотѣ рожденiя новаго буржуазнаго мiра.

Этимъ перiодомъ подъема и пониженiя должны были подчиниться всѣ формы жизни, а также, разумѣется, и мода, всегда являющаяся одной изъ наиболѣе непосредственныхъ эманацiй общественнаго бытiя. Каждый разъ, когда наступало такое похмелье, исчезала мода на декольтэ. И все-таки: въ эволюцiи моды проходитъ единая прямая линiя, которая ясно бросается въ глаза. Она выражается въ постоянномъ возвращенiи къ вышеописаннымъ типическимъ формамъ преувеличеннаго декольтэ, какъ только за пониженiемъ настроенiя слѣдовало новое опьяненiе, новый экстазъ.

Гораздо большее влiянiе на общую картину моды, чѣмъ нравственное негодованiе мелкобуржуазныхъ моралистовъ, имѣли интересы классоваго обособленiя. Тамъ, гдѣ господствующiе классы были настолько сильны и, пока они были настолько сильны, чтобы осуществить свои особые интересы также и въ внѣшнемъ обликѣ, они запрещали женщинамъ низшихъ классовъ ношенье платьевъ съ большимъ вырѣзомъ. Высшiе классы хотѣли одни пользоваться этой выгодной привилегiей. Женщина этого круга должна была отличаться уже своей внѣшностью отъ черни. Конечно, приходится считаться съ необезпеченностью среднихъ классовъ и всѣмъ извѣстной бѣдностью народа, не позволявшимъ имъ пользоваться такими безстыдными и, естественно, дорого стоившими модами—все же интересы классоваго обособленiя, столь близкiе сердцу господствующихъ классовъ, были той главной рѣшающей причиной, почему во многихъ мѣстахъ бюргерство такъ замѣтно отличалось отъ высшихъ сословiй „приличiемъ“ своей одежды.

На это указываетъ цѣлый рядъ документовъ, изъ которыхъ видно, что мѣщанки, вынужденныя скрывать отъ взоровъ публики свою физическую красоту, ничему такъ не завидовали, какъ именно этой привилегіи дамъ высшихъ классовъ, имѣвшихъ право раскрывать взорамъ всю красоту своего тѣла. Въ своемъ описаніи Берлина (конца XVIII в.) Мерсьэ констатируетъ эту зависть у берлинокъ. Онъ говоритъ:

„Долгое время наши красавицы не могли понять, почему обнаженныя шеи мѣщанокъ и горничныхъ обладаютъ такой притягательной силой, но потомъ онѣ смекнули, въ чемъ дѣло, и теперь пользуются этимъ красивымъ зеркаломъ, отражающимъ столько чаръ для глазъ похотливаго знатока. Съ завистью и ревностью косятся теперь бѣдныя мѣщанки на оголенныя плечи дамъ высшихъ сословій, такъ какъ сами онѣ теперь лишены этого права. А если уже красивая дѣвушка низкаго происхожденія, стоявшая у корыта съ засученными рукавами, производила такое впечатлѣніе, то какія же опустошенія въ сердцахъ должны произвести оголенныя плечи нашихъ дамъ“.

Находились, однако, и женщины въ среднихъ классахъ, которыя не боялись риска и подражали этимъ смѣлымъ модамъ. Это доказываютъ съ очевидностью упомянутыя бранныя проповѣди моралистовъ, обращавшіяся прежде всего къ „народу“. Если послѣдній и не могъ доходить до тѣхъ же границъ, то онъ силился во всякомъ случаѣ приблизиться къ нимъ: и здѣсь были безсильны какіе бы то ни было запретительные указы. Можно было бы привести для каждаго изъ затронутыхъ здѣсь пунктовъ еще цѣлый рядъ характерныхъ документовъ. Мы позволимъ себѣ ограничиться немногими здѣсь приведенными данными: ихъ достаточно для нашей цѣли. Обрушиваясь главнымъ образомъ на „голую одежду“, эти документы доказываютъ своими страстными нападками на декольтэ, какую огромную роль это послѣднее играло во всей тогдашней общественной жизни, доказываютъ, что вниманіе всѣхъ было тогда сосретодочено на этомъ смѣломъ средствѣ ловли мужчинъ,

До пирушки. Английская гравюра XVIII в.

31

что имъ пользовались съ одинаковымъ усердіемъ женщины всѣхъ сословій.

Приведенныя цитаты взяты исключительно изъ нѣмецкихъ писателей и описываютъ только нѣмецкіе обычаи. Въ другомъ мѣстѣ мы уже выяснили, что нѣмецкія моды всегда были только копіей съ иностранныхъ. Поэтому совершенно достаточно указать, что въ другихъ странахъ въ ходу было такое же чудовищное декольтэ и что повсюду—во Франціи, Англіи и Италіи—эта мода встрѣчала подобное же противодѣйствіе, исходившее отъ тѣхъ же круговъ. Во Франціи противъ „порока оголенія грудей" писали главнымъ образомъ, янсенисты, а въ Англіи—пуритане. Когда въ Англіи въ эпоху реставраціи—безстыдство моды превзошло все ранѣе извѣстное въ этомъ отношеніи, появился рядъ протестующихъ памфлетовъ. Укажемъ лишь на слѣдующіе:

Въ 1762 году вышла книга „Новое наставленіе юношеству", а въ 1674 г. послѣдовала книга Э. Кука „Справедливыя и разумныя обвиненія противъ оголенія плечъ и рукъ", и, наконецъ, въ 1683 г. памфлетъ, озаглавленный: „Тщеславіе Англіи или гласъ божій, поражающій грѣхъ гордости, проявляющейся въ костюмѣ и во внѣшности". Изъ этихъ сочиненій особенную сенсацію произвело второе, къ которому знаменитый тогда богословъ Ричардъ Лакстеръ написалъ предисловіе.

Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, всѣ страны были въ одинаковомъ положеніи. Однако, соотвѣтствіе это болѣе внѣшнее. По существу между названными англійскими сочиненіями и однородными нѣмецкими памфлетами огромная разница. Въ англійскихъ сочиненіяхъ сказывается косвенно, но все же достаточно ярко протестующее отношеніе буржуазіи противъ абсолютизма Карла II. Вѣдь эти памфлеты нападаютъ, главнымъ образомъ, и прежде всего на придворныя моды. Англійская буржуазія хотѣла свои почтенныя права противоставить безстыдству двора.

Совершенно иная тенденція проникаетъ большинство нѣмецкихъ памфлетовъ противъ развратныхъ модъ. Въ нихъ явственно слышится голосъ выдрессированной вѣрноподданнической души,

совершенно лишенной чувства собственнаго достоинства, находящей чудовищнымъ преступленiемъ, что бюргерство можетъ осмѣлиться подражать тому, что является и должно остаться привилегiей лишь знати и высшихъ сословiй: здѣсь эти моды, по мнѣнiю моралистовъ, и не являются вовсе грѣхомъ.

Для характеристики половой морали эпохи абсолютизма юбка не имѣетъ того же значенiя, какъ декольтэ, хотя въ типическихъ линiяхъ *кринолина* она также облеклась въ форму, ярко отражавшую духъ абсолютизма. Все же и ея значенiе настолько велико, что отказаться отъ освѣщенiя этого средства галантности значило бы затушевать нѣкоторыя весьма существенныя подробности общей картины, такъ какъ въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не только о новомъ воплощенiи идеи величiя, а также преимущественно о выработкѣ эротически-возбуждающихъ линiй.

Кринолинъ является дальнѣйшимъ развитiемъ того Wulstenrock, который вошелъ въ моду еще въ эпоху Ренессанса, чтобы достигнуть своихъ наиболѣе гротескныхъ формъ въ перiодъ восходящаго абсолютизма. Кринолинъ былъ лучшимъ, т.-е. болѣе раффинированнымъ рѣшенiемъ той самой задачи, которую ставилъ себѣ еще его предшественникъ эпохи Возрожденiя. Подобно фонтанжу, да и большинству тогдашнихъ модъ, происхожденiе кринолина также приписывается мимолетному капризу одной изъ королевскихъ метрессъ, а именно г-жѣ Монтеспанъ, желавшей какъ можно дольше скрыть отъ придворнаго общества свою беременность. Въ одномъ письмѣ Елизаветы-Шарлотты изъ Парижа (отъ 22 iюля 1718 г.) говорится:

„Г-жа Монтеспанъ изобрѣла Robes batantes, чтобы скрыть свою беременность, такъ какъ въ нихъ не видно тальи. Но даже если она ихъ надѣваетъ, то все равно у нея на лбу написано, что она беременна. При дворѣ всѣ говорили: M-me Монтеспанъ a la robe batante, elle est donc grosse. Я думаю, она дѣлала это нарочно въ надеждѣ, что на нее будутъ тѣмъ больше обращать вниманiя, чего она на самомъ дѣлѣ и достигла“.

Что причина возникновенiя кринолина не эта, видно хотя

бы изъ того, что онъ существовалъ въ Англіи еще раньше, чѣмъ вошелъ въ моду во Франціи. Нельзя, однако, отрицать, что цѣль, которую съ нимъ связала г-жа Монтеспанъ, составляла въ эпоху галантности одно изъ его важныхъ преимуществъ. Вѣдь большинство свѣтскихъ дамъ подвергалось каждый день опасности внѣбрачной беременности и въ беременности очень многихъ дамъ чаще мужа былъ виноватъ другъ. Въ интересахъ репутаціи всѣхъ этихъ дамъ было какъ можно дольше скрывать свое роковое паденіе на гладкомъ паркетѣ галантныхъ похожденій. Если это удавалось, то подозрительному свѣтскому обществу, при видѣ беременной женщины менѣе всего думавшему о мужѣ, было трудно отвѣтить на вопросъ о законности ея интереснаго положенія. Кринолинъ получилъ поэтому также названіе: cache-batard.

Также точно позволялъ кринолинъ скрывать беременность незамужнимъ женщинамъ, которымъ приходилось расплачиваться за свою уступчивую нѣжность. Въ одномъ шуточномъ стихотвореніи, вышедшемъ въ 1730 году въ Аугсбургѣ, говорится: Если забеременѣла дѣвица, то ей достаточно спрятать свою беременность подъ кринолиномъ и никому въ голову не придетъ подвергнуть сомнѣнію ея честь". Но и законную беременность старались тогда скрывать какъ можно дольше. Такъ какъ выше всего цѣнилось наслажденіе, то женщина хотѣла использовать всѣ его возможности и какъ можно больше сократить срокъ служенія цѣлямъ природы. „Порядочная" дама также стремилась скрыть свое положеніе до послѣдней минуты. Къ тому же беременность тогда считалась скорѣе позоромъ, чѣмъ славой. Беременность была смѣшна. Какъ глупо, если виновникомъ былъ мужъ! Какая неловкость, если виновникомъ былъ любовникъ!

Это стало быть очень важный факторъ. И всегда, когда кринолинъ снова появляется на исторической сценѣ, онъ всегда служилъ именно этой цѣли. Всегда его возрожденіе совпадало съ возрожденіемъ повышенной галантности и жажды наслажденія. Однако, это только одно изъ преимуществъ, которое кринолинъ имѣлъ для тѣхъ классовъ, которые провозгласили его частью офи-

ціальнаго костюма. Не въ этомъ преимуществѣ—его сущность, тотъ сокровенный законъ, который придалъ ему его специфическую форму. Законы жизни всегда обусловлены не отрицаніемъ случайныхъ и мимолетныхъ состояній, а положительнымъ дѣйствіемъ въ интересахъ коллектива, въ данномъ случаѣ проблемой эротическаго воздѣйствія. Сокровеннѣйшій законъ существованія кринолина заключается въ тенденціи преувеличенія до смѣшного таліи, въ не менѣе эротическомъ подчеркиваніи грубо эротической подробности.

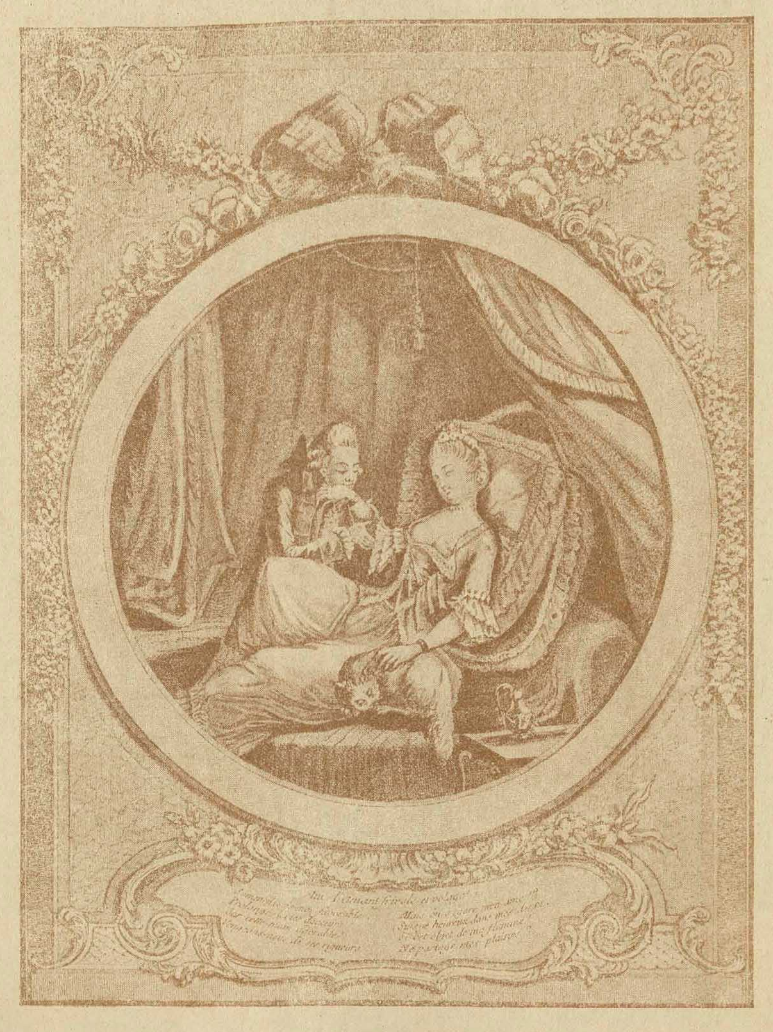
Какъ выше указано, кринолинъ былъ лишь дальнѣйшимъ развитіемъ Wulstenrock'a, лучшимъ рѣшеніемъ поставленной имъ задачи. Вмѣстѣ съ нагофреннымъ и оттопыривающимся воротникомъ онъ долженъ былъ (во второй половинѣ XVII в.) придать женскому костюму величіе. Уже современники видѣли въ немъ именно лучшее рѣшеніе этого вопроса. А такъ какъ онъ кромѣ того представлялъ также рѣшеніе и болѣе дешевое, то его защищали очень горячо противъ раздававшихся на него нападокъ. Нѣкая писательница Элеонора-Шарлота-Леукоронда въ спеціальномъ трактатѣ, посвященномъ этой темѣ, слѣдующимъ образомъ превозноситъ превосходство кринолина надъ прежними аналогичными модами.

„Этотъ костюмъ доставляетъ намъ тысячи удобствъ, такъ какъ до сихъ поръ, если мы хотѣли добиться иллюзіи субтильной таліи, намъ трудно было сдѣлать это при помощи полдюжины толстыхъ нижнихъ юбокъ. Я убѣждена, что никто мнѣ не будетъ возражать. Кто вспомнитъ моды, бывшія лѣтъ 10—12 тому назадъ въ ходу среди бюргерства, согласится, что это такъ. Да и развѣ дешево было пріобрѣсти 6 Boyienne, полотняныхъ, фланелевыхъ и суконныхъ юбокъ. Я не говорю уже о сопряженныхъ съ ними непріятностяхъ. Чтобы придать тѣлу граціозность, эти юбки должны были плотно къ нему прилегать, а это вызывало боль въ тальи и во всемъ тѣлѣ. А кринолинъ удобнѣе и дешевле, такъ какъ стоитъ всего два гульдена".

Какъ видно, главная цѣль при созданіи кринолина, заключа-

Голэ. **Влюбленныя парочки.**
(Голландскій домъ терпимости).

Удобный случай.
Галантная французская гравюра.

лась въ преувеличенномъ подчеркиванiи узкой талiи, считающейся также одной изъ главныхъ женскихъ красотъ. Даже болѣе: это впечатлѣнiе хотѣли еще усилить въ направленiи современнаго понятiя „женственности", т.-е. въ смыслѣ распаденiя тѣла: на грудь, лоно и бедра. При помощи лифа эта задача была блестящимъ образомъ разрѣшена. Вошла въ моду тонкая талья, положительно разрѣзавшая тѣло на двѣ половины, на грудь и на нижнюю часть тѣла. Оставалось еще только подчеркнуть лоно... А это было достигнуто путемъ книзу заостреннаго лифчика, сосредоточившаго взоры невольно sur l'endroit suggestif. Уже раньше встрѣчается подобный прiемъ. Но только въ XVIII в. удалось полностью рѣшить эту сокровенную задачу. Длинный острый уголъ, которымъ заканчивался лифъ, уголъ, прозванный однимъ сатирикомъ „путеводителемъ въ долину радости", служилъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимымъ соединительнымъ звеномъ между обѣими половинами тѣла, созданными тонкой талiей, звеномъ, по крайней мѣрѣ, косвенно возстановлявшимъ естественное единство.

Кринолинъ и талiя позволяли добиться еще одного для эпохи очень важнаго результата. Какъ бы ни была женщина неуклюжа и груба, въ этомъ костюмѣ она производила впечатлѣнiе изящной и грацiозной. Небольшое преувеличенiе—и нетрудно было затушевать формы слишкомъ пышныя для вкуса эпохи. Объ этомъ говорится въ Die Galanterien Wiens...

Кринолинъ рѣшилъ еще одну не менѣе важную эротическую тенденцiю эпохи и рѣшилъ ее притомъ не менѣе блестяще, а именно тенденцiю закутыванiя тѣла, выражавшуюся такъ же гротескно, какъ смѣшно лифъ осуществлялъ противоположную тенденцiю оголенiя. Кринолинъ настолько же закрывалъ нижнюю часть тѣла и затушевывалъ ея линiи, насколько лифъ раскрывалъ грудь. Всякая другая форма юбки считалась съ линiями тѣла и оттѣняла чудесную ритмику движенiй больше и лучше, чѣмъ кринолинъ, который ихъ почти уничтожалъ. Кринолинъ вообще убивалъ всѣ естественныя линiи, покрывая ихъ какъ бы огромнымъ колоколомъ, подчинявшимся только закону собственной ритмики...

Единственное, что этотъ колоколъ порой позволялъ видѣть были—ножки. Мы говоримъ: порой! Въ тѣхъ случаяхъ, разумѣется, когда женщина обладала маленькой ножкой, и была не прочь ее показать. Въ Galanterien Wiens по этому поводу говорится: „Разъ женщина не обладаетъ, къ несчастью, такой маленькой ножкой, въ которую такъ охотно влюбляются многіе *знатоки*, то ее можно закрыть огромнымъ кринолиномъ, достигающимъ до самаго пола. Если же ножка отвѣчаетъ требованіямъ симметріи, то портному становится въ обязанность не скрывать ее завистливымъ покровомъ нижней юбки".

Какъ видно: въ этой модѣ встрѣчаются самыя дикія противорѣчія: самыя смѣлыя формы оголенія сочетаются съ такими же смѣлыми формами закутыванія. Однако, высшую раффинированность эта мода достигала лишь косвеннымъ образомъ. Кринолинъ только, видимо, скрывалъ тѣло, приводя благодаря своимъ странно-смѣшнымъ формамъ къ не менѣе странно-смѣшному оголенію. Обусловленное оттопыривающейся формой юбки, оно было, повидимому, преднамѣреннымъ и какъ все якобы случайное и мгновенное, дѣйствовало тѣмъ болѣе вызывающе. Въ какой степени кринолинъ позволялъ заглядывать подъ юбку, особенно во время восхожденія на лѣстницу, реверанса и т. д., мы сумѣемъ себѣ представить только въ томъ случаѣ, если вспомнимъ, что тогда дамы носили только коротенькую нижнюю юбку, а кальсоны впродолженіи всего XVII и XVIII в. находились подъ запретомъ.

Носить кальсоны считалось для женщины прямо позоромъ и это право продоставлялось только старухамъ. Только, катаясь верхомъ, дама надѣвала кальсоны. Что женщины тогда обходились безъ кальсонъ, видно изъ цѣлаго ряда помѣщенныхъ въ нашей книгѣ иллюстрацій. Поэтому было бы точнѣе выразиться такъ: кринолинъ соединялъ не оголеніе и закутываніе тѣла, а лишь оба наиболѣе раффинированныхъ способа оголенія—постояннаго, придуманнаго хитроумно, и случайнаго, какъ результатъ удачнаго случая, дѣйствовавшаго поэтому тѣмъ болѣе раффинированно. Эпоха требовала, чтобы женщина была „пикантной". А что могло быть

пикантнѣе, какъ представить взорамъ любопытствующихъ интимнѣйшія прелести въ самой невинной ситуаціи и съ самымъ безстрастнымъ невиннымъ видомъ. Не удивительно, что тогда было немало мастерицъ, умѣвшихъ съ большой ловкостью давать влюбленнымъ любопытствующимъ взоромъ пикантнѣйшіе спектакли. Какъ видно, тогдашнія моды служили самымъ смѣлымъ образомъ позѣ, театральности и обстановочности.

Многочисленные литературные документы также доказываютъ, что этотъ, съ виду столь безпощадно все скрывающій, колоколъ служилъ въ сущности цѣлямъ оголенія. Въ этомъ сходятся стихотворенія, летучіе листки и т. д.

Криполинъ также часто бывалъ патентованной привилегіей высшихъ сословій. Во многихъ странахъ и во многихъ городахъ женщинамъ низшихъ классовъ было запрещено подъ страхомъ денежной пени носить такую юбку, а прислуга и крестьянки наказывались даже тюрьмой. Тѣмъ не менѣе женщины низшихъ классовъ также не отказывались отъ выявленія тальи и бедеръ. Вошло въ моду такъ называемое Francôsischer Steiss, cul. Въ борьбѣ противъ нравственнаго негодованія критиковъ, вызваннаго этой удивительной принадлежностью костюма, женщины и тогда уже имѣли самого надежнаго союзника въ лицѣ логики фактовъ. А эта послѣдняя заключалась въ томъ безусловномъ воздѣйствіи, которое всякое подчеркиваніе эротически возбуждающихъ прелестей тѣла оказываетъ на мужчинъ. Это подчеркиваніе можетъ состоять какъ въ преувеличеніи естественныхъ формъ, такъ и въ эротическомъ ихъ оголеніи. И потому женщина не отказывалась даже отъ этихъ грубыхъ способовъ воздѣйствія на мужчину.

Здѣсь безсильны и нравственное негодованіе и даже убѣдительное указаніе на неэстетичность впечатлѣнія. Эстетика женщины, какъ класса, покоится на одномъ только положеніи, признаетъ одно только мѣрило: въ глазахъ мужчины она хочетъ быть орудіемъ полового наслажденія, хочетъ бросаться ему въ глаза. Неизмѣнный ея девизъ гласитъ: я хочу демонстрировать ему свою

красоту и я покажу все, если это гарантируетъ мнѣ наисильнѣйшее впечатлѣніе, я покажу поменьше лишь въ томъ случаѣ, если это позволитъ мнѣ добиться скорѣе своего... Дальнѣйшее только подтвердитъ это положеніе.

По мѣрѣ того, какъ методъ retroussé, т.-е. „искусство показывать ногу", принималъ все болѣе раффинированныя формы, стали все больше обращать вниманіе и на нижнія части костюма, les dessous. Начали съ башмаковъ, чулокъ и подвязокъ. Долгое время ограничивались этими тремя аксессуарами. Очень скоро поняли, что при помощи фасона башмаковъ и цвѣта чулокъ можно по желанію исправить форму ноги до самого колѣна и очень скоро научились пользоваться этими средствами для увеличенія красоты ноги. Чулки украшались лентами разной формы и разнаго цвѣта, чтобы сдѣлать смотря по необходимости ногу или болѣе стройной или болѣе полной. Выбирали также особый рисунокъ и особую форму чулокъ, чтобы придать слишкомъ полнымъ икрамъ болѣе граціозный видъ и наоборотъ.

Подвязка, которую раньше носили ниже колѣна, была постепенно перенесена выше колѣна, чѣмъ сразу было достигнуто нѣсколько важныхъ результатовъ. Во-первыхъ, такимъ образомъ эффектно удлинялась нога, а, во-второмъ, границы для добровольнаго retroussé были перенесены какъ можно выше. Теперь нога выше колѣна оказывалась не обнаженной, а приличіе требовало только скрывать наготу. Тамъ, гдѣ начиналась она, retroussé находило свою естественную границу. И многія женщины здѣсь только и усматривали границу. Онѣ позволяли мужчинѣ видѣть какъ можно больше и эта уступка доказывала, что онѣ въ душѣ шли навстрѣчу желаніямъ мужчинъ.

Чулки и подвязки стали вслѣдствіе этого наиболѣе важными составными частями костюма въ эту эпоху. И каждая такая мода приносила съ собою новыя комбинаціи. Постепенно, совершенно логически послѣдствіе стало причиной. Если обычай retroussé привелъ къ раффинированнѣйшимъ заботамъ о нижнихъ частяхъ костюма, то послѣднія въ свою очередь побуждали теперь къ воз-

можно частымъ и смѣлымъ retroussé. Теперь на каждомъ шагу находили поводъ къ retroussé. Дама, не прибѣгавшая къ этому пріему, вызывала подозрѣніе, что она не одѣвается по модѣ. Что было невозможно сдѣлать во время прогулки, садясь въ носилки или въ карету, для этого представлялся удобный случай во время игры.

Такъ какъ самая суть retroussé состояла въ обнаруживаніи подвязки, то эпоха отдавала предпочтеніе такимъ развлечніямъ и играмъ, которыя легче и лучше другихъ позволяли достигнуть этой цѣли. Трудно было найти для этого болѣе удобный случай, какъ, сидя на качеляхъ, пронизывать воздухъ. И въ самомъ дѣлѣ: именно тогда качели вошли въ моду. Ни одна игра не пользовалась такой популярностью. Это доказываютъ сотни картинъ и гравюръ, изображающія, какъ красавицы, не заботясь о томъ, какія пикантныя зрѣлища онѣ доставляютъ очамъ мужчинъ, отдаются этой забавѣ. Вдохновеннѣйшими режиссерами такихъ спектаклей выступаютъ обыкновенно умныя и въ особенности красивыя женщины, которымъ не приходится бояться обнаружить во время игры свои прелести, и онѣ ловкими движеніями стараются выставить на показъ все, что достойно лицезрѣнія. Такъ вошли въ моду качели съ ихъ „счастливыми случайностями", и ими тогда всѣ одинаково увлекались—актеры и публика.

Фрагонаръ разсказываетъ:

„Вскорѣ послѣ закрытія салона 1763 г. за мной прислалъ одинъ господинъ и просилъ зайти къ нему. Онъ какъ разъ жилъ съ своей любовницей на дачѣ. Сначала онъ осыпалъ меня комплиментами по поводу моей картины и затѣмъ сказалъ, что хотѣлъ бы имѣть другую, идею которой онъ мнѣ самъ изложилъ.—Я хочу,—замѣтилъ онъ,—чтобы вы изобразили madame на качеляхъ. А меня поставьте такъ, чтобы мнѣ видны были ноги красавицы, а если вы мнѣ хотите сдѣлать удовольствіе,—то и кое-что сверхъ этого".

Это „кое-что" услужливый Фрагонаръ и изобразилъ въ видѣ пикантныхъ подвязокъ (см. Die Frau in der Karikatur). Такъ

какъ главною цѣль этого развлеченія было не самое качанье, такъ какъ это послѣднее было только средствомъ устроить retroussé, то на качеляхъ всегда находится только дама, мужчина же является только зрителемъ. Актеромъ онъ былъ лишь настолько, насколько онъ могъ содѣйствовать пресловутымъ „счастливымъ случайностямъ".

Это искусственное постоянно создаваемое retroussé было равносильно изгнанію изъ любви элемента интимности, равносильно провозглашенію любви публичнымъ зрѣлищемъ, разыгрываемымъ на публичной сценѣ. Это было странно-смѣшнымъ осуществленіемъ того закона эпохи, который внушалъ женщинѣ мысль: я пища для всѣхъ.

Къ числу эротическихъ моментовъ эпохи относятся и цвѣта, которымъ та или другая эпоха отдаетъ предпочтеніе. Цвѣта, употребляемыя для костюма, являются рефлексомъ температуры крови, этой истинной носительницы чувства: кровь—это вѣдь матеріализованная жизнь. А жизнь ничто иное какъ чувственность, облекшаяся въ дѣйствія. Если чувственность течетъ въ жилахъ эпохи могучими и бурными волнами, если она пышетъ огнемъ, то и цвѣта, въ которые рядится эпоха, всегда сочны и ярки, всегда сіяютъ и сверкаютъ, какъ огонь, и никогда не приглушаются. Повсюду господствуютъ самые смѣлые контрасты.

Эпоха Ренессанса любила поэтому пурпурно-красный, темно-голубой, ярко-оранжевый и удушливо-фіолетовый цвѣта, ибо они наиболѣе соотвѣтствуютъ жизни. Она не признавала промежуточныхъ цвѣтовъ. Яркія краски также типичны для ея костюма, какъ и для ея искусства. Онѣ отличали не только праздничный костюмъ веселья, но и будничную одежду труда. Каждый словно ежеминутно погруженъ въ пламя, является какъ бы сіяющимъ отраженіемъ жгучихъ страстей. Вся жизнь въ домахъ, на улицахъ, въ храмахъ—точно расплавленный огонь. Праздничныя процессіи производятъ впечатлѣніе колыщащагося океана пламенныхъ красокъ. Радость, вдохновеніе, разнузданность растоплены въ сіяніи красочныхъ волнъ. То воплощеніе гармоніи силы, грандіозная сим-

Лорейнсъ. Туалетъ знатной дамы.

Виллэ. Бутонъ розы.

фонія творческихъ порывовъ, пробудившихся и ставшихъ дѣйствительностью въ эту эпоху.

Въ вѣкъ абсолютизма чувственность, напротивъ, стала сначала позой, потомъ постепенно фривольной игрой. Въ искусствѣ барокко краски поэтому теряютъ свой блескъ и свое сіяніе. Только холодная пышность говоритъ уму и сердцу, только она въ почетѣ. Правда, все еще преобладаютъ цвѣта: темно-голубой и ярко-красный, однако, въ сочетаніи съ холоднымъ золотомъ, эмблемой величія, сверхъ-силы. Золото замѣняетъ собой сверкающій огонь. Холоднымъ золотомъ затканы одежды. Золотомъ усѣяны стѣны дворцовъ и внутренности церквей. Золото на черномъ или бѣломъ фонѣ — такова скàла абсолютизма въ періодъ его расцвѣта, на высотѣ его мощи и власти. Она же доминирующая нотка въ искусствѣ эпохи.

Въ періодъ Рококо холодное величіе смѣнилось фривольнымъ наслажденіемъ. Въ моду входятъ теперь нѣжныя краски—чувственность безъ огня и безъ творческой силы. Свѣтло-голубой и нѣжно-розовой вытѣсняютъ цвѣта пурпурный и фіолетовый: сила истощилась. На мѣсто ярко-оранжеваго цвѣта ставится блѣдно желтый: мелочная зависть господствуетъ тамъ, гдѣ когда-то свирѣпствовала разнузданная ненависть необузданныхъ натуръ. Сверкающая зелень изумруда уступила матово-зеленому цвѣту: эпоха похоронила свѣтлую надежду на будущее, ей остались только лишенныя творческихъ порывовъ сомнѣнія.

Нѣтъ больше мѣста и рѣзкимъ контрастамъ: свѣтло-лиловый сѣровато-голубой, сѣро-желтый, свѣтло-розовый, блекло-зеленый—вотъ наиболѣе любимые цвѣта какъ въ искусствѣ, такъ и въ модѣ. Чувства не распадаются на свои враждебные элементы. Зато скàла цвѣтовъ имѣетъ сотни дѣленій, тысячу оттѣнковъ, какъ и—наслажденіе. Одно время въ ходу былъ блошиный цвѣтъ, puce, и всѣ одѣвались въ этотъ цвѣтъ. И однако этотъ цвѣтъ имѣлъ полдюжину утонченнѣйшихъ оттѣнковъ. Различали между цвѣтами: блохи, блошиной головки, блошиной спины, блошинаго брюшка,

блошиныхъ ногъ, и даже существовалъ цвѣтъ блохи въ періодъ родильной горячки.

Когда явился спросъ на нѣжно-тѣлесный цвѣтъ, то различіе въ оттѣнкахъ отличалось настолько же раффинированностью, настолько и пикантностью. Различали между цвѣтомъ живота монашенки, женщины и т. д. Подобная терминологія была какъ нельзя болѣе въ духѣ галантнаго вѣка. Для него не существовало ничего болѣе нѣжнаго, какъ цвѣтъ тѣла только что постригшейся монахини, ничего болѣе гладкаго, какъ кожа нимфы, ничего болѣе пикантнаго, какъ кожа женщины, хранящая слѣды нескончаемыхъ праздниковъ жгучихъ наслажденій. Подобныя сравненія были ей такъ понятны, такъ близки. И однако это еще далеко не самыя деликатныя сравненія, такъ какъ иногда заимствовали скалу характерыхъ оттѣнковъ у самыхъ интимныхъ красотъ. Особаго рода красный цвѣтъ распадался на оттѣнки: à la Fillette, à la Vierge, à la Dame, и даже à la Religieuse!

Впрочемъ и самая скáла наслажденія имѣла тогда сотни оттѣнковъ, и только знатоки умѣли измѣрять разстоянія между ними.

Надо замѣтить, что до такихъ же крайностей доходило воображеніе въ области сервильности. Когда родился дофинъ, эта сервильность выразилась въ томъ, что впродолженіи цѣлаго сезона наиболѣе моднымъ цвѣтомъ былъ цвѣтъ caca Dauphin. На первый взглядъ можетъ казаться оскорбленіемъ величества, если вскорѣ послѣ этого всѣ также фанатически набросились на цвѣтъ merde d'oie. Но именно только на первый взглядъ. Ибо и этотъ цвѣтъ былъ введенъ въ моду дворомъ, былъ результатомъ каприза фаворитки.

Если съ одной стороны всѣ эти моды неотдѣлимы отъ роскоши, если онѣ выросли вообще изъ чудовищной потребности въ роскоши, то съ другой стороны было совершенно въ духѣ эпохи, что господствующій классъ доводилъ роскошь въ костюмѣ до послѣдней границы возможнаго. Это вполнѣ естественно. Чудомъ

Моро. Въ театрѣ.

Вакло. **Le Coucher.**

было-бы противоположное явленіе, такъ какъ съ количественной роскошью всегда тѣсно связана роскошь качественная.

Физическая внѣшность, которой хотятъ придать возможно больше красоты, вызываетъ естественно тѣмъ болѣе интенсивное обаяніе, дѣйствуетъ тѣмъ заманчивѣе, чѣмъ разнообразнѣе тѣ формы, въ которыя она облекается. Въ виду этого стараются выставить свою личность напоказъ въ возможно болѣе разнообразныхъ и новыхъ видахъ, т.-е. костюмахъ. А это и есть роскошь количественная.

Эти факторы должны были дойти до послѣдней границы въ эпоху абсолютизма, такъ какъ въ ней царитъ законъ величественности, представительства.

Каждый человѣкъ отъ государя до послѣдняго лакея хочетъ не только представительствовать, но и перещеголять въ этомъ отношеніи остальныхъ. А достигнуть этой цѣли можно было въ эту эпоху только путемъ чрезмѣрной роскоши костюма и постоянной смѣны платья. Въ эпохи, когда все построено на внѣшности, костюмъ является, естественно, первымъ и лучшимъ средствомъ подчеркнуть свое первенствующее положеніе на лѣстницѣ соціальной іерархіи. Костюмъ сверкалъ поэтому тогда золотомъ и драгоцѣнными камнями. Въ особенности оффиціальная одежда, служебный и салонный костюмъ были чрезмѣрно украшены и затканы золотыми галунами, вставками и отворотами. Драгоцѣнные камни замѣняли пуговицы, пряжки на башмакахъ были украшены аграфами изъ драгоцѣнныхъ камней, ими были затканы даже чулки.

Изъ одного письма г-жи Метеньэ мы узнаемъ, что куафюра герцогини Мэнъ была до такой степени усѣяна золотомъ и драгоцѣнными камнями, что превышала вѣсъ всего тѣла герцогини. Платье мѣняли также часто, какъ и прическу. Часто знатные кавалеры и дамы носили не болѣе одного раза самый драгоцѣнный костюмъ, стоившій нѣсколько тысячъ. Къ ихъ услугамъ находились самые выдающіеся художники, обязанные придумывать все новыя комбинаціи. Монтескье замѣчаетъ:

„Разъ дамѣ пришла въ голову мысль появиться на ассамблеѣ

въ роскошномъ нарядѣ, то съ этого момента 50 художниковъ уже не смѣютъ ни спать, ни ѣсть, ни пить".

Камеристка Маріи Антуанетты, m-lle Бертенъ, каждый день работала съ королевой—какъ и придворный парикмахеръ—и, какъ видно изъ мемуаровъ этой дамы,—была ея интимнѣйшей повѣренной. Впрочемъ эта близость не помѣшала тому, что въ 1787 году, этотъ, какъ ее называли—,,министръ модъ" оказался несостоятельнымъ должникомъ на сумму въ 2 милліона. Умершая въ 1766 году русская императрица Елизавета оставила послѣ себя не болѣе и не менѣе, какъ 8,000 дорогихъ платьевъ, свыше половины которыхъ стоила отъ 5 до 10 тысячъ рублей.

Парикмахеръ и портной были героями времени. Не только государи, но и богатыя частныя лица имѣли собственныхъ портныхъ, работавшихъ только на нихъ. Нѣкая m-me Матиньонъ даровала своей портнихѣ за одно только платье, вызвавшее особую сенсацію, ежегодную ренту въ 600 ливр., что равняется на наши деньги 1,500—1,800 мар. (750—900 руб.). Само собой понятно, что особенной роскошью костюма щеголяли дамы и что у нихъ обыкновенно имѣлось гораздо больше платьевъ, чѣмъ имъ было нужно. Модный костюмъ для женщины самый надежный союзникъ въ дѣлѣ защиты ея женскихъ интересовъ. Чѣмъ чаще красота ея выступаетъ въ новомъ освѣщеніи, тѣмъ больше она поражаетъ, ибо тогда обнаруживаются все новыя и новыя подробности этой красоты. Въ эпоху абсолютизма однако роскошью костюма блистали и мужчины. Нѣкоторые писатели даже утверждаютъ, что мужчины въ этомъ отношеніи затемняли женщинъ. Въ своемъ этюдѣ о роскоши модъ въ XVIII в. де-Галье приводитъ слѣдующія интересныя данныя.

,,Въ XVII и XVIII вв. мужской туалетъ стоитъ также дорого, а подчасъ дороже женскаго. Мужчина носилъ кожаные башмаки, Escarpins, галоши, шерстяныя и шелковыя чулки, шелковыя ленты на ночномъ колпакѣ, фланелевый халатъ и манжетки на ночь. Черный суконный костюмъ стоилъ 87 ливр., шляпа—12 ливр., на парики ежегодно выходило 365 ливр. Въ 1720 г. пара шелковыхъ

чулокъ стоила въ Парижѣ 40 ливр., аршинъ сѣраго сукна отъ 70 до 80 ливр. Свѣтскій человѣкъ тратилъ на свой костюмъ 1,200—1.600 ливр., не считая расходъ на кружева и драгоцѣнности. Естественно, что и дамскій туалетъ становился все дороже. Когда m-me де-Турнонъ выходила замужъ, то m-me Дюбарри, ставшая ей теткой, подарила ей на 1,000 ливр. всякихъ бездѣлушекъ: сумку для работы, кошелекъ, вѣеръ, подвязки и т. д., а также два платья, изъ которыхъ одно стоило 2,400, а другое—5,840 ливр. Оффиціальный и церемоніальный костюмы стоили, естественно, еще дороже—12,000 ливр. и больше, не считая бѣлья и кружевъ. Въ четыре года (1770—74), графиня Дюбарри истратила на одно бѣлье и кружева 91,000 ливр. M-me Шуазель, которая была извѣстна своей простотой, иногда носила на себѣ на 45,000 ливр. кружевъ, а кружева г-жи де Буфлёръ стоили даже 30,000 ливр. Когда умерла г-жа де-Веррю, то въ инвентарѣ ея имущества значилось: 60 корсетовъ, 480 рубашекъ, 500 дюжинъ платковъ, 129 простынь, безчисленное множество платьевъ, среди которыхъ 45 шелковыхъ. Графъ Парселэ имѣлъ на 60,000 ливр. бѣлья. Въ 1714 г. г-жа Дюбарри продала ожерелье стоимостью въ 488,000 ливр., а племянницѣ подарила на 60,000 ливр. брилліантовъ. Драгоцѣнности г-жи Помпадуръ стоили 3 милл. ливр.; отправляясь ко двору, герцогиня Мирпуа имѣла на себѣ на 40,000 ливр. брилліантовъ; драгоцѣнности г-жи Люйнъ стоили цѣлое состояніе. Всѣ болѣе знатныя фамиліи обладали драгоцѣнностями, стоившими по меньшей мѣрѣ милліонъ ливровъ“.

Къ числу дамъ, славившихся своею „простой“ жизнью, принадлежала и Марія Антуанетта. Довольно странно, какъ такой взглядъ могъ укрѣпиться среди историковъ. Вѣдь давно извѣстно, что эта высокая дама уже въ первые годы своего царствованія истратила на наряды и бездѣлушки столько, что надѣлала на 300,000 фр. долговъ. Впрочемъ, даже ея панегиристы и тѣ признаются, что она была помѣшана на брилліантахъ. Это невинное увлеченіе стоило не мало и покупалось цѣною голода народныхъ массъ. Такъ напримѣръ, однажды Марія Антуанетта увидала у

парижскаго ювелира Бемера пару сережекъ. Онѣ ей очень понравились и потому услужливый супругъ счелъ долгомъ купить ихъ. Стоили онѣ ровно 348,000 ливр. (1773 г.). На такую сумму могли тогда просуществовать 1,000 хорошо поставленныхъ рабочихъ семействъ впродолженіи цѣлаго года.

Аналогичныя цифры рисуютъ господствовавшую въ Англіи роскошь. Въ своей исторіи костюма Вейсъ сообщаетъ о герцогѣ Бекингемѣ, одномъ изъ фаворитовъ развращеннаго Якова I, слѣдующее:

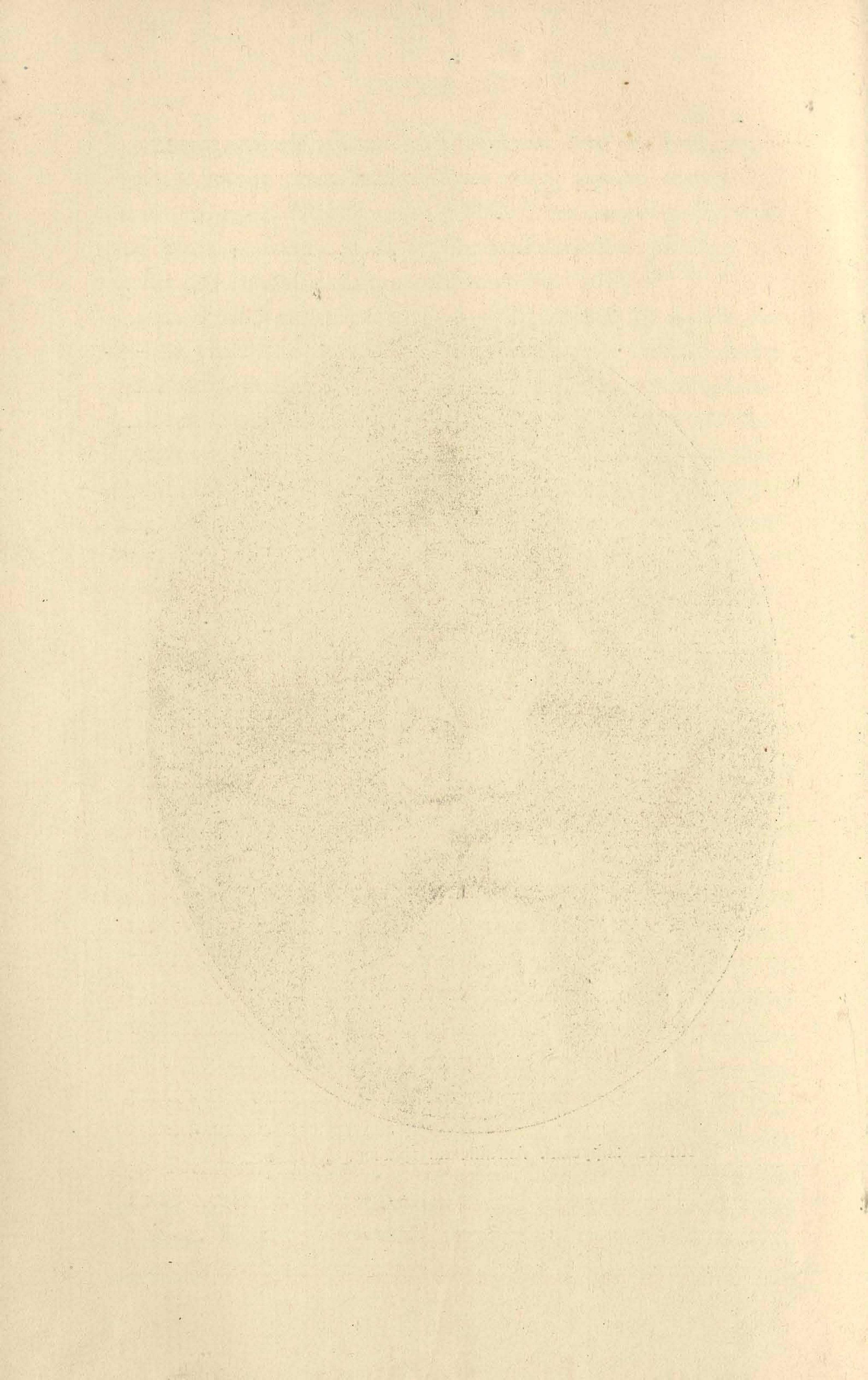
„Не говоря уже о томъ, что онъ всегда употреблялъ для своего костюма самыя драгоцѣнныя матеріи: атласъ, золотую и серебряную парчу, герцогъ украшалъ платье не только дорогими вставками, разноцвѣтными вышивками и т. д., но и жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, и въ особенности брилліантовыми пуговицами въ искусной золотой оправѣ. Онъ имѣлъ такихъ богатыхъ полныхъ костюмовъ въ 1625 г. не менѣе 27, каждый изъ которыхъ стоилъ около 35,000 фр., а праздничный костюмъ, въ которомъ онъ присутствовалъ на свадьбѣ Карла I, одинъ стоилъ 500,000 фр.“.

По словамъ Архенхольца, автора Britische Annalen, обыкновенный чепчикъ герцогини Девонширской стоилъ 10 гиней, а вдова герцога Рутлэндскаго заплатила однажды за гарнитуръ ночного чепчика—100 гиней. Въ среднемъ, англійская свѣтская дама тратила ежегодно на свой туалетъ отъ 500 до 600 гиней. (около 10 или 12,000 рубл.). Во время соглашенія, состоявшагося между однимъ полковникомъ и его кредиторами, былъ представленъ между прочимъ и счетъ шляпочника, поставившаго въ 17 мѣсяцевъ на 109 фунтовъ шляпъ, и т. д. Знатныя лондонскія дамы охотно обращались въ вопросахъ моды за совѣтами къ актрисѣ Абингтонъ, славившейся своимъ изысканнымъ вкусомъ, и эта роль доставляла ежегодный доходъ въ 1,500 или 1,600 фунт. Въ Германіи платить такія суммы могло только придворное общество, такъ какъ здѣсь еще не существовало такой богатой буржуазіи, какъ въ Англіи и Франціи. Роскошь же нѣмецкихъ дворовъ была въ такомъ же родѣ. Въ эту эпоху и низшіе классы, естественно, отличались также страстью къ роскоши, такъ какъ въ ней видѣли

Послѣ пирушки. Англійская гравюра XVIII в.

35

первое доказательство благосостоянія, а во всѣ времена люди охотно дѣлаютъ видъ, что занимаютъ привилегированное положеніе.

Чрезвычайно распространены были поэтому жалобы женщинъ на то, что доходы мужей не позволяютъ имъ одѣваться также роскошно, какъ одѣваются другія женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ это и самый горькій упрекъ, который жена можетъ сдѣлать мужу. Современные проповѣди маролистовъ лучше всего освѣдомляютъ насъ о распространенности въ бюргерской средѣ такой роскоши. Въ одномъ памфлетѣ 1787 г. говорится: „Посмотрите только на дочку писца или юриста! Какъ онѣ расфуфырились! Голландскія кружева, французскія ленты, иностранный костюмъ. О, Боже! Боже!“ Абрагамъ и Санта Клара говоритъ въ своемъ „Judas der Erzschelm“: „У тебя платье для дома, для путешествій, для лѣта, зимы, весны и осени, для церкви, для ратуши, для свадебъ. У тебя платье праздничное и будничное, верхнее и нижнее, для хорошей и ненастной погоды и даже—дурацкое для карнавала“.

Въ особенности чудовищнымъ кажется Абрагаму а Санта Клара, что и „мужичье“ не отстаетъ въ роскоши отъ высшихъ сословій. Въ „Etwas für alle“ онъ негодуетъ:

„Какъ только дочь крестьянина появляется изъ деревни въ городъ, эта навозная дѣвица сейчасъ же непремѣнно хочетъ одѣваться по модѣ; она уже не признаетъ башмаковъ безъ каблука; черная полотняная юбка и нехороша и слишкомъ коротка, ей подавай юбку изъ цвѣтной матеріи и такой длины, чтобы видны были только острые башмаки и красные чулки. Деревенскій лифъ тоже уже не годится, она щеголяетъ въ модной кофтѣ съ длинными фалдами и модныхъ рукавахъ; она разрѣзаетъ маленькій, круглый деревенскій воротничокъ и дѣлаетъ изъ него манжетки; деревенская наколка брошена и замѣнена красивымъ моднымъ чепчикомъ или кружевной физурой, словомъ—все должно быть по новому и черезъ какія-нибудь нѣсколько недѣль такая деревенская Матрена до того преображается, что если бы собрать всѣ грабли, вилы, лопаты, метлы и дойныя ведра, съ которыми она недавно

орудовала, и спросить ихъ, онѣ не узнали бы свою землячку, расфранченную по послѣдней модѣ“.

Разнообразныя свѣдѣнія о распространенности страсти къ роскоши встрѣчаются также и въ регламентаціяхъ одежды, все снова и снова издававшихся городскими властями. Въ одномъ такомъ постановленіи, изданномъ въ 1640 году въ Лейпцигѣ, говорится: „Всѣ мысли женщинъ, купцовъ и ремесленниковъ сосредоточены на томъ, чтобы придумывать все новыя и дорого стоющія моды. Находятся также женщины, которыя видятъ свою спеціальность въ подобномъ придумываніи новыхъ образцовъ платья и башмаковъ, а молодыя женщины и дѣвицы потомъ распространяютъ эти зловредныя моды“.

Подобныя жалобы на пристрастіе къ роскоши встрѣчаются и въ другихъ странахъ. Одинъ англійскій писатель говоритъ:

„Жены и дочери учителей танцевъ и музыки, портныхъ, башмачниковъ и другихъ ремесленниковъ въ наше время мало чѣмъ или совсѣмъ не отличаются отъ знатныхъ дамъ своимъ костюмомъ; подражая не только великолѣпію, но и всѣмъ моднымъ глупостямъ знати“.

Ограничимся этими примѣрами, хотя ихъ число было бы нетрудно увеличить.

Нѣтъ надобности доказывать, что эта борьба противъ роскоши велась также въ интересахъ классоваго обособленія. Это видно уже изъ приведенныхъ здѣсь нападокъ, обращенныхъ исключительно по адресу средняго и мелкаго мѣщанства. Если издавались законы, запрещавшіе ношеніе извѣстныхъ матерій, кружевъ, украшеній и т. д., то это дѣлалось кромѣ того, какъ и въ эпоху Ренессанса, въ интересахъ покровительства родной промышленности, которую хотѣли защитить этимъ путемъ отъ иностранной конкуренціи.

Господствующая въ данную эпоху роскошь является не только экономическимъ фактомъ, а оказываетъ огромное вліяніе на нравы вообще. Тамъ, гдѣ роскошь возведена на степень общаго закона, невозможность конкурировать съ другими въ этомъ отношеніи вле-

четъ за собой общественную опалу, и потому женское цѣломудріе и вѣрность не обрѣтаются въ почетѣ, который выпадаетъ лишь на долю порока. Въ такія времена въ господствующихъ классахъ обычнымъ явленіемъ бываетъ мужчина, находящійся на содержаніи у старѣющей кокотки, и женщина, идущая на содержаніе къ богатому любовнику. Въ своей книгѣ „Les femmes et la Galanterie du XVIII siècle Эрве (Hervez) приводитъ слѣдующіе факты:

„M-me де-ла-Рошегюйонъ содержала Бенсарэ, который имѣлъ отъ нея домъ, карету съ тремя коронами, трехъ лакеевъ, серебряный сервизъ и превосходную мебель. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ недоволенъ своей жизнью. Я думаю, ему было скучно любить старуху“.

А въ другомъ мѣстѣ:

„Знатныя дамы этой эпохи открыто продавали себя. Пажэ написалъ m-же Алоннъ, которую хотѣлъ имѣть на одну ночь, что вообще онъ платитъ своимъ любовницамъ 100 пистолей, но готовъ заплатить и 200. А графиня отвѣтила ему, что она никогда не получала ничего болѣе пріятнаго его записки“.

Примѣру герцогинь слѣдовали какъ въ XVII, такъ и въ XVIII в. горничныя.

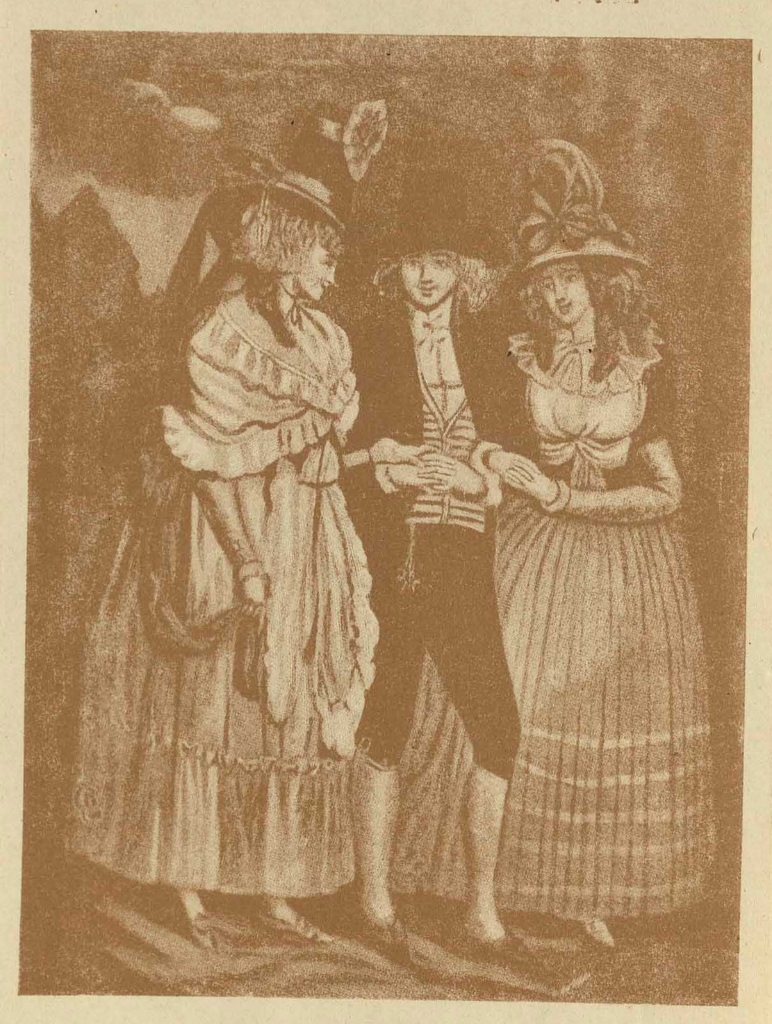
Въ „Die Galanterien Wiens“ говорится:

„Отъ кухарки и до дамы, отъ швейцара до президента всѣ любятъ пышность, и блескъ и эта любовь служитъ могучей пружиной галантности. Нетрудно понять, что горничная, получающая 20 гульденовъ въ годъ и щеголяющая каждый день въ шелковыхъ чулкахъ и платьяхъ, является или Аспазіей своего господина, у котораго исполняетъ двоякую службу, или же содержанкой другихъ...“.

Намъ еще предстоитъ поговорить объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Господствующая въ ту или иную эпоху страсть къ роскоши приводитъ насъ къ нѣкоторымъ другимъ еще выводамъ относительно общихъ взглядовъ эпохи. Царившая въ вѣкъ абсолютизма безграничная роскошь модъ является однимъ изъ характернѣйшихъ доказательствъ въ пользу того, что вся жизнь тогда покоилась на чув-

ственности. А сосредоточенiе роскоши вокругъ женщины служитъ не менѣе вѣскимъ аргументомъ въ пользу того, что она сама въ эту эпоху была предметомъ роскоши, которую могъ себѣ позволить мужчина, и притомъ самымъ драгоцѣннымъ предметомъ роскоши, внѣшность котораго онъ поэтому и старался сдѣлать какъ можно болѣе великолѣпной и раффинированной.

Клингсбюри. Англійскія моды (1785).

Ленен. Сатира на обманутых мужей.

IV.

Любовь.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ той поры, какъ пробудилась индивидуальная, половая любовь, она на почвѣ европейской культуры съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе одухотворялась.

И, однако, если уже въ XVII ст. она была животнымъ исполненіемъ законовъ природы только въ самыхъ отсталыхъ слояхъ населенія, то даже и въ средѣ дворянства и городской буржуазіи она лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ поднималась до высшаго идеала единобрачія, и только въ исключительныхъ случаяхъ она спаивала мужчину и женщину въ такую тѣсно связанную пару, что каждый изъ нихъ достигалъ въ бракѣ человѣческаго совершенства. Любовь одухотворилась только въ сферѣ разсудка, тогда какъ сердце оставалось нетронутымъ.

Для господствующихъ классовъ, интересы которыхъ накладываютъ, прежде всего, извѣстную печать на обликъ эпохи, жизнь никогда не была борьбой или же походомъ въ сферу болѣе высокихъ возможностей развитія, а только болѣе или менѣе удобной программой эксплуатаціи наличныхъ культурныхъ благъ. Или во всякомъ случаѣ въ этомъ преимущественно выражались ихъ господскія привычки. А такъ какъ право господствующихъ классовъ распоряжаться имѣвшимися налицо культурными благами никогда не было такъ безпредѣльно, какъ въ эпоху абсолютизма, то отсюда для нихъ вытекала столь же пріятная, сколько и удобная жизненная философія.

Она гласила: такъ какъ жизнь только коротенькое путешествіе, то слѣдуетъ совершить его какъ можно комфортабельнѣе и веселѣе. Для этой цѣли необходимо игнорировать, какъ будто онѣ не существуютъ, всѣ осложненія, которыя могутъ помѣшать этому удовольствію. А изъ такой программы жизни вытекалъ въ области философіи любви нами уже во многихъ мѣстахъ обрисованный, какъ въ его сущности, такъ и въ его особенностяхъ тотъ специфическій взглядъ, который въ его практическомъ примѣненіи можно лучше всего охарактеризовать словами: культъ техники любви.

Формы любовнаго наслажденія являются въ эту эпоху не только арабесками, красиво и изящно переплетающими чудеса любви, нѣтъ, онѣ теперь сами стали этимъ чудомъ, его единственной цѣлью и единственнымъ содержаніемъ. Законъ этого культа техники любви обнималъ всего-на-всего одинъ параграфъ: Fais le bien. Этотъ девизъ могъ бы сіять на потолкѣ любого алькова и онъ, въ самомъ дѣлѣ, тамъ порою и сверкалъ. Нѣкая m-lle Балиньи-Фонтэнъ, любовница одного президента, помѣстила тамъ въ самомъ дѣлѣ слова: Fais le bien. Какъ видно, цинизмъ иногда бываетъ гораздъ на глубочайшія откровенія.

Любовь только случай испытать то наслажденіе, которое въ особенности цѣнилось эпохой. И это вовсе не думали скрывать, напротивъ, всѣ въ этомъ открыто признавались. Бюффонъ, жившій въ первой половинѣ XVIII в., заявлялъ: „Въ любви хороша только физическая сторона". А полстолѣтія спустя Шамфоръ издѣвался: „Любовь не болѣе, какъ соприкосновеніе двухъ эпидермъ". Это въ сухихъ словахъ не болѣе, какъ провозглашеніе мимолетной страсти, страсти безъ послѣдствій. Въ этой мимолетной страсти физическая сторона, однако, занимаетъ гораздо меньше мѣста по сравненію съ прежними эпохами. Клокочущіе вулканы стали уютно грѣющими очагами. Уже не было желанія совершенно слиться съ другимъ. Люди стали умѣренными или, выражаясь въ духѣ эпохи, „разумными", и притомъ во всѣхъ ситуаціяхъ. Абрагамъ а Санта Клара характеризуетъ это отличіе отъ

Фрагонаръ: **Фонтанъ любви.**

37

Гарньэ: Переходъ черезъ улицу.

прежнихъ временъ нѣсколько грубоватымъ, зато тѣмъ болѣе вразумительнымъ сравненіемъ. „Если раньше,—говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ произведеній,—свадебное ложе послѣ брачной ночи напоминало мѣсто, гдѣ боролись два медвѣдя, то нынѣ въ немъ не найдешь и слѣдовъ зарѣзанной курицы“.

Тамъ, гдѣ господствуетъ истинная страсть, любовь есть желаніе подарить себя, отдать себя всецѣло и навсегда. Теперь она стала похожей на отдачу себя взаймы. Любовная связь является въ эту эпоху договоромъ, не предполагающимъ постоянныхъ обязательствъ: его можно разорвать въ любой моментъ. А потомъ дѣлали видъ, будто ничего и небыло. Всю остальную жизнь мужчина и женщина могутъ собой распоряжаться, какъ угодно. Снисходя до ухаживающаго за ней кавалера, женщина отдавала себя не всецѣло, а только на нѣсколько мгновеній наслажденія, или же продавала себя за положеніе въ свѣтѣ.

Въ парижскихъ полицейскихъ протоколахъ эпохи стараго режима, представляющихъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ источниковъ для исторіи нравовъ XVIII в., среди многочисленныхъ аналогичныхъ сообщеній встрѣчается и слѣдующее: „Графиня Мазоваль сказала сегодня утромъ одному совѣтнику парламента, который жаловался на ея невѣрность: Развѣ я давала вамъ какія-нибудь надежды. Онъ спалъ съ ней всего одинъ разъ“. И въ самомъ дѣлѣ, какъ глупо основать на этомъ какія то вѣчныя права и претензіи! Этотъ совѣтникъ парламента не понялъ основного закона наслажденія, выражающагося въ тезисѣ: du nouveau toujours du nouveau. А тамъ, гдѣ вѣчно жаждутъ новизны, все становится ничѣмъ, пустякомъ. И это воззрѣніе охватываетъ весь комплексъ жизненныхъ отношеній.

Одна италіанка, бывшая мимоѣздомъ въ Парижѣ, писала подругѣ: „Здѣсь все ничто и все вертится вокругъ ничего, занимаются ничѣмъ, волнуются изъ-за ничего, женятся ни за что ни про что. Диллетанты ума считаютъ душу и религію ничѣмъ и вотъ съ тѣхъ поръ, какъ я офранцузилась, я развлекаю ихъ—ничѣмъ“. Въ этой характеристикѣ неправильно лишь одно: будто мы имѣемъ здѣсь

дѣло съ чисто французскимъ явленіемъ. Можно было бы привести аналогичныя сужденія о Берлинѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ. Въ Парижѣ, въ центрѣ абсолютистической культуры, это явленіе только ярче бросается въ глаза.

Этотъ вездѣ распространенный поверхностный взглядъ на чувство любви привелъ въ своемъ все восходящемъ развитіи съ логической неизбѣжностью къ сознательному упраздненію высшей логики любви—дѣторожденія. Мужчина уже не хотѣлъ больше производить, женщина не хотѣла быть больше матерью, всѣ хотѣли лишь наслаждаться. Дѣти—высшая санкція половой жизни—были провозглашены несчастьемъ. Бездѣтность, еще въ XVII в. считавшаяся карой неба, теперь многими считалась напротивъ высшей милостью свыше. Во всякомъ случаѣ, многодѣтность казалась XVIII вѣку—позоромъ. И эта мораль господствовала не только въ верхахъ общества, а проникала въ значительную часть средняго бюргерства и притомъ во всѣхъ странахъ. Значительную роль здѣсь игралъ впрочемъ и другой факторъ: содержать многихъ дѣтей становилось въ эту эпоху экономическаго застоя для все большаго числа семействъ непосильной роскошью.

Это систематическое игнорированье физическихъ законовъ любви должно было мстить людямъ, какъ мститъ любое уклоненіе отъ законовъ природы. И въ самомъ дѣлѣ! Всеобщее физическое вырожденіе было характернымъ закономъ эпохи и старый режимъ сдѣлался въ европейской культурной исторіи начиная съ среднихъ вѣковъ—классическимъ вѣкомъ декаданса.

Всякая эпоха декаданса характеризуется въ половой области замѣтной склонностью къ рафинированности наслажденія. Эта склонность обнаруживается въ двухъ типическихъ явленіяхъ—въ беззастѣнчивомъ развратѣ, часто доходящемъ до противоестественности, гоняющемся за все новыми техническими ухищреніями въ сферѣ физическаго наслажденія, и во вторыхъ въ резиньяціи, извѣстной подъ названіемъ сантиментальной любви. И то и другое являются тѣми возбуждающими средствами, въ которыхъ нуждаются: въ первомъ случаѣ натуры сильныя, во второмъ—натуры слабыя, чтобы

испытать тѣ ощущенія, которыя они уже не могутъ испытать при нормальныхъ условіяхъ.

Въ литературѣ наиболѣе извѣстными типами являются въ этомъ отношеніи преступный сладострастникъ Вальманъ и разочарованный слабый Вертеръ. Въ эпохи упадка люди въ родѣ Вальмана и Вертера становятся явленіями массовыми, перестаютъ быть индивидуальными типами, а ихъ житейская философія становится моралью эпохи, т. е. съ одной стороны—господствующихъ классовъ, а съ другой—угнетенныхъ.

Какъ ни противоположны на первый взглядъ обѣ эти формы проявленія декаданса онѣ тѣмъ не менѣе по существу тѣсно связаны другъ съ другомъ. Это два, правда, враждебныхъ брата, но все же брата, причемъ все равно, представляютъ ли они явленія индивидуальныя, или же массовыя. Оба эти явленія связаны съ умственной разнузданностью и скорѣе дѣло разума, чѣмъ сердца. Оба выражаютъ стремленіе къ чисто умственному повышенію наслажденія. Оба ставятъ философію и рефлексію на мѣсто дѣйствія и ставятъ ихъ на первое мѣсто. Если въ развратѣ, до котораго доводили любовь сильныя натуры и господствующіе классы, половой актъ пересталъ играть главную роль, уступая это мѣсто раффинированнымъ hors d'ouvres'амъ, то въ сантиментальной любви импотентныхъ натуръ и угнетенныхъ классовъ половая любовь кульминировала въ лучшемъ случаѣ въ чувствительной перепискѣ, въ которой половой актъ является лишь средствомъ эротическаго возбужденія. Если одно явленіе представляло собой до крайности доведенную активность, то другое—такую же крайнюю пассивность.

Когда въ эпоху стараго режима всеобщій упадокъ дошелъ до послѣдней границы, то сантиментальность сдѣлалась основнымъ настроеніемъ всей эпохи, развилась во всеобщее міровоззрѣніе, характеризовавшее не только взаимныя отношенія половъ, но и весь комплексъ духовныхъ явленій.

Къ этому необходимо было притти, когда нисходящій абсолютизмъ грозилъ поглотить въ водоворотѣ беззастѣнчивыхъ оргій

всѣ добродѣтели. На почвѣ этой исторической ситуаціи могла сложиться только философія отчаянія и резиньяціи, а это именно и есть сущность сантиментализма. Сантиментализмъ, какъ міровоззрѣніе, является поэтому идеологіей не только безсильныхъ индивидуумовъ и классовъ, а также и тѣхъ, кто чувствуетъ себя обреченнымъ и не думаетъ о серьезномъ противодѣйствіи. Это міровоззрѣніе, проявляется лишь въ слезливомъ ворчаніи, перегораетъ въ слабосильныхъ и чувствительныхъ размышленіяхъ.

Если условія возникновенія и развитія сантиментализма объясняютъ, почему онъ во второй половинѣ XVIII в. былъ составною частью всеобщаго мышленія и чувствованія, то они же и объясняютъ намъ, почему именно въ Германіи сантиментализмъ, какъ всеобщая жизненная философія, выступалъ особенно ярко и продержался особенно долго. Въ Германіи бюргерство чувствовало себя дольше и глубже, чѣмъ гдѣ бы то ни было, безпомощнымъ, въ виду его полнаго духовнаго и политическаго порабощенія.

Здѣсь въ Германіи было на лицо особенно значительное число слабыхъ индивидуумовъ, предававшихся резиньяціи еще раньше, чѣмъ у нихъ возникала воля къ дѣйствію, не говоря уже о самомъ дѣйствіи. Слабость и резиньяція—таковы единственныя ясно различаемыя характерныя черты тогдашней нѣмецкой буржуазіи, какъ класса. Сантиментализмъ нашелъ поэтому свое наиболѣе яркое выраженіе именно въ Германіи во всѣхъ духовныхъ сферахъ, и особенно въ любви, принимая порой характеръ настоящей эпидеміи. Только въ Германіи была возможна Вертероманія съ ея гротескными проявленіями, возбуждавшая уже тогда—хотя весь міръ былъ тогда пропитанъ этимъ духомъ—повсюду удивленіе и недоумѣніе. Здѣсь въ Германіи это состояніе все еще продолжалось даже тогда, когда въ Англіи и Франціи буржуазія уже давно перешла къ революціонной дѣятельности, превративъ политическій идеалъ гражданской свободы въ реальный фактъ.

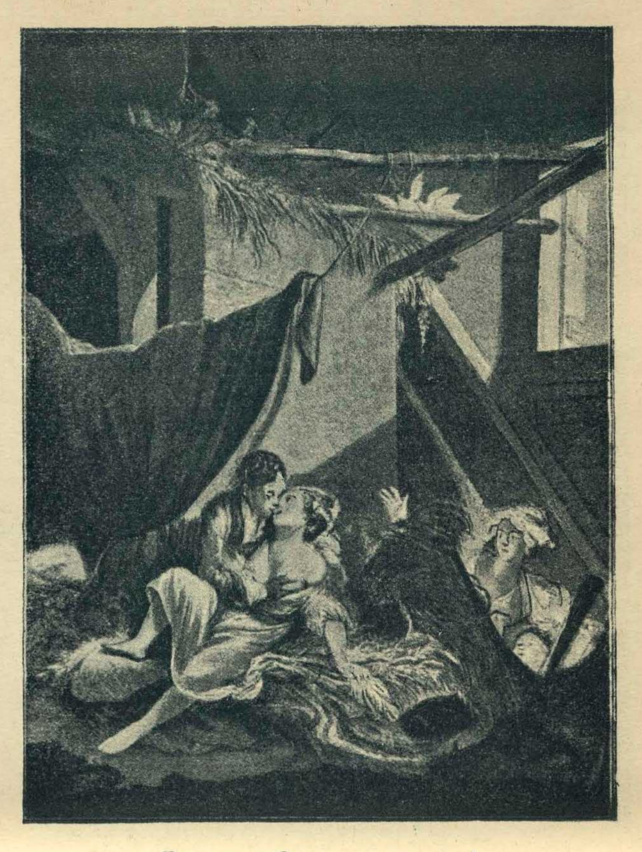
Періодъ чувствительной и слезливой любви, когда тратили больше чернилъ, чѣмъ спермы—ибо до объясненія люди исписывали по крайней мѣрѣ нѣсколько печатныхъ листовъ бумаги—продолжался

Аугсбургская картинка модъ.

Аугсбургская картинка модъ.

38

Жоллэнъ: Туалетъ.

Бодуэнъ: Слишкомъ поздно!

въ Германіи даже еще въ XIX ст. Вертеръ поэтому не только геніальнѣйшій анализъ сущности нѣмецкаго сантиментализма, какъ опредѣленной философіи любви, но и въ послѣднемъ счетѣ геніальная художественная формула политическаго и соціальнаго безсилія нѣмецкаго бюргерства покончить съ феодализмомъ: формула, уловленная и созданная пророкомъ.

Само собою понятно, что эти немногія замѣчанія о сущности сантементализма, какъ философіи любви и какъ міровоззрѣнія, не исчерпываютъ и отдаленнѣйшимъ образомъ объема и содержанія этого вопроса, а только пытаются выяснить его въ самыхъ грубыхъ чертахъ. Тѣмъ не менѣе мы здѣсь ограничимся этимъ легкимъ наброскомъ, такъ какъ здѣсь основная сущность нашей работы и мы постоянно будемъ возвращаться къ этимъ вопросамъ.

Въ XVIII в. любовь—ремесло. Fais le bien. Поэтому каждый долженъ былъ ее сначала изучить, тѣмъ болѣе, что мужчина и женщина стремятся къ тому, чтобы въ этой области не оставаться простыми дилетантами, а достигнуть полнаго совершенства. Впервые поэтому въ міровоззрѣніи людей начинаетъ играть значительную роль нѣчто въ родѣ сексуальнаго воспитанія. Каждый воспитываетъ себя самого „для любви“, „для любви“ же всѣ воспитываютъ другъ друга.

Среди множества ухищреній и спеціальностей, которыя предстоитъ изучить въ ремеслѣ: Fais le bien, взаимное совращеніе и обманъ являются лишь грубыми общими понятіями, распадающимися на рядъ разнообразныхъ методовъ: взаимнаго совращенія, наиболѣе пріятнаго снисхожденія до просьбъ мужчины, лучшихъ формъ разрыва, искусства взять себѣ любовника или любовницу, или же отдѣлаться отъ нихъ и т. д. Такъ какъ только постоянное изученіе и занятія дѣлаютъ человѣка мастеромъ въ своемъ дѣлѣ, то всѣ—молодые и старые—большую часть времени тратили на эти вопросы. Искусство соблазнить женщину—любимѣйшая тема мужскихъ разговоровъ; вопросъ, какъ сумѣть стать съ ловкостью и граціей все снова богато вознаграждаемой жертвой соблазна, составлялъ впро-

долженіи полтораста лѣтъ наиболѣе животрепещущую проблему для женскаго остроумія.

Въ романѣ Les liaisons dangereuses герой говоритъ: „Вы хотите, чтобы мы говорили о чемъ нибудь другомъ. Словно это не будетъ всегда тѣмъ же самымъ: о женщинахъ, которыми хочешь обладать, или которыхъ хочешь погубить, и часто то и другое тѣсно связано другъ съ другомъ“. Галантныя поученія и наставленія то и дѣло сходятъ съ пера философовъ и писателей, часто же наиболѣе смѣлые совѣты исходятъ отъ естественныхъ воспитателей, родителей, родственниковъ и опекуновъ.

Нѣкая г-жа Моринъ говоритъ напр. своему сыну: „Могу тебѣ дать только одинъ совѣтъ: влюбляйся во всѣхъ женщинъ“. Нѣкій англійскій лордъ пишетъ своему сыну, вступающему въ свѣтъ: „Изучай днемъ и ночью женщинъ—само собой понятно только лучшіе экземпляры: пусть онѣ будутъ твоими книгами“.

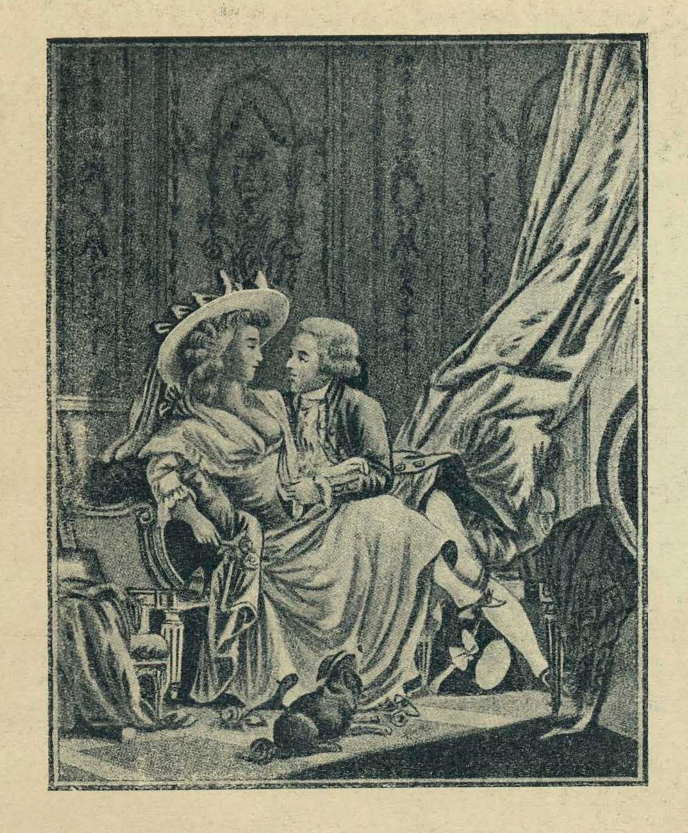
Къ заботливымъ совѣтамъ родителей родственники и друзья присоединяютъ услужливую активную помощь. Стоящаго на грани отрочества и юношества молодого человѣка знакомая дама, разыгрывающая добрую мать, разжигаетъ указаніями на разнообразныя блюда, которыя изготовляетъ любовь. Она обращается съ нимъ, какъ съ ребенкомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ него поступковъ, которые рано или поздно должны пробудить въ немъ чувственность. Что для зрѣлаго мужчины является доказательствомъ высшаго расположенія, разрѣшается ему въ первый же день знакомства, точно это пустякъ. Дама раздѣвается въ его присутствіи, принимаетъ его въ постели, принимаетъ услуги, предполагающія самую близкую интимность. И всегда при этомъ она ему показываетъ „кое-что“, а иногда и очень много.

Въ своей книгѣ о Ретифъ де-ла-Бретоннѣ Е. Дюренъ сообщаетъ слѣдующія данныя относительно его эротическаго воспитанія г-жей Парагонъ. Ретифъ де-ла-Бретоннъ тогда былъ мальчикомъ.

„Въ то время, какъ онъ читалъ вслухъ, глаза г-жи Парагонъ покоились на немъ, рука ея опиралась на спинку его стула, а порой слегка касалась его плечъ. Иногда она откидывалась мечтательно

Семейная жизнь. Англійская гравюра.

Верколье: Нетерпѣливая красавица.

Юэ: **Объясненіе въ любви.**

Юэ: **Подвязка.**

назадъ, заложивъ ногу на ногу, такъ что видна была ея ножка, ея маленькая божественная ножка. Какія мгновенія! Какъ опасна была эта атмосфера довѣрчивости, эта нѣжная душевная и тѣлесная близость! Иногда Николаю показывали и еще болѣе интимныя прелести, а именно когда Тинетта раздѣвала свою госпожу. Ему даже разрѣшалось помогать при этомъ и онъ получалъ возможность насладиться всѣми ея прелестями „съ видомъ наивнымъ и невиннымъ", тогда какъ чувства его кипѣли".

Таковы обычные первые уроки сексуальнаго воспитанія. И когда дама увѣрена въ успѣхѣ, она вдругъ, точно это для нея неожиданность—постигаетъ революціонизирующее впечатлѣніе, произведенное ея красотой на молодого друга.

„О Боже! Вы, оказывается, мужчина, а я васъ считала мальчикомъ".

Сначала оба странно ошеломлены, что однако не мѣшаетъ разыгрывающей роль матери дамѣ довести свое дѣло до конца: она позволяетъ ему стать мужчиной—такъ лучше, чѣмъ если онъ попадетъ въ когти порока. А когда первыя побѣды сдѣлали молодого человѣка смѣлѣе, слѣдуютъ нѣжные совѣты, какъ добиться своего у женщины быстро и вѣрно, какъ пробуждать ея чувственность и—особенно—какъ повышать ея удовольствіе. Благоразумныя и предусмотрительныя матери—такими по крайней мѣрѣ провозглашала ихъ эпоха—которымъ важно, чтобы сынъ сумѣлъ занять въ обществѣ видное мѣсто, нанимаютъ кромѣ того камеристокъ и горничныхъ во вкусѣ сына и умѣлыми маневрами устраиваютъ такъ, что „взаимное совращеніе молодыхъ людей становится самой простой и естественной вещью". „Такимъ путемъ онѣ дѣлали сыновей болѣе смѣлыми въ обхожденіи съ женщинами, пробуждали въ нихъ вкусъ къ любовнымъ наслажденіямъ и спасали ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ опасностей, грозящихъ молодымъ людямъ отъ схожденія съ проститутками". Робкаго любовника стараются пріободрить соотвѣтствующими указаніями.

Маркиза де Мертёль писала другу одного молодого человѣка, боявшагося предпринять рѣшительный шагъ:

„Внушите же этой сонѣ не быть такимъ платоникомъ и скажите ему, разъ ему ужъ нужно все разжевать,—что лучшее средство побѣдить чужія колебанія и сомнѣнія заключается въ томъ, чтобы довести людей, обуреваемыхъ ими, до того, что имъ уже ничего не остается терять“.

Литература мемуаровъ содержитъ цѣлую коллекцію историческихъ примѣровъ. Приведемъ только одинъ. Когда герцогъ Шартрскій возмужалъ, то „первой заботой отца было дать ему любовницу. Этотъ предусмотрительный отецъ довѣрилъ счастье сына дѣвицѣ Дютэ, не достигшей тогда и пятнадцатилѣтняго возраста. Герцогъ Орлеанскій гордился этимъ поступкомъ, какъ доказательствомъ великой и нѣжной предусмотрительности“.

Сексуальное воспитаніе дѣвушекъ вращалось, естественно, въ другихъ плоскостяхъ, хотя имѣло въ виду ту же конечную цѣль. Усерднѣе всего занимались половымъ воспитаніемъ дѣвушекъ въ среднемъ и мелкомъ мѣщанствѣ. Такъ какъ въ этихъ кругахъ наиболѣе частолюбивой мыслью каждой матери является „карьера“ ея дочери, то стереотипная фраза въ устахъ тысячи матерей, когда онѣ говорили о своихъ дочеряхъ, гласила: „Моя дочь слишкомъ хороша для ремесленника, она можетъ выйти и за человѣка почище“. И то же самое говорится дочери: она лакомый кусочекъ для гурмановъ, и слишкомъ красива, чтобы служить утѣхой для сосѣда Ивана и стоять за прилавкомъ въ его магазинѣ. И потому не менѣе стереотипный совѣтъ гласилъ: „пусть она не отдается первому встрѣчному, а мѣтитъ какъ можно выше“. Въ Briefe über die Galanterien Berlins (1782) говорится:

„Мать, имѣющая красивую дочь, часто сама раздѣваетъ ее на ночь, приходитъ въ восторгъ отъ ея великолѣпной фигуры и, восхищаясь своей маленькой медицейской Венерой, восклицаетъ: Ахъ, Минхенъ, тебѣ бы выйти за тайнаго совѣтника или дворянина“.

Настоящее практическое воспитаніе женщины для любви начинается, впрочемъ, обыкновенно только въ бракѣ. Бракъ является для нея настоящей высшей школой. Теперь ей систематически внушается, какъ использовать всѣ возможности наслажденія, какъ ей

самой создать все новыя интересныя въ этомъ смыслѣ положенія. Это воспитаніе начинается уже въ первый день ея брачной жизни и практикуется при каждомъ удобномъ случаѣ. Молодая жена слышитъ отъ всѣхъ ея подругъ „вѣрнѣйшіе совѣты", какъ избѣжать „грубостей" мужа. Заставая молодую жену скучающей, ея подруга спѣшитъ ее просвѣтить: „Только любовникъ посвящаетъ насъ въ истинное блаженство любви. Мужъ обращается съ нами, какъ съ женой или матерью его дѣтей, тогда какъ любовникъ заботится только о нашемъ удовольствіи и потому дѣлаетъ только то, что намъ доставляетъ удовольствіе".

Впрочемъ, въ эту эпоху многіе мужья также настолько благоразумны, что стараются доставить своимъ женамъ утонченныя наслажденія. Такіе браки считались въ большинствѣ случаевъ „счастливыми". Такимъ путемъ жена медленно, но вѣрно превращается въ достойную удивленія мастерицу въ искусствѣ любви, способную замѣнить любовнику, будь то мужъ или возлюбленный, цѣлый гаремъ. Маркиза де Мертель сообщаетъ довѣренному ея альковныхъ похожденій:

„Въ нашемъ распоряженіи было шесть часовъ. Я рѣшила устроить такъ, чтобы все это время было для него одинаково восхитительно и потому обуздывала его нападенія кокетствомъ и любезностью. Кажется, никогда я такъ не старалась нравиться и я была, признаюсь, очень довольна собой. Послѣ ужина я по очереди разыгрывала ребенка и разумную женщину, была то умницей, то чувствительной, то даже развратной: мнѣ доставляло удовольствіе, разыгрывать фаворитокъ гарема, въ которомъ онъ является султаномъ. Передъ нимъ была только одна женщина, хотя ему и должно было казаться, будто каждое удовольствіе доставляется ему новой возлюбленной".

Съ ловкостью несравненнаго режиссера женщина умѣетъ устраивать всякую ситуацію, какъ ей нравится, искусственно создавать ихъ. Желая отучить отъ любви надоѣвшаго любовника, не сумѣвшаго уловить моментъ, когда ему пора подать въ отставку, такъ, чтобы онъ и самъ былъ радъ своей отставкѣ, дама положительно засыпаетъ его нѣжностями и истощаетъ преднамѣренно его силы.

Въ письмѣ къ довѣренному ея тайнъ маркиза Мертель слѣдующимъ образомъ развиваетъ подобную програму:

„Уже двѣ недѣли я пускаю въ ходъ поочереди холодность, капризы, раздражительность и ссоры и однако никакъ не удается отдѣлаться отъ этого прилипчиваго человѣка. Надо, слѣдовательно, испробовать болѣе радикальное средство и вотъ я беру его съ собой въ имѣніе. Послѣ завтра мы уѣзжаемъ. Съ нами будетъ только нѣсколько незаинтересованныхъ, не очень проницательныхъ людей и мы тамъ будемъ также свободны, какъ будто мы одни. И вотъ тамъ я хочу его такъ засыпать ласками и любовью, мы тамъ такъ будемъ жить только другъ для друга, что я готова держать какое угодно пари: онъ горячѣе меня будетъ мечтать объ окончаніи этого путешествія, на которое онъ такъ разсчитываетъ. И если послѣ нашего возвращенія онъ будетъ скучать въ моемъ присутствіи не болѣе, чѣмъ я теперь скучаю съ нимъ, то вы имѣете право сказать, что я понимаю въ такихъ дѣлахъ не больше, чѣмъ вы".

И подобныхъ методовъ придерживалось тогда множество женщинъ.

Однако, такъ поступаютъ только съ такими любовниками, отъ которыхъ хотятъ отдѣлаться или которыхъ берутъ лишь на незначительное время. Любовниковъ, которыхъ не желаютъ терять, такъ какъ съ ними можно блистать въ свѣтѣ, щадятъ, какъ берегутъ благородныхъ лошадей. Если темпераментъ грозитъ ихъ увлечь съ собой, то ихъ удовлетворяютъ маневрами, „доставляющими не меньше наслажденія, и не подтачивающими здоровье". Если такой любовникъ не хочетъ увѣровать въ свою отставку, если его мучаютъ романическія опасенія, то ему стараются мягко, убѣдительными доводами, доказать, что онъ вовсе не любитъ. Когда одна дама въ достаточной степени убѣдилась въ любовныхъ талантахъ молодого герцога де Лозёнъ и на этомъ основаніи дала ему преемника, она старалась успокоить ревность герцога слѣдующими материнскими совѣтами:

„Повѣрь мнѣ, милый, маленькій кузенъ, романичность теперь не въ модѣ и дѣлаетъ смѣшнымъ—voila tout. Ты очень мнѣ нравился, дитя. Не я виновата, что ты считалъ мои отношенія къ тебѣ

серьезной страстью и если ты увѣрилъ себя, что она продолжится вѣчно. А если ты ошибся, то не все ли равно, возьму ли я другого любовника или же останусь одна. У тебя достаточно достоинствъ, чтобы нравиться женщинамъ, используй свои способности, старайся нравиться женщинамъ и будь увѣренъ, что утрата одной всегда можетъ быть возмѣщена другой. Такимъ путемъ люди становятся счастливыми и любезными".

Все это, естественно, заставляло и мужчинъ увеличивать ловкость въ своемъ ремеслѣ. Во всѣ времена самыми успѣшными методами въ дѣлѣ совращенія огромнаго большинства женщинъ считалось дѣйствіе на ея чувственность въ связи съ убѣдительнымъ указаніемъ на безусловную безопасность любовной связи. Это вполнѣ примѣнимо и къ галантному вѣку. Галантная литература эпохи богата произведеніями, темой которыхъ служитъ именно эта форма совращенія. Хотя этотъ методъ и является наиболѣе распространеннымъ, его примѣняютъ однако только „посредственные умы", тогда какъ умы мало мальски „выдающіеся" глубоко презираютъ его и отказываются отъ его примѣненія. Послѣдніе хотятъ одержать побѣду лишь оружіемъ духа. Блистать въ этомъ отношеніи, добиваться успѣховъ этимъ путемъ — высшая честолюбивая мысль homme supérieur'а.

Извѣстная новелла скабрезнаго Кребильона „Счастливыя случайности у очага" представляютъ, вѣроятно, наиболѣе классическій трактатъ объ этомъ методѣ побѣды надъ женщиной исключительно путемъ остроумныхъ убѣжденій. Соблазнителъ поставилъ своей цѣлью совершенно отказаться отъ всякихъ ссылокъ на мнимую любовь, рѣшилъ не произносить этого слова даже въ тѣ критическіе моменты, когда оно могло бы послужить для дамы маленькимъ средствомъ самооправданія, и всетаки добиться всего того, что одна только любовь обыкновенно даритъ мужчинѣ. Само собой понятно, что этотъ методъ наиболѣе сложный и потому его точное изображеніе поневолѣ является очень пространнымъ: въ немъ нѣтъ особо рѣшительныхъ методовъ, которые могли бы его характеризовать. Мы должны поэтому здѣсь отказаться отъ мысли иллюстрировать ха-

рактернымъ документомъ этотъ единственный методъ, считавшійся достойнымъ homme supérieur'а.

Такъ какъ любовь перестала быть страстью, дорожащей конечной цѣлью, осуществленіе которой сопряжено съ неожиданностями, такъ какъ она стала ремесломъ, выполняемымъ съ трезвой головой, то люди пользуются дорогой къ цѣли, чтобы насладиться всѣми доставляемыми ей лакомствами. Они преднамѣренно растягиваютъ путь, такъ какъ такимъ образомъ можно увеличить число станцій, гдѣ можно время провести съ удовольствіемъ. Съ ловкостью стараются вызвать женщину на все новое противодѣйствіе, обѣщающее все новыя наслажденія. Подобное противодѣйствіе вызываютъ даже въ тотъ моментъ, когда женщина уже готова пасть жертвой. Въ особенности охотно поступаютъ такъ съ дамами, закованными въ броню добродѣтели и серьезно желающими сохранить вѣрность мужу или любовнику. Какое торжество довести такую женщину одинъ или даже нѣсколько разъ до такого пункта, что она готова отдаться.

Не забываютъ ни объ одномъ оттѣнкѣ и всѣмъ имъ придается пикантный характеръ. Менѣе всего отказываются отъ наслажденія побѣжденной стыдливостью. Для большинства мужчинъ со вкусомъ это одно изъ самыхъ излюбленныхъ лакомствъ. Мало что въ любви онъ цѣнитъ такъ, какъ возможность заставить смѣлыми словами или поступками женщину покраснѣть, какъ минуту, когда женщина или дѣвушка готова „умереть отъ стыда", потому что ему удалось обладать ею. Эффектное оскорбленіе чувства стыдливости становится поэтому предметомъ въ высшей степени развитого искусства. Здѣсь любовь въ смыслѣ разнузданности, въ смыслѣ либертинажа празднуетъ поистинѣ чудовищныя оргіи. Подобныя ситуаціи являются и для многихъ женщинъ моментами высокаго наслажденія.

Въ первую минуту дама, правда, пугается, вѣдь она „порядочная" женщина, но таже дама въ тотъ же вечеръ пишетъ своей подругѣ: „Если бы ты знала, въ какой я сегодня находилась опасности. Я не могла помѣшать этому чудовищу добиться своей цѣли и удовлетворить свое любопытство: это было восхитительно". Зрѣлище, которое молодая женщина представляетъ le lendemain, считается

также особымъ лакомствомъ, какъ и чужія страданія. Слезы, проливаемыя цѣлыми потоками въ XVIII в., были въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ средствами усилить наслажденіе, какъ приправой. Наряду съ воздѣйствіемъ на чувственность женщины, которую хотятъ соблазнить, чрезвычайно реальнымъ средствомъ было воздѣйствіе на ея тщеславіе. Это впрочемъ приложимо къ обоимъ поламъ. Высшеее тщеславіе людей этой эпохи состоитъ въ томъ, чтобы играть роль въ обществѣ и стать à la mode. Лучшимъ комплиментомъ по адресу женщины является поэтому намекъ на то, что связь съ ней позволитъ легче всего достигнуть этой цѣли. Быть à la mode—таковъ девизъ эпохи. Въ этомъ не только надежда на удовлетвореніе тщеславія, это уже не менѣе, какъ торжество этого тщеславія. Мужчина, который въ данную минуту въ модѣ, какъ въ модѣ все то, что его касается, является поэтому самымъ удачнымъ соблазнителемъ. Передъ моднымъ человѣкомъ раскрываются всѣ двери и путь его всегда ведетъ прямехонько въ спальню. Онъ—неотразимый, ему стоитъ только—пожелать. Дамы сами ему навязываются. Каждая женщина хочетъ имъ завладѣть и нѣтъ такой добродѣтели, которая устояла бы передъ нимъ и его желаніями.

Если модный герой является конкурентомъ другого, то въ этомъ спорѣ оказываются побѣжденными: сила, умъ, красота, словомъ всѣ мужскія достоинства. Тѣми же преимуществами пользуется, разумѣется, и дама, считающаяся почему либо въ обществѣ—à la mode. За ней всѣ ухаживаютъ, хотя бы сердце и чувства всѣхъ ея ухаживателей оставались незатронутыми. Каждый хочетъ хвастать ея обладаніемъ. Каждый хочетъ имѣть ее „въ своемъ спискѣ“, какъ гласитъ великолѣпное выраженіе эпохи. Быть à la mode—къ этому стремятся оба пола. Вопросу, что требуется для того, чтобы быть à la mode посвящались тогда пространнѣйшія разсужденія: въ нихъ видѣли надежнѣйшій рецептъ, „сдѣлать карьеру“.

Если же ни чувственность, ни умъ, ни тщеславіе не въ силахъ побѣдить женщину, то мужчина хладнокровно прибѣгаетъ къ послѣднему средству—къ насилію. Самолюбіе мужчины требуетъ, чтобы онъ при какихъ бы то ни было условіяхъ остался побѣдителемъ. Насиліе

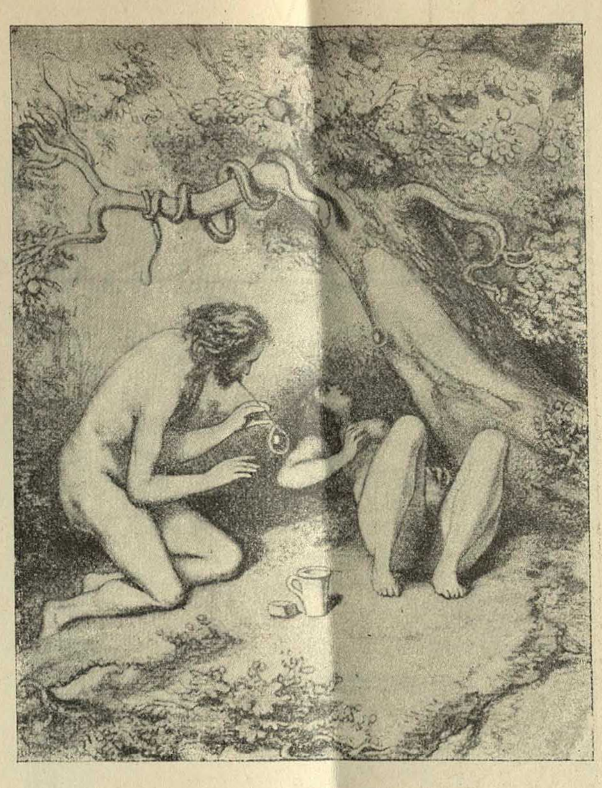
надъ женщиной считалось поэтому въ порядкѣ вещей. Однако нигдѣ оно такъ часто не примѣнялось, какъ въ свѣтскомъ обществѣ, и притомъ вездѣ: въ будуарѣ, салонѣ, во время вечерней прогулки, въ паркѣ, и чаще всего въ почтовой каретѣ. Для многихъ Донъ-Жуановъ это было настоящимъ спортомъ. Такъ поступали Казанова, графъ Тилли и множество другихъ виднѣйшихъ героевъ общества. Изъ ихъ мемуаровъ видно, что эти дерзкіе насильники всегда почти достигали своей цѣли и рѣдко подвергались опасностямъ. Правда, здѣсь рѣчь шла вѣдь не о настоящемъ преступленіи, а просто объ особой формѣ совращенія, разрѣшенной обществомъ каждому эротически сильному мужчинѣ.

Никто лучше профессіональнаго соблазнителя и не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета. Онъ же прекрасно зналъ всѣ удобныя конъюнктуры. Онъ зналъ, во-первыхъ, что лишь очень немногія женщины приходятъ отъ совершившагося въ отчаяніе, что большинство оправдываетъ себя старой поговоркой: „если я подверглась насилію, я не совершила грѣха“. Далѣе, онъ знаетъ, что каждая женщина боится скандала, а дѣло кончалось бы въ большинствѣ случаевъ скандаломъ, если бы женщина стала серьезно сопротивляться. Поэтому именно самая порядочная женщина будетъ сопротивляться только до извѣстной степени. Наконецъ, каждый жуиръ знаетъ, что множество женщинъ только о томъ и мечтаетъ, чтобы быть взятыми силой. Мнимое насиліе для многихъ неизмѣримо повышаетъ наслажденіе и потому онѣ положительно провоцируютъ мужчину къ насилію или ожидаютъ его съ его стороны. Шодерло де-Лакло заставляетъ свою героиню маркизу де-Мертель выяснить этотъ послѣдній пунктъ въ слѣдующихъ остроумныхъ фразахъ:

„Скажите мнѣ пожалуйста, о томный любовникъ, ужели вы убѣждены, что изнасиловали женщину, которой вы обладали? Какъ бы ни было велико удовольствіе отдаться, какъ бы мы не спѣшили съ нимъ,—надо же имѣть какой-нибудь предлогъ, а можно ли найти болѣе удобный предлогъ, какъ дѣлать видъ, что мы уступили насилію. Должна вамъ признаться, что быстрый и ловкій натискъ нравится мнѣ больше всего; натискъ, гдѣ одно слѣдуетъ за другимъ, но

Эротико-символическій портретъ.

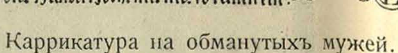
Говарни. **До грѣхопаденія.**

Символическая эротическая каррикатура.

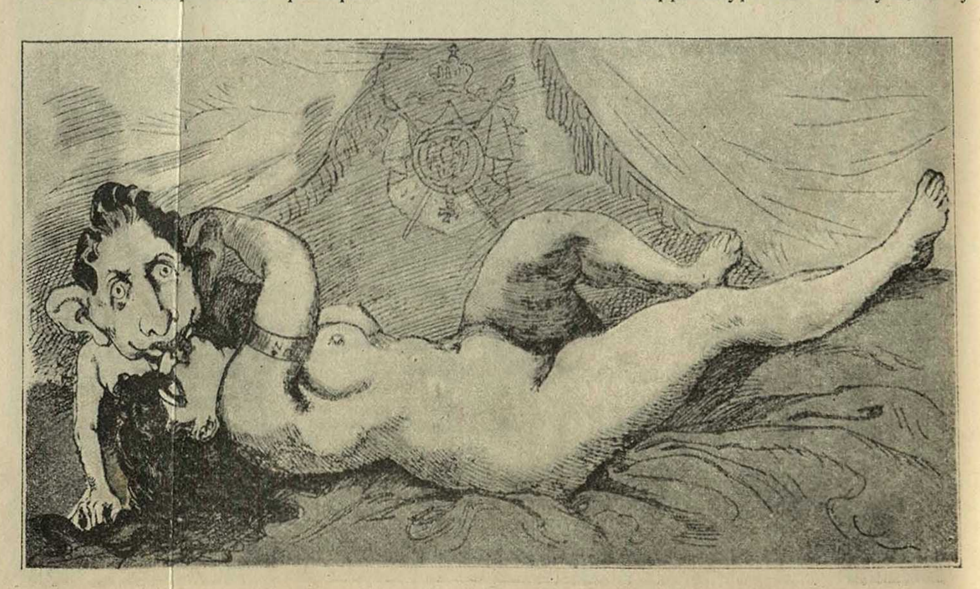

Галантно-сатирическая гравюра.

Каррикатура на обманутыхъ мужей.

Каррикатура на развращенность при дворѣ Наполеона.

все же настолько быстрый, чтобы мы не попадали въ щекотливое положенiе поправлять неловкость, которой мы собственно хотѣли воспользоваться, натискъ, до самаго конца сохраняющiй видъ грубаго насилiя и тѣмъ льстящiй нашимъ двумъ главнымъ страстямъ: желанiю защищаться и удовольствiю отдаваться. Я готова признаться, что подобный талантъ встрѣчается у мужчинъ рѣже, чѣмъ можно было бы думать и что я всегда имъ восхищалась, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему не поддавалась. Бывали случаи, что я отдавалась, побуждаемая благодарностью. Такъ въ дни древнихъ турнировъ красота подносила награду храбрости и ловкости".

По всѣмъ указаннымъ причинамъ даже самыя грубыя нападенiя на честь женщины не только не преслѣдуются, а часто прощаются. Вотъ почему нѣтъ ничего удивительнаго, что разбойникъ въ маскѣ, нападающiй на пустынной дорогѣ на карету путешествующихъ дамъ, насилующiй ихъ и довольствующiйся этимъ, какъ единственнымъ выкупомъ, сдѣлался въ воображенiи эпохи идеальной фигурой.

Намъ могутъ возразить: всѣ эти прiемы сексуальнаго воспитанiя, правда, не подлежатъ сомнѣнiю, но вѣдь это не болѣе, какъ обычные прiемы порока и разврата, которые пускались въ ходъ во всѣ времена. Можно согласиться съ этимъ возраженiемъ и однако оно совершенно теряетъ свою силу благодаря одному обстоятельству: въ эпоху стараго режима въ отличiе отъ предшествовавшихъ перiодовъ эти прiемы,—необходимо это подчеркнуть,—становились сознательными и, кромѣ того, массовыми. Эти проблемы интересовали уже не отдѣльныя только личности, а становились составной частью общей философiи любви, распространенной съ соотвѣтствующими оттѣнками во всѣхъ классахъ общества.

Лучшимъ доказательствомъ этого положенiя является тотъ фактъ, что всѣ эти методы и вопросы сексуальной педагогики были тогда приведены въ систему. Создавались соотвѣтствующiя теорiи, идеи облекались въ тезисы, въ цѣлыя программы. Если чувствительные дiалоги о любви и дружбѣ, которыми такъ богаты документы эпохи, не что иное, какъ лекцiи и практическiя занятiя по вопросамъ доведеннаго до крайней раффинированности духовнаго сладострастiя, то

многочисленные романы эпохи сантиментализма служатъ всѣ безъ исключенія настоящими учебниками сантиментальной любви. То же самое необходимо сказать и объ описаніяхъ и дискуссіяхъ, посвященныхъ въ формѣ романа культу порочности. И вовсе не случайно, не противъ воли авторовъ, нѣтъ, такова ихъ цѣль, обдуманно и сознательно поставленная ради педагогическаго воздѣйствія.

Необходимо здѣсь считаться съ двумя фактами.

Если съ одной стороны подъ вліяніемъ поучительной тенденціи, наполнявшей литературу, каждое произведеніе получало само собой характеръ учебника, то съ другой стороны число романовъ и дидактическихъ поэмъ страшно возросло потому, что даже серьезныя научныя проблемы охотно трактовались и развивались въ формѣ романа. Жизнь считалась, какъ въ хорошемъ, такъ и въ плохомъ, лучшей наставницей человѣка, а романъ казался, такъ сказать, предвосхищенной жизнью. Правда, романъ отвѣчалъ еще другой основной тенденціи эпохи, жаждѣ игры и развлеченія. Эпоха, выставившая своимъ девизомъ, что каждый день потерянъ, который не посвященъ наслажденію, хотѣла постигнуть даже проблемы науки среди игры и развлеченій. Романъ, не столько утомляющій, сколько занимающій умъ, казалось, въ состояніи разрѣшить эту задачу.

Если поэтому политическіе, религіозные и философскіе вопросы облекались въ форму романа, то тѣмъ болѣе сексуальныя проблемы и теоріи. Нѣкоторыя теоріи сексуальной педагогики примѣнялись тогда даже на практикѣ. Укажемъ здѣсь лишь на самую извѣстную такую попытку, на храмъ регенераціи, сооруженный англійскимъ шарлатаномъ, докторомъ Грахэмомъ. Въ своихъ проспектахъ Грахэмъ заявлялъ, что его теорія способна „создать болѣе сильную, красивую, энергическую, здоровую, умную и добродѣтельную расу, чѣмъ нынѣшнюю неумную, представители которой ссорятся, сражаются, кусаются и убиваютъ другъ друга, неизвѣстно за что“.

На самомъ дѣлѣ, здѣсь шла рѣчь о приспособленной къ тенденціямъ времени и замаскированной въ ея духѣ профессіи, обѣщавшей пресыщеннымъ старцамъ новыя настоящія или мнимыя эротическія возбужденія.

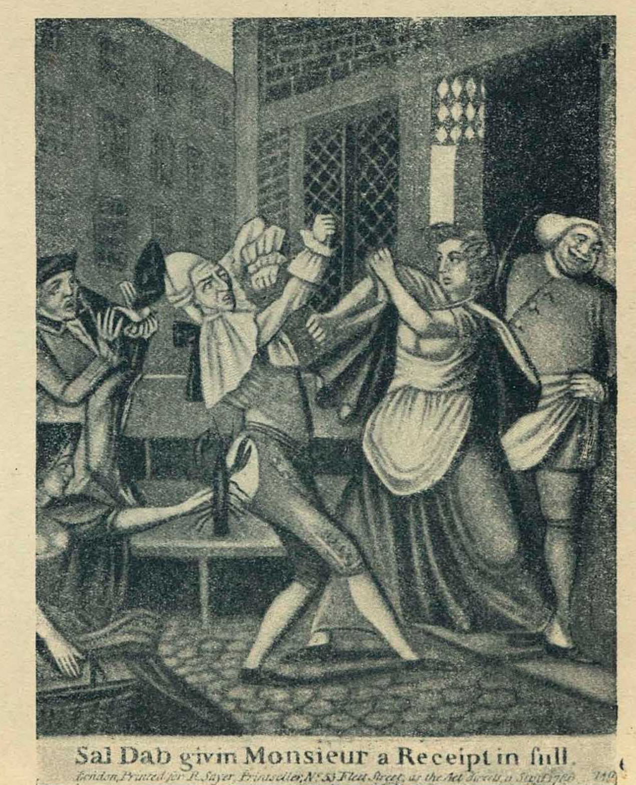

Котсъ: Миссъ Китти Геннингъ.

Шмитъ: Нинонъ де Ленкло, въ возрастѣ 90 лѣтъ.

Уикстэдъ: **Разбитая ваза.**

Лондонская уличная сцена. Гравюра.

Такъ какъ любовь является въ эту эпоху ничѣмъ инымъ, какъ умственнымъ развратомъ, то сексуальное воспитаніе имѣло, какъ видно, одну только цѣль: культъ техники. Его сущностью является способность для всего находить слова и все облекать въ слова. Сознательность и расчитанность становятся, такимъ образомъ, на мѣсто инстинктивнаго исполненія велѣній природы. Шагъ за шагомъ упраздняется наивность, а тамъ, гдѣ она еще встрѣчается, она въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ комедія, которой предшествовали сотни репетицій. Конечнымъ результатомъ этого процесса и вмѣстѣ съ тѣмъ высшимъ завоеваніемъ стараго режима было то, что актъ любви, или, какъ тогда говорили: Fais le bien, во всѣхъ его формахъ и фазахъ, сдѣлался въ концѣ-концовъ цѣлымъ сложнымъ произведеніемъ искусства.

Иначе отнынѣ не выступаетъ любовь. Всѣ ея составныя части строго взвѣшены, всѣ логически связаны, всѣ обнаруживаются безъ остатка, такъ какъ мѣшающій элементъ: непредвидѣнность, неотдѣлимая отъ истинной страсти, теперь упраздненъ. Люди знаютъ точно, какъ и когда все произойдетъ и потому всегда создаютъ соотвѣтствующую ситуацію.

Нельзя отрицать: зрѣлище, доставляемое взору зрителя этимъ произведеніемъ искусства, восхитительно какъ въ своихъ частяхъ, такъ и въ общемъ своемъ ансамблѣ. Но это красочное великолѣпіе флоры ядовитаго болота, красота котораго обусловлена лишь дистанціей,—въ данномъ случаѣ исторической,—если же къ ней приблизиться, то она несетъ съ собой смерть: ея ароматъ убиваетъ все великое и высокое въ человѣкѣ. Къ такимъ результатамъ вовсе не всегда приведетъ интенсивное повышеніе чувственности,—однако тогда она приводила именно къ такимъ результатамъ. Такъ какъ въ эпоху стараго режима предпосылкой, приводившей къ указанному слѣдствію, было наслажденіе, то интенсивное повышеніе чувственной жизни, являющееся очень значительнымъ культурнымъ пріобрѣтеніемъ, было связано не съ обогащеніемъ высшихъ человѣческихъ цѣлей, а лишь съ увеличеніемъ формъ разврата, съ санкціей даже самой рискованной

извращенности. Именно къ этой послѣдней цѣли эпоха стремилась особенно сознательно и эту цѣль она и достигла полностью.

Лучшимъ доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что надъ стыдливостью издѣвались, и—что въ высшей степени характерно—наиболѣе точную формулу этого издѣвательства эпоха вложила въ уста именно дамы. Когда однажды въ салонѣ г-жи д'Эпинэ обсуждался этотъ вопросъ, то эта великая мастерица любви съ усмѣшкой заявила: „Нечего сказать, прекрасная добродѣтель. Такая, которую можно приколоть булавками". То, что прикалывается булавками, каждую минуту можно снять съ себя. Эти слова разоблачаютъ сокровенную сущность любви, какъ произведенія искусства. Этой сущностью является презрѣніе къ самоуваженію.

Всѣ формы общенія половъ получаютъ соотвѣтствующій характеръ. Относиться къ женщинѣ съ уваженіемъ, смотрѣть на нее просто, какъ на человѣка, значитъ въ эту эпоху: оскорбить ея красоту. Неуваженіе, напротивъ, становится выраженіемъ благоговѣнія передъ ея красотой, оно—поклоненіе передъ „святая святыхъ" эпохи. Мужчина à la mode совершаетъ поэтому въ обхожденіи съ женщиной только непристойности—въ словахъ или поступкахъ—и притомъ съ каждой женщиной. Остроумная непристойность служитъ въ глазахъ женщины лучшей рекомендаціей. Кто поступаетъ въ разрѣзъ съ этимъ кодексомъ, считается педантомъ или—что для него еще хуже—нестерпимо-скучнымъ человѣкомъ. Также точно восхитительною и умной считается та женщина, которая сразу понимаетъ непристойный смыслъ преподносимыхъ ей остротъ и умѣетъ дать быстрый и граціозный отвѣтъ. Грація, этотъ категорическій императивъ ancien regime'а, не только оправдываетъ всякую непристойность, а сама становится въ эту эпоху воплощенной непристойностью. Такъ вело себя все свѣтское общество. А каждая мѣщанка съ завистью обращала свой взоръ именно къ этимъ высотамъ. У нея тотъ же идеалъ.

Повышенная чувственность нашла свое наиболѣе артистическое воплощеніе въ женской кокетливости и во взаимномъ флиртѣ.

Кокетство—не что иное, какъ выраженіе пассивности. Оно является поэтому специфически женскимъ аттрибутомъ и наиболѣе важ-

нымъ использованнымъ ею во всѣ времена, средствомъ воздѣйствовать на мужчину. Кокетство играетъ въ жизни общества тѣмъ большую роль, чѣмъ ограниченнѣе становится для большинства женщинъ возможность выйти замужъ. А, какъ мы увидимъ и докажемъ ниже, это имѣло мѣсто въ огромной степени въ эпоху стараго режима. Вотъ почему уже по одной этой причинѣ поведеніе женщины этой эпохи должно было значительно разниться отъ ея поведенія въ другіе періоды.

Сущностью кокетства является далѣе: демонстрація и поза, умѣніе ловко подчеркнуть особенно цѣнимыя преимущества. По этой причинѣ также ни одна эпоха такъ не благопріятствовала развитію кокетства, какъ именно эпоха абсолютизма, по духу родственная ему, ибо, какъ мы знаемъ, высшее требованіе, предъявляемое ею къ людямъ и вещамъ, состояло въ томъ, чтобы все было демонстраціей и позой.

Обѣ указанныя причины объясняютъ намъ, почему ни въ какую другую эпоху женщина не пользовалась этимъ средствомъ съ такимъ разнообразіемъ и съ такой виртуозностью, какъ тогда, и что оно играло даже и въ жестахъ мужчины большую, чѣмъ когда-либо роль, особенно по мѣрѣ того, какъ мужчины извѣстныхъ слоевъ становились все женственнѣе. Все же величайшими мастерицами въ этомъ искусствѣ были женщины. До извѣстной степени каждая женщина эпохи стараго режима была мастерицей даже въ самыхъ сложныхъ пріемахъ кокетства.

Женское кокетство похоже въ эту эпоху на великолѣпный фейерверкъ, который каждая женщина сжигаетъ изо дня въ день и неизмѣнно съ утра до вечера. Все ея поведеніе насыщено въ большей или меньшей степени кокетствомъ. Каждое ея движеніе диктуется ей законами кокетства, каждый ея жестъ исправляется имъ и служитъ ему. Всѣ аффекты подчинены кокетству и функціонируютъ по его волѣ, даже скорбь: la femme rit quand elle peut, et plêure, quand elle veut. Кокетство празднуетъ свои тайные праздники и устраиваетъ пышные спектакли, переходитъ въ мгновеніе ока отъ первыхъ ко вторымъ или же умѣетъ ихъ устроить одновременно. Разыгрывая

передъ обществомъ настоящіе спектакли, оно доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ любимцу тайные праздники.

Женщина достигла такого мастерства, конечно, лишь путемъ непрерывнаго обученія и усерднѣйшаго самоконтроля. И въ томъ и въ другомъ усерднѣйшимъ образомъ упражнялись женщины всѣхъ странъ. Искусство кокетства изучается тогда большинствомъ женщинъ съ такимъ увлеченіемъ, которое станетъ понятнымъ только въ томъ случаѣ, если допустить, что кокетство представляло тогда самый важный вопросъ существованія для женщинъ. Въ Abrahamische Lauberhütt говорится: „Женщины сидятъ порою полдня передъ зеркаломъ и разглядываютъ свое лицо. Онѣ дѣлаютъ передъ зеркаломъ разныя движенія и принимаютъ разныя выраженія; прикидываются то грустными, то гнѣвными, то смѣющимися, то влюбленными. Зеркало должно имъ сказать, какъ имъ вести себя въ обществѣ или въ церкви. Вотъ до какой степени помѣшаны женщины на красотѣ".

Этому пылкому усердію вполнѣ соотвѣтствуетъ и та раффинированность, которой достигало въ этомъ искусствѣ большинство женщинъ и которое становится типическимъ для эпохи. Въ доказательство приведемъ слѣдующее мѣсто изъ книги Briefe über die galanterien von Berlin".

„Со знаменемъ въ рукѣ каждая изъ этихъ новомодныхъ амазонокъ бросается въ битву по сообща разработанному плану. Посмотрите, какъ онѣ стрѣляютъ своими большими прекрасными глазами въ непріятеля! Какъ онѣ сражаются выраженіями и жестами! Какъ онѣ набрасываются на бѣднаго слабаго мужчину нѣжными многообѣщающими пожатіями руки или волшебнымъ язычкомъ зубочковъ! То поправляя платокъ, онѣ показываютъ врагу незащищенное мѣсто, на которое онъ можетъ направить свой мечъ. То, искусственно вздымая грудь, онѣ умѣютъ дать понять слабѣющему непріятелю, что онѣ готовы обсуждать условія капитуляціи. Сидя на диванѣ, онѣ такъ близко подвигаются къ нему, какъ будто желаютъ вызвать его на поединокъ вдругъ невзначай начнутъ трогать своими прекрасными маленькими алебастровыми пальчиками его пряжки и вдругъ

Петерсъ: КРАСАВИЦА.

Графическое заведенiе „ДРУКАРЬ", Москва.

42

падаютъ въ обморокъ, ища поддержки у самого непріятеля. Крѣпость сдается, побѣдитель падаетъ къ ногамъ побѣжденной, начинается драма вдвоемъ, на серебряномъ облакѣ спускаются амуры и плутовато бьютъ въ свои маленькія ладони".

Наивность, какъ видно, исключена изъ малѣйшаго жеста, она сама стала, какъ выше указано, сознательнымъ кокетствомъ.

Мы ограничимся здѣсь болѣе подробнымъ освѣщеніемъ лишь техническихъ и, такъ сказать, постоянныхъ средствъ женскаго кокетства, и притомъ только тѣхъ, которыя наиболѣе существенны для характеристики эпохи. Сюда относятся: платокъ на шеѣ, вѣеръ, маска, украшенія и мушки. На первый взглядъ всѣ эти предметы могутъ показаться несущественными. И однако необходимо удѣлить особое вниманіе именно имъ. Дѣло въ томъ, что если, не взирая на ихъ оффиціальное предназначеніе, которое легко можетъ ввести въ заблужденіе, вскрыть ихъ истинный смыслъ, то, какъ будетъ видно, они позволяютъ намъ лучше уяснить себѣ сущность эпохи, чѣмъ многія другія явленія, болѣе ярко бросающіяся въ глаза.

Платокъ, который дама накидывала на шею и плечи, имѣлъ на первый взглядъ цѣлью скрывать модное декольтэ въ такіе моменты, когда оно считалось по общему убѣжденію неумѣстнымъ, напр., дома во время работы, при посѣщеніи церкви и т. д. Такъ какъ, однако, все всегда складывается ко благу—не благочестиваго, правда,—а именно грѣшника, то и это средство поднять нравственность послужило лишь для вящшей безнравственности. Другими словами: оно сдѣлалось однимъ изъ утонченнѣйшихъ средствъ женскаго кокетства. Такъ какъ платокъ накидывался на плечи только слегка, то онъ уничтожалъ ясныя линіи покроя, позволяя обладательницѣ красивой груди дѣлать вырѣзъ еще глубже, чѣмъ требовала мода. А этотъ излишекъ вырѣза женщина показывала лишь тогда, когда это соотвѣтствовало ея особымъ цѣлямъ. Въ одинъ мигъ она могла показать—все или ничего. Она могла пройтись по улицѣ или появиться въ обществѣ въ самой приличной позѣ, однако въ надлежащій моментъ удовлетворить самый смѣлый капризъ, свой или чужой, такъ какъ было достаточно простого

движенія или шутливой выходки ухаживателя, чтобы сбросить платокъ.

Кромѣ этой важной функціи въ интересахъ кокетства платокъ исполнялъ, впрочемъ, еще и другую задачу въ дѣлѣ эротическаго воздѣйствія женщины на мужчину. Онъ усиливалъ дѣйствіе декольтэ приблизительно такъ, какъ и вуаль. Затушевывая временно ясные контуры груди, платокъ тѣмъ самымъ возбуждалъ воображеніе мужчины, разжигалъ его любопытство, доводилъ его до желаній, чѣмъ достигалась главная цѣль кокетства. Если у неимущихъ классовъ этой цѣли служилъ платокъ, то у имущихъ классовъ кружевное фишю или драгоцѣнная шаль. Но фишю и шаль одинаково мало скрывали, по замѣчанію остряковъ, красивую грудь; въ обоихъ случаяхъ достаточно малѣйшаго дуновенія вѣтра, чтобы раскрыть грудь: ибо, какъ выражался Виландъ, платокъ не что иное, какъ „сотканный воздухъ". Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что фишю и шаль играли такую огромную роль въ флиртѣ. (см. иллюстраціи).

Вѣеръ, ставшій нынѣ въ центральной Европѣ лишь принадлежностью бальнаго туалета, былъ въ эпоху стараго режима, какъ во всѣ времена въ южныхъ странахъ, неизмѣннымъ спутникомъ женщины. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ важныхъ туалетныхъ принадлежностей не только свѣтскихъ дамъ, но и женъ и дочерей средняго и мелкаго бюргерства. Вполнѣ естественно, что онъ съ самаго начала сдѣлался важнымъ средствомъ кокетства, такъ какъ уже пользованіе имъ для естественной цѣли давало кокетству благодарнѣйшій матеріалъ. Красивую руку, изящную кисть, граціозный жестъ, изящную линію,—все это можно было при помощи вѣера выгодно подчеркнуть или дольше продемонстрировать публикѣ, чѣмъ инымъ какимъ-нибудь способомъ. Также рано и также естественно возникъ и знаменитый разговоръ при помощи вѣера, позволяющій женщинѣ въ любой моментъ вступать съ мужчиной въ интимную бесѣду, непонятную для непосвященныхъ. Путемъ извѣстныхъ движеній вѣера женщина могла пригласить мужчину подойти, сказать ему, что она готова пойти навстрѣчу его намѣреніямъ, назначить

Роландсонъ. Морское купаніе.

Роббъ. Подруги.

Эротическая каррикатура на Георга IV.

Эротическая каррикатура на Георга IV.

время свиданія, сообщить, придетъ ли она или нѣтъ. Нѣжнымъ жестомъ опуская вѣеръ, дама признается побѣжденной, гордымъ движеніемъ развертывая его, она хочетъ сказать, что она непобѣдима. Нѣжность, любовь, отчаяніе,—всю скалу аффектовъ можетъ передать вѣеръ. Этимъ искусствомъ, въ которомъ и теперь еще испанки являются мастерицами, въ эпоху стараго режима владѣли почти всѣ женщины.

Многочисленные іероглифы вѣернаго языка еще не исчерпываютъ всего репертуара, который вѣеръ исполнялъ на службѣ галантности. Довольно важная роль его заключается, между прочимъ, въ томъ, что онъ позволялъ женщинѣ скрывать то или другое настроеніе, отражавшееся на ея лицѣ, скрывать чувство неудовольствія или же удовольствія, наконецъ, симулировать то или другое настроеніе, напр., стыдливость, оставаясь при этомъ въ рамкахъ данной ситуаціи. Другими словами: вѣеръ позволялъ въ XVIII в. женщинѣ быть активной и пассивной участницей грандіозной оргіи непристойности, устраиваемой ежечасно свѣтскимъ обществомъ словами и поступками. Прячась за вѣеромъ, дама могла выразить свое одобреніе дерзкой смѣлости; развернувъ вѣеръ, она могла вызывать па флиртъ жестами, скрывать этотъ флиртъ отъ чужихъ взоровъ, отвѣчать на него и т. д.

По всѣмъ указаннымъ причинамъ вѣеръ неминуемо долженъ былъ стать неизмѣннымъ спутникомъ женщины. Безъ вѣера она была беззащитной, была подобно воину, противостоящему въ битвѣ съ голыми руками закованному въ броню непріятелю. И потому она никогда и не разставалась съ вѣеромъ. Въ своихъ мемуарахъ одна молодая англичанка замѣчаетъ: „Мнѣ подарили также нѣсколько вѣеровъ. Для дѣвушки достаточно одного, но мы ходили съ вѣерами, какъ японки, мнѣ подарили одинъ для улицы, одинъ для утра, другой для вечера, и, наконецъ, еще одинъ для особо торжественныхъ случаевъ“. Неудивительно, что въ эту эпоху вѣеру былъ устроенъ настоящій апофеозъ, что онъ сдѣлался драгоцѣннѣйшимъ предметомъ въ рукахъ женщины и что художники старались до-

вести его до совершенства со стороны какъ декоративности, такъ и формы.

Необходимо здѣсь упомянуть также о практиковавшемся тогда обычаѣ носить маску, такъ какъ маска служила почти тѣмъ же цѣлямъ какъ и вѣеръ. Въ нѣкоторыхъ странахъ и городахъ, въ особенности въ Венеціи, аристократы—и только они одни—имѣли право ходить въ маскѣ по улицамъ или посѣщать театръ не только въ дни карнавала, но и въ теченіе всего года. Эта привиллегія имущихъ и господствующихъ классовъ служила вездѣ, гдѣ она существовала, если не исключительно, то во всякомъ случаѣ преимущественно цѣлямъ галантности. Изъ сообщеній Казановы мы узнаемъ, что маска всегда употреблялась, когда нужно было бросить покровъ на галантное приключеніе. Такъ какъ въ Венеціи нельзя было никуда поѣхать иначе, какъ на гондолѣ, то безъ маски люди легко становились къ тому же предметомъ чужого контроля или же постоянныхъ вымогательствъ. Употребленіе маски позволяло далѣе и порядочнымъ дамамъ посѣщать пьесы и спектакли, настолько непристойныя, что, казалось бы, въ театрѣ не должно было быть мѣста женщинамъ. Обычай посѣщать театръ въ маскѣ господствовалъ поэтому не только въ Венеціи, но и во многихъ другихъ городахъ эпохи стараго режима, напр., въ Парижѣ и Лондонѣ.

До насъ дошло не мало описаній Лондона, въ которыхъ говорится, что пресловутыя англійскія комедіи эпохи реставраціи, переполненныя циническими остротами и непристойными жестами клоуновъ, посѣщались въ большомъ количествѣ свѣтскими дамами, защищавшимися отъ дерзостей черни при помощи маски. Другими словами: маска еще въ большей степени, чѣмъ вѣеръ, служила для „порядочныхъ“ людей практическимъ средствомъ свободно участвовать въ оргіи непристойностей.

Разнообразныя драгоцѣнныя украшенія относятся, въ особенности, къ области кокетства, и потому играли во всѣ времена въ физіономіи женщины несоизмѣримо большую роль, чѣмъ въ физіономіи мужчины, носящаго, въ крайнемъ случаѣ, еще только перстни, иногда браслетъ, указывающій, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, на мазохистскія наклонности... Цѣль подобныхъ украшеній,

какъ уже показываетъ самое слово, усматривается въ украшеніи тѣла и усиленіи, такимъ образомъ, впечатлѣнія красоты. Несмотря на общераспространенность такого взгляда, онъ неоснователенъ, такъ какъ игнорируетъ главную цѣль этихъ украшеній, и не понимаетъ ихъ истиннаго воздѣйствія. Украшенія эти должны, правда, сдѣлать ихъ носителя „красивѣе", но это только второстепенное ихъ назначеніе: главная ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобы обратить вниманіе на ту часть тѣла, которую онѣ украшаютъ, особой формой подчеркивая ея преимущество. Подвижной браслетъ долженъ указать на изящество руки, плотно прилегающій браслетъ—на ея полноту, широкая пряжка на башмакѣ—на стройность ножки, кушакъ—на элегантность таліи, сережка—на миніатюрность уха, кольцо—на узость пальца, ожерелье—на тонкость шеи, спускающіяся съ него украшеньица—на пикантность вздымающейся и опускающейся груди.

Такъ какъ пышная грудь всегда является гордостью женщины и такъ какъ женщина, прежде всего, хочетъ обратить вниманіе на нее, такъ какъ далѣе большинство модъ запрещаетъ украшать непосредственно ее, то всякое украшеніе, находящееся около нея, въ особенности же вокругъ шеи, предназначены сосредоточить взоры именно на ней, выдѣлить ея особыя преимущества. Ожерелье и придѣланныя къ нему украшеньица должны оттѣнять не только гибкость шеи, но и цезуру, раздѣляющую грудь, а также обратить вниманіе на то, что грудь не отвисла. Аграфъ обязанъ указать на выпуклость груди, а брелокъ на корсажѣ—на ея ореолы. Поэтому женщина носитъ обыкновенно тѣмъ болѣе рафинированныя украшенія или—такъ, какъ всѣ эти эффекты можно достигнуть и при помощи одного украшенія—тѣмъ болѣе раффинированное украшеніе, чѣмъ больше ея декольтэ.

Таковы законы и цѣли украшеній, и потому они являются важнымъ средствомъ кокетства: они демонстрируютъ, они своего рода—плакаты. Эта цѣль обыкновенно преслѣдуется безсознательно, но за то она достигается только въ томъ случаѣ, когда эти украшенія не стоятъ въ противорѣчіи съ украшаемыми ими красотами тѣла, а выгодно оттѣняютъ ихъ линіи.

Если же подобныя украшенія, въ самомъ дѣлѣ, увеличиваютъ красоту, то косвеннымъ образомъ, вызывая путемъ ловко придуманной формы или окраски оптическій обманъ, исправляя некрасивыя линіи или придавая извѣстнымъ линіямъ иное направленіе. Такъ широкій кушакъ позволяетъ таліи казаться менѣе длинной, свободный браслетъ придаетъ рукѣ больше стройности, жемчужная нить, плотно облегающая шею, дѣлаетъ послѣднюю болѣе полной и наоборотъ.

Эпоха стараго режима не только цѣликомъ использовала прежде созданные эфекты украшеній, но и прибавила къ нимъ еще несмѣтное количество новыхъ оттѣнковъ. Эти оттѣнки касались, какъ нетрудно предвидѣть, раффинированности и подчеркиванія сладострастнаго момента. Массивныя и монументальныя украшенія Ренессанса исчезаютъ, и ихъ мѣсто занимаютъ теперь—особенно въ эпоху Рококо — тѣ волшебныя украшенія, которыя, блистая огнемъ алмазовъ, смарагдовъ и рубиновъ, въ оправѣ точно изъ воздуха, освѣщали подобно свѣту украшенныя ими части тѣла.

Если дочери бюргерства были въ большинствѣ случаевъ вынуждены ограничиться по бѣдности нѣсколькими простыми колечками и такими же простыми бусами и брошками, то имущіе классы и придворная знать тратили на украшенія въ теченіе всего старагао режима баснословныя суммы. Въ этихъ кругахъ не только женщины, а часто и мужчины положительно утопали подъ драгоцѣнностями: драгоцѣнныя камни покрывали пальцы, руки, шею, изъ драгоцѣнныхъ камней состояли цвѣты, которыя держали въ рукѣ; они окаймляли подобно живому пламени грудь и ниспадали, какъ огненный ручеекъ, внизъ по пуговицамъ, вплоть до чулокъ и башмаковъ. Человѣкъ съ головы до ногъ самъ какъ бы становился предметомъ украшенія, созданнымъ рукой мастера. Только такимъ образомъ получался полный образъ представителя класса, предназначеннаго для бездѣлья: каждый членъ этого класса самъ сталъ украшеніемъ мірозданія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ кокетства, относящимся къ тому же спеціально къ эпохѣ галантности, такъ какъ оно вмѣстѣ съ ней и исчезло, были, такъ называемые, mouches. Первоначально они должны были скрывать портившія красоту пятна на лицѣ и другихъ обнаженныхъ частяхъ тѣла. Въ Frauenzimmer lexicon говорится подъ рубрикой „венеринъ цвѣточекъ": „Такъ называется вскочившій на лицѣ женщины прыщикъ, который она закрываетъ мушкой". Очень скоро, однако, эти мушки вошли въ моду, такъ какъ ихъ чернота особенно хорошо оттѣняла бѣлизну кожи, ставшую высшимъ признакомъ красоты—отсюда другое ихъ названіе: „пластырь красоты",—и такъ какъ онѣ кромѣ того фасцинировали взоры, какъ всякая неправильность. А эта послѣдняя особенность открывала раффинированности самыя пикантныя возможности. Стоило только наклеить мушку на такомъ мѣстѣ, на которое въ особенности хотѣли обратить вниманіе, и можно было быть увѣреннымъ, что взоры всѣхъ то и дѣло будутъ обращаться на это именно мѣсто. Такъ и поступали.

Кто хотѣлъ обратить вниманіе на красивую шею или на плечо, помѣщалъ мушку именно тамъ; галантная дама наклеивала ее наверху груди, безстыдница,—какъ можно ниже между обоими полушаріями. Такова была главная, но не единственная цѣль мушки. То, что первоначально предназначалось только для глазъ, становилось постепенно также пикантной игрой для ума, становилось—хотя и не очень глубокомысленной—наукой, которой пользовались тогда всѣ женщины. Такъ, какъ эти пятнышки придавали лицу, смотря по тому мѣсту, гдѣ ихъ помѣщали, опредѣленное выраженіе, то съ ихъ помощью искусственно и создавали то выраженіе, въ которомъ хотѣли позировать. Кто хотѣлъ прослыть плутовкой, помѣщалъ мушку около рта, кто хотѣлъ подчеркнуть свою склонность къ галантнымъ похожденіямъ, помѣщалъ ее на щекѣ, влюбленная—около глаза, шаловливая—на подбородкѣ, дерзкая—на носу, кокетка—на губѣ, высокомѣрная—на лбу. Такимъ образомъ, ярко подчеркивались всѣ тѣ черты характера, постоянныя или преходящія, которыя хотѣли выставить напоказъ.

И этимъ средствомъ пользовались всѣ возрасты. Мушка налѣплялась даже на лицо дѣвочки, которая должна была выступить въ позѣ робкой или стыдливой. Сатирикъ Мошерошъ бранился:

„Есть дѣвицы, которыя налѣпляють на лицо, чтобы показаться стыдливыми, въ разныхъ мѣстахъ черныя, позорныя пятна изъ тафты, хотя имъ слѣдовало бы стыдиться ихъ“.

Даже мужчины часто употребляли такія мушки.

Когда это средство кокетства вошло въ моду—приблизительно—въ серединѣ XVII в.—то уже не довольствовались больше небольшими черными пятнышками, а старались придать имъ самыя чудовищныя формы. Тафта была замѣнена бархатомъ. Иногда мушку дѣлали такой величины, какъ будто она предназначалась въ самомъ дѣлѣ для настоящей раны. Налѣпленная на правую щеку, она получала названіе „мушки отъ зубной боли“. Чтобы сдѣлать эти огромные пластыри по возможности пикантнѣе, нѣкоторыя дамы украшали ихъ кромѣ того драгоцѣнными камнями. Особенно въ ходу были мушки въ формѣ луны, звѣзды или же тѣхъ или другихъ животныхъ или насѣкомыхъ: зайца, лисицы, собаки, бабочки, лошади и т. д. Не останавливались даже передъ самымъ неапетитнымъ: было время, когда мушкамъ придавали форму прыгающей блохи.

Наиболѣе излюбленнымъ мѣстомъ помѣщенія мушекъ были низъ вырѣза груди или же верхняя часть груди. Такимъ путемъ къ груди обращались постоянно не только взоры, но и руки мужчинъ. И хотя эти игры и шутки кокетства были весьма неуклюжи и грубы, это не помѣшало тому, что эта мода господствовала впродолженіи десятилѣтій во всѣхъ странахъ. Еще въ концѣ XVII в. Абрагамъ а Санта Клара писалъ:

„Многія гордыя Елены, желая лучше оттѣнить гладкость и бѣлизну кожи, украшаютъ ее чернымъ пятнышкомъ въ формѣ оленей, зайчиковъ или лисицъ. Другія залѣпляютъ все свое лицо птицами и, если меня не обманываетъ зрѣніе, даже на носу у нихъ сидитъ такой храбрый дроздъ“. Эпоха Рококо, правда, смягчила

и сократила эти смѣшныя формы мушки, подобно тому, какъ она всему придавала болѣе деликатныя очертанія, но и она не отказалась отъ нихъ, а пользовалась ими до послѣднихъ дней своего господства.

Когда въ физіономіи женщины той или другой эпохи кокетство становится одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ, то всегда въ общеніи половъ не менѣе видную роль играютъ разныя формы взаимнаго флирта. Кокетство не только всегда ведетъ къ флирту. Оно само въ значительной степени является флиртомъ, такъ сказать, его артистическимъ выраженіемъ. Въ эпоху стараго режима общеніе половъ не только было насквозь пропитано флиртомъ, сама любовь, какъ всепоглощающая страсть, была размѣнена на мелкую монету флирта. Даже и половой актъ былъ въ эту эпоху болѣе чѣмъ когда-либо, простымъ флиртомъ, такъ какъ люди не отдавали себя всецѣло, а только занимались кокетливой игрой и не только съ однимъ партнеромъ, а съ цѣлой дюжиной.

Сущность флирта во всѣ времена одна и та же. Онъ выражается въ взаимныхъ болѣе или менѣе интимныхъ ласкахъ, въ пикантномъ обнаруживаніи сокровенныхъ физическихъ прелестей, и въ влюбленныхъ разговорахъ, въ которыхъ слова получаютъ характеръ стимулирующихъ ласкъ. Если что отличаетъ въ данномъ случаѣ одну эпоху отъ другой, такъ это лишь большая или меньшая свобода въ этомъ взаимномъ ухаживаніи, затѣмъ тотъ кругъ лицъ, на которыя простирается флиртъ:—флиртуютъ или только съ тѣмъ, къ кому чувствуютъ расположеніе, или безъ разбора со всякимъ,—и, наконецъ, степень публичности, съ которой онъ совершается. Для историка, сравнивающаго отдѣльныя эпохи и старающагося установить, идетъ ли линія развитія вверхъ или внизъ, особенную важность представляетъ послѣдній пунктъ.

Дѣло въ томъ, что если, напр., флиртъ двухъ любящихъ, выростающій во всѣхъ своихъ проявленіяхъ изъ искренней любви, можетъ считаться драгоцѣннѣйшимъ выраженіемъ чувственной жизни, пере-

воплощеніемъ жизни инстинкта въ возвышеннѣйшую симфонію, то и онъ представляетъ положительное явленіе лишь до тѣхъ поръ, пока совершается подъ покровомъ тайны. Грубое нарушеніе этого пункта носитъ характеръ патологическій, если рѣчь идетъ объ индивидуальномъ фактѣ; становясь массовымъ, оно есть безнравственность—не только относительная, безнравственность съ нашей современной точки зрѣнія, но и абсолютная, такъ какъ такое нарушеніе идетъ въ разрѣзъ съ соціальными инстинктами и чувствами. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ противоестественнымъ, такъ какъ половая жизнь предполагаетъ сообразно осуществляющимся въ ней законамъ природы полную интимность.

Эпоха стараго режима отличается въ этомъ отношеніи, какъ уже было раньше указано нѣсколько разъ, тѣмъ, что она доходила во флиртѣ, какъ словами, такъ и поступками, до самыхъ послѣднихъ границъ. Такова была типичная, сознательно преслѣдуемая цѣль. Другая характерная черта состояла въ томъ, что флиртовали совершенно публично—любовь также стала зрѣлищемъ! Если о кокетствѣ женщинъ эпохи стараго режима можно сказать: большинство женщинъ афишировало кокетство, какъ вывѣску, то о взаимномъ флиртѣ можно сказать: подобно многимъ средневѣковымъ ремесламъ, онъ практиковался на улицѣ, на виду у сосѣдей, друзей и проходящихъ.

Наиболѣе ясное представленіе о взаимныхъ отношеніяхъ половъ даетъ намъ наряду съ описаніями современныхъ Донъ-Жуановъ въ особенности живопись, прославлявшая всѣ проявленія любовныхъ ласкъ. Въ искусствѣ и литературѣ стараго режима любовь постоянно превращается въ флиртъ. Каждый разъ, когда говорятъ о любви или когда изображается любовь, передъ нами открываются лишь пикантныя представленія флирта. Для духовнаго и человѣческаго содержанія любви у поэтовъ и художниковъ эпохи Баокко и Рококо почти нѣтъ словъ или они находятъ въ лучшемъ случаѣ только банальныя и безцвѣтныя выраженія, зато съ тѣмъ большимъ блескомъ сравненій говорятъ они о лакомствѣ отдѣльныхъ ласкъ.

Фрагонаръ: **Будуаръ.**

Мондонъ: Семейныя радости.

Наиболѣе частымъ и обычнымъ, хотя далеко и не самымъ деликатнымъ выраженіемъ флирта былъ всегда для европейца поцѣлуй. Однако о красотѣ и святости поцѣлуя эта эпоха не имѣетъ никакого представленія. Для нея поцѣлуй только средство вызвать въ другомъ собственное вожделѣніе. „Поцѣлуй возбуждаетъ похоть, желаніе слить въ одно двухъ". Поцѣлуй обязанъ далѣе разнообразить наслажденіе. Съ особенной охотой запечатлѣваетъ поэтому мужчина свои поцѣлуи на груди женщины, а женщины охотно допускаютъ такія шутки и игры. Въ своемъ романѣ о m-r Nicolas Ретифъ де-ла-Бретоннъ разсказываетъ о слѣдующемъ приключеніи, которое тотъ пережилъ во время одного визита:

„Когда я насытился, я обратилъ свое вниманіе на кокетливое поведеніе моей сосѣдки, все снова наливавшей мнѣ вино. Я отвѣтилъ нѣсколькими комплиментами, расхвалилъ въ особенности ея бѣлоснѣжную шею, которую она изъ кокетства носила обнаженной, такъ что одна грудь была совершенно видна. Я польстилъ ей слѣдующими стихами изъ „Орлеанской Дѣвственницы" Вольтера: „Кто не влюбится до безумія въ такія прелести? Бѣлая шея чиста, какъ алебастръ, а внизу раскинулась холмистая долина Амура. Двѣ круглыя груди плѣняютъ взоръ, подобно розамъ цвѣтутъ изъ ореолы. Пышная грудь возбуждаетъ желанія. Рука протягивается къ ней, въ глазахъ— томный огонь и жадно хотятъ къ ней припасть уста".

„Лофрэ сдѣлалъ гримасу. M-me Шеро замѣтила это и сейчасъ же протянула мнѣ обнаженую грудь для поцѣлуя. Я бросился передъ ней на колѣни. „Такъ какъ онъ сталъ на колѣни, то я дамъ ему поцѣловать и другую грудь",—воскликнула m-me Шеро и обнажила вторую грудь. Я былъ опьяненъ и прижалъ уста къ оному изъ бутоновъ. Возбужденная дама прижала къ себѣ обѣими руками мою голову".

То, что провинціальная мѣщаночка такъ мило разрѣшила похотливому Ретифу, разрѣшали тогда галантно и дамы, какъ мы узнаемъ изъ многочисленныхъ сообщеній литературы мемуаровъ. Поцѣловать женщину въ грудь вообще считалось одной изъ привычныхъ галантностей. Такъ какъ она пользуется одинаковымъ сочувствіемъ обоихъ половъ, то стараются искусственно создать удобныя для этого си-

туаціи. Во время игры въ фанты такой поцѣлуй часто назначался выкупомъ, какъ видно напр. изъ jungfern advocat Лиліуса Шамедри. Если у мужчины нѣтъ мужества поцѣловать женщину, или если онъ дарилъ рукѣ то, на что имѣли право уста, то это разочаровывало женщину. Логау насмѣхался:

Inngfern, euch die Hand zu Küssen
Pflegt euch heimlich zu verdriessen
Weil man feurig zugewandt,
Was dem Mund gebührt, der Hand.

Тѣмъ болѣе льстило самолюбію женщинъ, если дерзкій поклонникъ просилъ, цѣлуя, какой нибудь особой милости, напр. о разрѣшеніи поцѣловать округлое колѣно. И такое разрѣшеніе часто дается даже въ обществѣ. „Колѣно—послѣдняя станція дружбы, на поцѣлуй выше подвязки, можетъ претендовать одинъ лишь любовникъ". А любовникъ никогда почти не довольствуется такими невинными поцѣлуями. Галантная литература полна такими примѣрами.

Подобно тому, какъ мужчина желалъ покрыть и въ самомъ дѣлѣ покрывалъ поцѣлуями все тѣло женщины, такъ отъ нея онъ требовалъ тѣхъ же раффинированныхъ интимностей, которыя онъ удѣлялъ ей: существовалъ не одинъ поцѣлуй, а сотни разныхъ поцѣлуевъ. Искусство цѣловать стало настоящей и притомъ очень популярной наукой. Рафинированность великаго знатока этого вопроса въ XVI в. Іоганна Секундуса сдѣлалась въ XVIII ст. публичной тайной. Что такое поцѣлуй, какіе существуютъ разнообразные виды поцѣлуя, какъ должно цѣловать въ томъ или иномъ случаѣ—все это описывается и обсуждается и въ серьезныхъ трактатахъ, напр. въ Frauenzimmer lexicon. По словамъ автора этого сочиненія болѣе жгучимъ поцѣлуемъ является такъ называемый „флорентинскій". Онъ состоялъ въ томъ, что „берутъ особу за оба уха и цѣлуютъ". Влажный поцѣлуй говорилъ женщинѣ, что мужчина хочетъ отъ нея большаго, чѣмъ невинныхъ шутокъ. Гофмансвальдау говоритъ: „Влажный поцѣлуй мой далъ ей понять, что я обуреваемъ желаніями". А такъ какъ мужчины цѣловали женщинъ особенно часто именно такимъ образомъ, то онѣ по

Бушэ: **Венера.**

Муръ: **Іосифъ и жена Пентефрія.**

опыту знали дѣйствіе на ихъ чувства такого поцѣлуя, какъ видно изъ того же стихотворенія Гофмансвальдау.

„Дѣвичій“ поцѣлуй состоитъ въ томъ, что мужчина цѣлуетъ дѣвушку въ грудь и въ ея бутоны. „Женщины особенно любятъ такой поцѣлуй, такъ какъ онъ позволялъ имъ показать красивую грудь“,— говорится въ „Vademecum für Verliebte“. Въ южно-нѣмецкихъ прядильняхъ была въ большомъ ходу игра въ фанты подъ названіемъ Das Kind austragen: дѣвушки должны откупиться именно такими поцѣлуями. Когда же дѣвушка отказывается раскрыть лифъ, то надъ ней издѣваются: „у нея доска“, желая объяснить ея чопорность тѣмъ, что у нея плоская, какъ доска, грудь. „Французскій“ поцѣлуй состоитъ по словамъ „Vademecum für Verliebte“ въ томъ, что цѣлующіеся соприкасаются языками. Такъ цѣлуются женатые люди, ибо подобный поцѣлуй доставляетъ обоимъ „нѣжнѣйшее удовольствіе“. Мужчина à la mode тоже иначе не цѣлуетъ, такъ какъ онъ такимъ образомъ особенно возбуждаетъ женщину, и потому и „женщины, склонныя къ любви, предпочитаютъ такого рода поцѣлуй“.

И такихъ способовъ цѣловать существовало еще много, а каждый способъ имѣлъ къ тому же еще и свои оттѣнки. По тому, какъ мужчина цѣлуетъ женщину, послѣдняя знаетъ, что обѣщаетъ ей его любовь. „Мужчина любитъ, какъ цѣлуетъ“. И такъ какъ на это направлено „высшее любопытство женщины“, то каждая въ концѣ концовъ не прочь, чтобы ее цѣловали, даже въ томъ случаѣ, когда она хочетъ остаться вѣрной любовнику или мужу“. „Невинный поцѣлуй — не грѣхъ“.

Поцѣлуй въ уста въ эту эпоху неотдѣлимъ отъ желанія пробудить въ томъ, кого цѣлуешь, чувственное желаніе. Поэтому мать даже въ порывѣ бурной радости цѣлуетъ своего ребенка не въ губы, а въ щеку, глаза или лобъ. Это поцѣлуй дружбы, поцѣлуй нѣжности, чуждой всего полового.

Права рукъ ни въ чемъ не уступаютъ правамъ губъ въ дѣлѣ взаимнаго флирта. И что особенно характерно, эти права также диференцируются и подробнѣйшимъ образомъ описываются. Въ особенности къ дѣйственному флирту возбуждаетъ грудь женщинъ и

дѣвушекъ. „Грудь женщины—мысъ блаженства, къ которому простираются руки каждаго мужчины“. Кажется, нѣтъ ни одного поэта эпохи, который не облекъ бы это желаніе въ ясныя выраженія. Такъ Гофмансвальдау говоритъ въ одномъ стихотвореніи о томъ, какъ онъ при видѣ спавшей возлюбленной Лесбіи прежде всего почувствовалъ желаніе прикоснуться рукой къ ея обнаженной груди. А другой поэтъ, Грессель, мотивируетъ подобное желаніе тѣмъ, что вѣдь блохѣ предоставлено тоже право.

Если изъ указанныхъ стихотвореній видно, что мужчина позволялъ себѣ подобныя интимныя шутки чуть не при первомъ же знакомствѣ, то рядъ другихъ стихотвореній эпохи доказываетъ, что противодѣйствіе, которое онѣ встрѣчали со стороны женщины, обыкновенно лишь видимое и потому ея взоры противорѣчать также часто ея словамъ. „Ton oeil dit oui, quand ta bouche dit non“,—говорится въ французскомъ стихотвореніи „Duo“, описывающемъ всѣ виды флирта, приводящаго въ концѣ концовъ къ полному сближенію. Возлюбленная не стыдится и сама провоцируетъ любовника къ подобнымъ выходкамъ, какъ видно изъ одного стихотворенія упомянутаго Гресселя. Впрочемъ мужчина не довольствуется этими правами, а стремится проникнуть въ самыя сокровенныя области.

Дать взорамъ мужчины соблазнительное зрѣлище—такова первая милость, даруемая женщиной мужчинѣ. Это обыкновенно прелюдія флирта, такъ какъ одной изъ главныхъ задачъ форсированнаго женскаго кокетства является именно такое выставленіе на показъ своихъ интимныхъ прелестей. Для этой цѣли женщина принимаетъ небрежную позу на кушеткѣ или еще лучше пикантную позу передъ каминомъ, этой же цѣли служатъ игривыя шутки и развлеченія. Женщина не знаетъ лучшаго удовольствія, какъ похвастать своею красотой передъ возлюбленнымъ, къ тому же она знаетъ, что „разъ въ плѣну глаза, то и руки и уста не долго будутъ бездѣйствовать“, и потому она всегда находитъ массу серьезнѣйшихъ причинъ, показать ему кое-что. Въ особенности часто возлюбленный обязанъ удостовѣриться лично, что у нея болитъ та или другая часть тѣла и на его обязанности лежитъ облегчить ея физическія страданія. Оказывается роза, которую

она носила на груди, упала въ разрѣзъ платья и щипъ больно укололъ ее и вотъ она вскрикиваетъ и бѣжитъ въ сосѣднюю комнату къ возлюбленному и показываетъ ему больное мѣсто, какъ это описывается въ одномъ стихотвореніи Гагедорна.

Чаще же всего удобнымъ случаемъ показать возлюбленному свои интимнѣйшія прелести является укусъ блохи. Эта непріятность лучше всякой другой даетъ поводъ къ пикантнымъ ситуаціямъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ тотъ, къ которому обращаются за помощью, обязанъ поймать злого мучителя, а это, какъ извѣстно, не такъ легко: описывая такія сцены поэты, поэтому не ораничиваются нѣсколькими строками, а исписываютъ цѣлыя страницы.

Мы выше упомянули, что галантная литература и искусство даютъ намъ наглядное представленіе о формахъ взаимнаго ухаживанія, господствовавшихъ въ эпоху стараго режима. Этотъ неоспоримый фактъ освобождаетъ насъ отъ необходимости приводить для каждой подробности пояснительный „историческій комментарій", отъ котораго насъ къ тому же побуждаетъ отказаться отсутствіе мѣста. Замѣтимъ только, что каждый изъ этихъ оттѣнковъ могъ бы быть иллюстрированъ взятыми изъ литературы мемуаровъ описаніями, и эти описанія доказали бы правильность возникшей тогда поговорки: Il est toujours plus facile de toucher les tetons d'une belle, que son coeur.

Тенденціи, свойственныя каждой эпохѣ, всегда стремятся вылиться въ особо типическое выраженіе, въ которомъ онѣ находятъ свое относительно лучшее воплощеніе. Такое значеніе имѣлъ для флирта эпохи стараго режима утренній таулетъ дамы, такъ называемое Lever, когда она могла быть въ неглижэ. Женщина въ неглижэ—это такое понятіе, которое предыдущимъ эпохамъ было совершенно неизвѣстно или извѣстно лишь въ очень примитивномъ видѣ. Это явленіе относится лишь къ эпохѣ абсолютизма.

Оно и понятно. Въ эту эпоху, когда женщина стала простымъ предметомъ роскоши, когда это ея превращеніе въ предметъ роскоши достигло своихъ крайнихъ нелѣпыхъ границъ, ей приходилось прово-

дить цѣлые часы за туалетомъ, ставшимъ благодаря требованіямъ моды чрезвычайно сложнымъ. Не менѣе понятно и логично и то, что необходимость стала постепенно самоцѣлью и туалетъ дамы сдѣлался одной изъ главныхъ приманокъ для чувственнаго удовольствія, санкціонированный обществомъ и соотвѣтствующимъ образомъ организованной. Такъ какъ флиртъ сталъ въ эту эпоху оффиціальнымъ учрежденіемъ, то необходимо было создать и оффиціальный поводъ для его проявленія. Одно вытекало логически изъ другого. Другими словами: благодарнѣйшій и удобнѣйшій поводъ къ флирту долженъ былъ получить санкцію оффиціальнаго.

Такъ, утренній таулетъ или lever. дамы былъ провозглашенъ оффиціальнымъ часомъ пріемовъ и визитовъ.

И въ самомъ дѣлѣ, трудно было найти другой болѣе удобный и болѣе благопріятный для флирта поводъ. Неглижэ представляетъ ту ситуацію, въ которой женщина можетъ воздѣйствовать на чувства мужчины самымъ пикантнымъ образомъ, а эта ситуація тогда длилась не короткое время, а въ виду сложности туалета многіе и многіе часы. Какая, въ самомъ дѣлѣ, богатая для женщины возможность инсценировать передъ взорами друзей и ухаживателей очаровательную выставку отдѣльныхъ ея прелестей. То словно случайно обнажится рука до самыхъ мышекъ, то приходится поднять юбки, чтобы привести въ порядокъ подвязки, чулки и башмаки, то можно показать пышныя плечи въ ихъ ослѣпительной красотѣ, то новымъ пикантнымъ способомъ выставить на показъ грудь. Нѣтъ конца лакомымъ блюдамъ этого пиршества, границей здѣсь является лишь большая или меньшая ловкость женщины. Впрочемъ, это только одна сторона дѣла.

Неглижэ также удобно и для осуществленія тѣхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ подобное зрѣлище, такъ какъ уступчивости женщины уже не мѣшаютъ никакія техническія препятствія. Стоитъ только женщинѣ сказать „да", и мужчина такъ или иначе можетъ добиться своей цѣли. Даже больше: пикантное неглижэ есть уже само по себѣ указаніе на готовность женщины сказать „да", такъ какъ костюмъ является той броней, которая дѣлаетъ ее хотя бы до извѣстной степени неприступной для мужчины. Если же женщина пред-

Вестфаль: **Читательница романовъ.**

Бартолоцци: **Купающіяся женщины.**

46

Борель: **Смѣлый любовникъ.**

Галантная гравюра. Войэ.

станетъ передъ мужчиной безъ этой брони, то это вообще не болѣе и не менѣе какъ приглашеніе, брошенное ею къ мужчинѣ, не оставить минуту неиспользованной. Эта внутренняя логика вещей въ особенности важна для той эпохи, такъ какъ туалетъ, или, вѣрнѣе, возмущенная фраза дамы: „Что вы дѣлаете! А мой туалетъ...“—одни только и побуждали мужчину ограничиваться въ флиртѣ одними взглядами и словами.

Что эта повторявшаяся каждый день ситуація была санкціонирована обществомъ и стала оффиціальнымъ поводомъ для флирта, благопріятствовавшимъ къ тому же его крайнимъ формамъ, не только вытекаетъ изъ внутренней природы этого факта. Эпоха стараго режима доказала путемъ словесныхъ и пластическихъ изображеній, въ особенности же путемъ дѣйствій, что lever было въ самомъ дѣлѣ организовано въ цѣляхъ флирта и доказало это самымъ недвусмысленнымъ образомъ.

Присутствовать во время lever дамы—такова первая честь, выпадавшая на долю близкаго знакомаго: послѣдній обязанъ явиться въ этотъ часъ съ визитомъ. Въ своихъ мемуарахъ графъ Тилли разсказываетъ о такомъ визитѣ у дамы, за которой онъ ухаживалъ:

„Я отправился къ ней. Въ немногихъ словахъ она объяснила мнѣ, какое ею дано порученіе, затѣмъ заявила въ нѣсколькихъ общихъ выраженіяхъ, что интересуется мною, поставила далѣе нѣсколько вопросовъ, въ которыхъ обнаруживался этотъ интересъ, когда же она уловила нѣсколько моихъ взглядовъ, брошенныхъ мною на ея прелести (она была, въ самомъ дѣлѣ, красива, и какъ разъ занята своимъ туалетомъ), то она пришла на нѣсколько мгновеній въ замѣшательство и тѣмъ сообщила мнѣ все то волненіе, которое я пробудилъ въ ней и которое она съ трудомъ могла скрыть“.

Безконечное множество картинъ показываетъ, до какой интимности доходили подобныя сцены. (См. „Знатная дама моетъ ноги“, „Туалетъ“, „Желанный свидѣтель“, „Lever“). Если другъ, пользующійся особой благосклонностью дамы, пропуститъ хоть одинъ день, онъ немедленно же слышитъ отъ нея упрекъ: „Вы забываете меня“. И въ

тотъ день, когда друзья перестаютъ посѣщать ея lever, дама проникается сознаніемъ, что она обречена на одиночество.

Прекрасно зная, что она въ этомъ именно положеніи особенно соблазнительна, женщина съ особенной раффинированностью заботится о возможно большей пикантности своего неглижэ. Герцогъ Гамильтонъ сообщаетъ объ англійскомъ дворѣ временъ Карла II, что „придворныя дамы пользовались купальнымъ неглижэ, главнымъ образомъ, для того, чтобы выставлять на показъ свои прелести, не оскорбляя чувства приличія". А маркиза Мертель замѣчаетъ о своемъ неглижэ, которое она намѣревается надѣть во время одного tête-à-tête: „Трудно представить себѣ болѣе галантное неглижэ. Оно восхитительно и моего собственнаго изобрѣтенія. Скрывая все, оно обо всемъ позволяетъ догадываться". О впечатлѣніи, произведенномъ на него такимъ неглижэ, сладострастникъ Вальмонъ сообщаетъ:

„Это зрѣлище возбудило мою чувственность и представило моимъ взорамъ то, что мнѣ было нужно. Первый эффектъ заключался въ томъ, что она опустила глаза. Нѣсколько мгновеній я весь ушелъ въ созерцаніе ея ангельски-цѣломудреннаго лица, потомъ мой взоръ скользнулъ по ея тѣлу и мнѣ доставило удовольствіе раздѣть ее мысленно съ головы до ногъ".

А именно это и имѣло въ виду большинство женщинъ, посвященныхъ въ тайны раффинированности.

Если lever дамы было настоящимъ табль-д-отомъ прежде всего для глазъ, то и рукамъ не приходилось бездѣйствовать, такъ какъ другъ долженъ былъ оказывать тѣ или иныя маленькія услуги, когда камеристка покидала комнату. Это или кокетливая милость со стороны дамы, желающей дать ему возможность показать свою ловкость въ флиртѣ, или услуга, которую отъ него требуютъ въ расчетѣ воспламенить его чувственность. Казанова разсказываетъ слѣдующій эпизодъ изъ одного своего романа съ дочерью туринскаго еврея:

„Послѣ завтрака было рѣшено прокатиться верхомъ и она въ моемъ присутствіи одѣла мужской костюмъ. Присутствовала также ея тетка. Такъ какъ она уже раньше одѣла кожаные рейтузы, то она спустила юбки, сняла корсажъ и одѣла куртку. Не показывая вида, я

НАРУШЕННЫЙ УКРОМНЫЙ УГОЛОКЪ.
Анонимная французская литографія.

47

Графическое заведеніе „ДРУКАРЬ", Москва.

насладился лицезрѣніемъ великолѣпнаго бюста. Однако, хитрая еврейка знала цѣну этому равнодушію. „Пожалуйста, приведите мой воротничекъ въ порядокъ!"—попросила она. Я воспламенился и пальцы мои дѣйствовали весьма нескромно".

Дама принимала своихъ друзей, однако, не только за туалетомъ, а даже въ ваннѣ и постели. Это была самая утонченная степень публичнаго флирта, такъ какъ женщина получала, такимъ образомъ, возможность итти въ своей уступчивости особенно далеко и выставлять свои прелести напоказъ особенно щедро, а мужчина въ особенности легко подпадалъ искушенію перейти въ наступленіе. Когда дама принимала друга въ ваннѣ, то эта послѣдняя ради приличія покрывалась простыней, позволявшей видѣть только голову, шею и грудь дамы. Однако, такъ нетрудно откинуть простыню!

Въ очень богатомъ фактическимъ матеріаломъ романѣ „L'Espion anglais" напечатаны, между прочимъ, мемуары одного французскаго придворнаго, въ которыхъ говорится:

„Прекрасная г-жа Г. находилась какъ разъ въ ваннѣ. Когда камеристка нѣсколько минутъ спустя покинула комнату, я попросилъ разрѣшенія снять простыню, и это разрѣшеніе было мнѣ дано съ граціозной улыбкой. Не оскорбляя законовъ приличія, она дала мнѣ такимъ граціознымъ путемъ возможность получить самое наглядное представленіе о ея прелестяхъ, которыми она гордилась,—признаюсь—совершенно основательно. Къ сожалѣнію, пришлось преждевременно прервать это соблазнительное зрѣлище, такъ какъ доложили о прибытіи маркиза Б., имѣвшаго когда-то на нее права. Когда потомъ явился и ея мужъ, я ушелъ, такъ какъ положеніе становилось скучнымъ. На слѣдующій день счастье болѣе благопріятствовало мнѣ, такъ какъ не было назойливыхъ посѣтителей. Вдохновенныя слова, которыми я прославлялъ каждую изъ ея прелестей, настолько же воспламенили ея чувства, насколько кипѣли и мои собственныя, такъ что на этотъ разъ занавѣсъ опустился только послѣ того, какъ мнѣ уже не оставалось ничего большаго требовать отъ моей красавицы".

Изъ мемуаровъ герцога Шуазель видно, что нѣкая m-me Гименэ, извѣстная при дворѣ Маріи Антуанетты красавица, принимала въ

ваннѣ не только своихъ друзей, а и постороннихъ. Впрочемъ, этотъ фактъ сообщается вовсе не какъ исключеніе.

О пріемѣ поклонниковъ въ постели сообщаетъ рядъ случаевъ Казанова. Для иллюстраціи приведемъ описаніе утренняго визита, сдѣланнаго имъ дочери богатаго антверпенскаго купца.

„Она приняла меня съ очаровательнѣйшей улыбкой, сидя въ постели. Дѣвушка выглядѣла восхитительно. Хорошенькій батистовый чепчикъ съ свѣтло-голубыми лентами и кружевами украшалъ ея хорошенькое личико, а легкая муслиновая шаль, которую она на скорую руку накинула на бѣлыя, словно выточенныя изъ слоновой кости плечи, скрывала только наполовину ея алебастровую грудь, формы которой пристыдили бы рѣзецъ Праксителя. Она позволила мнѣ сорвать съ ея розовыхъ губъ сотню поцѣлуевъ, становившихся все болѣе пламенными, такъ какъ зрѣлище столькихъ прелестей было не таковымъ, чтобы охладить меня. Однако, ея прекрасныя руки упорно защищали грудь, которой я пытался коснуться“.

Если дама хотѣла доставить другу величайшую милость, не нарушая при этомъ этикета, то она принимала его спящей. Міровоззрѣніе галантнаго вѣка предоставляло мужчинѣ всѣ права во время сна дамы, такъ какъ послѣдняя могла вѣдь проснуться именно тогда, когда это совпадало съ ея цѣлями. Это также былъ обычай оффиціальный, считалось bon ton.

Такъ какъ lever дамы было оффиціальнымъ институтомъ, такъ какъ каждая женщина принадлежала всѣмъ, то она часто совершала свой туалетъ въ присутствіи не только поклонника, но цѣлой толпы ухаживателей. И чѣмъ знатнѣе дама, тѣмъ многочисленнѣе эта толпа. Туалетъ свѣтской grande dame былъ поистинѣ публичнымъ спектаклемъ. Одинъ современникъ Карла II сообщаетъ въ своемъ дневникѣ о своемъ визитѣ вмѣстѣ съ королемъ у герцогини Портсмутской:

„Слѣдуя за его величествомъ по галлереѣ, я достигъ съ немногими его спутниками комнаты, гдѣ герцогиня одѣвалась. Комната была расположена рядомъ съ спальней. Только что покинувъ постель, герцогиня теперь находилась тамъ въ легкомъ неглижэ, а его величество

и кавалеры стояли кругомъ и смотрѣли, какъ камеристки причесывали ее".

Такъ какъ далѣе каждая женщина принадлежала другимъ мужчинамъ больше, чѣмъ мужу, то обыкновенно при ея туалетѣ присутствуютъ всѣ ея друзья и очень рѣдко мужъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ все-таки присутствуетъ, онъ играетъ обыкновенно жалкую роль, такъ какъ всѣ раздѣляютъ его права. За туалетомъ устраивались также всевозможныя дѣла. Принимали купцовъ и модистокъ, предлагавшихъ новыя матеріи, давали порученія,—больше же всего флиртовали.

Въ своей книгѣ объ англійскихъ женщинахъ XVIII в. П. Гензель говоритъ: „Каждая свѣтская дама принимала до обѣда (уже тогда въ свѣтскомъ обществѣ вошло въ обычай обѣдать въ 3 часа) не только подругъ, но и элегантныхъ мужчинъ, франтовъ и умниковъ столицы. Бесѣда—если только она не касалась сплетенъ—вращалась преимущественно въ области галантности и остроумныхъ репликъ".

Необходимо здѣсь указать на то, что провозглашеніе lever оффиціальнымъ поводомъ флирта предполагало, естественно, наличность постоянно присутствовавшей публики, такъ что дама—въ періодъ славы, по крайней мѣрѣ,—никогда не попадала въ фатальное положеніе играть свою роль передъ пустыми скамьями. Эта постоянно присутствовавшая публика состояла изъ петиметровъ, специфическаго созданія стараго режима. Петиметръ не оффиціальный любовникъ, не чичисбей, состоящій при той или другой дамѣ, онъ—любовникъ всѣхъ дамъ. Это первый чинъ на службѣ галантности, чинъ, въ которомъ мужчина можетъ состоять и будучи, кромѣ того, чичесбеемъ. Разыгрывать роль петиметра—такова честолюбивая мечта каждаго молодого человѣка и притомъ въ каждой странѣ. Этотъ типъ встрѣчается поэтому всюду и вездѣ.

Его манеры, состоящія въ томъ, что онъ подобно бабочкѣ порхаетъ отъ одной женщины къ другой, исчерпывающіяся галантнымъ рыцарскимъ служеніемъ дамамъ, становятся нарицательными. Въ католическихъ странахъ, особенно во Франціи и Италіи, функціи

петиметра исполнялъ, главнымъ образомъ, юный аббатъ. Эти люди имѣли съ церковью общимъ лишь рясу, такъ какъ многіе приходы были тогда—и притомъ совершенно открыто—не болѣе, какъ простыми синекурами. Первая церковная должность, которую можно было получить, была именно должность аббата. И въ большинствѣ случаевъ ея добивались путемъ галантнаго ухаживанія. Было достаточно нѣсколькихъ рекомендательныхъ словъ расположенной дамы, сказанныхъ могущественному другу, чтобы получить аббатство. Такъ какъ петиметры яляются, такъ сказать, придворными богини-женщины, окружающими ее подобно сателлитамъ, то они и были стереотипной постоянной публикой во время туалета дамы. А какую огромную роль при этомъ игралъ именно аббатъ, очень наглядно доказываетъ французское галантное искусство. Въ тотъ день, когда и постоянная публика перестаетъ посѣщать lever дамы, ея роль окончательно сыграна, такъ какъ театръ, въ которомъ не бываетъ публики, долженъ поневолѣ закрыться.

Подведемъ итоги: каждый будуаръ въ каждой странѣ былъ храмомъ Венеры, въ которомъ цѣлыми часами устраивался галантный культъ богинѣ. Само собой понятно, что подобные раффинированные способы флирта господствовали исключительно въ имущихъ и правящихъ классахъ. Ибо необходимой предпосылкой для подобнаго повышеннаго культа чувственности была возможность жить праздно, исключительно ради наслажденія. Только въ тѣхъ классахъ и слояхъ, гдѣ такая возможность существовала, любовь могла стать такимъ утонченно-художественнымъ произведеніемъ.

Выше мы сказали: идеальнымъ мужчиной эпохи стараго режима былъ Адонисъ, обутый въ Escarpins. Для конца эпохи было бы вѣрнѣе сказать: херувимъ.

Мы уже знаемъ, люди тогда не хотѣли стариться. Женщина всегда моложе 20, а мужчина—30 лѣтъ. Эта тенденція имѣла своимъ крайнимъ полюсомъ систематическое форсированье половой зрѣлости. Въ самыхъ раннихъ лѣтахъ ребенокъ уже перестаетъ быть

ВИШНИ.

Нѣмецкая галантная карикатура Г. Рамберга. 1800.

Графическое заведеніе „ДРУКАРЬ“. Москва.

48

ребенкомъ. Мальчикъ становится мужчиной уже въ 15 лѣтъ, дѣвочка становится женщиной даже уже съ 12 л. Начиная съ этого возраста, оба пола посвящаютъ себя исключительно галантности. Эпоха не знаетъ подростковъ ни мужского, ни женскаго пола, этотъ періодъ шалостей и буйства вычеркнутъ изъ жизни людей. Эта преждевременная половая зрѣлость создавалась своеобразной духовной и психической атмосферой, окутывавшей всѣ вещи возбуждающей дымкой, пробуждавшей чувственность еще задолго до того времени, когда этого требуетъ природа. Всѣ проповѣдуютъ любовь, всѣ говорятъ о любви.

Это первое слово, которое слышитъ молодое существо. Оно кажется всѣмъ тѣмъ волшебнымъ заклинаніемъ, которое откроетъ двери жизни. Поэтому мальчики и дѣвочки произносятъ это слово, какъ можно раньше и какъ можно чаще. И первый опытъ, являющійся также очень рано и какъ бы самъ собой, наталкиваетъ большинство на единственно вѣрное опредѣленіе: „любовь это сладострастіе“.

Какъ уже было указано, такой культъ ранней половой зрѣлости является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ систематическаго повышенія наслажденія до степени раффинированности. Сибаритъ, какъ мужского, такъ и женскаго пола хочетъ имѣть нѣчто такое, „чѣмъ можно насладиться только одинъ разъ и можетъ насладиться только одинъ“. Ничто поэтому такъ не прельщаетъ его, какъ „никѣмъ еще не тронутый лакомый кусочекъ“. Чѣмъ моложе человѣкъ, тѣмъ, разумѣется, у него больше шансовъ быть такимъ кусочкомъ. На первомъ планѣ здѣсь стоитъ дѣвственность. Кажется, ничто тогда не цѣнилось такъ высоко, какъ она. Дѣвственность—„благороднѣйшій жемчугъ въ коронѣ земныхъ радостей“. Въ своей книгѣ „О бракѣ“ Гиппель говоритъ:

„Дѣвственность подобно маю среди временъ года, цвѣту на деревѣ, утру дня. Впрочемъ, самая прекрасная и свѣжая вещь не сравнится съ ней. Дѣвственность настолько прекрасна, что не поддается никакому описанію“.

Воспѣвая такими восторженными словами дѣвственность, никогда не имѣли въ виду защитить ее отъ грубыхъ оскорбленій и грозя-

щихъ ей опасностей, а хотѣли только провозгласить ее вкуснѣйшимъ блюдомъ для жуировъ. Таковъ всегда сокровенный смыслъ всѣхъ гимновъ въ честь дѣвственности этой насыщенной цинизмомъ эпохи, а часто эта мысль высказывается прямо открыто, подобно тому, какъ въ наше время знатоки восхищаются шампанскимъ извѣстной марки. Въ вышедшей въ 1760 г. книгѣ The battle of Venus авторъ замѣчаетъ: „По моему, совращеніе дѣвственности доставляетъ соблазнителю въ смыслѣ какъ физическихъ, такъ и психическихъ переживаній наивысшее наслажденіе. Прежде всего, воспламеняется его воображеніе перспективой любви женщины, къ которой онъ давно стремился и которой онъ давно домогался, женщины, которая никогда раньше (какъ онъ убѣжденъ) не покоилась въ объятіяхъ другого, женщины, красоту которой онъ видитъ первый и которой онъ же первый насладится. Это восхитительное направленіе воображенія располагаетъ до крайней степени тѣло къ чувственному наслажденію".

Съ этимъ восхваленіемъ физической дѣвственности женщины тѣсно связана та манія совращенія невинныхъ дѣвушекъ, которая тогда также впервые обнаружилась въ исторіи, какъ массовое явленіе. Въ Англіи эта манія приняла свою наиболѣе чудовищную форму и господствовала дольше всего, но и другія страны въ этомъ отношеніи не отставали.

Систематическое форсированіе періода половой зрѣлости,—эта быть можетъ, наиболѣе бросающаяся въ глаза черта половой жизни эпохи стараго режима,—приводила, естественно, къ очень раннимъ половымъ сношеніямъ и, само собой разумѣется, къ не менѣе частому добрачному половому общенію. Одно явленіе неотдѣлимо отъ другого. При этомъ важно констатировать, что это добрачное половое общеніе носило характеръ массовый, такъ какъ отдѣльные случаи этой категоріи встрѣчаются, конечно, во всѣ эпохи.

Наиболѣе интересныя доказательства въ пользу своеобразія половой жизни эпохи стараго режима даетъ опять-таки неисчерпаемо богатая и въ этомъ отношеніи литература мемуаровъ. Этотъ въ частностяхъ, несомнѣнно, сомнительный, но въ своей совокупности все

же достовѣрный источникъ говоритъ намъ о томъ, что началомъ регулярныхъ половыхъ сношеній былъ именно тотъ выше указанный возрастъ, когда мальчикъ становился „мужчиной", а дѣвочка „дамой". Магистеръ Лукхартъ сообщаетъ, что его практическое посвященіе въ мистеріи любви послѣдовало когда ему было 13 лѣтъ, причемъ его посвятила въ эти мистеріи опытная въ вопросахъ любви служанка. Ретифъ де ла-Бретоннъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что онъ впервые оказался „мужчиной" и къ тому же соблазнителемъ, когда ему не было и 11 лѣтъ, а 15 лѣтъ онъ прошелъ уже солидную карьеру соблазнителя.

Казанова началъ свою побѣдоносную эротическую карьеру 11 лѣтъ, а 15 лѣтъ онъ также можетъ говорить о любви, „какъ опытный человѣкъ". Горцогъ Лозенъ 14-лѣтнимъ мальчикомъ влюбленъ уже въ третій разъ и уже первая его связь является адюльтеромъ. Въ 16 лѣтъ онъ считается очаровательнѣйшимъ кавалеромъ, которому дамы охотно открываютъ двери спальни. Въ своихъ мемуарахъ графъ Тилли пишетъ: „Мнѣ было десять лѣтъ, когда отецъ замѣтилъ, что я неравнодушенъ къ грубоватымъ прелестямъ экономки. Ея ласки рано произвели на меня большое впечатлѣніе". Это впечатлѣніе выразилось въ томъ, что онъ обратился къ ней съ формальнымъ предложеніемъ впустить его ночью въ спальню. Когда ему минуло 13 лѣтъ, онъ влюбился въ „свѣжую, скромную крестьянку", подарившую ему очень скоро первенцовъ его любви. Въ шестнадцать лѣтъ его воспитаніе къ роли соблазнителя еще долго не закончено, но уже достигло внушительной высоты, такъ какъ на него, находящагося какъ разъ въ этомъ возрастѣ, сыплются упреки, что онъ все свое время проводитъ съ актрисами, пытаясь „соблазнить тѣхъ, кто не желаетъ уклониться отъ узкой стези добродѣтели".

Начиная свою, богатую подвигами, карьеру эротика и соблазнителя, Фоблэ еще только—дитя. M-lle Бранвилье, извѣстная отравительница, потеряла свою невинность, когда ей было 10 лѣтъ, балерина Корчечелли становится десятилѣтней дѣвочкой любовницей Казановы, вступавшаго потомъ неоднократно въ болѣе

или менѣе продолжительныя связи съ дѣвочками отъ 10 до 12 лѣтъ. Такими примѣрами можно было бы пополнить цѣлыя страницы.

Само собой понятно, что мы и не думаемъ считать такихъ людей, какъ Ретифъ де ла-Бретоннъ, Казанова, Фоблá, маркиза Брэнвилльэ и тому подобныхъ мужскихъ и женскихъ Донъ-Жуановъ типическими представителями мужского и женскаго пола. И однако, при болѣе внимательномъ взглядѣ, эти классическіе эротоманы отличаются отъ своихъ современниковъ только бóльшимъ числомъ успѣховъ, которые они стяжали уже при первомъ своемъ вступленіи въ свѣтъ. А то обстоятельство, что они могли добиться такихъ успѣховъ еще въ ранней молодости, какъ нельзя лучше подтверждаетъ правильность нашего утвержденія. Ихъ юность не только не служитъ имъ препятствіемъ, а напротивъ, считается всегда ихъ высшимъ преимуществомъ.

Другимъ доказательствомъ и притомъ очень важнымъ въ пользу систематическаго форсированья половой зрѣлости въ эпоху стараго режима является частая повторяемость чрезвычайно раннихъ браковъ. Впрочемъ, это явленіе наблюдается только въ дворянствѣ и денежной аристократіи. Если не рѣдкостью тогда была двѣнадцатилѣтняя любовница, то пятнадцатилѣтняя супруга была въ дворянскомъ классѣ явленіемъ обычнымъ. Герцогъ Лозёнъ вступаетъ въ бракъ девятнадцати лѣтъ, тогда какъ его супруга не достигла и пятнадцатилѣтняго возраста, и была „робкимъ застѣнчивымъ ребенкомъ“. Сесиль Воланжъ выходитъ пятнадцати лѣтъ изъ монастыря, чтобы вступить въ бракъ. Многія женщины являются въ этомъ возрастѣ матерями. Одинъ современникъ пишетъ: „Нѣтъ ничего болѣе пикантнаго, чѣмъ эти матери, которыя сами еще дѣти“. Принцъ Монбарэ, которому двадцать одинъ годъ, женится на тринадцатилѣтней дѣвочкѣ. Годъ спустя онъ уже является отцомъ. А герцогиня Бурбонъ-Кондэ, дочь Людовика XIV и Монтеспанъ, была выдана замужъ даже одиннадцати лѣтъ. И не только формально. Бракъ былъ „совершенъ“, какъ гласило офиціальное выраженіе для совершившагося полового акта.

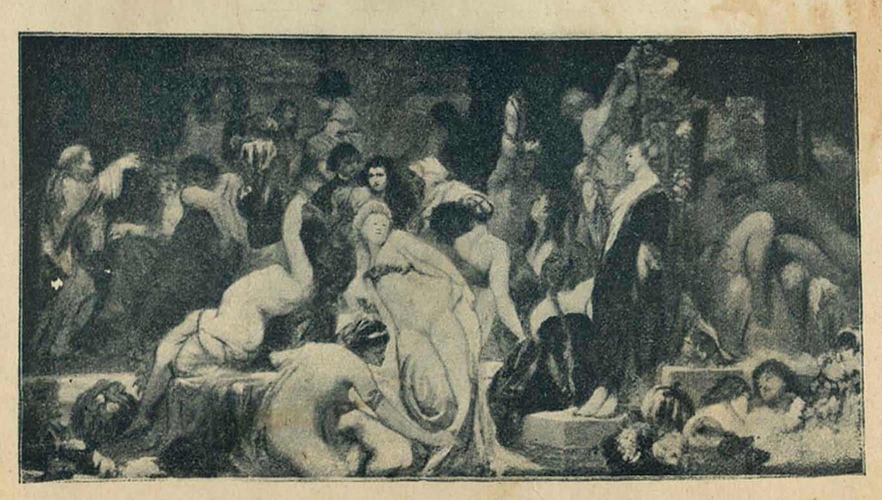

LA RÉSISTANCE.

Ô Aveugle Vieillesse quel transport téméraire; Elle cherche à ravir, désespérant de plaire

Сусанна. (Гравюра 18 вѣка).

Г. Макартъ. Изъ цикла: **Чума во Флоренціи.**

Ф. Буше. **Влюбленный богъ.**

Гравюра 16 вѣка.

Хотя въ среднемъ и мелкомъ бюргерствѣ браки заключались и не такъ рано—о причинахъ мы будемъ говорить ниже—все же и въ этихъ кругахъ женщины созрѣвали очень рано. Яснѣе всего это доказываетъ галантная литература. Каждая дѣвушка изъ мѣщанства видѣла въ мужѣ освободителя изъ родительской неволи. По ея мнѣнію, этотъ освободитель не могъ явиться для нея слишкомъ рано, и если онъ медлитъ, она безутѣшна. Подъ словомъ „медлитъ", она подразумѣваетъ, что ей приходится „влачитъ ношу дѣвственности" до шестнадцати или семнадцатилѣтняго возраста—по понятіямъ эпохи, нѣтъ болѣе тяжелой ноши.

Подобное дѣвичье горе является поэтому часто темой народныхъ пѣсенъ и стихотвореній. Такъ, въ Mädchenlied (1728) Даніэля Штоппа дѣвушка жалуется, что ей идетъ уже двѣнадцатый годъ и все приходится ждать: не разставить ли ей самой сѣть? Въ другомъ стихотвореніи (1729), авторомъ котораго является нѣкто le Pansif, четырнадцатилѣтняя дѣвочка проситъ, чтобы ей дали мужа, такъ какъ дѣвственность стала ей не въ моготу. Подобные не менѣе характерные примѣры встрѣчаются также во французской и англійской литературѣ. Въ стихотвореніи La fille malheureuse дѣвушка печалится: Ей уже пятнадцать лѣтъ, она жаждетъ любви, а мужа все нѣтъ.

Въ народныхъ и шуточныхъ пѣсенкахъ естественно скрывается страсть къ преувеличенію, но именно благодаря этому онѣ служатъ тѣмъ болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что столичное населеніе болѣе остальныхъ подверглось совращающему вліянію половой морали абсолютизма, но было бы страшной ошибкой предполагать, что провинціальная жизнь была образомъ добродѣтели, цѣломудрія и чистоты Здѣсь только больше соблюдали внѣшнее приличіе. Зато тѣмъ разительнѣе былъ тайный развратъ. Нигдѣ число дѣвушекъ, вступавшихъ въ бракъ не нетронутыми, не было такъ велико, какъ въ полудеревенскихъ провинціальныхъ городкахъ. Чаще, чѣмъ гдѣ бы то ни было, не только парень, но и дѣвушка имѣли здѣсь до брака

какую-нибудь связь. Именно въ провинціи сложилась поговорка: „Съ виду дѣвушка, а на самомъ дѣлѣ непотребная женщина".

Въ этомъ виновата была узость горизонта, отсутствіе всякихъ другихъ интересовъ кромѣ мѣстныхъ сплетень. Только сплетни интересовали, и съ самаго того дня, когда поднимала свой голосъ природа, пробужденная насильственно или путемъ нагляднаго обученія, единственной проблемой было желаніе начать или имѣть любовную связь. Серьезныхъ препятствій противъ соблазна не существовало ни для парней, ни для дѣвицъ. Достаточно было увѣренія, что „ничего не случиться", и дѣвушка шла навстрѣчу желаніямъ любовника. Возникшая въ XVII в. нѣмецкая народная пѣсня, долго распѣвавшаяся подъ особый напѣвъ, начинается словами: „Если только можно, впусти меня, красавица, я знаю, что нужно дѣлать, чтобы не имѣть дѣтей".

Чтобы дать нѣкоторое представленіе о размѣрахъ добрачныхъ половыхъ сношеній въ провинціальной средѣ, сошлемся на главу „Оксерръ" въ автобіографіи Рестифа де ла Бретонна. Наивный читатель, мечтающій о „добромъ старомъ времени", какъ о погибшемъ вѣкѣ нравственной чистоты, придетъ въ ужасъ о той грязи, которая наводнила большинство семействъ и которую скрывали подъ маской добропорядочности и приличія. Въ тѣ немногіе годы, которые Ретифъ провелъ въ этомъ маленькомъ провинціальномъ городкѣ,—то соблазненный, то соблазнитель—обладалъ около сотней дѣвушекъ и женщинъ, уроженокъ или иностранокъ, начиная съ дѣвочки и кончая зрѣлой женщиной. Правда, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ побѣдоносной карьерой эротомана, оказывавшаго на женщинъ особо фасцинирующее вліяніе. Глава, посвященная Ретифомъ городу Оксерру, говоритъ, однако, не только о его личныхъ успѣхахъ. Она показываетъ, что десятки его сверстниковъ и товарищей совершали подобные же подвиги, что всѣ эти Манонъ, Маріанны, Нанетты и прочія красавицы эпохи считали себя созрѣвшими для любви уже въ тринадцать, четырнадцать или пятнадцать лѣтъ, и что почти ни одна изъ нихъ не думала о томъ, чтобы

Возвращеніе. 1720.

Виллъ: Моды.

Нелли Гвинъ; любовница Карла II.
Картина Лели.

сохранить свою дѣвственность до брака, пытаяся, напротивъ, сбросить ее, какъ надоѣвшую ношу.

Мы видимъ какъ эти соблазнительныя красавицы всѣ безъ исключенія становятся жертвами соблазна однѣ, какъ только въ нихъ проснется природа, другія—нѣсколько позже, и какъ ни одна изъ нихъ не въ силахъ устоять. Всѣ служанки, всѣ мѣщанки доступны мужской молодежи. И если мы рѣдко слышимъ, что та или другая сумѣла избѣжать своей судьбы, то, напротивъ, очень часто узнаемъ, что дѣвушки усматривали въ этой своей судьбѣ очень интересное развлеченіе, своего рода спортъ и потому вели себя также вызывающе, какъ и охотившіеся за ними молодые люди. Очень немногія изъ нихъ довольствуются однимъ любовникомъ. За первымъ слѣдуетъ второй, третій, а многія имѣютъ заразъ двухъ. Большая половина почтенныхъ мѣщанокъ, совершающихъ свой жизненный путь такъ цѣломудренно рядомъ съ не менѣе почтеннымъ мужемъ, до брака практически упражнялись въ любви не съ однимъ кавалеромъ, и многія изъ нихъ, идя по улицѣ, могутъ; обмѣниваясь рукопожатіями съ полдюжиной знакомыхъ и друзей, вспомнить о цѣломъ рядѣ любовныхъ приключеній. Но все это, какъ сказано, скрывается подъ личиной приличія. Каждый знаетъ про себя все, чтобы офиціально не знать ничего, ибо къ такому поведенію принуждаетъ узость условій, среди которыхъ эти люди обречены жить.

Казанова и магистръ Лаукхартъ рисуютъ намъ такіе же нравы Италіи и Германіи, какіе существовали по описанію Ретифа де ли Бретонна во Франціи. Въ десяткѣ городовъ, во всѣхъ слояхъ общества дочери мѣщанъ благосклонно выслушиваютъ предложенія Казановы и гостепріимно раздѣляютъ съ нимъ ночью свое ложе. И чаще всего—какъ это видно изъ его мемуаровъ — случалось это съ нимъ въ провинціальныхъ городкахъ. А изъ описанія студенческихъ круговъ, сдѣланнаго магистромъ Лаукхартомъ, мы узнаемъ, что въ нѣмецкихъ университетскихъ городахъ не только горничныя, но и многія дочки мѣщанъ, включая и профессоровъ, охотно фигурировали въ роли любовницъ студентовъ. Мемуары

его изобилуютъ подобными примѣрами. Сопоставляя Іену и Геттингенъ, онъ пишетъ:

„Въ Іенѣ студентъ имѣетъ свою „милую“, дѣвушку низкаго происхожденія, съ которой онъ живетъ, пока находится въ городѣ, и которую передаетъ другому, когда навсегда покидаетъ городъ. Напротивъ, въ Геттингенѣ студентъ,—если у него, разумѣется, есть деньги,—старается завести знакомство съ женщиной болѣе высокаго положенія, за которой и принимается ухаживать. Обыкновенно дѣло кончается ухаживаніемъ и не имѣетъ иныхъ послѣдствій, кромѣ опустошенія кошелька. Иногда же дѣло заходитъ и дальше, такъ что появляются живые свидѣтели интимности, привлекающей не только услужливыхъ полногрудыхъ служанокъ, но и дочерей дворянства“.

И никому въ голову не приходило упрекать студента за такое поведеніе, скорѣе его бранили, если онъ стремился къ серьезнымъ цѣлямъ, какъ одно время доставалось магистру Лаукхарту. Опытный другъ далъ ему поэтому слѣдующій совѣтъ:

„Напивайтесь, дорогой другъ, развлекайтесь съ проститутками, деритесь, словомъ предавайтесь любымъ эксцессамъ. Все это повредитъ вамъ менѣе, чѣмъ ваше вольнодумство“.

Бывали даже случаи, какъ видно изъ тѣхъ же мемуаровъ Лаукхарта, что дочери профессоровъ были любовницами заразъ всѣхъ студентовъ, бывавшихъ впродолженіи года въ домѣ ихъ отцовъ. Въ одномъ мѣстѣ Лаукхартъ говоритъ: „Дочку канцлера гессенскаго университета Коха, Ганхенъ, я тогда, правда, не видалъ, но многое о ней слышалъ: въ то время она уже отдавалась всѣмъ“.

Не мѣшаетъ здѣсь прибавить, что, такъ называемыя, „студенческія мамаши“, т.-е. женщины, сдававшія студентамъ комнаты, дарили, какъ видно изъ другихъ источниковъ, почти безъ исключенія жильцамъ и свою любовь. Многія имѣли изъ году въ годъ „столькихъ любовниковъ, сколько и жильцовъ“. Однако и остальныя обывательницы университетскихъ городовъ охотно брали студентовъ въ любовники. Сложилась даже поговорка: „Кто хочетъ со-

хранить чистымъ супружеское ложе, тотъ пусть не приглашаетъ въ домъ слишкомъ много студентовъ“.

Въ гарнизонныхъ городахъ такимъ же успѣхомъ у женскаго населенія пользовались военные. Такъ какъ богъ любви такъ благосклоненъ къ солдату, то онъ постоянно готовъ мѣнять возлюбленныхъ. Объ этомъ часто говорится въ народныхъ пѣсняхъ...

Значительно рѣже были въ эпоху абсолютизма случаи добрачныхъ половыхъ сношеній въ дворянствѣ и богатой буржуазіи. Не потому, что половая мораль этихъ классовъ была строже, а потому, что здѣсь родители старались отдѣлаться отъ дѣтей, какъ отъ непріятной обузы. Во Франціи дѣти аристократіи отдавались уже вскорѣ послѣ рожденія деревенской кормилицѣ, а потомъ въ разныя воспитательныя учрежденія. Эту послѣднюю роль исполняли въ католическихъ странахъ монастыри. Здѣсь мальчикъ остается до того возраста, когда можетъ поступить въ кадетскій или пажескій корпусъ, гдѣ завершается его свѣтское воспитаніе, а дѣвушка—до брака съ назначеннымъ ей родителями мужемъ.

Выше упомянутый князь Монбарэ, женившійся двадцати одного года на тринадцатилѣтней „дамѣ“, пишетъ въ своихъ мемуарахъ: „Я пріѣхалъ въ Парижъ за нѣсколько дней до моей свадьбы и познакомился съ предназначенной мнѣ супругой лишь за три дня до бракосочетанія“. Ея взяли изъ монастыря лишь наканунѣ. И это—типическій случай. Благодаря такому пріему большинство дѣвушекъ этихъ классовъ, естественно, могли избѣжать опасности добрачнаго совращенія и вступали въ бракъ физически нетронутыми. И все же необходимо сказать, что несмотря на такія благопріятныя условія охраны дѣвичьяго цѣломудрія число дѣвушекъ, вступавшихъ въ половыя сношенія еще до брака, было довольно значительно и въ этихъ классахъ. Если дѣвушку брали изъ монастыря не наканунѣ свадьбы, а сговора, то въ виду особой атмосферы вѣка было достаточно и этихъ немногихъ недѣль или мѣсяцевъ между выходомъ изъ монастыря и свадьбой, чтобы соблазнитель предвосхитилъ права мужа.

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о добрачныхъ половыхъ сношеніяхъ дѣвушекъ. О мужчинахъ можно и не говорить. Въ обществѣ, гдѣ о доброй половинѣ женщинъ можно предположить, что онѣ еще до брака вступали въ половыя сношенія, въ эпоху, когда ранняя половая зрѣлость является общей характерной чертой, добрачныя половыя сношенія мужчинъ являются правиломъ. Отличіе состоитъ въ данномъ случаѣ развѣ въ томъ, что ни одинъ классъ и ни одинъ слой не являлись исключеніемъ изъ этого правила, а развѣ отдѣльные лишь индивидуумы, и что сыновья имущихъ и господствующихъ классовъ здѣсь шли впереди.

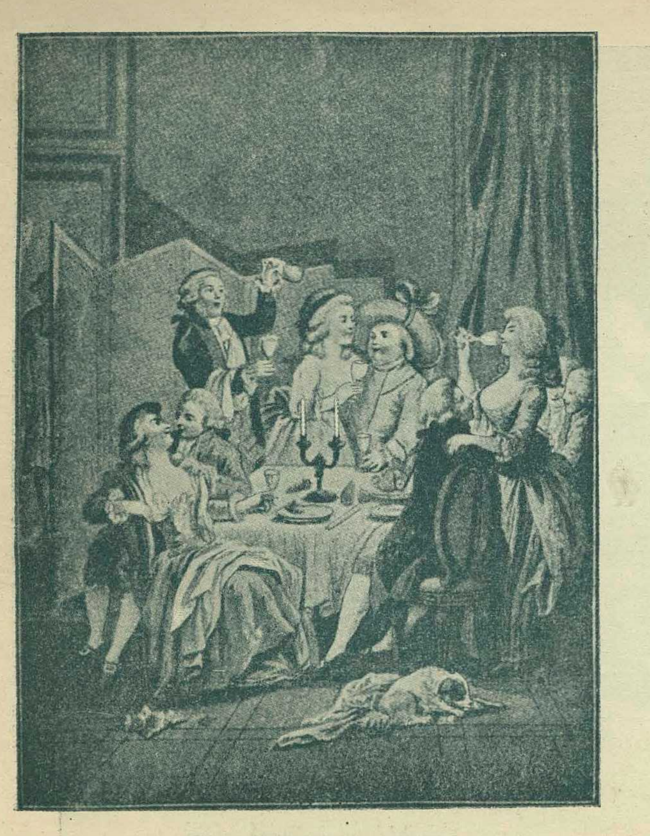
Въ обществѣ, построенномъ на моногаміи, добрачныя половыя сношенія всегда имѣютъ свое дополненіе въ рядѣ неизбѣжныхъ послѣдствій. Таковы: употребленіе предохранительныхъ мѣръ во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій половаго общенія, абортъ и въ случаѣ невозможности или неудачи послѣдняго—дѣтоубійство, тайное разрѣшеніе отъ бремени въ виду незаконности связи и, наконецъ, искусственное возсозданіе физической дѣвственности. Эти неизбѣжныя дополненія позволяютъ въ то же время проконтролировать господствующіе въ данную эпоху размѣры добрачныхъ половыхъ сношеній.

Роль, которую играли всѣ указанныя явленія въ жизни стараго режима, въ отдѣльности или въ совокупности, служитъ, къ сожалѣнію, печальнымъ подтвержденіемъ всего того, что мы сказали о размѣрахъ ранняго добрачнаго половаго общенія. Что въ эпоху Ренессанса было еще только простымъ домашнимъ средствомъ, развилось теперь въ цѣлую утонченнѣйшимъ образомъ практиковавшуюся науку; что было раньше случайнымъ явленіемъ, получило теперь характеръ настоящаго крупнаго производства. Наукой стали способы предохраненія отъ беременности, крупнымъ же производствомъ—организація тайныхъ родильныхъ пріютовъ и дѣтоубійства, наукой и заодно крупнымъ производствомъ—абортъ и искусственное возсозданіе физической дѣвственности.

Искусство предохраненія отъ беременности является, безъ сомнѣнія, достойнымъ всяческаго одобренія прогрессомъ культуры,

Грёзъ: Сладострастіе.

Гюэ: **Галантный ужинъ.**

Любезный супругъ. Французская гравюра.

если только примѣняемыя мѣры не оскорбляютъ эстетическаго чувства любящихъ, не мѣшаютъ физическому удовлетворенію и—въ особенности—не вредятъ здоровью. Когда удастся достигнуть этихъ цѣлей, подобныя предохранительныя средства принесутъ огромную пользу, такъ такъ онѣ разрѣшатъ рядъ важнѣйшихъ задачъ. Они дадутъ возможность сдѣлать даже актъ дѣторожденія до извѣстной степени произвольнымъ и спасутъ уже однимъ этимъ человѣчество отъ многихъ ужасовъ. Они кромѣ того облагородятъ чувство сладострастія, которое станетъ нѣжнѣйшимъ и ароматнѣйшимъ цвѣткомъ на древѣ жизни. Однако, эпоха стараго режима такими идеальными задачами никогда не задавалась. Она стремилась, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы устранить по желанію беременность исключительно въ интересахъ разврата и, кромѣ того, обезопасить женщину отъ возможности заразиться и тѣмъ самымъ позволить ей отдаться беззаботно первому встрѣчному мужчинѣ, хотя бы она о немъ знала лишь то, что онъ возбудилъ ея чувственность.

Люди просто хотѣли увеличить возможность наслажденія. Только къ этому стремилась эпоха. И эта потребность была очень скоро удовлетворена сравнительно вѣрнымъ средствомъ, изобрѣтеннымъ жившимъ при дворѣ Карла II врачемъ Кондономъ въ видѣ извѣстныхъ подъ его именемъ предохранителей. Какъ можно судить по разнымъ современнымъ сообщеніямъ, эти предохранители отъ беременности и заразы очень скоро вошли въ употребленіе въ широкихъ размѣрахъ, и прежде всего, конечно, въ средѣ профессіональной галантности и въ высшихъ классахъ общества. Какой популярностью пользовался этотъ тайный союзникъ любви, видно хотя бы уже изъ того, что тогда даже монашенки знали его чрезвычайныя преимущества и охотно пользовались имъ. Объ этомъ пространно разсказываетъ Казанова въ главахъ, посвященныхъ его связи съ прекрасной монахиней изъ монастыря въ Мурано. Первымъ условіемъ, которое она ставила любовнику, было примѣненіе подобныхъ предохранителей. Что они служили прежде всего цѣлямъ разврата, доказываютъ кромѣ того расточаемые по ихъ адресу эпитеты: ихъ называли не ихъ прозаическимъ именемъ,

а „могилой опасности“, „броней приличія“, „лучшимъ другомъ всѣхъ тайныхъ любовниковъ“ и т. д.

Однако, несмотря на это предохранительное средство, женщины часто бывали беременны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда это было нежелательно,—а это случалось чаще всего,—прибѣгали безъ зазрѣній совѣсти къ опасному средству аборта. Абортъ былъ тогда въ полномъ смыслѣ слова обычнымъ явленіемъ. Въ каждомъ болѣе или менѣе крупномъ городѣ было немало врачей, спеціально занимавшихся этимъ промысломъ: въ ихъ пріемныхъ всегда толпилась масса паціентовъ.—Всѣ акушерки торговали средствами дѣлать абортъ и часто сами прибѣгали къ хирургическому вмѣшательству. Кромѣ того, и среди дѣвушекъ и женщинъ знаніе такихъ средствъ было чрезвычайно распространено, повидимому, болѣе, чѣмъ во всѣ предыдущія времена. Воспитаніе дѣвушки тогда считалось незаконченнымъ, если она не была посвящена въ эту тайну.

„Какъ глупо со стороны вашей матушки, что она ничего вамъ объ этомъ не сказала!“—воскликнула однажды одна свѣтская дама, когда подруга призналась ей въ своемъ критическомъ положеніи, которое ее очень тяготило. О женщинахъ Лондона одинъ современный писатель замѣчаетъ:

„Большинство этихъ барышень не очень-то опасаются нежеланной плодовитости. Подобныя фатальныя случайности стали рѣдкостью въ высшихъ классахъ и, къ сожалѣнію, наука о томъ, какъ предупредить и помѣшать этому, распространяется кругомъ съ ужасающей быстротой. Едва ли найдется хоть одна миссъ, не знающая этого отвратительнаго средства по имени и не освѣдомленная въ вопросѣ, какъ и въ какомъ количествѣ его употреблять“.

А одинъ французскій писатель сообщаетъ:

„Такъ какъ барышни умѣютъ освобождаться отъ неудобныхъ послѣдствій галантныхъ приключеній, то онѣ и не боятся подвергать свою женскую честь бурнымъ натискамъ кавалеровъ. Даже больше, онѣ смотрятъ съ презрѣніемъ на любовника, который изъ слишкомъ большой предосторожности лишаетъ ихъ полнаго удовлетворенія“.

Множество женщинъ этой эпохи устраивали изъ года въ годъ абортъ. О знаменитой Маріонъ де Лормъ говорили: Elle devint grosse 3 ou 4 fous, mais elle se fait vider. Такъ какъ, однако, здѣсь рѣчь шла, несмотря на глупую болтовню о наукѣ весьма опасной—и тогда несомнѣнно еще болѣе опасной, чѣмъ теперь,—то немудрено, что эта „наука" имѣла массу жертвъ. Современники часто сообщаютъ намъ о смерти молодыхъ дѣвушекъ или женщинъ, погибшихъ вслѣдствіе аборта. Отъ него умерла и вышеупомянутая Маріонъ де Лормъ: Elle prit une forte prise d'antimoine pour se vider et se fut ce qui la tua. Въ своихъ мемуарахъ графъ Тилли сообщаетъ о такомъ же печальномъ случаѣ, постигшемъ нѣкую г-жу Б., любовникомъ которой онъ состоялъ, и которая такимъ путемъ хотѣла устранить послѣдствія своихъ интимныхъ отношеній къ графу.

Если это средство не приводило къ желанной цѣли, то дамы старались, по крайней мѣрѣ, рожать тайно. Случай къ этому представлялся на каждомъ шагу. Наиболѣе данныхъ о тайныхъ родильныхъ пріютахъ, о томъ, въ какомъ крупномъ масштабѣ они велись и какъ они прекрасно функціонировали, имѣются у насъ относительно Англіи. Въ своей появившейся въ 1801 г. въ Готѣ „Картинѣ лондонскихъ нравовъ" Гюттнеръ говоритъ:

„У насъ имѣется здѣсь очень много частныхъ домовъ, гдѣ молодыя дамы могутъ тайкомъ разрѣшиться отъ бремени и оставить своихъ незаконныхъ дѣтей. Въ любой почти газетѣ вы можете прочесть объявленія объ одномъ или нѣсколькихъ такихъ заведеній и говорятъ, что ихъ содержатели много наживаютъ на этомъ почтенномъ ремеслѣ".

Приведенное сообщеніе,—можно было бы привести еще много другихъ аналогичныхъ,—доказываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ официальномъ учрежденіи, о заведеніяхъ, санкціонированныхъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ вѣдь само государство основывало офиціальныя учрежденія въ интересахъ незаконныхъ роженицъ, воспитательные дома, куда каждая мать, желавшая отдѣлаться отъ своего ребенка, могла его тайкомъ отдать.

Правда, еще въ средніе вѣка существовали воспитательные дома, но въ особенности они, повидимому, процвѣтали въ XVIII в. Они встрѣчаются въ особенно большомъ количествѣ въ романскихъ странахъ, во Франціи, Италіи и Испаніи, а также въ Австріи, словомъ вездѣ, гдѣ матерямъ воспрещалось отыскивать отца незаконныхъ дѣтей и тотъ не былъ обязанъ заботиться о ихъ содержаніи. Государство было вынуждено создать для соблазненныхъ женщинъ эти воспитательные дома, чтобы предупредить такимъ образомъ возможность такихъ преступленій, какъ подкидываніе и убійство новорожденныхъ. Отсюда само собой вытекаетъ, что къ воспитательнымъ домамъ прибѣгали въ особенности часто бѣдняки или мало обезпеченные люди.

Спеціально французскій обычай, доступный, впрочемъ, только имущимъ, состоялъ въ томъ, что ребенка тотчасъ же послѣ рожденія отсылали въ деревню, къ „кормилицѣ", въ большинствѣ случаевъ даже не знавшей имени матери. Такъ какъ такая „кормилица" получала лишь единовременное пособіе, а большинство такихъ матерей совершенно не заботилось о своемъ нежеланномъ потомствѣ, то этотъ выходъ представлялъ собственно только болѣе „гуманную" форму дѣтоубійства, явленія, тогда, впрочемъ, весьма распространеннаго. Эти честныя женщины занимались во всю профессіей дѣлать ангеловъ. Вѣроятно, три четверти всѣхъ отданныхъ такимъ „нянькамъ" дѣтей погибло, что, впрочемъ, и совпадало въ большинствѣ случаевъ съ желаніемъ самихъ родителей (См. „Плодъ запретной любви" Войэ).

Въ качествѣ послѣдняго и важнѣйшаго корректива всегда оставалось еще одно средство: искусственное возсозданіе физической дѣвственности.

Въ „Frauenzimmerlexicon" говорится:

„Поддѣланной дѣвственностью" или Sophisticatio Virginum называется, если дѣвица пытается всевозможными средствами и путями возмѣстить, что ею было потеряно, когда цвѣтъ ея юности былъ сорванъ слишкомъ рано".

Именно потому, что дѣвственность „стала дешева", ее ставили такъ высоко. И потому каждая хотѣла быть всѣми искомымъ и всѣми желаемымъ исключенiемъ, т.-е. каждая хотѣла быть и остаться дѣвушкой, несмотря на всѣ бури галантной жизни. Одинъ врачъ сообщаетъ:

„Желанiе прослыть цѣломудренной дѣвушкой такъ велико, что не боятся испытать самую сильную боль, такъ какъ есть очень много влюбленныхъ женщинъ, подвергшихся болѣзненной операцiи, лишь бы сойти за дѣвушекъ и вступить въ законный бракъ".

И въ самомъ дѣлѣ, большинство дѣвушекъ считалось въ эту эпоху „дѣвственницами" вопреки пословицѣ: „Все можно купить за деньги, только не дѣвственность". Ибо, какъ разъ ничто такъ легко нельзя было купить за деньги, какъ именно дѣвственность. Если большинство женщинъ знало, какъ предохранить себя отъ беременности и какъ освободить себя отъ ея послѣдствiй, то не меньшее ихъ число имѣло также понятiе о томъ средствѣ, которое, по словамъ одного сатирика, „можетъ превратить послѣднюю падшую женщину въ ангела". Къ домашнимъ средствамъ, извѣстнымъ уже среднимъ вѣкамъ и Ренессансу, передававшимся изъ поколѣнiя въ поколѣнiе, опытъ и раффинированность прибавили еще безчисленное множество другихъ: капли и втиранiя. Современные врачи перечисляютъ цѣлый рядъ подобныхъ стягивающихъ средствъ: отваръ желудей, мирры, кипарисовыхъ орѣховъ и т. д. Обыкновенно врачи и шарлатаны приводили въ своихъ сочиненiяхъ сразу и тѣ аргументы, которые говорили въ пользу употребленiя того или другого средства.

Были въ ходу, однако, и горадо болѣе раффинированныя средства симулировать дѣвственность. Если довѣрчиваго кандидата въ супруги и нетрудно было обмануть, то это было не такъ легко сдѣлать съ Донъ-Жуаномъ... Поэтому пускались въ ходъ раффинированныя сшиванiя. Подобныя операцiи дѣлали отчасти врачи, еще чаще опытныя въ своемъ ремеслѣ сводни. Что этотъ возмутительный обычай, существовавшiй, впрочемъ, издавна, былъ

чрезвычайно распространенъ, видно хотя бы изъ того, что эти пріемы подвергались даже драматической обработкѣ. Укажемъ на комедію Сервантеса, „Мнимая тетка“, подтверждающую все нами сказанное.

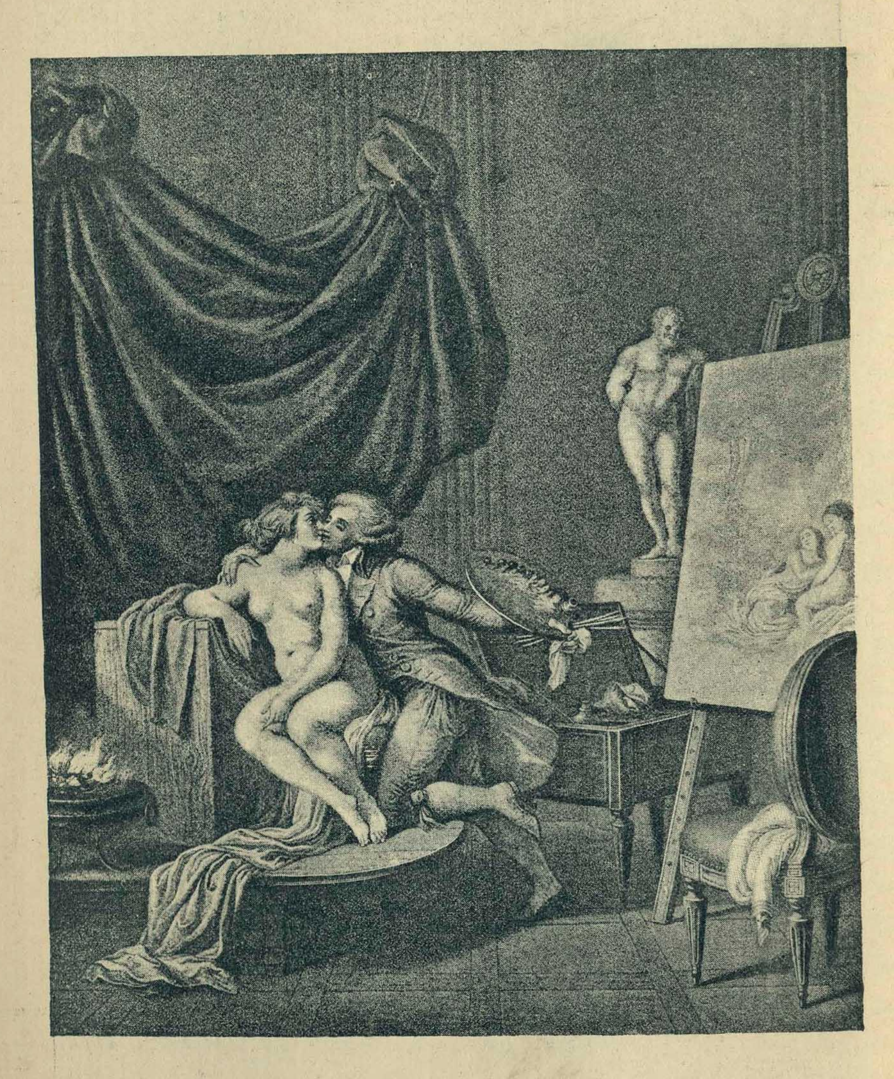
Однако опытныхъ жуировъ и это средство не могло ввести въ заблужденіе. Такъ какъ они знали всѣ обманные пріемы, то они требовали отъ своихъ поставщиковъ вмѣстѣ съ товаромъ и удостовѣренія въ томъ, что онъ соотвѣтствуетъ предъявленнымъ къ нему требованіямъ. Не маловажнымъ доказательствомъ въ пользу огромныхъ размѣровъ практиковавшихся тогда добрачныхъ половыхъ сношеній служитъ поэтому то обстоятельство, что только тѣ дѣвушки считались „на рынкѣ“ дѣвственницами, дѣвственность которыхъ была удостовѣрена врачебнымъ свидѣтельствомъ. Врачи, выдававшіе подобныя свидѣтельства были или довѣренными лицами жуировъ или же присяжными ассистентами профессіональныхъ своденъ: въ послѣднемъ случаѣ они, правда, очень часто находились на службѣ у сводни и были обязаны замаскировать инсценированный ею обманъ.

Въ средѣ мелкаго мѣщанства также ни одинъ мужчина не хотѣлъ „купить кошку въ мѣшкѣ“, однако, здѣсь пользовались обыкновенно старинными „вѣрными“ симпатическими средствами. Судя по словамъ Rockenfilosophie Frauenzimmerlexicon; наиболѣе распространеннымъ такимъ средствомъ былъ опытъ: „дуть, пока снова не зажжется только что погашенная свѣча“. Если этотъ опытъ удавался дѣвушкѣ, ея женихъ заключалъ отсюда, что его милая безупречной репутаціи. У насъ есть свѣдѣнія, говорящія, что большинство дѣвушекъ подвергалось,—иногда въ шутку, иногда въ серьезъ,—такому испытанію со стороны своихъ кавалеровъ. Подобные фокусы однако едва ли служили къ успокоенію сомнѣвающихся, такъ какъ они, вѣроятно, часто не удавались, хотя всѣ молодыя дѣвицы и упражнялись усердно тайкомъ въ этомъ и тому подобныхъ искусствахъ. Благоразумные люди называли поэтому такіе пріемы „вреднымъ суевѣріемъ, безъ нужды подтачивающимъ довѣріе“ и предостерегали отъ него.

Жоллэнъ: **Венера.**

Каремъ: **Купаніе.**

52

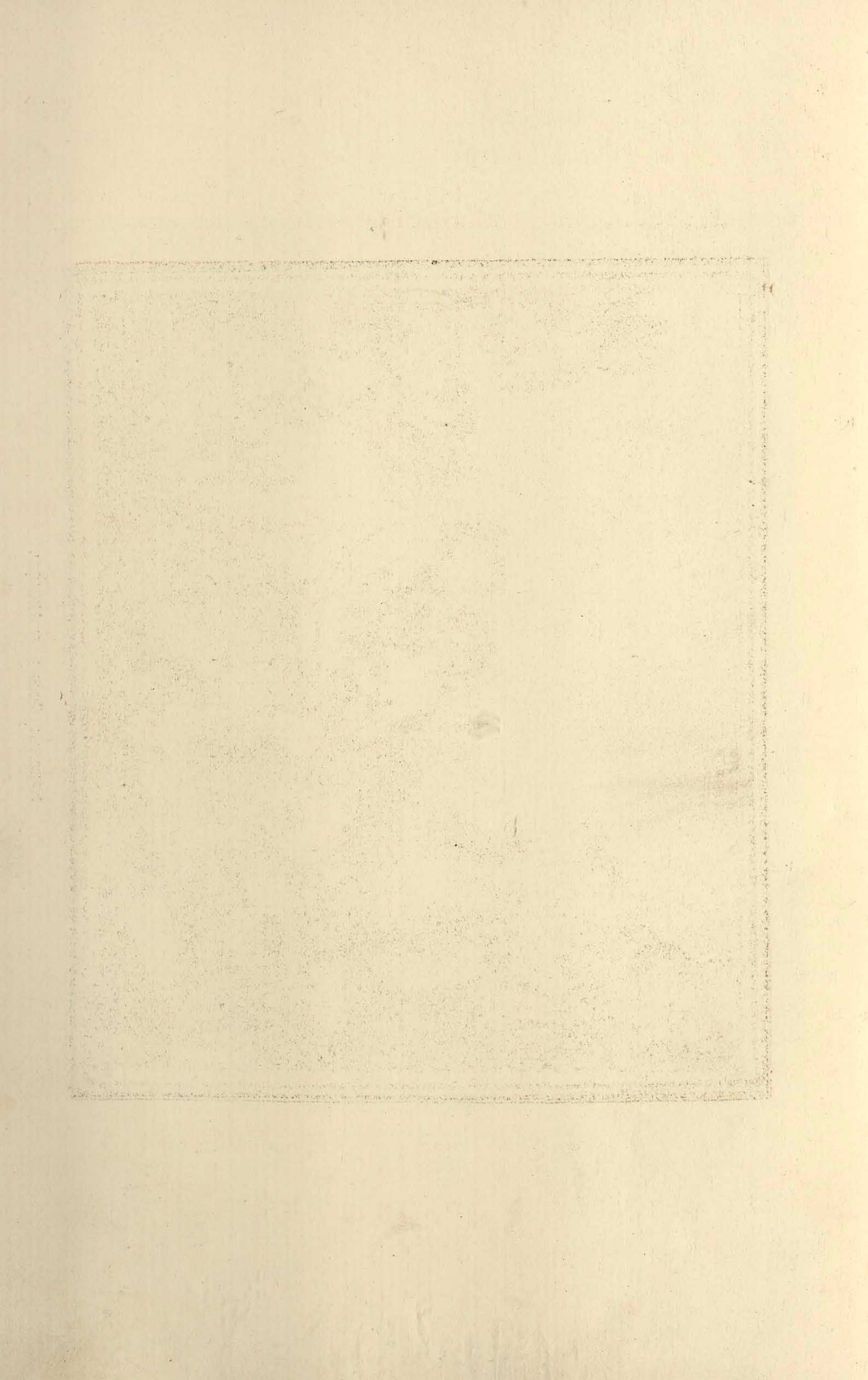

Шалль: **Услужливая модель.**

Каремъ: **Фавнъ и Нимфы.**

53

Если неизбѣжныя послѣдствія добрачныхъ половыхъ сношеній лучше всего позволяютъ проконтролировать относительную распространенность самихъ добрачныхъ сношеній, то пластическія искусства эпохи съ своей стороны подтверждаютъ все сказанное нами относительно этого факта. Къ числу наиболѣе излюбленныхъ эпохой мотивовъ относится артистическое воспроизведеніе всего того, что связано съ добрачными половыми сношеніями. Поэтому число документовъ, повѣствующихъ обо всемъ этомъ, не только чрезвычайно велико—въ нихъ зарегистрованы всѣ рѣшительно подробности: отъ болѣе или менѣе деликатнаго совращенія дѣвушекъ, до грубаго врачебнаго констатированія дѣвственности, любой оттѣнокъ и любой моментъ въ процессѣ Avant, Pendant и Après (см. „Стремительный любовникъ", „На краю постели", „Запоздалое раскаяніе", „Защити меня", „Спи, спи", „Дома", „Пріятный урокъ", „Слишкомъ поздно", „Предпріимчивый крестьянинъ", „Кающаяся Магдалина", „Тщетное отрицаніе", и т. д.). Такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ прежде всего о культѣ добрачнаго совращенія, то всѣ художники на сторонѣ влюбленныхъ, и они съ особеннымъ увлеченіемъ прославляютъ ихъ побѣду надъ предусмотрительностью родителей или опекуновъ. Послѣдніе или спятъ слишкомъ крѣпко, чтобы проснуться отъ шума тихо подкрадывающагося любовника, или появляются на сценѣ только тогда, когда уже поздно (см. „Тише, а то онъ проснется", „I'y passerai", „Тайный визитъ", „Спохватились" и др.).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда сюжетъ былъ таковъ, что не поддавался реалистическому изображенію, художникъ, естественно, прибѣгалъ къ помощи символа. Женское лоно символизировалось въ видѣ розы (см. Буше: „Венера и Амуры"). Символомъ дѣвственности служилъ поэтому нераспустившійся бутонъ розы. Дѣвушка или гордо держитъ его въ рукѣ или защищается имъ противъ дерзкаго похитчика. (См. „Молодые", „Объясненіе въ любви", „Тереза"). Въ Голландіи невѣста, сохранившая до свадьбы свою физическую невинность, надѣвала фартучекъ съ затканнымъ въ опредѣленномъ мѣстѣ бутономъ розы (см. Свадьбы Хлора и

Розетты). Утерянная невинность символизировалась разнымъ образомъ. Наиболѣе обычнымъ символомъ были: разбитый кувшинъ и разбитое зеркало. Дѣвушка, плачущая надъ разбитымъ кувшиномъ или зеркаломъ, оплакиваетъ на самомъ дѣлѣ потерянную невинность.

Именно въ живописи нагляднѣе всего отразилась и столь характерная для эпохи абсолютизма черта форсированія половой зрѣлости. Съ одной стороны художники старались придавать тѣлу мужчины и женщины мальчишескій или дѣвичій видъ, съ другой—они особенно охотно изображали любовныя сцены между дѣтьми, надѣляя этихъ дѣтей, однако, всѣми аттрибутами физической зрѣлости, дѣвочекъ—развитымъ бюстомъ дѣвушки, мальчиковъ—смѣлыми аллюрами предпріимчиваго любовника. (См. между прочимъ: „Венера и Амуры", „Стремительный любовникъ", „Любовныя шалости", гравюры Куртена; „Запоздалое раскаяніе", „Спи, спи", „Подслушивающій пастушекъ", „Читательница романовъ", и т. д., хотя вообще болѣе третьей части помѣщенныхъ здѣсь иллюстрацій могли бы быть привлечены въ качествѣ доказательствъ).

Если большинство освѣщенныхъ до сихъ поръ фактовъ и документовъ выясняетъ исключительно коренившуюся въ галантной философіи эпохи тенденцію ранняго и добрачнаго полового общенія, то было бы, конечно, непростительнымъ игнорированіемъ конечныхъ движущихъ причинъ, если бы мы на этомъ остановились и не приняли бы во вниманіе дѣйствовавшія здѣсь экономическія причины. То, что лишь въ незначительной степени сознавалось эпохой, то, что сообразно идеологической точки зрѣнія тогдашнихъ моралистовъ, казалось лишь проявленіемъ индивидуальнаго легкомыслія, мы вынуждены въ настоящее время объяснить въ большинствѣ случаевъ экономическими факторами.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр. въ Германіи, значительную роль играли, кромѣ того, непосредственныя условія существованія абсолютизма. На зарѣ абсолютизма вся Германія представляла страну не только бѣдную, но и безлюдную, такъ какъ здѣсь побѣда абсолютизма покоилась на послѣдствіяхъ тридцатилѣтней

войны. Въ XVII ст. поэтому не существовало здѣсь болѣе важной проблемы, какъ необходимость интенсивнаго увеличенія народонаселенія. Производить на свѣтъ какъ можно больше дѣтей, было теперь высшей обязанностью мужчинъ, быть беременной и рожать потомство,—постоянной обязанностью женщины. Само собой понятно, что это должно было происходить въ рамкахъ брака, но не менѣе понятно и то, что такая эпоха относится болѣе снисходительно и къ внѣбрачнымъ половымъ сношеніямъ, тѣмъ болѣе, что тогда, подъ гнетомъ необходимости, подвергались пересмотру даже законы единобрачія. Лучше всего доказывается это указомъ, изданнымъ франконскимъ окружнымъ съѣздомъ въ Нюренбергѣ, 14 февраля, 1650 г., указомъ, который мы процитировали уже въ первомъ томѣ: имъ разрѣшалось „впродолженіи слѣдующихъ десяти лѣтъ каждому мужчинѣ имѣть двухъ женъ". Чтобы создать должное количество человѣческаго матеріала, была, такимъ образомъ, временно упразднена основа брака, моногамный его характеръ, и была санкціонирована полигамія. А политика народонаселенія, которую былъ вынужденъ вести въ своей безлюдной странѣ Фридрихъ II, чтобы имѣть солдатъ и плательщиковъ налоговъ, приводила его еще сто лѣтъ спустя къ подобнымъ же послѣдствіямъ въ области уголовнаго права.

Все это однако не мѣшало тому, что и въ Германіи имущіе классы стали придерживаться вышеописанной морали, въ силу которой дѣти сдѣлались величайшей обузой и семейнымъ несчастіемъ. Поддерживать государство путемъ обильнаго производства потомства—эту обязанность правящіе классы всегда предоставляли черни и требовали отъ черни: на себя они брали въ лучшемъ случаѣ только пріятную сторону этой задачи.

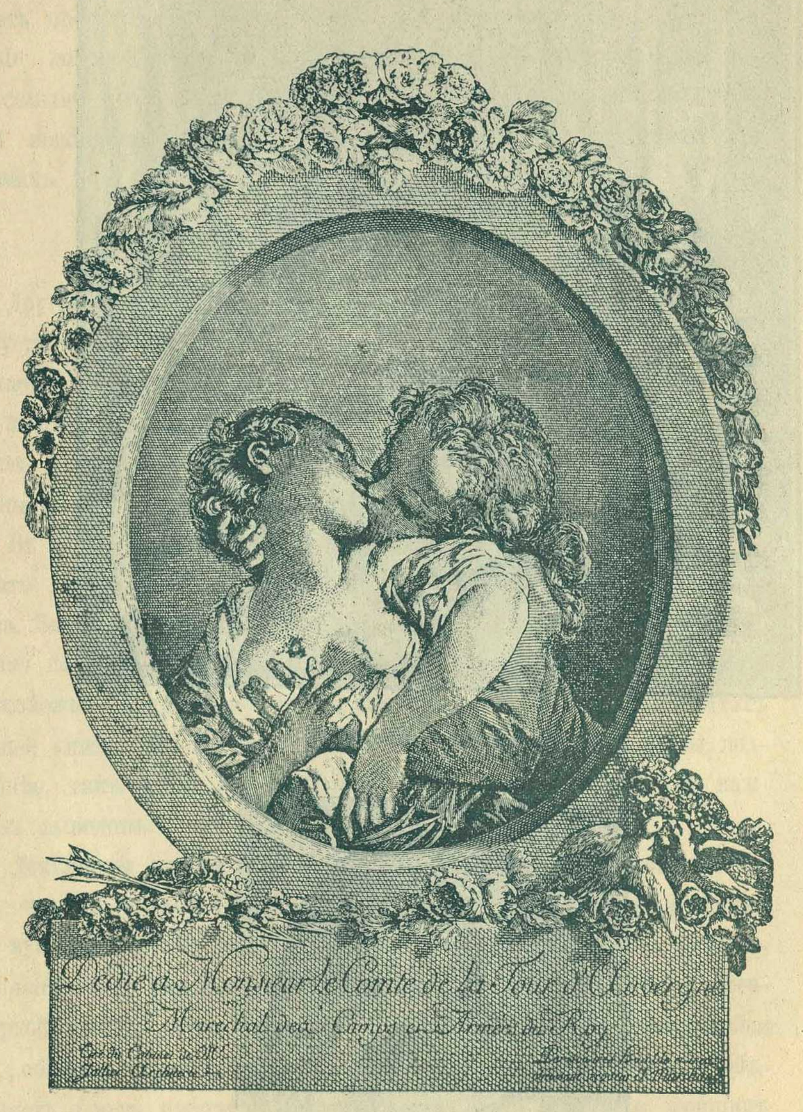
Если въ другихъ странахъ и не было на лицо такой бѣдности людьми, если тамъ въ виду продолжительности мира въ XVIII ст. унаслѣдованный отъ прошлаго избытокъ женскаго населенія и нѣсколько сократился, то, какъ мы знаемъ, въ среднихъ классахъ бѣдность во всѣхъ безъ исключенія странахъ значительно возрасла. Господствовавшая въ этихъ слояхъ матеріальная

необезпеченность отражалась крайне пагубно на сексуальной жизни обоихъ половъ. Большинство мужчинъ могло вступить въ бракъ лишь очень поздно, такъ какъ раньше они не были въ состояніи содержать семью, а многимъ такъ никогда и не удавалось основать свой домашній очагъ. Что подобное положеніе вещей господствовало преимущественно въ среднемъ бюргерствѣ, объясняется очень просто тѣмъ, что по установившейся здѣсь традиціи заботиться о содержаніи семьи былъ обязанъ одинъ только мужчина, тогда какъ жена уже и здѣсь почти находилась на положеніи предмета роскоши или, во всякомъ случаѣ, сама не зарабатывала, какъ въ пролетаріатѣ.

Значительная часть мужчинъ и женщинъ средняго мѣщанства могла поэтому удовлетворить свои половыя потребности только внѣбрачнымъ путемъ.

Экономическіе факторы объясняютъ намъ также, почему въ крестьянствѣ XVII и XVIII в. обычаи и нравы остались тѣми же, какими они были и въ эпоху Ренессанса. Производственный механизмъ остался здѣсь тѣмъ же или почти тѣмъ же, и потому и общественное бытіе этого класса не измѣнилось—въ общемъ и въ частностяхъ. Главныя формы добрачныхъ половыхъ сношеній, пробныя ночи и ночныя посѣщенія, сохранились здѣсь и въ эту эпоху во всемъ своемъ специфическомъ своеобразіи и, разумѣется, также въ прежнихъ своихъ грубо-примитивныхъ проявленіяхъ, достаточно подробно для нашей цѣли уже описанныхъ нами въ первомъ томѣ нашей исторіи нравовъ.

Абсолютизмъ „содѣйствовалъ“ впрочемъ половой жизни крестьянства тѣмъ, что онъ разорялъ деревенскую массу еще беззастѣнчивѣе, чѣмъ горожанъ, задерживая такимъ образомъ всякую возможность культурнаго прогресса и доводя мужика до такого скотскаго состоянія, которому уже не вѣдомы никакія нравственные задерживающіе мотивы. Искусственное форсированіе половой зрѣлости было и здѣсь наиболѣе бросавшимся въ глаза послѣдствіемъ. Такъ какъ большинство дѣтей спятъ въ деревнѣ вмѣстѣ съ родителями въ одномъ и томъ же тѣсномъ

Фрагонаръ: **Поцѣлуй.**

Фрейдебергъ: **Сюрпризъ.**

Юэ: **Соблазнительное неглижэ.**

помѣщеніи, то онѣ рано получаютъ наглядные уроки механики любви. Что удивительнаго, что многіе изъ нихъ подражаютъ игрѣ, которой забавлялись отецъ и мать, еще раньше, чѣмъ могутъ имѣть представленіе о ея цѣли. Это тоже своего рода форсированіе половой зрѣлости, къ тому же такое, которое приводило къ самымъ печальнымъ результатамъ. Ибо глубочайшая нравственная испорченность всегда царила не въ городахъ, а въ деревняхъ.

Другой главной чертой стараго режима, о которой свидѣтельствуетъ безчисленное множество разнообразнѣйшихъ документовъ, является, будто бы, безпредѣльное увлеченіе каждой женщины „культомъ галантности“, какъ тогда выражались. Судя по этимъ даннымъ, никогда женщины до такой степени не были помѣшаны на мужчинахъ, какъ тогда.

Въ эпоху стараго режима женщины всегда „галантны“, а прослыть „архигалантной“ было честолюбивѣйшей мечтой большинства. Застать женщину все равно какого сословія и возраста, все равно какой національности иначе, какъ въ галантной ситуаціи—невозможно. Хотя мы объ этомъ уже говорили во многихъ мѣстахъ нашей книги, все же мы должны здѣсь коснуться этой темы подробнѣе, такъ какъ это позволитъ намъ сдѣлать нѣсколько важныхъ выводовъ.

Документы настолько изобилуютъ примѣрами и доказательствами, что не остается сомнѣнія въ этой помѣшанности женщинъ на мужскомъ полѣ. Даже написанное спеціально для дамъ Frauenzimmerlexicon распространяется въ цѣломъ рядѣ статей о чрезмѣрной жаждѣ любви, характеризующей женщину и являющейся ея „обычнымъ состояніемъ“. Впрочемъ, Frauenzimmerlexicon объясняетъ (подъ рубрикой „похотливость“) это состояніе женщинъ ихъ физическимъ и анатомическимъ строеніемъ. Столь же естественнымъ авторъ считаетъ превращеніе этого любовнаго томленія въ случаѣ „длительнаго“ неудовлетворенія въ настоящее помѣшатель-

ство („бѣшенство матки“). Моралисты трактуютъ эту тему менѣе сухо. Авторъ вышедшей въ 1720 г. книгѣ „Адамъ и Ева, лишенные фиговаго листа“, посвящаетъ цѣлую главу поведенію „помѣшанныхъ на мужчинахъ незамужнихъ женщинъ“... Объ этомъ говоритъ также не мало пословицъ.

Разъ мужчина пользуется славой побѣдителя женскихъ сердецъ, то онъ спокойно можетъ расчитывать на неравнодушіе всѣхъ женщинъ, ему доставляется всегда удобнѣйшій случай и каждая только ждетъ его приглашенія. Въ своей книгѣ „Женщины и галантность въ XVII вѣкѣ“ Жанъ Эрвэ (Hervez) приводитъ въ примѣръ министра Фукэ: il ne connut jamais des cruelles“. И дальше онъ говоритъ: „Фукэ, былъ, очевидно, слишкомъ поглощенъ другими заботами и потому не старался ухаживать. Онъ довольствовался тѣмъ, что заявлялъ о своихъ желаніяхъ и въ означенный часъ женщина, которую онъ желалъ, являлась къ нему“. И подобное счастье выпадало ежедневно множеству мужчинъ.

Пріѣздъ въ 1772 г. въ Парижъ турецкаго посланника Заидъ-Эффенди повергъ массу женщинъ въ состояніе возбужденія. Такъ такъ паша̂ имѣлъ въ своемъ гаремѣ нѣсколькихъ женъ, то онъ казался воплощеніемъ мужественности. Дѣвушки и дамы бросались ему прямо на шею, несмотря на циническія насмѣшки надъ женской похотливостью, вскорѣ появившіяся въ каррикатурахъ и шуточныхъ стихахъ. Наѣздники и шарлатаны имѣли, впрочемъ, тѣ же благопріятные шансы, какъ и знатный аристократъ. Злой насмѣшникъ издѣвался надъ парижанками настолько же цинично, насколько и недвусмысленно. „Въ такомъ вопросѣ дамы не признаютъ сословныхъ различій, а преклоняются только передъ истинными врожденными добродѣтелями. Если у нихъ есть основаніе предполагать ихъ наличность въ мужчинѣ, онѣ обращаются съ нимъ, какъ съ равнымъ“.

Достовѣрно извѣстно, что въ эпоху Карла II цѣлый рядъ знаменитыхъ акробатовъ, наѣздниковъ и танцовщиковъ праздновалъ на ложѣ англійскихъ знатныхъ дамъ тѣ же побѣды, какъ на сценѣ или на аренѣ.

Поцѣлуй. Французская галантная гравюра.

Г-жа Лавальеръ, любовница Людовика XIV.

Г-жа Монтесканъ, любовница Людовика XIV.

Художникъ и его модели. Французская галантная гравюра.

Въ высшей степени характерна и распространенность разныхъ суевѣрныхъ обычаевъ. Въ XVII и XVIII вв. всѣ женщины усерднѣйшимъ образомъ прибѣгали къ помощи любовнаго оракула. Незамужнія хотѣли узнать, выйдутъ ли онѣ замужъ, замужнія— явится ли и когда желанный любовникъ. Незамужнія гадали преимущественно въ ночь наканунѣ св. Андрея, патрона женщинъ, жаждущихъ имѣть мужа. Самое гаданіе было обставлено всевозможными обрядами. Дѣвушка должна прежде всего совершенно раздѣться, потому что только въ такомъ видѣ можетъ она удостоиться отвѣта отъ этого, повидимому, не очень цѣломудреннаго святого. Въ Gestriegelle Rockenphilosophie говорится, что, если дѣвушка такъ поступитъ, то ей ночью приснится возлюбленный.

Въ однѣхъ мѣстностяхъ господствовалъ обычай, въ силу котораго любопытныя дѣвушки просовывали въ такомъ видѣ голову въ печку, стараясь какъ можно выше поднять заднюю часть тѣла. Въ другихъ мѣстностяхъ, дѣвушка, стоя спиной къ дверямъ спальни, бросала въ нихъ своимъ башмакомъ или же, отвернувъ лицо, вытаскивала изъ сажени дровъ полѣно. Въ первомъ случаѣ число скачковъ, сдѣланныхъ башмакомъ, указывало на число лѣтъ, которое еще придется прождать дѣвушкѣ, во-второмъ—прямое полѣно указывало на молодого, кривое—на стараго мужа. Во время этихъ обрядовъ произносилась далѣе обращенная къ св. Андрею молитва, иногда болѣе длинная, иногда болѣе короткая: „Св. Адреюшка, даритель мужей, учитель дѣвицъ, вотъ я стою голая, когда же пробьетъ часъ и я получу мужа...“ Вѣроятно, ни одна молитва не произносилась тогда съ такимъ жаромъ, какъ эта.

Большинство дѣвицъ, однако, не ограничивалось обращеніемъ къ св. Андрею, а молилось сразу десятку другихъ святыхъ и каждому ставится опредѣленный вопросъ. Къ тому же каждой дѣвицѣ хочется заинтересовать небеса этимъ важнымъ для нея дѣломъ не одинъ день въ году, а ежедневно. Когда дѣвушка покидаетъ школу въ Бельгіи, то еще и понынѣ ее заставляютъ вызубрить слѣдующую свадебную молитву, сложившуюся еще въ XVIII вѣкѣ:

„Св. Марія, сдѣлай такъ, чтобы я вышла замужъ, св. Іосифъ— и какъ можно скорѣе!—Св. Антоній, и чтобы у него было хорошее наслѣдство, св. Іосифъ, и чтобы онъ былъ богатъ, св. Клара—и любилъ меня, св. Анатолій,—чтобы онъ не былъ легкомысленъ, св. Лупъ—и не ревновалъ меня, св. Шарлотта,—чтобы я въ домѣ господствовала, св. Маргарита, сдѣлай такъ, чтобы онъ явился скорѣе, св. Александра—и мнѣ не пришлось бы долго ждать, св. Елевтерій—пусть онъ будетъ хорошимъ отцомъ, св. Анеликъ—и добрымъ католикомъ, св. Николай—не забудь меня".

Наиболѣе наглядное и яркое изображеніе якобы всеобщей помѣшанности женщинъ на мужскомъ полѣ даютъ намъ искусства: литература и живопись. Эта тема воспроизводится ими въ безчисленныхъ варіаціяхъ, съ все новыми преувеличеніями, такъ что въ концѣ-концовъ каждая женщина превращается въ минотавра похотливости.

Въ четверостишіи „Клятва" Евлогій Шнейдеръ восклицаетъ: „Красавица Дорида поклялась, отдаться лишь тому, кто ей понравится, а такъ какъ ей нравятся всѣ, то она и отдается всѣмъ и каждому". Въ бракѣ женщину интересуетъ только „сладкая любовная игра" (См., напр., стихотвореніе: Die schöne Gertrud. У. Ф. Ридерера, появившееся въ 1711 году въ Нюрнбергѣ). И дѣло не мѣняется отъ того, что женщина уже находится въ почтенномъ возрастѣ. (См. стихотворенія An eine alte Vetle, An eine séchzig jährige). При этомъ агрессивной стороной является обыкновенно женщина, а не мужчина. Женщина даетъ ему первые уроки любви и постоянно вновь его соблазняетъ, какъ видно изъ цѣлаго ряда стихотвореній.

Пластическія искусства говорятъ, пользуясь своими средствами, тоже самое, говорятъ это языкомъ, быть можетъ, еще болѣе страстнымъ. Если вѣрить имъ, то каждая женщина является въ эту эпоху вулканомъ сладострастія, сжигающимъ любого мужчину, который подойдетъ. Изобразительныя искусства знаютъ вообще только „любящую" женину, женщину или жаждущую любви или же дарящую любовь, все равно, въ какой бы ситуаціи она ни

находилась. Плачетъ ли она или молится, занята ли она разговоромъ или предается задумчивости, спитъ ли она или работаетъ. Если же она непосредственно отдается любви, то, какъ уже сказано, она пышетъ страстью, какъ вулканъ огнемъ (См. „Сладострастіе“ Грёза, „Когда мужъ уѣзжаетъ, для любовника наступаютъ хорошіе дни“).

Каждая влюбленная женщина находится постоянно въ сладострастномъ экстазѣ, и этотъ экстазъ достигаетъ своихъ послѣднихъ границъ, когда она одна. Портретъ мужа, жениха, любовника вызываетъ въ ея воображеніи картины сладострастія; или уже испытаннаго ею или предвкушаемаго ею (См. „Вѣсть о возлюбленномъ“). Любимѣйшее занятіе женщины — отдаваться во власть влюбленнымъ мыслямъ, т.-е. эротическимъ представленіямъ. Читая галантный романъ,—а она читаетъ только такіе романы,— она переживаетъ всѣ событія, сливается со всѣми героями, находящимися въ галантной ситуаціи. Все направляетъ ея мысли на любовь и ничто такъ не занимаетъ ея умъ какъ то, что имѣетъ отношеніе къ любви.

Жадно слѣдитъ она за цѣлующимися голубями, а на ея лицѣ въ это время ясно отражаются образы и представленія, въ которыя ея воображеніе переработало эти сцены. (См. Грёзъ: „Урокъ любви“, „Опасная внимательность“ Бушэ и Буалли „Опасный примѣръ“). Съ особенной охотой изображаютъ художники именно такимъ образомъ дѣвушку, достигшую половой зрѣлости. Въ такомъ же духѣ рисуютъ они, однако, и индивидуальные портреты. Каждая женщина, королева, мѣщанка или проститутка, изображается непремѣнно галантной, все равно кистью или словомъ. Всѣ эти картины, да вообще всѣ помѣщенныя въ нашей книгѣ картины приводятъ къ тому выводу: эпоха не знаетъ женщины-человѣка, она знаетъ только женщину, какъ половое существо.

Хотя такой взглядъ и вытекаетъ логически изъ всего галантнаго міровоззрѣнія, все же позволительно спросить: такъ ли обстояло дѣло въ дѣйствительности? Другими словами: является ли чрезмѣрная жажда наслажденія типической чертой тогдашней жи-

вой женщины или же это только ея невѣрное отраженіе въ зеркалѣ преувеличивающей мужской психики? Отвѣтъ гласитъ: да, именно, такова была тогдашняя женщина. И надо еще прибавить, что мы въ настоящее время даже не можемъ себѣ представить надлежащимъ образомъ, до какой степени все поведеніе женщины было тогда насыщено эротикой, такъ что послѣдняя ни на минуту не исчезала, а все собой пропитывала. Братья Гонкуръ совершенно справедливо замѣтили: „женщина этой эпохи вся соткана изъ одного сладострастія“.

Гораздо важнѣе, однако, другой вопросъ: какія причины помимо галантнаго міровоззрѣнія создали съ внутренней необходимостью это явленіе? Этотъ вопросъ нѣсколько сложнѣе. Необходимо здѣсь считаться съ тремя переплетавшимися причинами. На первую и важнѣйшую мы уже указали выше. То была трудность для большинства мѣщанства вступить въ бракъ и обусловленныя ею осложненія въ сексуальной области. Конечно, мужчины также страдали отъ этой неурядицы, но женщины больше ихъ, такъ какъ мужчина все же могъ найти до нѣкоторой степени суррогатъ въ проституціи. Для женщины же эта трудность вступать въ бракъ обостряла борьбу за мужчину. А ничто такъ легко не приводитъ къ систематическому выявленію женской похотливости, какъ трудность борьбы за обладаніе мужчиной. Это объясняется тѣмъ простымъ фактомъ, что мужчина легче всего подается женщинѣ, охваченной желаніемъ. Такъ какъ тогда число женщинъ, имѣвшихъ возможность расчитывать на замужество, становилось все меньше, то въ концѣ концовъ сами женщины стали пускать въ ходъ всѣ возможныя средства и прежде всего,—сознательно или безсознательно,—старались приковать къ себѣ мужчину, дѣйствуя на его чувственность.

Каждая женщина придаетъ лицу нѣжное выраженіе, она всегда готова итти навстрѣчу, всегда соблазнительна, нарочито кокетлива и даетъ авансы даже при самыхъ невинныхъ обстоятельствахъ. Если современные документы облекаютъ это типическое поведеніе женщины въ покровъ порожденной однимъ лишь сладострастіемъ

Разборчивая невѣста.

Охота на вдовца.

Проспектъ аугсбургскаго магазина художественныхъ произведеній.

галантности, то въ этомъ виновата, вполнѣ, впрочемъ, понятная, близорукость современниковъ. Мы же не имѣемъ права игнорировать ту горькую необходимость и неизбѣжность, которая въ большинствѣ случаевъ скрывалась за этимъ блестящимъ покровомъ.

Второй причиной форсированной сладострастности женщины этой эпохи является вліяніе эротически возбуждающей моды... Необходимо принять въ расчетъ и этотъ факторъ, такъ какъ его вліяніе было не временнымъ и не ограничивалось нѣсколькими отдѣльными индивидуумами, а простиралось на огромное большинство женщинъ и притомъ впродолженіи цѣлаго столѣтія. Тогдашняя дамская мода не позволяла женщинѣ выйти изъ состоянія безпрерывнаго эротическаго возбужденія. Обрисованное въ третьей главѣ принципіальное разложеніе женскаго тѣла на его главные половые признаки, покупавшееся цѣною страшно преувеличеннаго стягиванія тальи, постоянно давило на органы нижней части женскаго живота. Это постоянное давленіе,—часто дамы и ночью не снимали корсета,—приводило къ неизбѣжному раздраженію половой сферы, вырождавшемуся, естественно, въ болѣзненную раздражительность.

Эта эротическая гипертрофія должна была неизбѣжно наложить извѣстный отпечатокъ на ея психическую физіономію и насытить эротизмомъ все ея поведеніе. Не мѣшаетъ прибавить, что извѣстная модная въ XVIII в. женская болѣзнь,—такъ называемая Vapeurs, которыми страдало большинство женщинъ, — представляла, по словамъ такого знатока сексуальнаго вопроса, какъ И. Блохъ, специфическую форму истеріи, какъ результатъ постоянной, вызванной модой, половой раздражимости.

Наконецъ, третья причина, подчеркивавшая въ женской физіономіи специфическія линіи сладострастности, коренилась въ также уже нами указанномъ принципіальномъ упраздненіи дѣторожденія и въ передачѣ кормленія и воспитанія все же родившихся дѣтей въ чужія руки. Этимъ устранялось во всѣхъ бракахъ естественное и важнѣйшее, связующее звено между обоими полами: дѣти, исполняющія именно эту роль. Гдѣ нѣтъ этого звена, его необходимо чѣмъ-

нибудь возмѣстить. А это возмѣщеніе сведенная на простой флиртъ любовь находитъ съ особеннымъ предпочтеніемъ въ повышенной галантности женщины. Такъ какъ мужчина и женщина не связаны другъ съ другомъ чувствомъ, то женщина, обычно болѣе мужчины дорожащая прочностью брака, вынуждена все сызнова дѣйствовать на чувственность мужчины, чтобы его тѣснѣе приковать къ себѣ.

Совершенно естественно, что какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и въ ранѣе описанной борьбѣ за обладаніе мужчиной лишь немногія женщины ограничивались одной позой... Добросовѣстное исполненіе роли возбуждало въ концѣ концовъ даже самую спокойную чувственность, а пробудившіяся желанія разгорались въ огромное пламя.

И потому игра превращалась очень скоро у большинства женщинъ въ правду.

Мы уже знаемъ важнѣйшія фактическія обстоятельства, характерныя для брака эпохи стараго режима. Въ дворянствѣ и въ денежной буржуазіи — ненормально ранніе браки, въ неимущихъ классахъ, преимущественно въ среднемъ мѣщанствѣ—поразительно поздніе. Мы знаемъ, кромѣ того, что въ господствующихъ и имущихъ классахъ вступающіе въ бракъ молодые люди до свадьбы часто даже не видались, и, конечно, не знали, какой у кого характеръ. Обычнымъ правиломъ въ этихъ кругахъ являются въ XVIII в. такіе браки, гдѣ молодые встрѣчаются въ первый разъ въ жизни за нѣсколько дней до свадьбы, а то и прямо лишь наканунѣ свадьбы.

Всѣ эти признаки говорятъ ясно о томъ, что единственнымъ брачнымъ закономъ была безраздѣльно господствовавшая условность. Бракъ не болѣе, какъ простая юридическая формула для торговой сдѣлки. Въ этомъ самомъ дѣлѣ сущность тогдашняго брака. Дворянство соединяетъ два имени, чтобы увеличить фамильное могущество или же—для той же, разумѣется, цѣли—имя и состояніе. Имущая буржуазія такимъ же точно образомъ соединя-

етъ два состоянія или присоединяетъ къ состоянію—ради наиболѣе эффектной его реализаціи—титулъ. Среднее и мелкое мѣщанство соединяетъ два дохода или рабочую силу мужчины съ женскимъ индивидуумомъ, на долю котораго выпадаетъ обязанность использовать наиболѣе раціонально скромный жизненный достатокъ. Наконецъ, въ пролетаріатѣ вступаютъ въ бракъ въ большинствѣ случаевъ потому, что „вдвоемъ жить дешевле", т.-е. потому, что каждый порознь не зарабатываетъ столько, чтобы можно было существовать.

Болѣе высокія побужденія, напр., стремленіе къ духовному и душевному общенію, играютъ роль лишь въ отдѣльныхъ индивидуальныхъ случаяхъ. Можетъ показаться утвержденіемъ, противорѣчащимъ галантнымъ тенденціямъ эпохи, что индивидуальный половой элементъ также исключался тогда при бракосочетаніи, но это такъ. На самомъ дѣлѣ это и не противорѣчіе, ибо въ эпоху, когда выше всего цѣнится техника, любовь и бракъ не могутъ совпадать, во всякомъ случаѣ бракъ скорѣе будетъ мѣшать осуществленію такой программы жизни. Когда поэтому въ эпоху абсолютизма рѣчь идетъ о бракѣ, то—мужъ есть мужъ, а жена — жена. Если все же нѣкоторую роль играютъ также сила и элегантность со стороны мужчины, красота и пикантность со стороны женщины, то и онѣ являются элементомъ имущественнымъ, необходимо нужнымъ въ данномъ случаѣ, какъ средства представительства въ средѣ дворянства, какъ приманка для кліентовъ въ средѣ мелкаго купечества и т. д.

Бракъ въ средѣ аристократіи и крупной буржуазіи носитъ явно-условный характеръ. Гастонъ Мопра справедливо замѣчаетъ:

„Тогда не стремились даже соблюдать внѣшность, какъ это дѣлается теперь. Бракъ—торговая сдѣлка и на нее смотрятъ, какъ на торговую сдѣлку. Онъ—семейный договоръ, отъ котораго старательно устранены тѣ, кто наиболѣе въ немъ заинтересованъ, и если ихъ и приглашаютъ къ участію, то только потому, что ихъ присутствіе необходимо".

Сотни яркихъ примѣровъ изъ жизни всѣхъ странъ доказы-

ваютъ, что люди тогда отказывались даже отъ самой скромной идеологической ретушовки, что слово „любовь“, какъ смѣшное, какъ не модное, прямо запрещалось при бракосочетаніяхъ. Этотъ цинизмъ имѣетъ свой не менѣе въ глаза бросающійся экономическій корень. Представительство—выставленіе на показъ себя, своего имени, своего сословія—таковъ единственный законъ эпохи и потому рѣшающее значеніе имѣютъ лишь средства, облегчающія его осуществленіе. На нераздѣльно связанный съ такимъ положеніемъ вещей адюльтеръ также смотрѣли, какъ на пустякъ, такъ какъ онъ не грозилъ опасностью указанной главной цѣли брака. Такъ какъ представительство требовало все большихъ суммъ, то въ XVII и XVIII вв. число браковъ между сыновьями аристократіи и дочерьми крупныхъ буржуа, вѣрнѣе между аристократическими родословными и буржуазными денежными мѣшками также все возрастало. Ничто ужэ не разъединяетъ тамъ, гдѣ объединяютъ деньги. Менѣе всего выгодной сдѣлкѣ мѣшаютъ религіозныя соображенія. Въ Eclipses Politico Morales говорится, что религіозное исповѣданіе регулируется въ зависимости отъ брака, „обычно, по желанію мужа“. Даже „жиды“ получаютъ равноправіе, разъ они готовы креститься. Въ салонахъ богатыхъ еврейскихъ финансистовъ толпятся графы, принцы, маршалы и грубо-жадно домогаются руки дочери. Что тутъ удивительнаго, если самъ Людовикъ XIV снимаетъ шляпу передъ шестьюдесятью милліонами финансиста-еврея Самуиля Бернара.

Правда, своихъ феодальныхъ замашекъ обанкротившаяся аристократія не забываетъ, вспоминая о нихъ тотчасъ же, какъ брачный договоръ, обезпечилъ за ней добычу. И тогда она во всеуслышаніе заявляетъ: „Это была жертва, принесенная имени“. И эта жертва освобождала аристократа отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ женѣ, отъ любви и даже уваженія, и часто уже въ самый день свадьбы. Жена—мѣщанка должна отнынѣ считать для себя великой честью, если одинъ или два раза забеременѣетъ отъ маркиза, графа или герцога, и что она носитъ его свѣтлѣйшее имя; этимъ часто исчерпываются всѣ супружескія отношенія

между ними. Впрочемъ, крупная буржуазія и не стоила иного обращенія. Презрѣніе, съ которымъ аристократія снова ставила на ея мѣсто мѣщанскую родню, нисколько не удерживало буржуазію усматривать свое высшее честолюбіе въ томъ, чтобы устраивать своихъ дочерей на феодальномъ ложѣ. Шамфоръ мѣтко замѣтилъ: „Мѣщанство по своей глупости считаетъ для себя честью превращать своихъ дочерей въ навозъ, удобряющій землю знатныхъ господъ".

Въ отличіе отъ дворянства и финансовой аристократіи среднее и мелкое мѣщанство не знало такого цинизма: въ этой средѣ коммерческій характеръ брака старательно спрятанъ подъ идеологическимъ покровомъ. Мужчина здѣсь обязанъ довольно продолжительное время ухаживать за невѣстой, обязанъ говорить только о любви, обязанъ заслужить уваженія дѣвушки, къ которой сватается, и выставить на показъ всѣ свои личныя достоинства, словомъ онъ долженъ завоевать ея любовь, доказывая ей, что онъ достоинъ этой любви. И также обязана поступать она.

Однако, и въ этихъ классахъ формальная свобода при бракосочетаніи не болѣе, какъ химера, и только близорукость можетъ не видѣть, что это такъ. Обоюдная любовь и взаимное уваженіе появляются почему-то только тогда, когда улажена коммерческая сторона дѣла. Ибо эта съ виду столь идеальная форма взаимнаго ухаживанія является въ конечномъ счетѣ ничѣмъ инымъ, какъ той идеологической формой, при помощи которой каждая изъ заинтересованныхъ сторонъ провѣряетъ правильность коммерческой сдѣлки. Въ означенныхъ кругахъ это сдѣлать нѣсколько труднѣе, чѣмъ тамъ, гдѣ состояніе опредѣляется деньгами, всѣмъ извѣстными цифрами или крупной земельной собственностью, допускающими такую формулировку, какъ: у насъ деньги, у васъ имя".

Чѣмъ ограниченнѣе къ тому же собственность, тѣмъ строже обѣ стороны должны совершить провѣрку, такъ какъ малѣйшая ошибка въ небольшихъ цифрахъ легко можетъ опрокинуть всю комбинацію. Наиболѣе цѣнимой мелкимъ мѣщанствомъ добродѣтелью является—бережливость. А только болѣе или менѣе про-

должительное наблюденіе можетъ выяснить съ достовѣрностью, бережливъ ли человѣкъ. Эта обстоятельная провѣрка и облекается въ форму взаимнаго ухаживанія. Мужчина доказываетъ свою солидность своею вѣрностью, дѣвушка—свои необходимыя хозяйскія способности —скромностью, преданностью, нравственностью и т. д. Убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу преобладанія въ данномъ случаѣ чисто матеріальныхъ мотивовъ служитъ, впрочемъ, то обстоятельство, что именно въ этихъ классахъ смотрятъ особенно косо на внезапно вспыхивающую страсть, на „любовь“ рождающуюся съ перваго же взгляда“ и съ перваго же момента своего возникновенія готовую связать на всю жизнь.

Такъ какъ въ мелкобуржуазномъ хозяйствѣ взаимное довѣріе играетъ такую большую роль, то идеологическая маскировка этой мелочной ариѳметической задачи была здѣсь также необходима, какъ она была ненужна на верху общественнаго зданія, и какъ самое довѣріе должно было простираться на мелочи, такъ и маскировка совершалось до мелочей. Немудрено поэтому, что не только сами исполнители этихъ ролей, или потомство принимали за правду то, что на самомъ дѣлѣ было только видимостью. Это смѣшеніе видимости съ дѣйствительностью не мѣшало, однако, тому, что у многихъ исполнителей этой роли видимость долго сходила за дѣйствительность. Доказательствомъ можетъ служить возникшій тогда и ставшій типическимъ идеалъ мѣщанскаго или филистерскаго брака, даже еще въ наше время считающійся вообще идеаломъ брака, а на самомъ дѣлѣ представляющій ничто иное какъ сексуальную идеологію скованной матеріальной зависимостью подданической психики — идеалъ, являющійся при болѣе внимательномъ взглядѣ самымъ жалкимъ идеаломъ брака, когда-либо существовавшимъ. Нигдѣ такъ часто и нигдѣ такъ искренно не ненавидѣли ту великую страсть, которая возноситъ человѣка къ небесамъ. Никогда здѣсь люди не уносились на крыльяхъ къ звѣздамъ блаженства и не низвергались въ пропасти отчаянія, а всегда старались итти шагъ за шагомъ по проторенной дорожкѣ. Все въ этомъ

идеалѣ мелочно, какъ его хорошія, такъ и его плохія стороны. Ни на порокъ, ни на добродѣтель этотъ идеалъ не способенъ. Въ этомъ весь секретъ столь прославленной нравственности столь прославленнаго филистерства: собака, у которой вырвали зубы, не можетъ, правда, кусаться, но и—защищаться.

Однако, даже и въ этихъ классахъ истинные мотивы брака сознавались очень ясно, т.-е. коммерческій характеръ сдѣлки ярко выступалъ каждую минуту. Если отдѣльныя личности и не хотѣли въ немъ признаться, то современные моралисты называли вещи своими именами. Въ своей „Атлантидѣ", появившейся въ началѣ XVIII в., мистриссъ Мэнли говоритъ: „Въ настоящее время люди уже не любятъ, любовь стала для нихъ средствомъ устраивать свои дѣла". Больше другихъ и откровеннѣе другихъ толковалъ объ этомъ, какъ и о многихъ другихъ вопросахъ, Абрагамъ а Санта Клара въ своей Lauberhütt: „Женись на ней, Иванушка: правда, она немного горбата, зато у нея ящикъ полонъ денегъ; сосѣдкина Варичка немного прихрамываетъ, зато имѣетъ домъ. Мариша крива на одинъ глазъ, зато второй покрытъ золотыми" и т. д.

О коммерческомъ характерѣ мелкобуржуазнаго брака наглядно свидѣтельствуютъ не только пессимистически настроенные моралисты, а еще болѣе убѣдительно другое современное явленіе, отнынѣ одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ по исторіи нравовъ—брачныя объявленія. Возникновеніе брачныхъ объявленій относится именно къ этому времени...

Впервые мы встрѣчаемся съ этимъ обычаемъ въ Англіи. Здѣсь раньше чѣмъ гдѣ бы то ни было осуществился процессъ капитализаціи жизни, здѣсь раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было всѣ явленія были сведены къ простой коммерческой сдѣлкѣ. Здѣсь къ тому же—подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ въ связи съ рано добытой политической свободой—раньше всего развилось до широкихъ размѣровъ газетное дѣло. Во второй половинѣ XVIII в. въ Англіи уже существовали еженедѣльники и газеты, расходившіеся въ количествѣ десяти, пятнадцати и двадцати тысячъ экземпляровъ.

Газета Daily Advertiser выходила уже въ 1779 году въ количествѣ двадцати тысячъ экземпляровъ.

Точной датой дня рожденія брачнаго объявленія является 19 іюля 1695 г. Именно въ этотъ день появились первыя такія объявленія въ Collection for Improvement of Husbanry and Trade Гоутона. Гоутонъ, именуемый „отцомъ объявленій", замѣчаетъ по этому поводу: „Я рѣшилъ анонсировать всевозможныя вещи, если онѣ не предосудительны, и между, прочимъ, помѣщаю и слѣдующія объявленія, которыя также непредосудительны и за которыя мнѣ хорошо платятъ". Эти первыя брачныя объявленія гласятъ:

„Джентльменъ, 30 лѣтъ отъ роду, объявляющій, что обладаетъ значительнымъ состояніемъ, желаетъ жениться на молодой дамѣ съ состояніемъ приблизительно въ 3000 ф. и готовъ заключить на этотъ счетъ соотвѣствующій контрактъ".

„Молодой человѣкъ, 25 лѣтъ, имѣющій прибыльное дѣло, отецъ котораго готовъ, сдѣлать стоющимъ 1000 ф. (Whose fatner will make him worth Pounds 1000) охотно вступилъ бы въ бракъ, соотвѣтствующій его положенію. Родители воспитали его въ диссидентской вѣрѣ и онъ отличается трезвымъ поведеніемъ".

Трудно было придумать болѣе удачный дебютъ для брачнаго объявленія, призваннаго сыграть въ дальнѣйшемъ такую важную роль въ исторіи нравовъ. Не прибѣгая ни къ какимъ уловкамъ, бракъ выставляется на глазахъ у всѣхъ простой коммерческой сдѣлкой. У человѣка есть деньги, онъ хочетъ получить еще денегъ, а такъ какъ третье лицо, издатель газеты, можетъ на такой комбинаціи заработать деньги, то онъ охотно протягиваетъ руку помощи. Сначала общественное мнѣніе отвѣтило взрывомъ моральнаго негодованія, которое продолжалось однако недолго, люди попривыкли и вскорѣ цинизмъ сталъ праздновать въ этой области впродолженіи цѣлаго столѣтія настоящія оргіи.

Объявленія эти отличались похвальною во всѣхъ отношеніяхъ откровенностью: подобно тому, какъ одни, не стѣсняясь, точно опредѣляли требовавшуюся сумму денегъ, такъ другіе, „достаточно бо-

гатые, чтобы въ нихъ не нуждаться", описывали детальнѣйшимъ образомъ физическія качества женщины, обладать которой они считали себя въ правѣ въ виду своего имущественнаго положенія. Зажиточный помѣщикъ, напр., ищетъ невѣсту, высокаго роста, и— главное—съ „полной, крѣпкой, бѣлой грудью". Другой проситъ являться только такихъ женщинъ, у которыхъ имѣется „крѣпкая (и не слишкомъ маленькая) грудь и большія Posteriora". Третій мечтаетъ о подругѣ, которая „въ часы супружескаго счастья говорлива и иными еще путями способна обнаружить свое удовольствіе". Четвертый предпочитаетъ „вдову съ хорошимъ аппетитомъ", а если у нея къ тому же „пышная грудь" доставляющая „одинаковое удовольствіе, какъ рукамъ, такъ и глазамъ", то ей можетъ быть и тридцать лѣтъ.

Можно было бы привести сотни такихъ примѣровъ, среди нихъ не мало и объявленій, сдѣланныхъ дамами. Хотя послѣднія, естественно, менѣе циничны, все же и среди нихъ находятся такія, которыя сообщаютъ не только о своемъ состояніи, но и о своихъ данныхъ, гарантирующихъ пріятныя половыя сношенія. Онѣ убѣждены, что „доставятъ мужчинѣ въ ихъ вкусѣ такое же наслажденіе, какое онѣ разсчитываютъ получить отъ него", что скромность позволяетъ имъ сказать о своихъ тѣлесныхъ качествахъ лишь то, что у нихъ имѣется какъ разъ то, что „мужчина расчитываетъ найти у хорошенькой женщины", и т. д.

Приблизительно въ срединѣ XVIII в. брачныя обявленія вошли въ моду во всѣхъ странахъ. Такъ какъ здѣсь, однако, газетное дѣло было развито гораздо меньше, чѣмъ въ Англіи, то часто прибѣгали къ помощи листковъ, разносимыхъ разносчиками на улицахъ. Хотя нѣмецкія брачныя объявленія и не такъ циничны въ характеристикѣ половаго момента, какъ многія англійскія, что объясняется мелко-буржуазнымъ характеромъ нѣмецкой жизни, нуждавшейся въ болѣе лицемѣрныхъ пріемахъ, но и они всѣ безъ исключенія обнаруживаютъ коммерческую основу брака. Всегда въ центрѣ стоитъ денежный вопросъ. Невѣста можетъ быть старой дѣвой или вдовой со многими дѣтьми, она мо-

жетъ исповѣдывать все равно какую религію, лишь бы у нея было болѣе или менѣе значительное состояніе.

Не рѣдко и „пятно на чести" упоминается въ этихъ брачныхъ объявленіяхъ. Одинъ тридцатилѣтній мужчина готовъ обращаться съ ребенкомъ отъ другого такъ, какъ будто онъ его дитя, если позорно покинутая мать обладаетъ капиталомъ, достаточнымъ, чтобы разъ навсегда поправить его мелочную торговлю. Забота о грозящемъ ей позорѣ часто побуждаетъ и дѣвушку-мѣщанку прибѣгнуть къ помощи брачнаго объявленія. „Молодая, красивая особа,—говорится въ одномъ такомъ листкѣ,—слишкомъ поспѣшно довѣрившаяся обѣщаніямъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ порядочнаго молодого человѣка и находящаяся въ положеніи, заслуживающемъ всяческаго снисхожденія", желаетъ какъ можно скорѣе выйти замужъ, но въ другомъ городѣ за мужчину, которому приданое въ двадцать двѣ тысячи гульденовъ было бы достаточнымъ возмѣщеніемъ за то, что онъ дастъ свое имя ребенку, „обязанному своимъ происхожденіемъ наивной, но честной довѣрчивости".

Подводя итоги, мы должны сказать, что подобно тому, какъ флиртъ находилъ свое высшее выраженіе въ офиціальномъ институтѣ lever, такъ коммерческій характеръ брака нашелъ свое классическое выраженіе въ брачномъ объявленіи. Это, въ самомъ дѣлѣ, та форма, въ которой условный характеръ брака нашелъ свое относительно наиболѣе яркое воплощеніе.

Необходимо здѣсь упомянуть еще объ одной бросающейся въ глаза специфически англійской чертѣ, а именно о легкости бракосочетанія и обусловленныхъ ею многочисленныхъ послѣдствіяхъ. Хотя бракъ и теперь еще совершается въ Англіи очень просто, настоящее не выдерживаетъ въ этомъ отношеніи никакого сравненія съ прошлымъ, когда не требовалось рѣшительно никакихъ гарантій. Не нужно было ни бумагъ ни какихъ-нибудь другихъ справокъ. Было достаточно простого объявленія о желаніи вступить въ бракъ, сдѣланнаго облеченному въ права административнаго лица священнику, чтобы бракъ былъ совершенъ все равно гдѣ, въ гостиницѣ, или въ церкви.

Нѣмецкая карикатура на кринолинъ.

Нѣмецкая карикатура на модныя прически.

Бушэ: **Легкомысленная любовь.**

Въ написанномъ Даніиломъ Дефо жизнеописаніи авантюристки Moll Flanders, такой типическій случай изображенъ очень наглядно. Жизнерадостная дама условилась свидѣться съ своимъ возлюбленнымъ въ Стрэтфордѣ. Случайно онѣ встрѣтились нѣсколькими станціями раньше и послѣ веселой ночи было рѣшено сейчасъ же отпраздновать свадьбу, чтобы имѣть возможность провести въ этомъ хорошенькомъ мѣстечкѣ еще нѣсколько такихъ же пріятныхъ ночей. Рано утромъ зовутъ почтеннаго трактирщика и поручаютъ ему немедленно же пригласить мѣстнаго священника.

„Онъ отправился и привелъ священника. Это былъ очень веселый господинъ и ему, вѣроятно, уже разсказали, что мы встрѣтились здѣсь почти случайно, что я пріѣхала въ почтовой каретѣ изъ Уэстъ-Честера, а онъ изъ Лондона на собственныхъ лошадяхъ, что мы должны были встрѣтиться собственно только въ Стрэтфордѣ. Потому что священникъ, пожавъ мнѣ руку, замѣтилъ обычнымъ для него веселымъ голосомъ: „Вотъ видите, сударыня, всякая непріятность имѣетъ свою хорошую сторону. Васъ постигла непріятность, что вы не встрѣтились въ назначенномъ мѣстѣ. А мнѣ на долю выпала пріятность совершить ваше бракосочетаніе. Если бы вы встрѣтились въ Стрэтфордѣ, то эта пріятная обязанность выпала бы на долю моего коллеги. Итакъ, господинъ трактирщикъ, найдется у васъ Священное Писаніе?..“

„Что вы!—вознегодовала я.—Вы хотите насъ обвѣнчать въ гостиницѣ, да еще почти ночью?“

„Сударыня!—возразилъ священникъ.—Если вы хотите пойти въ церковь, то я могу обвѣнчать васъ и тамъ. Но, по-моему, здѣсь уютнѣе. Могу васъ увѣрить, что бракъ вашъ будетъ такимъ же законнымъ, какъ если бы бракосочетаніе состоялось въ церкви. Каноническія предписанія вовсе не требуютъ, чтобы мы, священники, вѣнчали непремѣнно въ церкви, а время и совсѣмъ безразлично. Наши государи, напр., часто вѣнчаются въ своихъ покояхъ и часто въ 8, 9, 10 часовъ вечера“.

Я не сразу позволила убѣдить себя, а продолжала дѣлать видъ, что хочу вѣнчаться непремѣнно въ церкви. Само собою понятно, что съ моей стороны это была простая комедія. Подъ конецъ я, конечно,

уступила, и трактирщикъ позвалъ жену и дочь, исполняя въ одномъ лицѣ обязанности писаря, кистера и свидѣтеля".

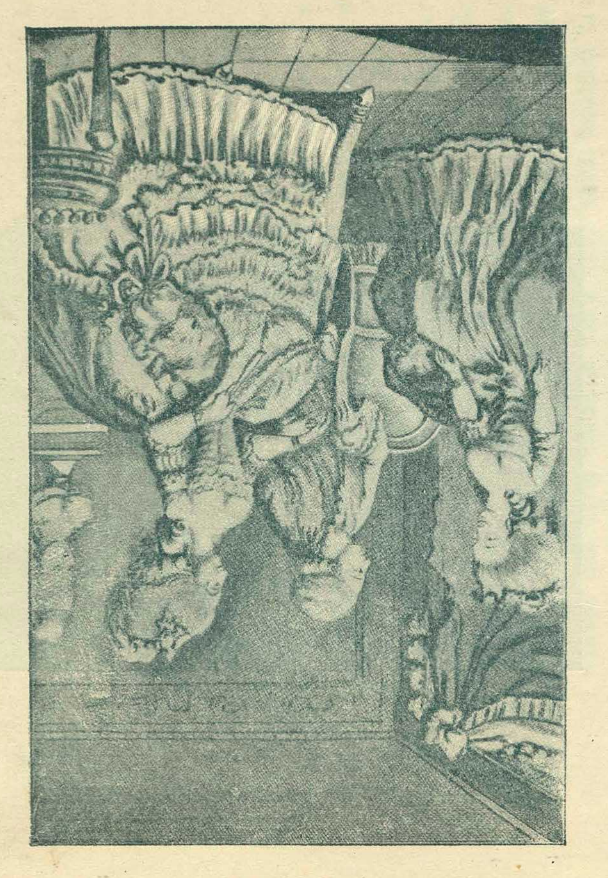
Не менѣе характернымъ доказательствомъ той легкости, съ которой тогда въ Англіи совершался бракъ, являются такъ называемые Fleet-marriages. Какъ замѣчаетъ Фанни Левальдъ въ своей книгѣ „Англія и Шотландія", эти браки получили свое названіе отъ темницы Fleet въ лондонскомъ участкѣ Fleet Ditch, гдѣ они совершались.

„Еще въ началѣ XVIII в. передъ указанной тюрьмой взадъ и впередъ расхаживалъ человѣкъ и спрашивалъ проходившихъ „не желаете ли вѣнчаться", подобно тому, какъ теперь на площадяхъ зазыватели приглашаютъ публику посѣтить звѣринецъ или музей восковыхъ фигуръ. Надъ дверью висѣла вывѣска, изображавшая мужчину и женщину, протянувшихъ другъ другу руку, и исполнявшій требы священникъ вѣнчалъ каждую желавшую пару за нѣсколько пенсовъ. Въ 1704 г. такимъ образомъ обвѣнчались впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ почти три тысячи паръ".

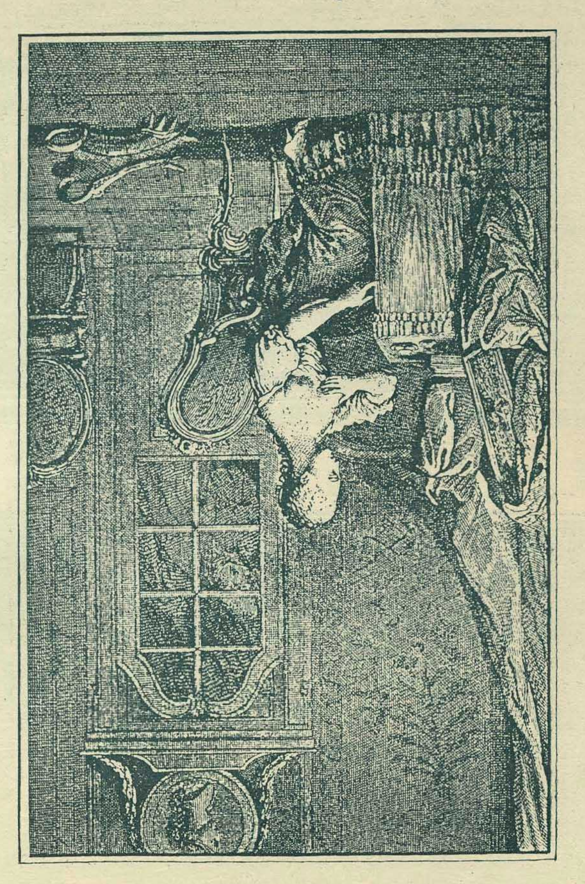
Романтическимъ прославленіемъ этой легкости бракосочетанія въ Англіи служитъ еще до сихъ поръ незабытая басня о кузнецѣ изъ Гретна-Гринъ, судя по которой вѣнчать могъ даже не священникъ, а кузнецъ. На самомъ дѣлѣ и въ такихъ случаяхъ рѣчь идетъ о священникѣ, правда, весьма сомнительной пробы.

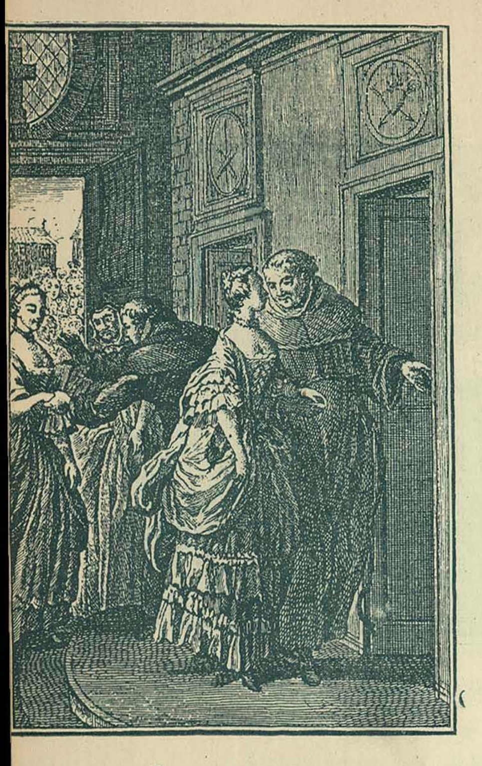
Если главная причина, побуждавшая англійское общество не затруднять легкость совершенія брака, коренилась въ желаніи помѣшать позорящему христіанское государство пороку добрачныхъ половыхъ сношеній, если высоко развитая въ Англіи политическая свобода создала для этого удобную почву, то съ другой стороны нельзя отрицать, что множество подобныхъ браковъ служило лишь маской для разврата. Подобные браки вошли въ обычай, такъ какъ позволяли людямъ, не заботившимся о послѣдствіяхъ и думавшимъ только о мимолетномъ наслажденіи, сходиться, не боясь назойливыхъ пересудовъ и контроля благочестивыхъ. По этой причинѣ такія браки существовали и на континентѣ, хотя здѣсь они и были обставлены болѣе сложными обрядами. Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются

Визитъ.

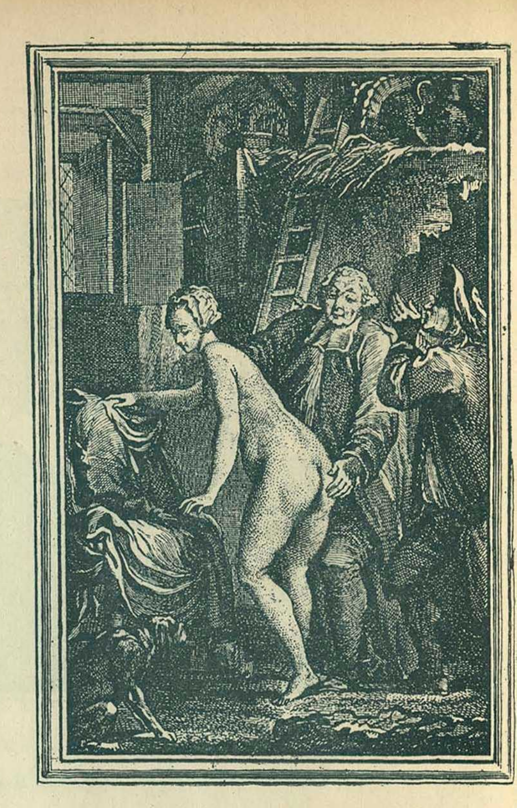

Эйзенъ: Онъ подсматриваетъ.

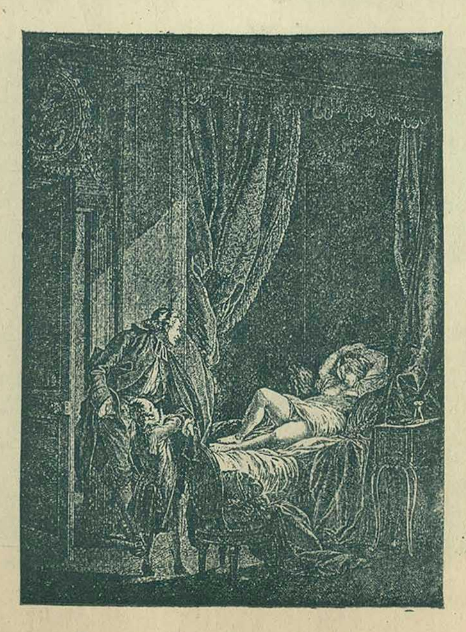

Въ монастырѣ.

Иллюстрація къ Лафонтену.

Бодуэнъ: Нескромный аббатъ.

у насъ о Берлинѣ и Вѣнѣ. Въ Wiener. Galanterien говорится о Вѣнѣ:

„Бракъ не есть обязательство для мужа и жены помогать другъ другу, удовлетворять свои потребности, производить дѣтей, содержать и воспитать ихъ полезными для государства гражданами. Нѣтъ, бракъ есть просто свобода дѣлаетъ все, что угодно, онъ ключъ къ вратамъ свѣтской жизни, обмѣнъ добродѣтели и замкнутости на порокъ и свободу. Здѣсь вступаютъ въ бракъ только для того, чтобы молодой человѣкъ получилъ возможность спокойно и безнаказанно провести нѣсколько недѣль съ женой въ комнатѣ и спать съ ней на одной постели“.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія вещей должны были бы быть частые разводы. Они въ самомъ дѣлѣ были очень часты, напр. въ Берлинѣ. Довольно обычнымъ явленіемъ былъ разводъ и въ Англіи. Здѣсь впрочемъ рѣчь идетъ исключительно объ имущихъ классахъ, такъ какъ разводъ стоилъ такъ же дорого, какъ свадьба—дешево. Разводъ предполагалъ сложную судебную процедуру, для которой приходилось нанимать дорогихъ адвокатовъ.

Но даже имущіе классы въ Англіи очень часто отказывались отъ развода, такъ какъ мужъ долженъ былъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ вернуть приданое жены, даже въ томъ случаѣ, если вина была на ея сторонѣ. Если въ имущихъ классахъ супруги поддерживали видимость брака, причемъ каждая сторона жила, какъ хотѣла, то въ болѣе бѣдныхъ классахъ, дѣло завершалось финаломъ, имѣвшимъ для уровня общей нравственности самыя печальныя послѣдствія: супруги часто расходились также просто, какъ и сходились. Это значитъ: въ большинствѣ случаевъ мужъ бросалъ жену, когда расходы по покрытію общаго хозяйства становились слишкомъ обременительными.

Число брошенныхъ съ злостнымъ намѣреніемъ женъ было огромно и, разумѣется, въ такихъ случаяхъ страдательной стороной всегда была женщина. Обыкновенно дѣти оставались при ней. Отъ грозящей голодной смерти дѣтей спасалъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ воспитательный домъ, а мать—проституція, если только ей не пред-

ставлялся случай сойтись съ другимъ, что, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ было лишь другой формой проституціи.

Подобное положеніе вещей имѣло еще одно печальное послѣдствіе. Легкость вступленія въ бракъ въ связи съ трудностью легальнаго развода привели къ страшному росту случаевъ бигаміи. Что въ настоящее время не болѣе какъ индивидуальный случай, было тогда въ Англіи въ низшихъ классахъ обычнымъ явленіемъ.

Такъ какъ въ низшихъ классахъ бракъ былъ для мужчины часто не болѣе какъ успѣшнымъ средствомъ соблазнить дѣвушку, то сотни жили не только въ двоеженствѣ, но даже въ троеженствѣ. Въ особенности о коммерсантахъ, которыхъ профессія заставляла то и дѣло переходить съ мѣста на мѣсто, говорилось, что у большинства имѣется „легальная" жена въ каждомъ городѣ, гдѣ они останавливаются на болѣе или менѣе продолжительное время. Если такимъ образомъ бигамія была удобнѣйшей формой беззастѣнчиваго удовлетворенія половой потребности, то она была кромѣ того и источникомъ обогащенія. И нужно думать, что въ большинствѣ случаевъ она была использована именно, какъ средство забрать въ свои руки состояніе дѣвушки или женщины. Даже такія суровыя наказанія, какъ повѣшеніе или ссылка, которыми каралось двоеженство, не смогли справиться съ этимъ зломъ и только доказываютъ, насколько оно было распространено.

Въ связи съ этими обычаями необходимо упомянуть еще объ одной особенности англійской жизни, которая можетъ показаться невѣроятной, которая производитъ впечатлѣніе скорѣе грубой масляничной шутки, чѣмъ реальной дѣйствительности, и которая тѣмъ не менѣе засвидѣтельствована множествомъ неопровержимыхъ документовъ. Мы говоритъ о практиковавшейся въ низшихъ классахъ Англіи продажѣ женъ—обычаѣ, существовавшемъ еще и въ XIX в., такъ какъ подобные достовѣрные факты упоминаются еще въ 1884 г. Во второй половинѣ XVIII в. въ началѣ XIX в. такіе случаи особенно часто повторялись.

Въ своихъ англійскихъ лѣтописяхъ, въ томѣ, посвященномъ 1790 г., Архенхольцъ говоритъ: „Никогда такъ часто не продавали

женъ, какъ теперь". А въ томѣ, относящемся къ 1796 г.: „Продажа женъ въ средѣ низшихъ классовъ практиковалась такъ усердно, какъ никогда раньше". Здѣсь рѣчь идетъ о правѣ мужа продавать съ аукціона жену, отъ которой онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ хотѣлъ отдѣлаться. Что подобные случаи были не исключеніемъ, а обычными явленіями, лучше всего доказываетъ то обстоятельство, что продажа женъ обыкновенно происходила въ дни ярмарокъ, и что газеты среди цѣнъ на свиней, овецъ и рогатый скотъ помѣщали и цѣны на женщинъ.

Въ газетѣ Times отъ 12 іюля 1797 г. въ отдѣлѣ, посвященномъ смитфильдской ярмаркѣ, говорится:

„Благодаря случайному недосмотру или сознательному упущенію въ отдѣлѣ о смитфильдской ярмаркѣ мы лишены возможности сообщить цѣну на женщинъ. Многіе выдающіеся писатели усматриваютъ въ возрастаніи цѣнъ на прекрасный полъ вѣрный признакъ развитія цивилизаціи. Въ такомъ случаѣ Смитфильдъ имѣетъ полное право считаться очатомъ прогресса, такъ какъ на рынкѣ недавно эта цѣна поднялась съ полгинеи до трехъ съ половиной".

По словамъ Е. Дюрена, впервые доказавшаго массой данныхъ существованіе этого обычая въ своей содержательной книгѣ о половой жизни въ Англіи, эта продажа женъ отличалась чрезвычайно грубыми пріемами и была чрезвычайно унизительна для несчастной женщины. Онъ замѣчаетъ:

„Обыкновенно мужъ приводилъ жену, на шею которой была накинута веревка, въ день ярмарки на площадь, гдѣ продавали скотъ, привязывалъ ее къ бревну и продавалъ въ присутствіи необходимаго числа свидѣтелей тому, кто давалъ больше другихъ. Судебный разсыльный или другой какой нибудь невысокій судебный чинъ, а часто самъ мужъ устанавливалъ цѣну, рѣдко превышавшую нѣсколько шиллинговъ, мужъ отвязывалъ жену и водилъ за веревку по площади. Народъ называлъ такого рода торгъ the hornmarket (ярмарка рогатаго скота). Покупателями обычно являлись вдовцы или холостяки. Женщина становилась послѣ такой продажи законной женой покупателя, а ея дѣти отъ этого новаго брака считались

также законными. Тѣмъ не менѣе мужья иногда послѣ покупки настаивали на вѣнчаніи въ церкви".

По нашему мнѣнію мы здѣсь имѣемъ передъ собой вовсе не продажу женъ въ строгомъ смыслѣ слова, какъ думаютъ многіе писатели, т. е. пережитокъ варварскаго прошлаго. Уже по одному тому, что случаи продажи отцемъ дочерей чрезвычайно рѣдки, и потому, что бывали также случаи продажи мужей женами. Нѣтъ, здѣсь рѣчь идетъ о послѣдствіи вышеописанной легкости вступленія въ бракъ. Подобная продажа замѣняла, вѣроятно, въ низшихъ классахъ слишкомъ дорого стоившій разводъ. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что мѣновая цѣна, не превышавшая, какъ намъ достовѣрно извѣстно, нѣсколько шиллинговъ, была не болѣе, какъ символомъ того, что мужчина или женщина отказываются отъ всѣхъ своихъ супружескихъ правъ другъ на друга.

Такъ какъ этотъ символъ выражался въ видѣ цифры, то и этотъ обычай становится характернымъ документомъ въ пользу денежной основы тогдашняго брака. Бракъ даетъ „права собственника", а въ случаѣ развода, супруги отказываются отъ своей „собственности".

Такъ какъ абсолютизмъ былъ не органическимъ образованіемъ, а лишь политической возможностью, обусловленной опредѣленнымъ уровнемъ развитія буржуазіи, то и его житейская философія не отличалась самостоятельностью. Абсолютизмъ просто шелъ въ хвостѣ у буржуазіи, доводя, впрочемъ, благодаря покоившейся въ его рукахъ власти ея тенденціи до смѣшнаго преувеличенія, чтобы хотя бы такимъ путемъ отличиться отъ нея.

Характерный для абсолютизма пресловутый эпикуреизмъ былъ поэтому чисто буржуазной философіей. Въ своей великолѣпной книгѣ объ этикѣ К. Каутскій обосновалъ ясно и сжато это положеніе. Онъ говоритъ тамъ:

„Жизнерадостность и жажда наслажденія восходившей буржуазіи, по крайней мѣрѣ ея наиболѣе передовыхъ элементовъ, въ особенности же ея интеллигенціи, почувствовали себя тогда (т. е. въ

Врагъ у порога.

59

эпоху абсолютизма Э. Ф.) достаточно окрѣпшими, чтобы выступить совершенно открыто, и сбросить съ себя всѣ лицѣмерные покровы, которые были ей навязаны господствовавшимъ христіанствомъ. И какъ ни жалко было во многихъ отношеніяхъ настоящее, восходившая буржуазія все же чувствовала, что лучшая часть дѣйствительности, а именно будущее, принадлежитъ ей и она сознавала себя настолько сильной, чтобы превратить долину скорби въ рай, гдѣ людямъ будетъ предоставлена свобода слѣдовать своимъ инстинктамъ. Въ природѣ и въ инстинктѣ усматривали ея мыслители зародыши не зла, а добра. Это новое направленіе мысли нашло очень благодарную публику не только среди наиболѣе передовыхъ слоевъ буржуазіи, но и среди придворной знати, завоевавщей себѣ такую власть въ государствѣ, что также считала возможнымъ отдаться наслажденію безъ всякихъ лицемѣрныхъ фразъ, тѣмъ болѣе, что она была теперь отдѣлена отъ черни глубокой пропастью. Знать относилась къ мѣщанину и крестьянину, какъ къ существамъ низшей породы, которымъ ея философія и недоступна и непонятна, такъ что она могла ее свободно развивать, не боясь, ослабить тѣмъ христіанскую религію и этику,—эти средства ея соціальнаго господства".

На этомъ основаніи жизненные идеалы крупной буржуазіи и придворной знати тогда постоянно встрѣчались и оба класса представляются историку одинаково извращенными. Этотъ новый эпикуреизмъ ярче всего обнаруживался въ представленіяхъ обоихъ классовъ о бракѣ, а эти послѣднія лучше всего обнаруживаются въ измѣненіи положенія женщины.

Если въ древней Греціи женщина должна была стать сначала гетерой, чтобы имѣть возможность быть женщиной, то теперь она стала въ средѣ какъ придворной знати, такъ и крупной буржуазіи женою, чтобы имѣть возможность быть гетерою. Впрочемъ, подъ этимъ словомъ не слѣдуетъ подразумѣвать идеальную фигуру, и менѣе всего гордую представительницу свободной любви, которой иногда, по крайней мѣрѣ, была гетера въ классической Греціи.

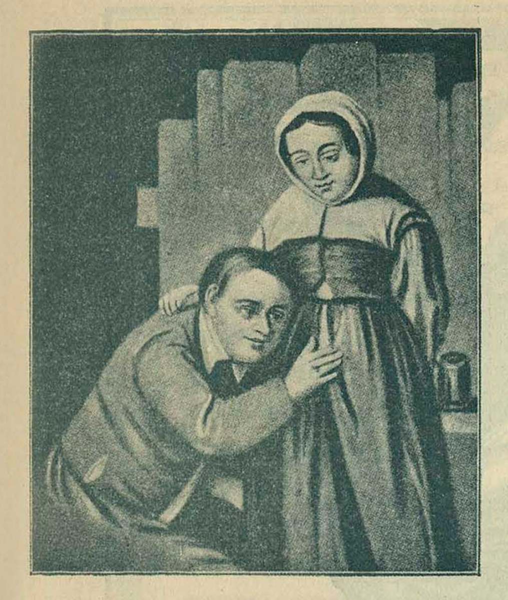
Въ единобрачіи главной проблемой брака всегда является—

взаимная вѣрность. Исторически правильная оцѣнка брака въ рамкахъ извѣстной эпохи зависитъ, однако, не столько отъ числа уклоненій отъ закона вѣрности, сколько отъ отношенія данной эпохи къ адюльтеру. Важно здѣсь знать, является ли онъ привилегіей мужа, обнаруживается ли въ учащающихся случаяхъ невѣрности женщины ея стремленіе къ самостоятельности, допускается ли обоюдная невѣрность тайкомъ и осуждается только офиціально, является ли она, наконецъ, даже офиціальнымъ обычаемъ, признакомъ хорошаго тона. Если всѣ эти различныя оцѣнки вытекаютъ прежде всего изъ разныхъ потребностей отдѣльныхъ классовъ, если всѣ онѣ поэтому обыкновенно существуютъ бокъ-о-бокъ въ каждую отдѣльную эпоху, то все же—какъ мы не разъ уже подчеркивали—каждая эпоха имѣетъ свою особо характерную черту, такъ какъ она выстраивается на одномъ какомъ-нибудь главномъ экономическомъ законѣ, порождающемъ всегда совершенно опредѣленныя главныя линіи (См. I томъ нашей Исторіи нравовъ, главу: Происхожденіе и сущность нравственности).

Тѣмъ не менѣе и здѣсь отправной точкой должны быть цифры. Необходимо поэтому прежде всего констатировать, что адюльтеръ былъ въ эпоху стараго режима въ господствующихъ классахъ всецѣло на очереди дня, что, подобно добрачнымъ половымъ сношеніямъ, онъ былъ поистинѣ массовымъ явленіемъ и что онъ совершался женщиной относительно такъ же часто, какъ и мужчиной. Если эпоха стараго режима значительно отличается отъ эпохи Ренессанса только въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, то необходимо, съ другой стороны, подчеркнуть, что обѣ эпохи тѣмъ болѣе отличаются другъ отъ друга по формѣ, т.-е. по мотивамъ. Въ вѣкъ стараго режима адюльтеръ вытекаетъ не изъ пробуждавшейся индивидуальной половой любви, не былъ онъ и разнузданнымъ исполненіемъ закона природы, часто безсознательно опрокидывавшимъ имъ же созданныя границы, онъ былъ просто проблемой развлеченія, развратомъ, какъ самоцѣлью. Адюльтеръ также относится къ программѣ раффинированнаго наслажденія, какъ уже описанное количествен-

Вольфъ: **Галантная гравюра.**

Нѣмецкая галантная гравюра.

Влюбленный голландецъ. Англійская гравюра.

Трость: Право господина.

Буалли: „Защити меня“.

ное усиленіе сладострастія: онъ только одно изъ многихъ удовольствій.

Такъ какъ разнообразіе—высшій законъ наслажденія, то прежде всего, разнообразятъ предметъ любви. „Какъ скучно, каждую ночь спать съ той же женщиной!"—говоритъ мужчина и также философствуетъ женщина. Въ любви также только новизна обаятельна. „Въ любви интересно только начало и потому такъ пріятно начинать все сызнова",—пишетъ одна знатная дама, мотивируя частую смѣну любовниковъ. Подобная философія логически завершается слѣдующимъ тезисомъ: „Только любовникъ позволяетъ мириться съ бракомъ" и „наиболѣе счастливыми бываютъ тѣ женщины, въ спискѣ которыхъ значится наибольшее количество мужчинъ". И эти тезисы провозглашаются совершенно открыто.

Нѣкій господинъ де Буссъ заявляетъ: „Вѣрность дѣлаетъ женщинъ глупыми". Подобная философія возводитъ адюльтеръ въ правило для всѣхъ, существованіе которыхъ онъ не слишкомъ задѣваетъ.—И знатоки подтверждаютъ это: „Каждая жена хоть разъ измѣнила мужу съ другимъ". Если же жена не измѣнила, то „не потому что хотѣла остаться вѣрной, а потому, что не было удобнаго случая, совершить невѣрность". Принцъ де Линь писалъ: „Самая цѣломудренная женщина найдетъ своего покорителя, она цѣломудрена, только потому, что онъ еще не явился". А такъ какъ въ эту эпоху все—поза, то существуетъ и поза невѣрной жены „пока жена еще не нашла своего побидѣтеля, она позируетъ въ роли соблазненной жены, подобно тому, какъ во всѣ времена мужчина позировалъ въ роли удачника—совратителя". Такова логика вещей, находящая свое завершеніе въ положеніи: не мужъ, а любовникъ высшая слава дамы.

Супружеская вѣрность поэтому смѣшна. Любить мужа или жену считается нарушеніемъ хорошаго тона. Такая любовь разрѣшается только въ первые мѣсяцы брачной жизни, ибо потомъ обѣ стороны уже не въ состояніи „дать другъ другу что-нибудь новое". Болѣе продолжительная любовь считается въ этихъ кругахъ признакомъ

ротюры. Въ появившихся въ 1755 г. въ Лондонѣ письмахъ къ англійской дамѣ говорится:

„Ужели это такъ! Прошло шесть мѣсяцевъ, съ тѣхъ поръ, какъ васъ связало таинство, а вы еще любите своего мужа? Ваша модистка тоже неравнодушна къ своему мужу, но вы же—маркиза... Почему вы такъ разсѣяны, когда мужа нѣтъ, почему вы такъ наряжаетесь, когда онъ вовращается... Прочтите уставъ нарядовъ и украшеній и вы увидите, что женщина наряжается и украшается для любовника, для свѣта или для себя. А недавно, что вы надѣлали? Лошади были поданы, чтобы васъ отвезти въ театръ? А вы ждали мужа, да еще французскаго мужа? Долго ли вы еще намѣрены соблюдать такую сдержанность, столь мало приличествующую замужней женщинѣ? Кавалеръ заявляетъ вамъ, что вы красивы, а вы краснѣете! Откройте же, наконецъ, ваши глаза! Здѣсь дамы краснѣютъ только подъ кистью художника. Право же, сударыня, вы рискуете потерять вашу репутацію“.

Правда, урокъ здѣсь дается въ ироническомъ тонѣ, но подъ этой сатирической формой „скрывается весь нравственный кодексъ эпохи, сокровенная сущность ея обычаевъ, идеалъ ея общественныхъ модъ“.

Первый совѣтъ, который предподносится молодой женщинѣ со всѣхъ рѣшительно сторонъ, гласитъ: „Милочка, вы должны взять себѣ любовника“. Неопровержимыми доводами стараются доказать необходимость такого шага и среди нихъ наиболѣе убѣдительнымъ является тотъ, о которомъ мы уже выше говорили: „любовникъ лучшій и потому необходимый путеводитель въ царство истинныхъ радостей любви“. Порой даже самъ мужъ даетъ женѣ этотъ превосходный совѣтъ. Ибо мужъ, въ объятія котораго родители бросали молодую дѣвушку, былъ далеко не всегда, какъ мѣтко замѣтили братья Гонкуры, противнымъ супругомъ, неуклюжимъ финансистомъ, старичкомъ, а обыкновенно „очаровательнымъ молодымъ человѣкомъ въ духѣ эпохи, отшлифованнымъ и изящнымъ, не обнаруживавшимъ ни характера, ни способностей, легкомысленнымъ, вѣтреннымъ, словно насыщеннымъ легкимъ воздухомъ вѣка, суще-

ствомъ фривольнымъ, посвящавшимъ свою жизнь праздности и разсѣянности“.

Между мужемъ и благожелательной подругой въ этомъ отношеніи только одна разница. Если послѣдняя являлась съ своимъ совѣтомъ уже въ первыя недѣли брачной жизни, то мужъ давалъ его лишь послѣ того, какъ „покончилъ“ съ женой, какъ „покачивалъ“ онъ по очереди со всѣми женщинамъ, бывшими его временными любовницами, и когда у него вновь являлось желаніе заглянуть въ чужой садъ. Въ этой фазѣ онъ находилъ тѣ слова, съ которыми одинъ знакомый г-жи д'Эпинэ обратился къ своей женѣ: „Вы должны развлечься. Посѣщайте общество, заведите себѣ любовниковъ, живите, какъ живутъ всѣ женщины нашей эпохи“. И эпоха находитъ, что именно эти мужья обращаются съ своими женами, какъ истинные товарищи.

Въ литературѣ этотъ типъ лучше всего обработанъ въ Contes moraux Мармонтеля. Такой благоразумный и добрый супругъ дѣлаетъ своей женѣ, когда имъ становится скучно вдвоемъ, слѣдующее предложеніе:

„Сударыня, цѣль брака состоитъ въ томъ, чтобы другъ друга дѣлать счастливыми. Мы же не счастливы вдвоемъ. Безполезно гордиться постоянствомъ, которое обоихъ насъ тяготитъ. Мы настолько богаты каждый, чтобы не нуждаться одинъ въ другомъ. Мы могли бы поэтому вернуть себѣ свободу, которой мы такъ неблагоразумно пожертвовали одинъ въ угоду другому. Живите, какъ хотите, а я буду жить, какъ хочу я!“

А тамъ, гдѣ мужъ не говоритъ женѣ прямо, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, если она обзаведется любовникомъ, она должна это понять по той деликатности, съ которой онъ не ограничиваетъ ея свободу въ общеніи съ другими мужчинами.

Большинство женщинъ прекрасно оцѣниваетъ этотъ умный совѣтъ, все равно, отъ кого бы онъ ни исходилъ. Лэди Монтэги говоритъ о Вѣнѣ, что „каждая знатная дама имѣетъ своего чичисбея, что эти отношенія настолько же извѣстны, насколько и само собой понятны и всѣми уважаются“. Въ своихъ мемуарахъ графъ

Тилли говоритъ о маркизѣ Жанлисъ: „Даже когда ему было пятьдесять лѣтъ онъ ухаживалъ за красавицами и ничего не имѣлъ противъ того, чтобы и его жена не разыгрывала неприступную".

И подобно тому, какъ мужъ à la mode ничего не имѣетъ противъ любовника жены, такъ она ничего не имѣетъ противъ любовницъ мужа. Никто не вмѣшивается въ чужую жизнь и всѣ живутъ въ дружбѣ. Мужъ является другомъ любовника жены и повѣреннымъ ея бывшихъ симпатій; жена—подруга любовницъ мужа и утѣшительница тѣхъ, которымъ онъ далъ отставку. Мужъ не ревнуетъ, жена освобождена отъ супружескаго долга, безпечность—добродѣтель мужчинъ. Только одного требуетъ общественная мораль отъ него и отъ нея, главнымъ образомъ, конечно, отъ нея: соблюденія внѣшняго декорума. Послѣднее заключается отнюдь не въ томъ, чтобы на глазахъ у всѣхъ симулировать вѣрность, а только въ томъ, чтобы не давать свѣту никакихъ явныхъ доказательствъ противнаго.

Всѣ имѣютъ право все знать, но никто не долженъ быть свидѣтелемъ. Влюбленные обязаны удовольствоваться косвеннымъ объявленіемъ о своихъ обоюдныхъ успѣхахъ. И они дѣлаютъ это какъ можно болѣе недвусмысленно, что также считается признакомъ bon ton'а. Желая объявить свѣту о томъ, что онъ добился у той или другой дамы роли осчастливленнаго любовника, фаворитъ заставляетъ по цѣлымъ часамъ или днямъ свою карету ждать передъ ея домомъ. А дама, приказываетъ въ тотъ день, когда она впервые готова офиціально оказать свою благосклонность новому любовнику, покрыть на ночь мостовую соломой и поднимаетъ жалюзи спальни не раньше двѣнадцати часовъ. И, чтобы подчеркнуть своей позой успѣхъ и влюбленность офиціальнаго поклонника, она впродолженіи нѣсколькихъ дней подрисовываетъ подъ глазами черные круги, придаетъ лицу переутомленный видъ и устраиваетъ lever не иначе, какъ лежа въ постели. Всѣ ея друзья и подруги привѣтствуютъ ее въ эти дни восклицаніемъ: „Боже! Какъ вы переутомлены!"

Разумѣется, никогда не забываютъ при этомъ, чѣмъ каждый обязанъ своему положенію. Когда нѣкій лордъ Аберконъ узналъ,

Буальи: **Нѣжное сопротивленіе.**

что его жена убѣжала съ любовникомъ, онъ немедленно же послалъ имъ свою коляску, находя неприличнымъ, чтобы его жена путешествовала въ простой наемной каретѣ. Первой обязанностью мужа въ такихъ случаяхъ была по мнѣнію свѣта: выдержка. Ее онъ долженъ сохранять и въ самые критическіе моменты. И мужья порой достигали въ этомъ отношеніи мастерства. Нѣкая г-жа де Мереваль готова отдаться своему любовнику, молодому офицеру, въ тотъ самый моментъ, когда въ комнату входитъ мужъ. И спокойнымъ тономъ, совершенно не волнуясь, г-нъ де Мереваль говоритъ женѣ: „Какъ вы неосторожны, сударыня. Представьте, что вошелъ бы кто-нибудь другой". И онъ покидаетъ комнату. Но и г-жа Мереваль отличалась по-своему выдержкой. „Не успѣлъ ея мужъ покинуть комнату, какъ она несмотря на помѣху, безпокойство и малую опытность партнера принудила его окончить то, чему помѣшалъ приходъ ея вѣжливаго мужа". Кто умѣетъ такимъ образомъ сохранять выдержку даже въ самые критическіе моменты, тому всѣ „обладающіе хорошимъ вкусомъ" восторженно аплодируютъ.

Графъ Таваннъ, почетный кавалеръ королевы Маріи-Антуанетты, выразился также хладнокровно, когда увидѣлъ жену въ объятіяхъ другого почетнаго кавалера королевы, господина де Монморанси. И когда при дворѣ стала извѣстна хладнокровная сдержанность графа, то Тилли занесъ въ свой дневникъ слова: „Вотъ это я называю невозмутимостью. Вотъ настоящія манеры"... „Если же мужъ ревнуетъ жену, хотя она и соблюдала внѣшнее приличіе, то такой поступокъ считается невоспитанностью". Въ Dialogues moreaux d'un petit—maitre philosophe говорится.

„Если у жены есть „кое-кто", то это для мужа только тогда несчастіе, если оно происходитъ со скандаломъ. Если же соблюдается видимость, если жена поступаетъ осторожно и публично позволяетъ себѣ по отношенію къ любовнику только то, на что ее уполномочиваетъ само общество, словомъ, если, несмотря на всю очевидность доказать ничего нельзя, то мужъ дуракъ, если сердится".

Такимъ глупцомъ былъ, напр., маркграфъ Генрихъ-Прусскій. И смѣются не надъ его несчастіемъ рогатаго мужа, а только надъ

его глупостью. Нѣкій дворянинъ Клейстъ пишетъ въ 1751 году своему другу, прусскому барду Глейму: „Вы, вѣроятно, уже слыхали о приключеніи маркграфа Генриха. Онъ послалъ свою жену въ имѣніе и хочетъ съ ней развестись, такъ какъ нашелъ у нея въ постели принца Гольштинскаго... Маркграфъ поступилъ бы умнѣе, если бы замолчалъ эту исторію вмѣсто того, чтобы оглашать ее на весь Берлинъ. Къ тому же не слѣдовало бы принимать такъ близко къ сердцу столь невинную вещь, особенно, если у самого имѣются грѣшки. Въ бракѣ рано или поздно должно наступить пресыщеніе и мужъ и жена неизбѣжно должны кончить измѣной, такъ какъ ихъ окружаетъ столько достойныхъ любви предметовъ. А развѣ можно наказывать за поступки, не добровольные, а вынужденные".

Если невѣрность жены не безчеститъ мужа, то къ чести или безчестью жены служитъ лишь, какъ уже упомянуто, выборъ любовника. Такъ, напр., несомнѣнной славой является для женщины, если она „находится въ спискѣ героевъ дня или имѣетъ ихъ въ своемъ спискѣ". Въ первой половинѣ XVIII в. „честолюбивой мечтой многихъ знаменитыхъ красавицъ нашего двора",—пишетъ одинъ придворный Людовика XV,—является желаніе числиться въ рядахъ любовницъ герцога Ришелье, хотя бы то было лишь на одну ночь. Напротивъ, связь съ лакеемъ или принцемъ безчеститъ даму, такъ какъ безчеститъ только скандалъ. Одинъ маркизъ заявляетъ поэтому женѣ: „Разрѣшаю тебѣ всякую связь, только не съ принцемъ и не съ лакеемъ".

Въ дискуссіи съ г-жей Гемензэ герцогъ Шуазель однажды намѣтилъ все то, что по мнѣнію церемоніймейстеровъ эпохи можетъ обезчестить женщину:

„Немного терпѣнія, сударыня! Давайте обсудимъ вообще, что можетъ опозорить женщину? Если у нея есть любовникъ, это еще не есть безчестье для нея, не правда ли? Но, если у нея нѣсколько, такъ что можно предполагать, что она не любитъ ни одного, то это уже есть безчестье. Для нея бываетъ далѣе позоромъ, если она дѣлаетъ свой выборъ открыто, если она сначала

публично объявить, что у нея есть любовникъ, а потомъ безпощадно отступится отъ него, если она не заслуживаетъ, чтобы прежніе любовники становились ея друзьями или хорошими знакомыми. Все это, видите ли, сударыня, несомнѣнно накладываетъ пятно на ея честь!"

Однако, самымъ остроумнымъ послѣдствіемъ, вытекавшимъ изъ этой житейской философіи, было то обстоятельство, что эпоха, провозгласившая закономъ невѣрность мужу, требовала вѣрности любовнику. И въ самомъ дѣлѣ, если тогда можно было встрѣтить вѣрность, то только внѣ брака. Но и по отношенію къ любовнику вѣрность никогда не должна была простираться такъ далеко, чтобы онъ авансировалъ, такъ сказать, до чина мужа: только въ такомъ случаѣ другіе мужчины имѣютъ право ревновать къ нему. Подобное убѣжденіе Лакло вложилъ въ уста Вальмонъ. Послѣдній пишетъ маркизѣ Мертель:

„Видите ли, дорогая красавица, если вы раздѣляете свое сердце между столькими мужчинами, то я нисколько не ревную. Во всѣхъ вашихъ любовникахъ я вижу только преемниковъ Александра, которые не въ силахъ управлять государствомъ, которымъ управлялъ я одинъ. Но, чтобы вы отдались всецѣло одному, что на свѣтѣ есть еще одинъ человѣкъ, столь же счастливый, какъ я, этого я не потерплю".

Такъ какъ подобныя уступки такъ удобны для обѣихъ сторонъ, такъ какъ онѣ,—а это главное,—не грозятъ опасностью цѣли брака, то онѣ, естественно, возносятся въ область идеологіи и изображаются настоящимъ славнымъ завоеваніемъ. Въ Contes moreaux Мармонтеля говорится:

„Нынѣ въ лонѣ семьи царятъ дружба, свобода и миръ. Пока супруги любятъ другъ друга, они живутъ вмѣстѣ и счастливы. Разъ они перестаютъ любить, они признаются въ этомъ другъ другу, какъ порядочные люди—и возвращаютъ другъ другу клятву въ вѣрности. Они перестаютъ быть любовниками, чтобы стать друзьями. Вотъ истинно—пріятные нравы!"

Подобное положеніе вещей было бы на самомъ дѣлѣ идеальнымъ, если бы за нимъ скрывалось нѣчто большее, чѣмъ идеализированная свобода предаваться разврату.

Само собой понятно, что свобода половыхъ сношеній, царившая въ верхнихъ слояхъ общества, оказывала значительное вліяніе и на средніе слои столичнаго населенія и, естественно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше они зависѣли матеріально отъ двора, придворной знати и крупной буржуазіи. Этими слоями были: чиновничество и купечество. Въ этихъ слояхъ адюльтеръ жены также считался часто счастьемъ, которое не могло выпасть на ея долю слишкомъ рано. Одна дама жалѣла свою племянницу въ присутствіи третьяго лица словами: „Подумайте только, бѣдное дитя уже два года замужемъ и еще не знаетъ, что такое любовь!" Дѣло въ томъ, что „бѣдное дитя" призналось своей теткѣ въ томъ, что не имѣла еще любовника. Удивленіе, выраженное дамой, совершенно основательно, ибо жена безъ любовника—по итальянскому обычаю онъ во всѣхъ странахъ носитъ названіе чичисбея—не болѣе, какъ исключеніе.

Писатель Шатовьё замѣчаетъ о роли чичисбея въ Венеціи:

„Жена, у которой нѣтъ чичисбея, презирается, мужъ въ роли чичисбея собственной жены—высмѣивается, а красивый и знатный чичисбей доставляетъ славу и вызываетъ зависть".

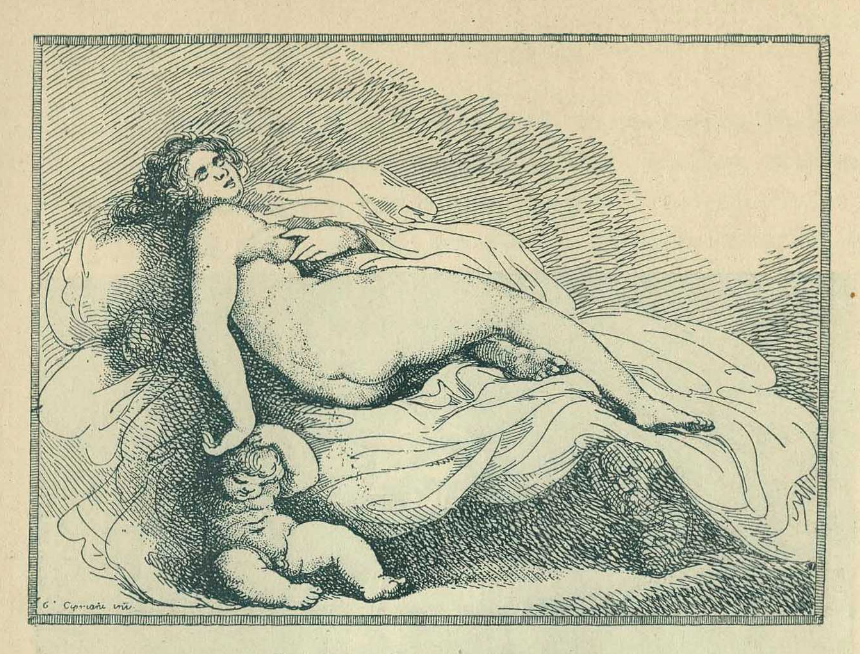
Подобныя свѣдѣнія имѣются у насъ относительно Берлина, Вѣны, Парижа. Въ Briefe über die Galanterien von Berlin говорится: „Дамы нисколько не стѣсняются показывать всѣмъ и каждому, что у нихъ есть милый, котораго онѣ на зло пѣтуху—мужу изо всѣхъ силъ откармливаютъ въ награду за его любовное томленіе".

Въ одноименномъ сочиненіи, посвященномъ Вѣнѣ, говорится:

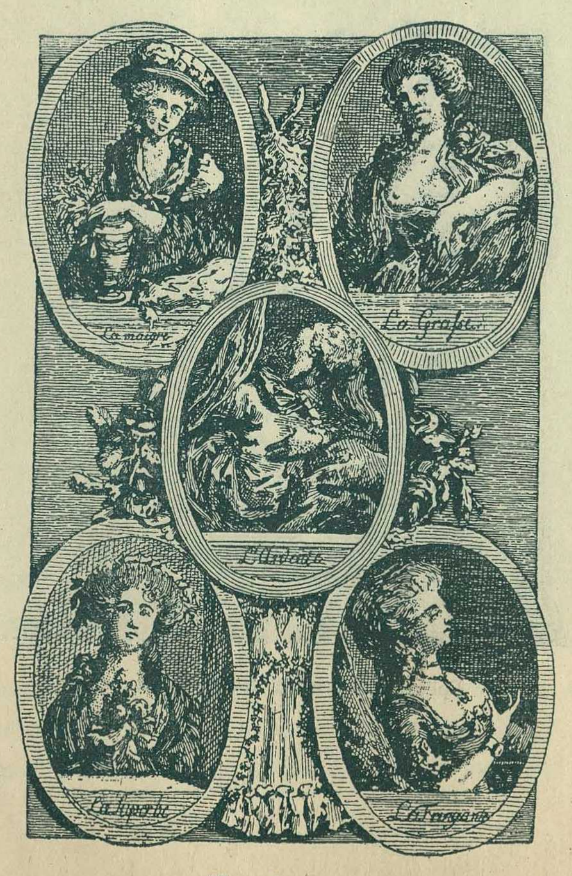
„Здѣшнія дамы, которыя еще дѣвицами привыкли ничего не дѣлать, а ставъ женщинами слишкомъ нѣжны и хрупки, чтобы чѣмъ-нибудь заняться, нисколько не смотрятъ за хозяйствомъ, а только цѣлуются днемъ и ночью, чтобы ихъ з... оставались мягкими и нѣжными и удостоивались бы похвалы ихъ чичисбеевъ",

Грёзъ: Картинка модъ 1760.

Чипріани: **Спящая красавица.**

Женскіе типы.

Въ Англіи совершенно въ порядкѣ вещей, если мужъ имѣетъ любовницу прямо въ своемъ домѣ рядомъ съ законной супругой. Г-жа Гилль говоритъ въ своей книгѣ Women in English Life.

„Большинство мужей содержало въ той или другой формѣ любовницъ. Многіе помѣщали ее даже въ своемъ домѣ и заставляли ее сидѣть за однимъ столомъ съ женой, что, почти никогда не приводило къ недоразумѣніямъ. Часто онѣ даже выходили гулять вмѣстѣ съ женами, причемъ, единственная разница между ними состояла въ томъ, что обыкновенно метрессы были красивѣе, лучше одѣты и менѣе чопорны“.

Взаимная снисходительность супруговъ переходила въ этихъ слояхъ очень часто въ циническое соглашеніе по части взаимной невѣрности. И не менѣе часто одинъ является въ этомъ отношеніи союзникомъ другого. Мужъ доставляетъ женѣ возможность безпрепятственно вращаться въ кругу его друзей и кромѣ того вводитъ въ свой домъ тѣхъ, которые нравятся женѣ. Какъ видно изъ переписки г-жи д'Эпинэ „единственное средство понравиться“ друзьямъ мужа состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ своими любовниками. И также поступаетъ жена по отношенію къ мужу. Она вступаетъ въ дружбу съ тѣми дамами, которыя мужъ хотѣлъ бы имѣть своими любовницами и нарочно создаетъ такія ситуаціи, которыя позволили бы ему какъ можно скорѣе добиться своей цѣли.

„Одна дама застигнута врасплохъ ея подругой въ нѣжной сценѣ съ ея мужемъ. Она извиняется и увѣряетъ, что вовсе не хотѣла злоупотребить ея довѣріемъ... Тогда подруга бросается ей на шею и поздравляетъ ее съ ея счастьемъ“. По мнѣнію современниковъ такіе факты относятся къ числу самыхъ обычныхъ. И одни шутливо, другіе серьезно прибавляютъ: „Можно ли представить себѣ болѣе пріятныя гарантіи обоюднаго счастія?“ Такъ какъ каждому мужчинѣ жена друга нравится болѣе своей собственной, такъ какъ женѣ мужъ подруги нравится болѣе собственнаго, то всѣ готовы—хотя бы на время—помѣняться ролями...

Подобныя предложенія, а также описанія уже осуществленныхъ такихъ предложеній то и дѣло встрѣчаются въ перепискѣ совре-

менниковъ. Въ написанныхъ на французскомъ языкѣ письмахъ одной вѣнки къ ея любовнику, относящихся къ 1740 г., говорится:

„Вы жалуетесь, что вамъ непріятно скрывать нашу любовь... Все зависитъ отъ васъ. Повѣрьте, дорогой другъ, мой мужъ съ удовольствіемъ согласился бы совершить обмѣнъ на нѣсколько недѣль, если бы вы уступили ему открыто ваши права на вашу хорошенькую экономку. Приведите его въ объятія этой достойной любви особы и онъ отблагодаритъ васъ тѣмъ, что все снова и снова будетъ приводить васъ въ мои объятія".

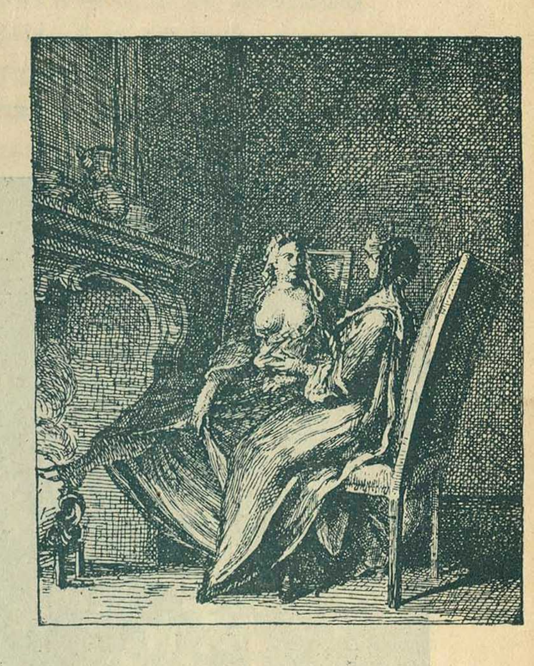
Очень часто говоритъ и Казанова о такомъ обмѣнѣ женами и любовниками. Изъ цѣлаго ряда описаній современныхъ нравовъ мы узнаемъ, наконецъ, что подобный обмѣнъ былъ во многихъ городахъ даже самымъ обычнымъ явленіемъ. Такъ, К. Мюллеръ говоритъ въ своемъ Gemälde von Berlin, Potsdam und Sanssousi: „Здѣсь очень въ ходу обмѣниваться женами на нѣсколько недѣль. Такъ однажды вечеромъ я случайно услышалъ, какъ одинъ офицеръ говорилъ военному совѣтнику: „Да, кстати, дорогой другъ, когда я сегодня вечеромъ приду къ твоей милой женѣ, то предупреди ее, чтобы она не брала къ себѣ на диванъ Вѣрнаго Пастушка (вѣроятно, собачку). А то какъ-то неудобно спать, да и мѣшаетъ онъ постоянно".

Подобныя явленія тѣмъ обычнѣе, чѣмъ болѣе данный городъ носитъ характеръ простой столицы, гдѣ всѣ обыватели до послѣдняго ремесленника всецѣло зависятъ отъ двора и придворныхъ круговъ.

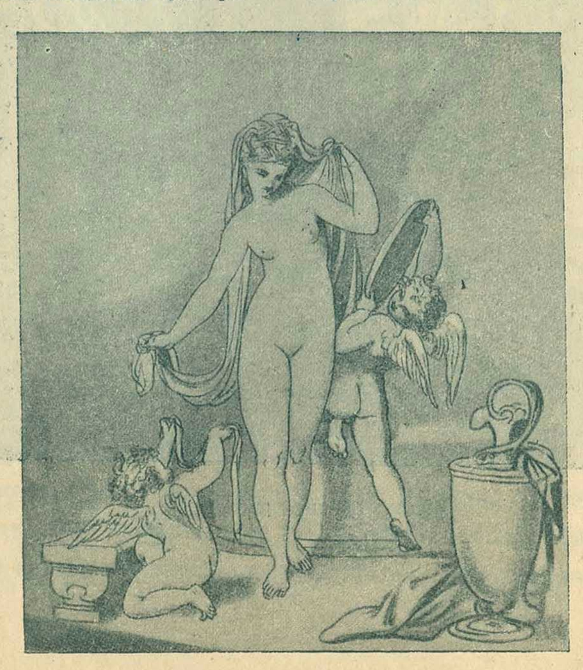
Остается только сказать еще нѣсколько словъ о ремесленныхъ слояхъ и городахъ, т.-е. о тѣхъ кругахъ, гдѣ серьезно подготовлялась освободительная борьба мелкой буржуазіи, которой надоѣдало быть игрушкой дворянскихъ и княжескихъ капризовъ и въ сердцѣ которой все болѣе накипало честное негодованіе. Эти классы и круги стояли какъ въ своей общей морали, такъ и въ своей половой морали на точкѣ зрѣнія діаметрально противоположной той, которую раздѣляли господствующіе классы и столичное населеніе. Пробудившееся здѣсь кассовое самосознаніе на-

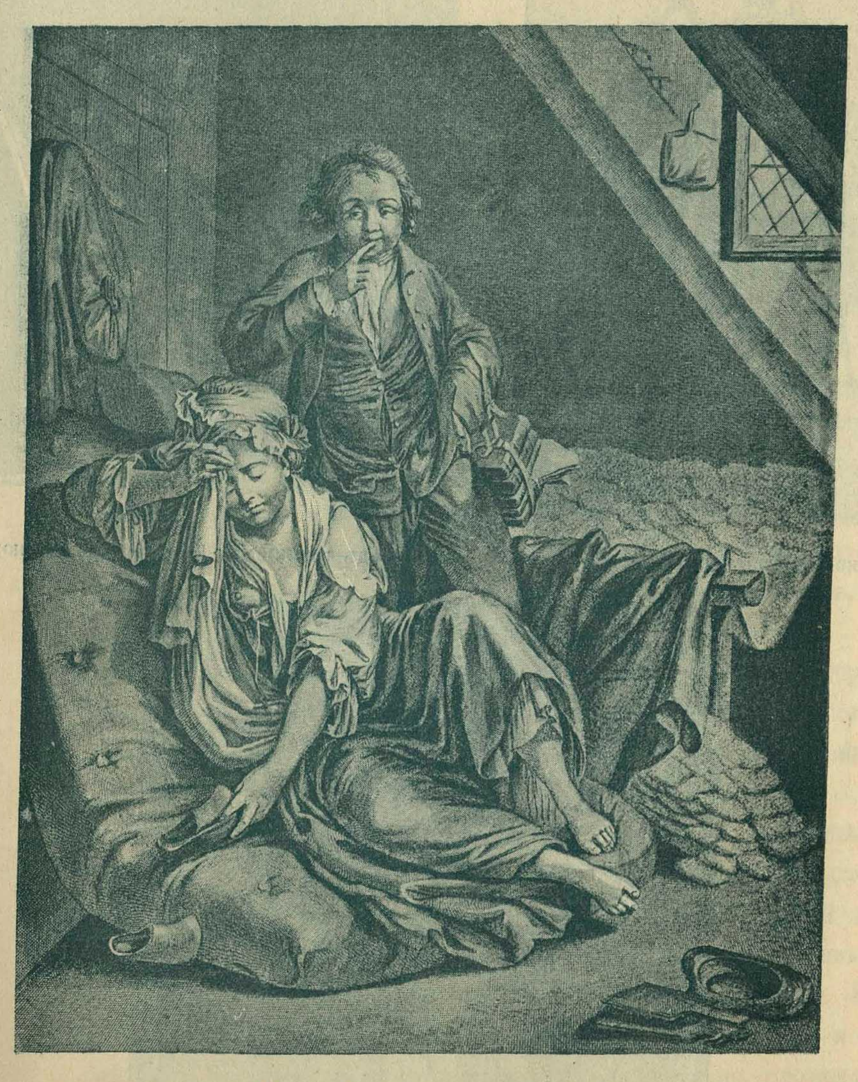
Монашеское внушеніе. Нѣмецкая гравюра.

Передъ каминомъ. Итальянская гравюра.

Косвэй: Туалетъ Венеры.

Шенау: Позднее раскаяніе.

ходило очень надежную опору въ томъ фактѣ, что въ ремесленной средѣ потеря нравственнаго равновѣсія,—а къ ней въ большинствѣ случаевъ приводитъ адюльтеръ,—угрожала самому существованію семьи. Въ итогѣ—здѣсь господствовали болѣе строгіе нравы и адюльтеръ былъ явленіемъ значительно болѣе рѣдкимъ. Во всякомъ случаѣ адюльтеръ здѣсь не былъ массовымъ явленіемъ и, тамъ, гдѣ онъ встрѣчался, онъ приводилъ обыкновенно къ трагическимъ послѣдствіямъ.

Какъ ни отличалась въ этомъ отношеніи мелкая буржуазія отъ верхушекъ общества и ихъ присныхъ, все же и эта мелкобуржуазная нравственность не въ силахъ наложить на эпоху абсолютизма свѣтлаго пятна, ибо достойно удивленія только совершенно свободное обузданіе инстинктовъ во имя болѣе высокой идеи человѣчества. Здѣсь же рѣчь идетъ только объ узкой филистерской морали, въ лучшемъ случаѣ, тамъ, гдѣ она добровольно отрекается, избѣгающей грѣшить лишь изъ трусости и мелочности, и болѣе всего цѣнящей добродѣтель потому только, что нужда и забота—ежедневныя гости въ этой средѣ—были всегда самой крѣпкой опорой противъ разнузданности половой жизни.

Сущность этой филистерской морали покажется намъ тѣмъ болѣе презрительной, если мы примемъ во вниманіе, что, хотя мужчины этого класса и пробуждались медленно къ самосознанію, ихъ жены всѣ безъ исключенія погрязали въ вѣрноподданничествѣ. Правда, онѣ почти всѣ были женщинами, по-своему, почтенными, всѣ онѣ усердно обрушивались на грѣхи сосѣдки, но едва одна изъ нихъ могла устоять передъ тайнымъ соблазномъ „быть въ одинъ прекрасный день сведенной съ дворяниномъ“. Эта мечта, какъ заманчивый сонъ на яву, преслѣдовала большинство этихъ женщинъ въ продолженіе всей ихъ жизни. Когда одной изъ нихъ удавалось осуществить эту мечту, остальныя набрасывались на паршивую овцу, но въ концѣ-концовъ только изъ зависти.

Это приложимо ко всѣмъ странамъ. Для Германіи имѣется такой художественный документъ какъ „Коварство и любовь“ Шиллера, котораго никакъ и ничѣмъ не подкрасишь. Эта двойственность

мелкобуржуазной морали, само собой понятно, не индивидуальная вина, а историческая судьба, тѣмъ болѣе понятная, что отдаться аристократу для большинства было единственной возможностью спасти себя—и всю родню—отъ ужасающей узости и тѣсноты жизни. Подобное указанiе, однако, только объясняетъ, а не устраняетъ двойственность мелкобуржуазной морали.

Подобно тому, какъ флиртъ кульминировалъ въ офицiальномъ институтѣ lever, такъ вознесенный на высоту программы развратъ—въ фигурѣ развратника, мужскаго или женскаго пола, которая въ эпоху стараго режима встрѣчалась на каждомъ шагу.

Отдѣльные экземпляры этого типа попадаются во всѣ эпохи. Но даже, если нельзя было бы доказать, что число представителей того типа было въ эпоху стараго режима больше, чѣмъ во всѣ остальные вѣка, то, во всякомъ случаѣ, эта фигура составляетъ одну изъ специфическихъ чертъ въ картинѣ эпохи. И вотъ почему. Въ вѣкъ стараго режима развратникъ былъ офицiально признанной фигурой въ рамкахъ общественной жизни, а такую роль онъ раньше никогда не игралъ, а впослѣдствiи игралъ лишь въ ограниченныхъ общественныхъ слояхъ. Это былъ типъ, который быть можетъ и не всегда уважали, зато неизмѣнно окружали удивленiемъ и благоговѣнiемъ.

Когда въ романѣ Les liaisons dangereuses рѣчь заходитъ о развратникѣ, одинъ изъ собесѣдниковъ замѣчаетъ: „Вы должны признаться, что порядочные люди нисколько не сторонятся его, что, такъ называемое, хорошее общество охотно приглашаетъ его и даже заискиваетъ въ немъ“. Мы можемъ поэтому сказать безъ преувеличенiя: развратникъ былъ до извѣстной степени героемъ времени.

Рѣшить эту загадку нетрудно.

Такъ какъ развратникъ воплощалъ собой беззастѣнчивый развратъ, то люди расчитывали, что онъ и сумѣетъ удовлетворить до конца тѣ желанiя, удовлетворить которые никто другой не былъ

способенъ. И они открыто въ этомъ признавались и не прибѣгали къ лицемѣрію, такъ какъ ихъ отдѣляла отъ черни, какъ уже упомянуто, глубокая пропасть и они могли не смущаться ея отношеніемъ къ нимъ.

Сущностью развратника какъ мужскаго, такъ и женскаго пола являются полное отсутствіе сердечности и признаніе за явно гнусными поступками значенія вопроса чести. Развратникъ гордился, если о немъ говорятъ: „У него никогда не было намѣренія, которое не было бы неприличнымъ и преступнымъ". У развратника все построено на расчетѣ. Наслажденіе для него самоцѣль и отдаваясь ему, онъ не считается съ совѣстью. Слабость, рождающуюся изъ человѣчности, онъ квалифицируетъ, какъ позоръ для себя. Осуществляя свои замыслы, онъ не останавливается и передъ самымъ чудовищнымъ. Петиметръ галантности превращается въ великаго мастера извращенности. При этомъ, однако развратникъ отличается чрезвычайной любезностью. Все, что онъ дѣлаетъ, самые гнусные поступки облекаются у него въ благородныя и безупречныя формы. Женщина этого типа отличается тѣмъ, что она подражаетъ аллюрамъ мужского разврата. Она желаетъ, „сознательно насладиться потерей порядочности", какъ говорится въ вышедшихъ въ 1727 Размышленіяхъ придворной дамы о женщинахъ.

Этотъ типъ встрѣчается въ эпоху стараго режима во всѣхъ странахъ. Наиболѣе отвратительнымъ онъ былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Англіи. Здѣсь онъ получилъ названіе Rake. Тэнъ такъ описываетъ этотъ типъ:

„Онъ производитъ впечатлѣніе веселаго и блестящаго болтуна, но этотъ юморъ чисто внѣшній. На самомъ дѣлѣ онъ грубъ и невоспитанъ, и шутитъ, какъ палачъ, съ холодной жестокостью, по поводу того зла, которое онъ уже совершилъ или еще думаетъ совершить. Надо признаться, что въ Англіи жуиры этой эпохи бросали человѣческое мясо на живодерню. Какой-нибудь знатный пріятель ловеласа похищаетъ молодую невинную дѣвушку, спаиваетъ ее, проводитъ съ ней ночь въ домѣ терпимости, оставляетъ ее тамъ въ качествѣ залога и спокойно потираетъ руки,

когда двѣ недѣли спустя узнаетъ, что ее бросили въ тюрьму, гдѣ она сошла съ ума и умерла. Во Франціи развратники были не болѣе, какъ легкомысленными пройдохами, здѣсь они были— низкими негодяями".

Исторію такого Rake Гогартъ изобразилъ въ своей извѣстной серіи:

„Изъ жизни развратника".

Впрочемъ, если Тэнъ говоритъ, что французскіе развратники были въ отличіе отъ своихъ англійскихъ сотоварищей только легкомысленными плутами, то это лишь условно вѣрно. Такія фигуры, какъ герцогъ Ришельё, маркизъ Шуазель, графъ Лувуа и въ особенности графъ Артуа, будущій король Карлъ X, ничѣмъ не уступаютъ по своей отвратительности подобнымъ же гнуснымъ явленіямъ другихъ странъ. Зато о нѣмецкихъ типахъ этого рода можно вполнѣ сказать, что они были, несомнѣнно, самыми неуклюжими, хотя отъ этого и не становились болѣе симпатичными.

Изъ того факта, что типъ распутника-сладострастника сдѣлался тогда массовымъ явленіемъ и почитался свѣтскимъ обществомъ, какъ герой, можно сдѣлать заключеніе, что въ господствующихъ классахъ не только индивидуальный адюльтеръ считался признакомъ хорошаго тона; моднымъ было всякое крайнее выраженіе разврата.

Въ „Vertraute Briefe des Herrn von Cölln" говорится о домахъ высшаго общества Берлина: „Въ извѣстнѣйшихъ публичныхъ домахъ вы найдете настоящихъ весталокъ въ сравненіи со многими знатными берлинскими дамами, задающими тонъ въ обществѣ".

И чѣмъ выше мы поднимаемся, тѣмъ больше накапляется грязи, при дворахъ она достигаетъ размѣровъ настоящей горы. Иллюстрировать это явленіе именами и примѣрами можно въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ ни одна другая тема изъ эпохи

Сатира на некрасивыхъ богатыхъ невѣстъ.
1777.

Катанье на конькахъ. 1750

Карикатура (англійская) на моды.

Крышка табакерки.

абсолютизма не находила столь многихъ и столь обстоятельныхъ изслѣдователей, какъ именно эта.

Хронологически здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ дворъ Людовика XIII во Франціи. Однако, здѣсь примѣръ всеобщаго разврата давалъ не самъ король, отличавшійся гомосексуальными наклонностями, а первый сановникъ государства, кардиналъ Ришелье и королева Марія-Анна Австрійская. Если знаменитый Ришелье имѣлъ безконечный рядъ самыхъ грязныхъ связей, то королева до преклонныхъ лѣтъ была весьма доступна ухаживаніямъ преданныхъ ей придворныхъ. Не Людовикъ XIII, а именно одинъ изъ этихъ придворныхъ, графъ Ривьеръ, и былъ настоящимъ отцомъ Людовика XIV. Въ недавно вышедшей книгѣ Ж. Эрвэ (Hervez) о женщинахъ и галантности въ XVII в. собраны почти всѣ сюда относящіеся убѣдительные документы.

Въ лицѣ Людовика XIV не только абсолютизмъ, но и неотдѣлимый отъ него развратъ достигъ своего наибольшаго блеска. Съ него начинается, по мнѣнію большинства историковъ, столь характерный для абсолютизма режимъ метрессъ. Но это невѣрно. Эра господства метрессъ, характеризующаяся тѣмъ, что капризы удостоенной всемилостивѣйшаго вниманія женщины становятся закономъ для страны, относится лишь къ царствованію Людовика XV, и въ сущности имъ и ограничивается. При Людовикѣ XIV женщина является лишь наиболѣе пышною декораціей королевской власти божьею милостью и высшимъ объектомъ наслажденія— именно только: объектомъ. Имена фаворитокъ Людовика XIV всѣмъ извѣстны: кто не слыхалъ о Лавальеръ, Монтеспанъ, Фонтанжъ, и особенно о Ментенонъ, кончившей даже тайной женой короля.

Однако такая ссылка на полдюжину официальныхъ метрессъ Людовика XIV равно ничего не говоритъ, ибо если за шестьдесятъ лѣтъ любовныхъ приключеній у Людовика XIV было бы только шесть метрессъ, то онъ заслуживалъ бы скорѣе эпитета: добродѣтельнаго. Что въ данномъ случаѣ характерно, такъ это тѣ безымянныя и безвѣстныя, число которыхъ невозможно установить. Или выражаясь точнѣе: рѣшающее значеніе для оцѣнки

нравовъ, господствовавшихъ при дворѣ Людовика XIV, имѣетъ то обстоятельство, что всякая появлявшаяся при его дворѣ дама становилась предметомъ султанскихъ вожделѣній короля, что всѣ его родственники, кузены и сановники, должны были дѣлиться съ нимъ своими женами, разумѣется, если послѣднія представляли для него интересъ. Впрочемъ, для этого не требовалось многаго, такъ какъ Людовикъ XIV былъ явнымъ эротоманомъ, который видѣлъ въ женщинѣ только полъ, и которому поэтому нравилась каждая женщина. „Королю,—сообщаетъ герцогиня Елизавета-Шарлотта,—нравилась всякая, лишь бы на ней была одѣта юбка“.

Разумѣется, въ большинствѣ случаевъ онъ былъ весьма желаннымъ любовникомъ. Насколько это было въ порядкѣ вещей доказываетъ тотъ фактъ, что жена принца Субизъ прославилась при дворѣ только потому, что серьезно противилась ухаживаніямъ короля, даже еще въ тотъ моментъ, когда онъ путемъ хитрости очутился въ ея постели. Отправиться вмѣстѣ съ женой въ Версаль для придворнаго было равносильно передачѣ жены въ руки короля. И такимъ общепризнаннымъ совладѣтелемъ чужихъ женъ Людовикъ оставался до преклонныхъ лѣтъ, когда онъ уже давно ударился въ благочестіе. Герцогиня Елизавета-Шарлотта пишетъ о семидесятилѣтнемъ Людовикѣ XIV: „Онъ благочестивъ; если бы онъ не былъ такимъ, онъ предавался бы разврату, такъ какъ онъ не можетъ жить безъ женщинъ, потому-то онъ такъ и любитъ своихъ женъ. Добрый король не очень-то разборчивъ, и если только кто у него въ постели, то онъ доволенъ“.

Такова вообще схема любовной жизни всего этого общества. Мужчины обыкновенно имѣли любовницами нѣсколько дамъ свѣта, а большинство дамъ были въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ любовницами очень многихъ мужчинъ. Обѣ четы: герцогъ и герцогиня Люксембургскіе, и г-нъ и г-жа де Буффлэ, жили мирно и тихо въ четырехгранной связи. Въ моду входили однако и пяти и шестигранныя связи. Обычнымъ явленіемъ была связь одновременно съ матерью и дочерью, съ отцомъ и сыномъ. Современники

Нѣмецкія моды.

Герардъ: Качели.

Бушэ: **Прачка.**

считаютъ наиболѣе характерной чертой эпохи, что не только мужчины всецѣло отдавались служенію дамамъ, но и никогда имъ такъ не везло въ этомъ отношеніи, такъ какъ женщины прямо бѣгали за ними. Въ письмахъ герцогини Орлеанской можно найти десятки убѣдительныхъ примѣровъ. Такъ она пишетъ о маркизѣ Ришелье: „Маркиза однажды легла въ постель къ дофину, хотя онъ вовсе и не просилъ ее объ этомъ". Другой такой случай она сообщаетъ о дамѣ, которая такъ поступила съ ея сыномъ.

Когда вмѣстѣ со страстью короля и упрочившимся вліяніемъ ханжи Ментенонъ, воцарилась нѣкоторая большая чопорность, то это имѣло значеніе только для ближайшаго антуража Людовика XIV, зато развратъ достигъ высшаго развитія въ другомъ кружкѣ, а именно въ томъ, который группировался вокругъ герцога Орлеанскаго Филиппа, племянника короля и будущаго регента. Этотъ новый представитель придворнаго разврата получилъ свою должную оцѣнку въ эпитафіи, предназначавшейся общественнымъ мнѣніемъ для могилы его матери: „Здѣсь покоится мать всѣхъ пороковъ". Подъ эгидой герцога Филиппа Орлеанскаго недавняя вакханалія все болѣе превращалась во всеобщую оргію.

Начало этой оргіи имѣетъ свою офиціальную дату. Она началась, когда правительство стало настоящей разбойничьей компаніей, а именно съ назначеніемъ регентства. Съ этого дня оргія стала обычнымъ состояніемъ господствующихъ классовъ, а участіе въ ней доставляло славу и удовлетворяло честолюбіе. Отнынѣ любили въ полномъ смыслѣ слова публично. Разнузданность достигала небывалыхъ границъ. А въ центрѣ этого невообразимаго канкана стоялъ регентъ Франціи. Единственный изданный имъ законъ гласилъ: „Будемъ развлекаться". Подъ этимъ развлеченіемъ подразумѣвались самые вульгарные способы. Въ этотъ періодъ развратъ лишенъ всякой граціи и носитъ чисто скотскій характеръ. Все идетъ ускореннымъ темпомъ: утромъ люди видятся первый разъ, вечеромъ уже начинается безпорядочное половое смѣшеніе. Мать герцога Орлеанскаго однажды замѣтила сыну, что

онъ относится къ женщинамъ такъ, какъ будто хочетъ aller a la chaise percée.

Для дамы этихъ круговъ нѣтъ высшаго комплимента, какъ обратиться къ ней прямо со словами: „Я хочу съ вами спать", и она въ восхищенiи передаетъ этотъ комплиментъ, если онъ сдѣланъ устами принца. Предлагая однажды вечеромъ, въ присутствiи многихъ свидѣтелей, свою карету одной дамѣ, нѣкiй виконтъ Полиньякъ обращается къ ней со словами: „Я хотѣлъ бы, чтобы моя карета была постелью, и я могъ бы лечь въ нее вмѣстѣ съ вами". А дама отвѣчаетъ: „Я приняла бы ваше предложенiе только въ томъ случаѣ, если бы вы мнѣ обѣщали, не засыпать ни на одну минуту, пока я съ вами въ постели".

Герцогиня Орлеанская сообщаетъ о такихъ же замашкахъ своего сына-регента, имѣвшаго такой же опытъ. 22 октября, 1717 г., она пишетъ:

„Мой сынъ не любитъ секретовъ и тайнъ, а всегда разсказываетъ все, что произошло. Я постоянно твержу ему, что не могу надивиться, почему женщины все еще бѣгаютъ за нимъ, тогда какъ онѣ должны были бы избѣгать его. А онъ смѣясь отвѣчаетъ:

„Вы не знаете современныхъ развратницъ. Dire qu'on couche avec elles, c'est leur faire plaisir".

Главнымъ центромъ этихъ оргiй было Palais Royal, выстроенное герцогомъ Орлеанскимъ посреди Парижа. Но и въ другихъ мѣстахъ умѣли развлекаться. Братья Гонкуръ указываютъ на fêtes d'Adam, устраиваемые въ salons particuliers въ Сенъ-Клу, въ которыхъ красивѣйшiя дамы „изъ лучшихъ фамилiй" участвовали въ костюмѣ Евы. Кульминацiонной точкой этихъ интимныхъ праздниковъ былъ обыкновенно всеобщiй обмѣнъ метрессами. Участвовать въ такихъ пиршествахъ было честолюбивѣйшей мечтой очень многихъ дамъ.

Когда наступило истощенiе отъ разврата—а наступило оно довольно скоро—то руководитель этихъ оргiй, герцогъ Орлеанскiй, изобрѣлъ для себя и для своихъ друзей названiе roués, т.-е., ко-

лесованныхъ на плахѣ наслажденія. Самое изысканное общество Франціи первымъ присвоило себѣ это имя и носило его съ гордостью. Рядомъ съ герцогомъ Орлеанскимъ мы находимъ здѣсь виконта де Полиньякъ, маркиза д'Эффія, графа Клермона, шевалье до Конфланъ, аббата де Грансэ, графа Симіанъ и др. Это только самые интимные члены кружка. А каждый изъ нихъ, да и многіе другіе, также въ свою очередь группируютъ вокругъ себя такой изысканный кружокъ. Аристократическія женскія имена, упоминаемыя въ такихъ оргіяхъ, ничѣмъ не уступаютъ въ смыслѣ родовитости мужскимъ, хотя мужчины были и не очень разборчивы въ выборѣ подругъ, и также охотно привлекали въ качествѣ участницъ оргій хорошенькихъ балеринъ и актрисъ. Достаточно указать, что ни одна изъ трехъ дочерей герцога Орлеанскаго не уступала въ этомъ отношеніи отцу, и что каждая изъ нихъ была предсѣдательницей цѣлаго придворнаго штата распутниковъ и распутницъ.

Въ данномъ случаѣ жизнь придворнаго общества также даетъ схему обычаевъ господствующихъ классовъ. Ибо солидарность въ дѣлѣ разбойничьей эксплуатаціи государственныхъ доходовъ, которой такъ усердно занимались всѣ безъ исключенія и безъ стыда, должна была привести къ такой же солидарности въ существеннѣйшихъ послѣдствіяхъ подобной политической морали. Цѣлый классъ, отдающійся во власть своихъ разбойничьихъ инстинктовъ, не можетъ въ то же время отличаться солидной половой нравственностью. На это лишь способны отдѣльные индивидуумы этого класса и поэтому уклоненіе отъ участія въ разыгравшейся на вершинѣ общества оргіи было лишь исключительнымъ явленіемъ...

Вѣкъ Людовика XV и—прежде всего—личная мораль этого абсолютнаго властителя очерчены въ исторіи главнымъ образомъ именами метрессъ: герцогини Шатору, маркизы Помпадуръ и графини Дюбарри. Но и эти имена мало что говорятъ, пока не будетъ детальнѣе выяснена программа наслажденій, олицетворенная ими. Онѣ знаменуютъ собой развитіе недавняго разврата до крайней степени раффинированности.

Въ концѣ эпохи регентства и въ началѣ царствованія Людовика XV свѣтское общество еще не было пресыщено, а только утомлено. Чтобы имѣть возможность не только продолжать ранѣе преслѣдуемую программу, но и по мѣрѣ возможности повысить способность наслажденія, необходимо было утончить его формы. Это было достигнуто тѣмъ, что изъ физическаго наслажденія было устранено все грубое, все, что слишкомъ скоро можетъ истощить силы, и тѣмъ, что научились кромѣ того, какъ выразился одинъ современникъ „выражать прилично самыя неприличныя вещи“. Какъ иллюстрацію этого приличнаго тона, воцарившагося теперь кругомъ, приведемъ слѣдующій разговоръ, имѣвшій мѣсто однажды въ присутствіи придворныхъ между Людовикомъ XV и г-жей д'Эспарбэ по поводу ея жажды разнообразія въ дѣлахъ любви:

„Вы спали со всѣми моими подданными“.—„Что вы, сиръ!“—„Вы имѣли герцога Шуазель“.—„Онъ такъ могущественъ“.—„И маршала Ришельё!“—„Онъ такъ остроуменъ“.—„И Монвилля!“—„У него такія красивыя ноги“.—„Но—чортъ возьми—развѣ герцогъ Омонъ обладаетъ хоть какимъ-нибудь изъ этихъ достоинствъ?“—„О, сиръ! Онъ такъ преданъ вамъ!“

А что касается устраненія всего грубаго, то достаточно упомянуть, что любимымъ блюдомъ Людовика XV были дѣвочки, соблазнить которыхъ не стоило особеннаго труда уже по одному тому, что большинство подготовлялось для этого великаго историческаго момента цѣлыми мѣсяцами или даже годами.

Оргія переносилась, такимъ образомъ, съ улицы въ cabinets particuliers. Въ моду вошли, такъ называемые, petites maisons, квартира для остановокъ, имѣвшаяся въ распоряженіи каждаго знатнаго барина и даже очень многихъ знатныхъ дамъ. Здѣсь, въ этихъ спрятанныхъ въ лѣсу или въ паркѣ виллахъ, все помогало любви и все было воплощеніемъ удобства. Сладострастіе диктовало здѣсь все: положеніе, форму, и прежде всего, пышное убранство, имѣвшее цѣлью повысить наслажденіе. Соблазнительные будуары, великолѣпныя столовыя, элегантныя ванныя—все здѣсь было на лицо. Кисть величайшихъ мастеровъ украсила стѣны

„Май“. Сатира на влюбленныхъ старухъ.

Берлинскій придворный костюмъ 1785 г.

Рау: **Жертвоприношеніе Пріапу.**

эротическими картинами и скульптурами, на книжныхъ полкахъ была собрана вся галантная литература вѣка, снабженная иллюстраціями, которыя должны были воспламенить и все снова разжигать чувственность. Даже мебель была въ своемъ родѣ галантной и каждое кресло, каждый стулъ—алтаремъ сладострастія. Въ одномъ письмѣ отъ 24 ноября 1770 г., въ которомъ одинъ аристократъ сообщаетъ своему другу въ провинціи о текущихъ событіяхъ дня, говорится:

„Вчера господинъ Ришелье устроилъ большой ужинъ въ своемъ petite maison вблизи тажомни Вожираръ. Въ его petite maison все украшено въ циническомъ духѣ. На стѣнахъ посрединѣ каждаго поля изображены полувыпуклыя, чрезвычайно скабрезныя фигуры. Но самое интересное во время ужина была старая герцогиня Бранкасъ. Чтобы разглядѣть всѣ эти фигуры, она приложила къ глазамъ лорнетку и, сжавъ губы, хладнокровно разсматривала ихъ, а господинъ Ришелье держалъ лампу и объяснялъ ихъ смыслъ“.

Теперь не было такой мысли, которую нельзя было бы высказать, не было каприза, котораго нельзя было бы выполнить, и къ тому же было устранено все, что могло бы помѣшать: непріятные сюрпризы, какъ и назойливое любопытство. Каждое настоящее petite maison походило на крѣпость сладострастія, куда войти кромѣ хозяина могъ только тотъ, кто зналъ тайный пароль, открывавшій ворота. Здѣсь можно было спокойно устроить своихъ метрессъ, можно было принять временно жену друга, сюда приводилъ сводникъ, котораго содержали на ряду съ кучеромъ, товаръ, которымъ завладѣвалъ добровольно или насильно. Здѣсь, наконецъ, можно было совершить всѣ тѣ отвратительныя преступленія, къ которымъ каждый день побуждала царившая половая извращенность. И ни одинъ предательскій звукъ не доходилъ до слуха публики.

Въ этихъ не поддающихся исчисленію пріютахъ сладострастія праздновались изо дня въ день, впродолженіи цѣлыхъ десятилѣтій, столько же неподдающихся исчисленію оргій безумнѣйшаго

разврата. Самые раффинированные вымыслы эротической фантазіи находили здѣсь каждодневно свое еще болѣе раффинированное воплощеніе. Единственнымъ средствомъ изобразить точнѣе эти формы разврата было бы привести рядъ описаній изъ наиболѣе порнографическихъ романовъ эпохи. Ибо за исключеніемъ патологическихъ вымысловъ де Садъ дѣйствительность, вѣроятно, никогда не отставала отъ воображенія порнографическихъ писателей эпохи. Но и многое изъ того, что вышло изъ больного мозга маркиза де Садъ, было во вкусѣ многочисленныхъ распутниковъ эпохи и потому, вѣроятно, также осуществлялось на практикѣ.

Очень многіе развратники находили уже наслажденіе только въ оргіяхъ, соединенныхъ съ преступленіями. Изнасилованіе дѣвочекъ, инцестъ, содомія, педерастія,—вѣроятно были обычнѣйшими явленіями. Среди половыхъ извращенностей одно изъ наиболѣе невинныхъ явленій былъ активный и пассивный флягелянтизмъ во всѣхъ его чудовищныхъ проявленіяхъ. Къ числу наиболѣе распространенныхъ и наиболѣе пикантныхъ удовольствій относилось удовольствіе находиться въ роли Voyeur'а, быть тайнымъ свидѣтелемъ того, какъ любовница, а иногда и жена исполняетъ самыя дикія прихоти друга. Прочтите подробное описаніе связи Казановы съ манашенкой изъ Мурано, сдѣланное имъ въ его мемуарахъ. Она была вмѣстѣ съ тѣмъ любовницей французскаго посланника въ Венеціи Берни. Сговорившись съ Казановой, она устроила посланнику это имъ столь желанное зрѣлище.

Въ такихъ часто кончавшихся преступленіями оргіяхъ участвовали также знатнѣйшія дамы Франціи: маркизы, графини и герцогини. Человѣкъ, не достаточно богатый или недостаточно независимый, устраивалъ не petite maison, а снималъ спокойную квартиру и тамъ праздновалъ свои незаконныя любовныя оргіи. Многія придворныя дамы имѣли такія тайныя гнѣздышки наслажденія, куда онѣ на время уединялись со своими любовниками или куда онѣ ловкими средствами заманивали мужчинъ, воздѣйствовавшихъ на ихъ чувственность. Въ мемуарахъ графа Тилли встрѣчается детальное описаніе такого приключенія графа съ

придворной дамой, представляющее своего рода классическій примѣръ. Многія другія дамы пользовались petite maison'ами, которыя крупныя сводни и содержательницы домовъ терпимости содержали для богатыхъ кліентокъ. Достовѣрнѣйшимъ доказательствомъ могутъ служить неисчерпаемыя во всѣмъ отношеніяхъ полицейскіе протоколы XVIII в.

По сообщенію полицейскаго инспектора Морэ, нѣкая маркиза де Пьерркуръ была постоянной посѣтительницей дома сводни Бриссо, а баронессы Ваксемъ и Бурманъ, по словамъ того же свидѣтеля, пользовались для устройства оргій домами многихъ содержательницъ притоновъ. Наиболѣе знаменитыя театральныя звѣздочки устраивали порой въ своихъ petite maison такія оргіи даже систематически. Въ одномъ полицейскомъ протоколѣ говорится о балеринѣ Гимаръ:

„Она каждую недѣлю даетъ три ужина, на первомъ бываютъ придворные и знатные; на другомъ—писатели, художники и ученые и, наконецъ, третій носитъ характеръ настоящей оргіи, на которую она приглашаетъ самыхъ соблазнительныхъ, разнузданныхъ дѣвицъ и во время которой развратъ достигаетъ послѣдней возможности“.

Таково „меню“, дѣлающее имена такихъ женщинъ, какъ Шатору, Помпадуръ и Дюбарри, интересными въ глазахъ историка нравовъ. При этомъ здѣсь не допущено ни малѣйшаго преувеличенія, а, напротивъ, указано лишь самое необходимое.

Въ программѣ Людовида XV всѣ эти оттѣнки повторяются и находятъ свое раффинированнѣйшее рѣшеніе. Наиболѣе извѣстное созданіе Людовика XV, знаменитое parc aux cerfs, является ни чѣмъ инымъ, какъ цѣлымъ рядомъ petites maisons, къ которыхъ былъ устроенъ обширный дѣтскій домъ терпимости, откуда черпали матеріалъ для Menus Plaisirs короля, какъ офиціально величалась оргія Людовика XV. Такъ какъ любимымъ блюдомъ короля были, какъ уже упомянуто, „невинныя дѣти“, то обитательницами парка были въ большинствѣ случаевъ дѣвочки, которыя положительно откармливались для любовныхъ пир-

шествъ короля, подобно тому, какъ сгоняютъ и откармливаютъ для охоты дичь.

Если какое-нибудь блюдо удостаивалось похвалы короля, то Лафертэ, интендантъ королевскихъ Menus Plaisirs имѣлъ право сервировать его нѣсколько разъ, въ противномъ случаѣ оно немедленно же снималось съ очереди: та же судьба ожидала и всѣхъ дѣвушекъ, почувствовавшихъ себя въ интересномъ положенiи. На благоразумныхъ попеченiяхъ о процвѣтанiи этого инстутута, въ которыхъ особенно усердствовала маркиза Помпадуръ, покоилось влiянiе различныхъ метрессъ на этого извращеннаго государя, о которомъ современники говорили, что вся его жизнь была „безпрерывной безнравственностью".

Выше мы замѣтили, что дворъ всегда подавалъ примѣръ безнравственности для господствующихъ классовъ. Необходимо правильно понять это положенiе. Такъ какъ абсолютный государь сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ больше всего матерiальныхъ средствъ, то при его дворѣ жажда наслажденiя могла облечься въ свои самыя смѣлыя формы. Но было бы неправильно дѣлать выводъ: такъ какъ абсолютный государь подавалъ такой недостойный примѣръ, то и господствующiе классы отличались испорченностью. Вѣкъ Людовика XVI доказываетъ лучше всего нелогичность такого утвержденiя. Людовикъ XVI не отличался особенными половыми потребностями. Такъ какъ у него не было естественныхъ побудительныхъ причинъ къ разврату, то лично онъ велъ жизнь въ половомъ отношенiи безупречную. И однако этотъ хорошiй примѣръ никакой пользы не принесъ.

Въ средѣ господствующихъ классовъ, дворянства и финансовой аристократiи, равно какъ въ связанныхъ съ ними слояхъ, продолжала царить та же отвратительная форма разврата. И это вполнѣ понятно. Извѣстная тенденцiя можетъ найти свое особо яркое впечатлѣнiе въ отдѣльномъ лицѣ, особенно въ монархѣ, своимъ примѣромъ онъ можетъ сдѣлать ее особенно популярной, но онъ лишенъ возможности создать изъ ничего жажду разврата. Послѣдняя вытекаетъ изъ политическихъ и экономическихъ условiй

Куртенъ: Любовникъ, исполняющій обязанности камеристки.

Серенада изъ серіи „Мѣсяцы".

Сатира на расточительныхъ женъ.

эпохи, ихъ мы выяснили во вступительной главѣ перваго тома. Если поэтому государь въ силу сексуальной индиферентности подастъ случайно хорошій, а не плохой примѣръ, то это очень мало можетъ измѣнить дѣйствующее положеніе вещей. Порокъ просто создастъ себѣ другой центръ. Въ эпоху Людовика XVI этотъ центръ существовалъ даже бокъ-о-бокъ съ королемъ. Дань разврату, которую этотъ послѣдній отказывался платить, платилъ тѣмъ усерднѣе его братъ, графъ Артуа, достойный продолжатель традицій Людовика XV.

Въ итогѣ: нравственныя качества господствующихъ классовъ, какъ и мѣрило моральной оцѣнки, падали все ниже и ниже. Типическіе распутники становились всѣми почитаемыми героями. Герцогъ Лозенъ считался въ свѣтѣ „самымъ великодушнымъ и благороднымъ человѣкомъ, когда либо существовавшимъ". Также величали и герцога Шуазеля, послужившаго для Шадерло де Лакло моделью для его типическаго распутника Вальмонъ. И это въ то самое время, когда весь Парижъ былъ полонъ разсказами о чудовищныхъ галантныхъ похожденіяхъ этого господина. Графъ Тилли, долголѣтній фаворитъ королевы Маріи Антуанетты, пользовался репутаціей не только благороднаго человѣка, но и остроумнаго философа. И онъ былъ поистинѣ философомъ! Вмѣстѣ съ двумя другими джентльменами, княземъ Монакскимъ и шевалье де ла Кюрнъ онъ содержалъ на паяхъ любовницу, и когда та забеременѣла, то онъ внесъ въ свой дневникъ слѣдующія размышленія:

„Впрочемъ скоро на нашу долю выпало еще одно испытаніе. Розалія почувствовала себя матерью. Каждый изъ насъ считалъ себя отцомъ ея ребенка... Родилась дѣвочка. Говорили, что она очень похожа на меня. Я этого не знаю и никогда не узнаю, какъ и многое другое".

Поистинѣ мысль, достойная философа! То резиньяція беззастѣнчиваго разврата, стремящагося такимъ образомъ освободиться отъ всякаго чувства отвѣтственности.

Женщины не отставали въ эту эпоху отъ мужчинъ. Одна знатная дама такъ опредѣляла счастливаго любовника: „Каждый любовникъ для женщины не болѣе, какъ станція". Маркиза Мертель въ свою очередь говоритъ о себѣ: „Я можетъ быть часто претендовала замѣнить собой цѣлый гаремъ, но никогда не позволяла себѣ принадлежать къ чьему либо гарему". Вполнѣ основательно братья Гонкуръ слѣдующимъ образомъ подводятъ итогъ своимъ наблюденіямъ надъ женщинами этой эпохи:

„Всѣ держатся того мнѣнія, что женщина, достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, уже давно успѣла испить чашу позора, что ей осталась только нѣкоторая элегантность въ неприличіи и нѣкоторая грація въ паденіи, что послѣ паденія ее спасаетъ отъ нравственной деградаціи лишь осторожное или, по крайней мѣрѣ, приличное кокетство. Лишь слабый остатокъ чувства собственнаго достоинства—вотъ все, что она приноситъ съ собой въ развратъ".

Если ясно представить себѣ это положеніе вещей, то легко можно притти къ выводу, что во Франціи развратъ раскрылъ послѣднія пропасти сексуальной извращенности и что она въ этомъ отношеніи превосходила всѣ остальныя страны. И однако такой выводъ былъ бы неправиленъ. Подобная разнузданная свобода нравовъ не только не была характернымъ признакомъ спеціально французскаго двора, такая же разнузданность царила и при другихъ дворахъ. „Русскій, прусскій, англійскій, саксонскій, португальскій, испанскій, датскій, пармскій дворы были аренами такихъ скандаловъ, что версальскій еще можетъ казаться послѣднимъ прибѣжищемъ добродѣтели". Это не преувеличено.

Одинъ дворъ Карла II подтверждаетъ какъ нельзя лучше эти слова для посвященнаго. Чтобы дать непосвященному хоть нѣкоторое представленіе о томъ, что понималось здѣсь подъ словомъ развратъ, пришлось бы привести отвратительнѣйшее произведеніе порнографическаго вдохновенія, принадлежащее перу герцога Рочестерскаго „Содомъ", гдѣ каждое слово—непристойность, каждая мысль—клоака, каждая ситуація—ликующее копанье въ грязи этой клоаки. Пришлось бы далѣе прибавить, что это произведе-

Гёцъ: **L'apctissante.**

Домбрейнъ: **Виньетка.**

Леклеркъ: **Продавщица галантерейнаго товара.**

Кокетка. Аугсбургская гравюра.

Бушэ: Кокетка.

ніе служитъ вѣрнымъ изображеніемъ каждодневныхъ развлеченій реставратора англійской монархіи и его любовницъ: Нелли Гвинъ, лэди Кэстльмэнъ и др. И, наконецъ, слѣдовало бы упомянуть, что придворное общество не стыдилось аплодировать драматизаціи своего позора, т. е., глубочайшаго человѣческаго позора, ибо драматическое прославленіе педерастіи, вызванное тѣмъ, что естественное удовлетвореніе полового чувства прискучило, въ самомъ дѣлѣ представлялось на сценѣ передъ Карломъ II и его интимной свитой.

Подобными оргіями королевская династія и придворные круги мстили за то, что великая революція 1649 г. очистила Англію на нѣсколько десятилѣтій отъ самой худшей грязи.

Хотя послѣ революціи была во всеуслышаніе провозглашена необходимость нравственнаго воспитанія англійского народа, но осязательные результаты этого воспитанія очень долго не обнаруживались, такъ какъ именно выдвигаемые этими проповѣдниками регенераціи доводы въ пользу ихъ требованій показываютъ, что здѣсь въ теченіе всего XVIII ст. царили такіе же нравы, какъ и во Франціи.

Въ серединѣ XVIII в. извѣстная лэди Монтэгю писала слѣдующее объ эмансипаціи имущихъ классовъ, о бракѣ и о господствѣ разврата:

„Со скорбью вижу я, какъ падаетъ бракъ, надъ которымъ нынѣ смѣются наши молодыя дѣвушки такъ, какъ раньше это дѣлали только мужчины. Оба пола постигли неудобство брака и слово распутный служитъ теперь украшеніемъ не только молодыхъ мужчинъ, но и молодыхъ женщинъ. Теперь люди, нисколько не смущаясь, говорятъ: „Миссъ такая-то, придворная фрейлина, счастливо разрѣшилась отъ бремени“.

Входили въ моду въ Англіи и Petites maisons. Что и здѣсь ими пользовались въ цѣляхъ разврата не только мужчины, но часто и молодыя свѣтскія дамы, видно изъ слѣдующаго мѣста правоописательнаго трактата Satans Harvest Home:

„Что можетъ исполнить сердце въ особенности удивленіемъ и изумленіемъ, такъ это новый порокъ, недавно введенный въ моду знатными и красивыми дамами. Эти послѣднія вывернули наизнанку естественный порядокъ вещей, превратили мужчинъ въ женщинъ и стали преспокойно содержать любовниковъ. Если знатныя замужнія дамы и вдовы устраиваютъ себѣ въ сторонѣ маленькое удовольствіе, то это является свободой, которой онѣ пользовались съ незапамятныхъ временъ. Если же красавицы и притомъ дѣвицы содержатъ себѣ любовниковъ въ собственныхъ квартирахъ и посѣщаютъ ихъ публично въ своихъ экипажахъ, что это является привилегіей, неизвѣстной нашимъ предкамъ“.

Да и вообще въ англійскомъ обществѣ были распространены тѣ же методы, что и во французскомъ. Когда въ Лондонѣ въ моду вошли Fêtes d'Adam, то многія знатныя дамы были этой „пикантной новинкой“ восхищены не менѣе мужчинъ. Въ одномъ современномъ описаніи такого афинскаго вечера, устроеннаго сводней мистриссъ Пендерквастъ въ ея роскошно освѣщенномъ гаремѣ, говорится:

„На этотъ балъ явилось много прекрасныхъ и знатныхъ дамъ въ маскахъ, а въ остальномъ puris naturalibus. Мужчины за входъ платили пять гиней. Оркестръ наигрывалъ танцы, была устроена холодная закуска. Послѣ окончанія танцевъ зала погрузилась въ темноту и многочисленные диваны служили для послѣдовавшей затѣмъ оргіи“.

Когда другая такая оргія была накрыта полиціей, и когда послѣдняя принялась устанавливать личности участниковъ, проститутки были удивлены, что гости наполовину принадлежали къ лучшему лондонскому обществу, и въ особенности тѣмъ, что дамы, которыя недавно еще отличались особеннымъ безстыдствомъ, оказались не проститутками, а носительницами герцогскихъ титуловъ. Какъ далеко заходили, однако, и при офиціальныхъ празднествахъ, доказываетъ уже упомянутый случай съ знаменитой миссъ Chudleigh, явившейся на балъ у посланника въ видѣ Ифигеніи,

въ одномъ только прозрачномъ тюлѣ, т.-е. совершенно голой (См. соотвѣтствующую иллюстрацію).

Переходя къ характеристикѣ нѣмецкихъ дворовъ, очень трудно рѣшить, кому изъ нихъ отдать пальму первенства. Обычно самымъ пышнымъ царствомъ порока изображается саксонскій дворъ Августа Сильнаго, которому извѣстныя фаворитки Аврора фонъ-Кенигсмаркъ, графиня Козель, графиня Эстерлэ, г-жа Гоймъ и др. придавали характерную внѣшность. Но это было бы несправедливостью по отношенію къ другимъ дворамъ. Въ Дрезденѣ и Варшавѣ — Августъ былъ одновременно и польскимъ королемъ — пышность и расточительность продолжавшихся цѣлыми годами оргій только облечены въ болѣе художественную форму. Однако, въ смыслѣ порочности ему нисколько не уступали десятки другихъ нѣмецкихъ дворовъ.

Такъ, лордъ Уилльямъ Wraxall сообщаетъ о кассельскомъ дворѣ, что „пренебреженіе къ чувству приличія считалось здѣсь чѣмъ-то священнымъ“. О герцогѣ Баденъ-Дурлахѣ другой путешественникъ разсказываетъ, что онъ „развлекался въ гаремѣ, состоявшемъ изъ ста шестидесяти садовницъ“. Устроить себѣ гаремъ изъ двадцати, тридцати, пятидеяти, ста и больше офиціальныхъ фавориток было вообще однимъ изъ излюбленнѣйшихъ пріемовъ великихъ и малыхъ. О нравахъ, царившихъ при мюнхенскомъ дворѣ, особенно при Карлѣ-Альбертѣ, въ замкѣ Нюмфенбургѣ говорятъ съ откровенностью, не нуждающейся въ комментаріи, сладострастныя картины Андріана ванъ деръ Верфа, посвященныя прославленію этой жизни. Описывая нравы штутгартскаго двора при герцогахъ Карлѣ-Евгеніи и Карлѣ-Александрѣ, даже самые скромные писатели вынуждены прибѣгать къ щекотливымъ сравненіямъ, а болѣе отважные, рисующіе при помощи болѣе недвусмысленныхъ краскахъ, признаются, что, тѣмъ не менѣе, возсоздаютъ положеніе вещей только приблизительно. И также обстояло дѣло при дворахъ болѣе незначительныхъ, какъ можно убѣдиться на основаніи любой исторіи того или другого двора.

На периферіи этихъ круговъ и классовъ, въ слояхъ, связанныхъ съ ними своимъ экономическимъ положеніемъ, встрѣчаются тѣ же оттѣнки разврата. Лучше всего видно, какъ сверху то-и-дѣло просачивались внизъ въ ниже лежавшіе народные слои цѣлые потоки грязи, если мы всмотримся въ нравственность тѣхъ городовъ, въ силу того или другого случая становившихся жертвами феодальнаго вторженія. Быть можетъ, наиболѣе назидательнымъ примѣромъ является Кобленцъ въ тѣ годы, когда онъ сдѣлался центромъ французской эмиграціи. Среди многочисленныхъ документовъ о нравственномъ разложеніи населенія Кобленца мы остановимся здѣсь на автобіографіи магистра Лаукхарта. Въ ней встрѣчается слѣдующее мѣсто:

„Сдѣлался я и свидѣтелемъ той ужасающей порчи нравовъ, причиной которой были эмигранты. „Здѣсь въ Кобленцѣ, — замѣтилъ мнѣ одинъ честный старый тріестскій унтеръ-офицеръ,—вы не найдете невинной дѣвушки старше двѣнадцати лѣтъ. Проклятые французы хозяйничали здѣсь такъ, что просто позоръ". И это было именно такъ: всѣ дѣвушки и женщины, не исключая и многихъ старыхъ ханжей, такъ и набрасывались на мужчинъ. Какъ разъ напротивъ монастыря, гдѣ я жилъ, былъ винный погребокъ, и три хозяйскія дочки привлекали французовъ массами. Однажды я также вошелъ съ однимъ эмигрантомъ. Три нимфы сидѣли у французовъ на колѣняхъ и съ величайшимъ удовольствіемъ выслушивали ихъ скабрезности. Вскорѣ явилось еще нѣсколькс дѣвицъ и началось нѣчто такое, что превосходитъ даже нравы знаменитыхъ берлинскихъ домовъ терпимости. Парочки уходили и вновь возвращались, какъ-будто ни въ чемъ не бывало".

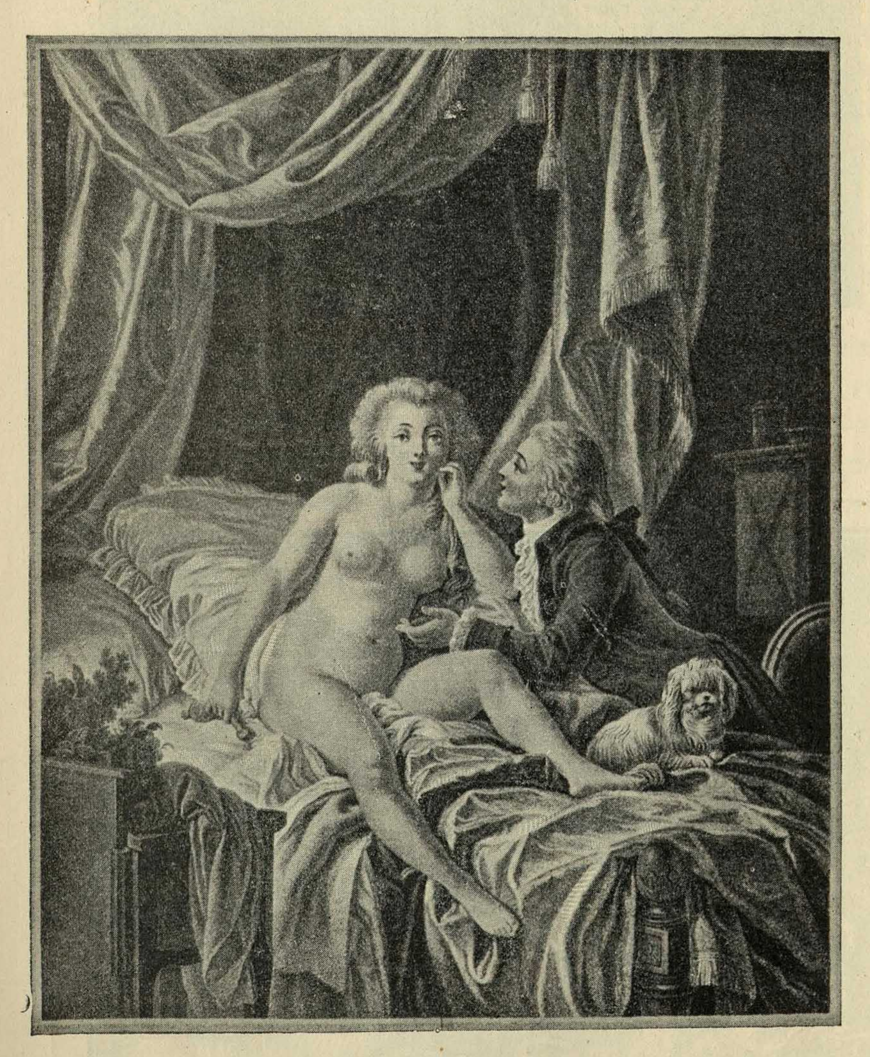
Другимъ показателемъ всеобщаго разврата, царившаго спеціально въ большихъ городахъ, являются бульварные нравы. Бульвары тогда служили еще гораздо въ большей степени, чѣмъ теперь, проституціи. Въ своихъ британскихъ анналахъ Архенхольцъ сообщаетъ о лондонскомъ Сентъ-Джемскомъ паркѣ:

„Семнадцать входовъ парка на ночь запирались, однако, ключи къ тѣмъ или другимъ воротамъ продавались за гинею, такъ что

Викторинъ похищаетъ Христину. Иллюстрація къ роману Ретифъ де-ла-Бретоннъ.

Буше: **Венера и купидоны.**

Юэ: Галантная гравюра.

можно было провести тамъ всю ночь. И этой возможностью пользовались изрядно—въ большинствѣ случаевъ въ не очень-то чистыхъ цѣляхъ. Такъ, въ 1780 г. такихъ ключей было продано около 6500".

О берлинскомъ Тиргартенѣ говорится:

„Это роща любви, гдѣ свѣтъ и мракъ (какъ на Пафосѣ) сочетаются страннымъ и пріятнымъ образомъ, гдѣ мыслитель и сладострастникъ находятъ богатый матеріалъ для бесѣды. Сюда, какъ къ гробу Магомета, изъ всѣхъ концовъ города паломничаютъ цѣлые охваченные желаніемъ караваны женщинъ и рыцарей".

Аналогичныя описанія имѣются у насъ и относительно большинства большихъ бульваровъ и скверовъ другихъ крупныхъ европейскихъ городовъ.

Спеціальнаго, хотя и сжатаго освѣщенія заслуживаетъ вопросъ о роли представителей католической церкви въ общемъ состояніи нравственности эпохи.

При поверхностномъ взглядѣ легко можно притти къ заключенію, что большая часть клира откровенно-цинично участвовала въ господствующей кругомъ безнравственности, что представители церкви не только не задерживали развитіе разврата, а прямо содѣйствовали этому его развитію. Но какъ только мы станемъ вглядываться въ положеніе вещей, намъ придется установить такія же значительныя и столь же принципіальныя различія, какъ при оцѣнкѣ половой нравственности въ средѣ разнообразныхъ классовъ населенія.

Только вполнѣ опредѣленные слои духовенства открыто участвовали во всеобщей оргіи непристойности. А именно, все высшее духовенство и затѣмъ въ значительной степени опредѣленные монастыри. Что же касается остальной части духовенства, большой массы священства, то можно говорить лишь объ индивидуальныхъ случаяхъ, число которыхъ, впрочемъ, относительно весьма велико, такъ какъ безбрачіе то-и-дѣло побуждало къ использованію удобныхъ шансовъ, а этихъ послѣднихъ ни у кого не было въ

такомъ количествѣ, какъ у католическаго священника. Эти различія вполнѣ соотвѣтствуютъ, стало-быть, царившимъ въ средѣ самой церкви классовымъ противорѣчіямъ, ибо эти послѣднія и здѣсь сильнѣе всякаго моральнаго ученія.

Обычный упрекъ, предъявлявшійся, да еще и теперь предъявляемый къ церковнымъ сановникамъ эпохи стараго режима, заключается въ томъ, что нравственное поведеніе высшаго духовенства, особенно во Франціи, ничѣмъ не отличалось отъ таковото придворной знати. Подобный упрекъ вполнѣ основателенъ, хотя въ самомъ фактѣ и нѣтъ ничего удивительнаго: хорошо оплаченныя церковныя мѣста были ничѣмъ инымъ, какъ синекурами дворянства, или же синекурами, которыми короли вознаграждали своихъ сторонниковъ. Главная суть этихъ мѣстъ—доставляемый ими доходъ, а связанный съ ними духовный титулъ только средство замаскировать этотъ доходъ.

Уже изъ одного этого слѣдуетъ, что сановники церкви тяготѣли не столько къ Евангелію Христа, сколько къ эпикурейской философіи господствующихъ классовъ. Если затѣмъ принять во вниманіе высоту дохода, если вспомнить, что каждый изъ полтораста французскихъ архіепископовъ и епископовъ располагалъ ежегоднымъ доходомъ въ 250—300,000 франк.—на наши деньги почти полмилліона,—а нѣкоторые церковные князья, какъ, напр., архіепископъ страссбургскій, получали даже три милліона, то эти данныя въ достаточной степени объясняютъ намъ огромную роль этихъ паразитовъ въ сатурналіяхъ придворной знати.

Нѣсколько болѣе сложны причины разврата, царившаго въ цѣломъ рядѣ монастырей, въ особенности женскихъ, хотя и ихъ вскрыть не такъ уже трудно. Позволимъ себѣ сначала просто констатировать факты. Во всѣхъ католическихъ странахъ появляется тогда значительное количество женскихъ монастырей, бывшихъ безъ преувеличенія настоящими домами разврата. Въ нихъ царили беззаботность и непринужденность. Казанова описываетъ въ своихъ мемуарахъ такіе монастыри въ Венеціи.

Въ поискахъ мужей. 1700.

Вилль: **Женщина во время кровопусканія и въ ваннѣ.**

Нѣмецкая мода.

Ватто (сынъ): Парижскія моды 1784 г.

„Пріемныя этихъ монастырей и дома куртизанокъ, находящихся впрочемъ, подъ контролемъ многочисленныхъ полицейскихъ шпіоновъ, были единственными мѣстами, гдѣ сходилась венеціанская знать: и тамъ и здѣсь царила одинаковая свобода. Музыка, пирушки, галантность также мало возбранялись въ монастырскихъ пріемныхъ, какъ и въ casini. Пьетро Лонги изобразилъ эти монастырскіе нравы въ интересной картинѣ“ (хранится въ Museo Civico въ Венеціи).

Суровые орденскіе уставы были въ этихъ монастыряхъ часто только маской, такъ что въ нихъ можно было всячески развлекаться. Монашенки могли почти безпрепятственно предаваться галантнымъ похожденіямъ и начальство охотно закрывало глаза, если поставленныя имъ символическія преграды открыто игнорировались. Монашенки увѣковѣченнаго Казановой монастыря въ Мурано имѣли своихъ друзей и любовниковъ, обладали ключами, позволявшими имъ каждый вечеръ покидать тайкомъ обитель и заходить въ Венеціи не только въ театры или иныя зрѣлища, но и посѣщать Petites maisons своихъ любовниковъ. Въ будничной жизни этихъ монахинь любовь и галантныя похожденія даже главное занятіе: опытныя совращаютъ вновь постриженныхъ, а услужливыя среди нихъ сводятъ послѣднихъ съ друзьями и знакомыми, подобно тому какъ сводня снабжаетъ своихъ кліентовъ новымъ товаромъ.

Монашенки этой обители являются наиболѣе утонченными жрицами любви, онѣ не только участвуютъ во всевозможныхъ оргіяхъ, но и сами устраиваютъ подобныя оргіи и притомъ съ такой раффинированностью, которая можетъ родиться лишь въ головѣ отъявленнѣйшаго развратника. Даже въ пріемной онѣ идутъ навстрѣчу своимъ поклонникамъ, хотя здѣсь дѣло не заходило, разумѣется, дальше флирта жестами. Не только Казанова рисуетъ намъ господство такихъ нравовъ въ монастырѣ въ Мурано. Уже полстолѣтіемъ раньше саксонскій кронъ-принцъ Августъ, нашелъ въ этой обители такой же раффинированный культъ Пріапа. Пелльницъ сообщаетъ на этотъ счетъ:

„Впродолженіи двухъ мѣсяцевъ, т.-е. пока ея мужъ находился на terra firma, принцъ навѣщалъ ее, однако, встрѣченныя имъ потомъ трудности, да и его прирожденное непостоянство привели къ тому, что онъ отъ нея отказался и замѣнилъ синьеру Матеи монашенкой изъ обители въ Мурано. Принцъ былъ вынужденъ подчинить свою любовь цѣлому уставу. Монашенка заставила его проѣхать вдоль и поперекъ всю страну Нѣжности, прежде чѣмъ ввела его въ столицу Наслажденія“.

Можно было бы привести такія же данныя относительно цѣлаго ряда другихъ итальянскихъ, а также и французскихъ женскихъ монастырей. Пфальцграфиня Луиза Олландина, игуменья монастыря въ Монбюйссонъ (тетка герцогини Елизаветы-Шарлотты) производитъ на свѣтъ въ монастырѣ не менѣе четырнадцати дѣтей, какъ говорили, отъ разныхъ отцовъ. И это не только не заставляло краснѣть даму, напротивъ, она открыто гордилась своей плодовитостью. Въ письмѣ, написанномъ ея племянницей, говорится:

„Игуменья Луиза Олландина, fille de Frédéric V, Electeur Palatin произвела столько незаконныхъ дѣтей, что имѣла обыкновеніе клясться: par ce ventre qui a porté 14 enfants“.

Какъ видно, подобныя учрежденія имѣли общимъ съ монастырями только имя, такъ какъ были на самомъ дѣлѣ официальными храмами безнравственности. И это вполнѣ совпадаетъ съ тѣми измѣнившимися, т.-е. новыми цѣлями, которымъ начинали съ XVI ст. все болѣе служить женскіе монастыри. Монастыри все болѣе превращались изъ пріютовъ для бѣдноты въ пансіоны, куда дворянство отправляло на содержаніе не вышедшихъ замужъ дочерей и вторыхъ сыновей. Именно такіе монастыри, въ которыхъ находились дочери знати, обыкновенно и славились царившей въ нихъ или терпимой въ нихъ свободой нравовъ.

Такъ какъ подобные монастыри служили исключительно интересамъ дворянства, то они были не только своего рода богадѣльнями для невышедшихъ замужъ дворянокъ, но и служили цѣлому ряду другихъ потребностей господствующихъ классовъ. Нервирую-

щая обстановка постоянныхъ праздниковъ вызывала потребность въ временномъ покоѣ и отдыхѣ, а гдѣ ихъ лучше обрѣсти, какъ не въ монастырѣ. Нѣкоторыя обители становятся, такимъ образомъ, своего рода санаторіями, куда уединялись на время отдохнуть отъ утомленія, вызваннаго слишкомъ разсѣянною жизнью. Съ другой стороны галантная интрига иногда приводила къ такимъ послѣдствіямъ, которыя требовали быстраго и не бросающагося въ глаза исчезновенія съ поверхности жизни—опять-таки и въ этомъ отношеніи, что могло быть удобнѣе монастыря. Вдова, желавшая демонстративно подчеркнуть свою печаль по усопшемъ мужѣ, также не находила лучшаго средства, какъ на годъ запереться въ монастырѣ. Очистить свое загрязненное имя можно было также лучше всего, уединившись на нѣкоторое время, въ покаянномъ настроеніи, въ монастырь.

Словомъ: монастырь перестаетъ быть могилой, становясь убѣжищемъ для господствующихъ классовъ.

Мы уже упомянули, что монастыри брали на себя воспитаніе дѣтей аристократіи и вообще имущихъ, такъ какъ дѣти слишкомъ мѣшали родителямъ предаваться удовольствіямъ; какъ упомянули мы и о томъ, что эти классы не находили болѣе удобнаго мѣста, чтобы безъ шума отдѣлаться отъ какой-нибудь родственницы или отъ невѣрной жены. Все это, однако, еще не исчерпываетъ всего списка новыхъ функцій монастырей. Но и остальныя функціи были всѣ приспособлены къ потребностямъ господствующихъ классовъ. И церковь—какъ вѣрная исполнительница ихъ велѣній—выполняла всѣ эти требованія и при томъ какъ нельзя лучше, т.-е. именно такъ, какъ этого желали господствующіе классы. Послѣдніе, напр., отнюдь не требовали, чтобы ихъ дочери, не вышедшія замужъ изъ фамильныхъ соображеній, напр., чтобы не распылять состояніе, обрекали себя на безусловное цѣломудріе. Напротивъ, ихъ хотятъ поставить въ такое положеніе, чтобы онѣ могли наслаждаться всѣми тѣми преимуществами, которыя тогда давалъ женщинѣ только бракъ.

Это въ достаточной степени объясняетъ легкомысленную и роскошную жизнь, царившую во всѣхъ такихъ монастыряхъ. И этимъ

же объясняется и то обстоятельство, что такія обители группировались преимущественно вокругъ центровъ политической и общественной жизни отдѣльныхъ странъ, гдѣ мы ихъ въ самомъ дѣлѣ обыкновенно и встрѣчаемъ (См. также I томъ).

Разумѣется, это еще не значитъ, что во всѣхъ остальныхъ областяхъ, гдѣ монахи и монахини давали обѣтъ отреченія, господствовали образцовые, поистинѣ святые нравы. Вѣрнѣе всего, нравы мужскихъ и женскихъ монастырей во многомъ напоминали положеніе вещей, господствовавшее здѣсь въ XVI в. Къ такому выводу приходишь, пользуясь съ осторожностью современными описаніями монастырской жизни. А такая осторожность въ особенности необходима по отношенію къ стереотипнымъ обвиненіямъ, раздававшимся по адресу іезуитовъ. Если каждое истинное или выдуманное позорное дѣяніе іезуитовъ вызывало стозвучное эхо въ эпоху, когда безнравственность была на очереди дня въ средѣ господствующихъ классовъ, то невольно приходишь къ убѣжденію, что здѣсь дѣйствовали еще и иные мотивы, кромѣ почтеннаго нравственнаго негодованія. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ...

И эти истинныя причины, вполнѣ объясняющія намъ нравственный походъ противъ іезуитовъ, нетрудно вскрыть. Орденъ братьевъ-іезуитовъ занимался тогда не только ловлей душъ, но кромѣ того и въ большей еще степени выколачиваніемъ прибавочной стоимости. И не столько путемъ издавна испытаннаго средства перехватыванія наслѣдствъ, а очень дѣловымъ и для того времени прямо грандіозно организованнымъ путемъ заморской торговли. Въ XVIII в. іезуиты представляли собой наиболѣе могущественную торговую компанію. Короче: они были единственными и тѣмъ болѣе поэтому опасными конкурентами торговой буржуазіи всѣхъ странъ. Вотъ гдѣ разгадка того явленія, что нравственныя преступленія іезуитскихъ монастырей, разъ они становились извѣстными, всегда разрисовывались такими черными красками, и каждое обвиненіе пробуждало все разраставшееся эхо нравственнаго негодованія. Ибо, какъ извѣстно, противъ экономическаго конкурента нѣтъ бо-

Какъ трудно сбыть съ рукъ дочку!

Гёцъ: **Нѣмецкая мода.**

Дерэ: **Парижская мода 1782 г.**

Ватто: **Свадебный контрактъ.**

Сатира на частые случаи добрачныхъ связей.

Юэ: Сломанный вѣеръ. 1775.

лѣе дѣйствительнаго средства борьбы, какъ нравственное негодованіе.

Хотя ко всѣмъ подобнымъ описаніямъ необходимо относиться осторожно и не вѣрить каждому слову, но, съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что по мѣрѣ того, какъ церковныя учрежденія все болѣе теряли свое прежнее содержаніе, возникшіе въ эпоху безусловнаго господства аскетизма законы также теряли свое вліяніе на ихъ представителей. Чѣмъ больше модернизировалась церковь въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ болѣе должно было обмірщаться и индивидуальное поведеніе священниковъ, монаховъ и монахинь. Или: въ виду благопріятствовавшаго развитію всяческихъ пороковъ безбрачія въ эпоху галантности обычнымъ стало то явленіе, что знаменоносцами разврата относительно чаще всего были представители рясы. Можно было бы подтвердить это положеніе множествомъ историческихъ примѣровъ. И потому не простой ироніей исторіи является тотъ фактъ, что современники называли дворецъ наиболѣе богатаго сановника церкви, епископскій дворецъ кардинала Рогана въ Страсбургѣ, „гаванью Цитеры“,— какъ въ эпоху Ренессанса дорога къ развратнѣйшей дѣйствительности шла черезъ церковь.

Природа неизмѣнно ставитъ какъ индивидуальной жаждѣ наслажденія, такъ и индивидуальной способности наслажденія опредѣленныя границы.

Если же личность требуетъ или отдаетъ больше, чѣмъ позволено этими, такъ сказать, естественными границами, то она можетъ достигнуть этого лишь при помощи искусственныхъ возбудителей. Въ такія эпохи, когда культъ чувственности господствуетъ надъ всѣми остальными жизненными интересами, эти искуственныя возбуждающія средства всегда играютъ большую роль въ жизни какъ индивидуумовъ, такъ и всего общества, и потому они никогда не были въ такомъ ходу, какъ въ вѣкъ стараго режима. Эти возбудители имѣли, по словамъ Гейнцмана, автора книги Meine Früh-

stunden in Paris цѣлью, „сдѣлать всѣхъ богатыхъ людей машинами сладострастія“.

Эта цѣль была достигнута тѣмъ, что наука вторгалась все болѣе побѣдоносно въ эту область. Фантастическіе любовные напитки и симпатическія средства, бывшіе въ ходу въ средніе вѣка, были дополнены въ самомъ дѣлѣ дѣйствительными эротическими и косметическими средствами. Въ особенности послѣднія скоро сдѣлались столь необходимыми, что ни одна женщина не хотѣла отъ нихъ отказаться, такъ какъ ихъ возбуждающее вліяніе позволяло имъ тѣснѣе приковать къ себѣ мужчинъ... Румяны и духи употреблялись не только всѣми слоями мѣщанства, но и крестьянками, которыя пользовались ими даже усерднѣе другихъ. Крестьянка такъ же бѣлила и румянила свое лицо въ духѣ времени и обрызгивала платье духами. Кто не имѣлъ средствъ на покупку дорогихъ румянъ и эссенцій, довольствовался болѣе дешевыми суррогатами, а кто былъ совсѣмъ безъ средствъ, тотъ употреблялъ, по крайней мѣрѣ, кирпичный порошокъ и примитивнымъ образомъ собственноручно состряпанные духи.

Что извѣстные растительные и животные запахи усиливаютъ желаніе мужчины обладать женщиной, отъ которыхъ эти запахи исходятъ, знаетъ каждый изъ опыта, знали поэтому еще древніе. Чѣмъ болѣе люди понимали, что съ опредѣленными запахами ассоціируются совершенно особыя эротическія представленія, тѣмъ болѣе использованіе этихъ воздѣйствій становилось особой наукой. Начали дифференцировать. Сначала безсознательно, просто инстинктивно, потомъ сознательно.

Стройная или слишкомъ стройная женщина пользовалась рѣзко возбуждающими запахами, какъ амбра или мускусъ, такъ какъ они позволяли ей казаться полнѣе и потому желаннѣе. Напротивъ, пышная женщина употребляетъ духи, полученные изъ цвѣтовъ на нѣжныхъ стебляхъ, такъ какъ она сама кажется тогда эфирнѣе. Эта наука, доведенная нынѣ до утонченнѣйшаго совершенства женщиной въ союзѣ съ химіей, снова получаетъ значительное развитіе въ XVII и XVIII вв., послѣ того, какъ въ средніе вѣка ее

хотя и не забыли совершенно, но разучились ею пользоваться или пользовались ею лишь очень неумѣло. Впрочемъ, и въ XVII вѣкѣ вновь постигли лишь главные пункты этой науки. Зато пользовались ими тѣмъ болѣе расточительно. Къ надушеннымъ подушечкамъ, которыя носили, по словамъ Санты-Клары, мокругъ шеи на груди, присоединились сильно надушенные перчатки и чулки. Въ концѣ-концовъ духами пропитывались всѣ части костюма, такъ что женщина была положительно окутана цѣлымъ облакомъ запаховъ.

Желаніе дѣйствовать возбуждающе на мужчинъ заставляло прибѣгать и къ грубымъ пріемамъ румяниться и пудриться. Мы выше уже указали, до какихъ границъ доходили въ этомъ отношеніи. Другимъ доказательствомъ являются постоянныя жалобы мужей на огромные расходы, которые дѣлали ихъ жены на косметику.

Чрезмѣрное употребленіе духовъ и румянъ въ XVIII в. имѣло, правда, еще и другія побудительныя причины. Главная и важнѣйшая состояла въ желаніи заглушить непріятныя испаренія, исходившія тогда рѣшительно отъ всѣхъ и каждаго. Въ настоящее время мы едва ли можемъ имѣть вѣрное представленіе объ этомъ. Вѣкъ элегантности былъ въ то же время и вѣкомъ отвратительной нечистоплотности. Внѣшній блескъ и чарующій аромать были во всѣхъ отношеніяхъ не болѣе, какъ замазкой. Люди совершенно разучились раціонально умываться. Людовикъ XIV довольствовался тѣмъ, что по утрамъ слегка обрызгивалъ руки и лицо одеколономъ—этимъ ограничивался весь процессъ умыванія. Зато отъ него и воняло на десять шаговъ такъ нестерпимо, что могло стошнить, какъ ему однажды въ минуту раздраженія заявила г-жа Монтеспанъ.

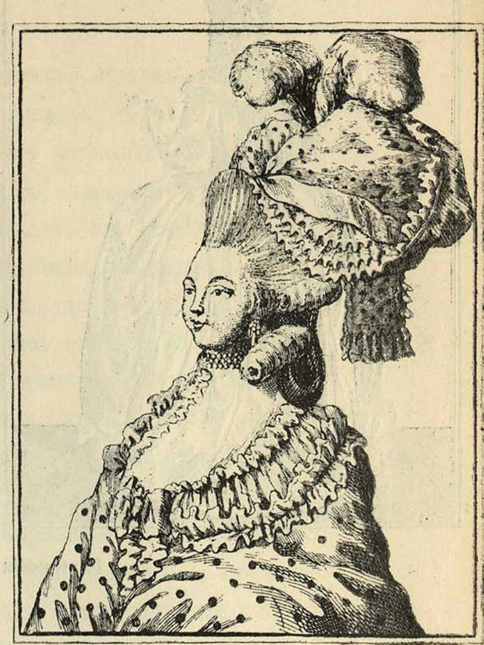
Такъ какъ огромныя прически требовали нѣсколькихъ часовъ работы, то женщины перестали каждый день подвергаться процедурѣ причесыванія и даже знатныя дамы причесывались только разъ въ недѣлю или разъ въ двѣ недѣли. Большинство же женщинъ средняго и мелкаго мѣщанства, какъ достовѣрно извѣстно,

причесывались даже разъ мѣсяцъ. Неудивительно поэтому, что волосы женщинъ положительно кишѣли насѣкомыми и отдавали запахомъ испортившейся помады. Ко всему этому присоединялся еще нехорошій запахъ изо рта, такъ какъ уходъ за зубами былъ тогда совсѣмъ неизвѣстенъ, и у большинства зубы были плохіе или гнилые.

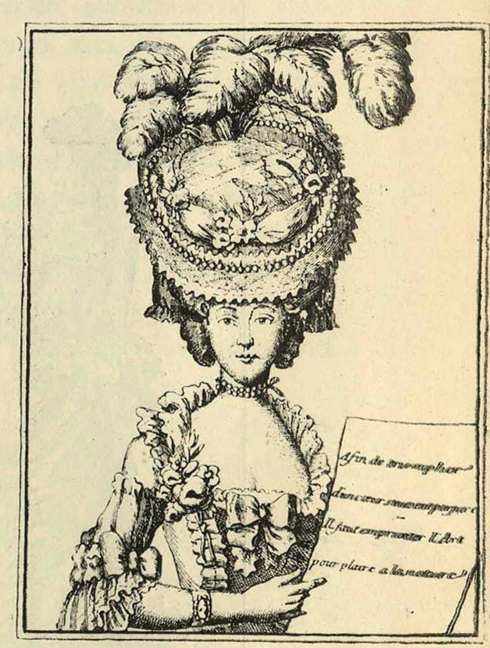
Не менѣе серьезныя причины побуждали многихъ прибѣгать къ румянамъ и бѣлиламъ. Они служили не только для того, чтобы создать опредѣленный цвѣтъ лица, но и для того, чтобы скрыть слѣды оспы, безобразившіе въ XVIII ст. большинство лицъ, а также симптомы и слѣды венерическихъ болѣзней. Лицомъ къ лицу со всѣми этими причинами возбуждающее воздѣйствіе этихъ маскирующихъ средствъ почти не идетъ въ счетъ. Наряду съ этими косметическими средствами, возбуждающими, между прочимъ, и эротическое чувство, существовалъ еще цѣлый рядъ средствъ, исключительно служившихъ цѣли усилить это послѣднее — eveiller le chat, qui dort... Къ числу наиболѣе невинныхъ такихъ средствъ относится цѣлый рядъ специй и деликатессъ, эротическое воздѣйствіе которыхъ мало-по-малу было постигнуто. Встрѣчается немало списковъ подобныхъ яствъ, нерѣдки и дискуссіи на тему о томъ, какое изъ нихъ болѣе, какое менѣе дѣйствительно. Замѣтимъ кстати, подобное стимулирующее воздѣйствіе приписывалось тогда и кофе, и потому совѣтовали воздерживаться отъ него всѣмъ, которые не желали стать жертвами своихъ чувствъ.

Менѣе невинны были эротическіе яды, наиболѣе извѣстными среди которыхъ были кантариды или шпанскія мушки. Ихъ примѣшивали въ капляхъ къ кушаніямъ или—еще чаще—принимали въ видѣ конфектъ. Несмотря на огромную опасность это средство было весьма въ ходу. Любовникъ прибѣгалъ къ нему, желая особенно отличиться, а робкій и застѣнчивый, желая превозмочь свое пониженное настроеніе, въ особенности же имъ пользовались легіоны тѣхъ мужчинъ, которые чрезмѣрными наслажденіями преждевременно ослабляли свой организмъ. Большую роль игралъ этотъ ядъ и въ дѣлѣ взаимнаго совращенія. Такъ какъ онъ

Парижскія прически 1776 г.

Парижскія моды 1778—82 г.

Ватто (сынъ): **Модистка.**

дѣйствовалъ очень скоро, то было достаточно ловкимъ движенiемъ опустить его въ бокалъ вина или предложить въ видѣ конфеты, чтобы довести партнера до желательнаго состоянiя: женщину до такой влюбленности, что она сама шла навстрѣчу мужчинѣ, а мужчину въ такое чувственное безумiе, что онъ сломитъ всякое сопротивленiе, какъ бы мастерски оно ни было разыграно.

Женщины прибѣгали и тайкомъ къ такимъ возбуждающимъ средствамъ: „любовнымъ пилюлямъ", какъ тогда выражались, или для того, чтобы придать себѣ въ извѣстныя минуты „нѣжное выраженiе" („eine tendre Miene") или, чтобы заранѣе притти въ надлежащее настроенiе и не разочаровать ожиданiй и надеждъ мужчины. Г-жа Помпадуръ прибѣгала къ такимъ „любовнымъ пилюлямъ", когда она, по собственному выраженiю, стала „холодной, какъ утка", чѣмъ скорѣе отталкивала, чѣмъ привлекала короля — любовника. Многiя дамы принимали ихъ даже неизмѣнно, чтобы постоянно и явно обнаружить свою готовность къ галантнымъ похожденiямъ, столь цѣнимымъ эпохой.

Наиболѣе распространеннымъ такимъ возбуждающимъ средствомъ была, однако флягелляцiя, такъ какъ она, повидимому, средство наиболѣе надежное. Явленiе это встрѣчается во всѣ вѣка и было извѣстно, какъ среднимъ вѣкамъ, такъ и эпохѣ Ренессанса. Однако, здѣсь важно установить, является ли извѣстная аномалiя лишь мимолетной и случайной, или же, напротивъ, массовой. Ибо въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о патологической проблемѣ, и мѣсто ей въ учебникахъ медицины, и только во-второмъ случаѣ она составная часть исторiи нравовъ. Въ эпоху абсолютизма флягелляцiя была, несомнѣнно, социальнымъ явленiемъ, такъ какъ она являлась неизмѣнной составной частью общей половой жизни.

Вездѣ пускали въ ходъ розгу и совершенно открыто объ этомъ говорили. Она—лакомство въ области наслажденiя, и люди гордятся тѣмъ, что сумѣли оцѣнить это средство.

Многiе мужчины регулярно посѣщали извѣстныя учрежденiя, чтобы или самимъ подвергнуться „розгѣ" или чтобы насладиться возможностью подвергнуть этой процедурѣ молодыхъ дѣвушекъ и

дѣтей. Во всѣхъ домахъ терпимости существовали мастерицы этого дѣла, а въ любомъ мало-мальски благоустроенномъ такомъ домѣ имѣлись, кромѣ того, такъ называемыя, комнаты пытокъ, гдѣ были собраны всѣ инструменты, которые могли служить этой цѣли.

Флягелляція, въ смыслѣ важной составной части общей половой жизни, является прямо своего рода завоеваніемъ абсолютизма именно въ томъ смыслѣ, что абсолютизмъ возвелъ патологическій случай на степень соціальнаго порока. Если имѣть въ виду логику развитія и историческую ситуацію, то нетрудно понять это явленіе. Первый корень его лежитъ въ развивавшейся послѣ крушенія Ренессанса тенденціи упраздненія творческаго элемента изъ области чувственности, второй—въ доведеніи чувственности до никогда не удовлетвореннаго и никогда не удовлетворимаго желанія подъ знакомъ галантности. Такъ какъ чрезмѣрно возбужденное желаніе требуетъ наличности большей силы, чѣмъ отпущено природой, то кнутъ долженъ ей помочь, такъ какъ удары по извѣстнымъ частямъ тѣла возбуждаютъ половые центры.

Наконецъ, третьей и важнѣйшей причиной является возведеніе на престолъ женщины въ качествѣ владычицы, предполагающее какъ свое естественное дополненіе униженіе мужчины. Глубочайшимъ униженіемъ мужчины въ обществѣ, построенномъ по существу на господствѣ мужчины, состоитъ, естественно, въ томъ, что порядокъ выворачивается наизнанку, и женщина получаетъ право унизительнымъ образомъ обращаться съ мужчиной. А обращается она такъ унизительно съ нимъ тогда, когда въ качествѣ strong governess „наноситъ мужчинамъ удары розгой, какъ это дѣлаютъ съ непослушными дѣтьми“.

Эти условія объясняютъ намъ также, почему къ флягелляціи, какъ къ возбуждающему средству, прибѣгали всѣ возрасты и всѣ слои населенія. Въ книгѣ Venus Schol Mistress, одной изъ наиболѣе извѣстныхъ эпологій флягелляцій XVIII в., говорится:

„Многіе люди, недостаточно знакомые съ человѣческой природой, воображаютъ, будто страсть къ флягелляціи простирается только на стариковъ или истощенныхъ сексуальнымъ развратомъ.

Знатная дама въ неглижэ. 1700.

Куртенъ: Влюбленная.

Знатная дама въ платьѣ съ шлейфомъ и въ фонтанжѣ.

Ланкрэ: **Бурный любовникъ.**

Но это не такъ. Существуетъ не меньше юношей и мужчинъ въ расцвѣтѣ силъ, охваченныхъ этой страстью, чѣмъ стариковъ и безсильныхъ, поклоняющихся ей“.

Простая логика описанныхъ условій возникновенія флягелляціи, какъ массоваго явленія, заставляетъ насъ, однако, заключить, что эта страсть была тѣмъ распространеннѣе, чѣмъ безграничнѣе было въ данномъ слоѣ или классѣ господство женщины.

Большинство авторовъ, писавшихъ на эту тему, согласны, впрочемъ, въ томъ, что этотъ порокъ нигдѣ не былъ такъ распространенъ, какъ въ Англіи. Этотъ взглядъ трудно опровергнуть какъ потому, что большинство документовъ о флягелляціи англійскаго происхожденія, такъ и потому, что ни въ какой другой странѣ такъ открыто и прямо не прославлялось употребленіе розги. Приведемъ въ подтвержденіе обоихъ этихъ фактовъ одинъ только примѣръ: извѣстную историческую поэму Самуэля Бутлера „Гудибрасъ“, въ которой встрѣчается пространная сатирическая выходка и противъ этого порока.

И все-таки было бы рискованно видѣть въ флягелляціи специфически англійскій порокъ и объяснять это явленіе, какъ иногда дѣлается, грубостью англичанъ. Ибо нѣтъ надобности доказывать, что этотъ порокъ былъ въ XVII и XVIII вв. чрезвычайно распространенъ также во всѣхъ другихъ странахъ, и что онъ въ особенности встрѣчался въ цѣломъ рядѣ монастырей, начиная съ крайняго юга Европы и кончая крайнимъ сѣверомъ. Какъ разъ это послѣднее обстоятельство доказываетъ какъ нельзя лучше, что этотъ порокъ становится массовымъ явленіемъ вездѣ тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста естественнымъ проявленіямъ природы, такъ что она реагируетъ уже только подъ кнутомъ раффинированнѣйшихъ возбуждающихъ средствъ, и чрезмѣрная возбужденность желанія уже только такимъ образомъ находитъ свое удовлетвореніе.

До сихъ поръ мы разсматривали „любовь“ (если не считать главы о бракѣ), насколько она была самоцѣлью. Однако въ эту эпоху,

какъ и во всякую другую, эта ея роль получаетъ свою особую важную нотку только послѣ выясненія вопроса: въ какомъ размѣрѣ любовь является въ то же время средствомъ къ цѣли, т. е. простымъ средствомъ расплаты.

Во всѣ эпохи „любовь", естественно, является также и такимъ средствомъ расплаты за вліяніе, положеніе, могущество и т. д. Иначе: товарный характеръ неотдѣлимъ отъ любви. И потому для каждой эпохи можно привести массу документовъ, рисующихъ или открыто или болѣе или менѣе замаскированно этотъ ея товарный характеръ. А такъ какъ этотъ товарный характеръ неотдѣлимъ отъ любви, то размѣры этого явленія и служатъ единственнымъ рѣшающимъ мѣриломъ достигнутой эпохой высоты культуры. Чѣмъ болѣе отступаетъ на задній планъ этотъ товарный характеръ любви, чѣмъ болѣе чувственная страсть покоится на базисѣ высшаго духовнаго единенія, тѣмъ болѣе вверхъ идетъ и культура. А чѣмъ больше выступаетъ товарный характеръ любви, тѣмъ болѣе упадочна культура. Если пользоваться указаннымъ мѣриломъ, то эпоха абсолютизма займетъ очень низкое мѣсто и притомъ столь низкое, что оправдывается то, что нами выше было сказано объ этой эпохѣ: она знаменуетъ собой трагедію культуры.

Въ эпоху абсолютизма любовь не только очень ходячее средство расплаты, а такое, курсъ котораго стоитъ выше всѣхъ остальныхъ.

„Любовью" достигаютъ состоянія, вліянія, правъ, положенія, могущества, словомъ, всего. Получить мѣсто, должность, почести можно легче всего путемъ „любви". Въ одномъ лейпцигскомъ летучемъ листкѣ 1720 г., озаглавленномъ „Entrvue zwischen Carola II und Moliere", говорится:

„Человѣкъ можетъ знать Платона и Аристотеля, можетъ знать наизусть даже все Corpus juris и jus canonicum, быть посвященнымъ въ квитессенцію политики и знать исторію какъ по пальцамъ. И все-таки всѣ эти знанія не сдѣлаютъ его даже трубочистомъ, и онъ останется бѣднымъ и безвѣстнымъ, тогда какъ любой невѣжда достигаетъ высшихъ почетныхъ должностей и несмѣтныхъ богатствъ, если имѣетъ красавицу-жену безъ совѣсти".

Кокетство и флиртъ служатъ въ этой торговой сдѣлкѣ необходимой мелкой монетой, безъ которой поэтому никто ни на мигъ не можетъ обойтись. Этотъ фактъ вовсе не противорѣчитъ той большой роли, которую любовь играла въ эту эпоху въ смыслѣ самоцѣли, а является лишь неизбѣжнымъ коррелатомъ. Тамъ, гдѣ любовь всѣми цѣнится, какъ высшій объектъ наслажденія, она должна въ такой же степени стать предметомъ торга, и притомъ главнымъ предметомъ торга.

Сказанное имѣетъ совершенно реальное, а не символическое значеніе, такъ какъ товарный характеръ любви выступаетъ довольно открыто. Вмѣстѣ съ курсомъ, по которому оцѣнивается „любовь“ женщины или мужчины, падаетъ и вообще значеніе ихъ въ глазахъ людей. Женщина, за благосклонность которой платятъ больше всего, пользуется и наивысшимъ почетомъ.

Это положеніе вещей находитъ свое характерное выраженіе въ распространенномъ институтѣ метрессъ. Мужчина содержитъ любовницъ даже въ томъ случаѣ, когда онъ женатъ. Жена въ безконечномъ количествѣ случаевъ не только жена, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любовница другого, подчасъ третьяго и четвертаго мужчины, которые въ свою очередь могутъ быть также женатыми. Любовь метрессы такъ же мало подарокъ, какъ и любовь мужа или жены, а заемъ, обыкновенно уплачиваемый звонкой монетой или въ видѣ жалованья, или въ видѣ тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ подарковъ. И подобно тому, какъ не является секретомъ, что женщина чья-нибудь метресса или что у мужчины есть любовницы, такъ не является секретомъ и фактъ оплаты любви. Такъ какъ любовь перестала быть подаркомъ, то, напротивъ, горделиво выставляютъ на показъ „сколько человѣкъ стоитъ или сколько онъ можетъ платить“.

Если въ эту эпоху каждый обладающій средствами, держитъ себѣ любовницу, то это неизбѣжное слѣдствіе вышеуказаннаго факта, что бракъ носитъ въ ту эпоху чисто условный характеръ. Тѣмъ не менѣе было бы грубой ошибкой думать, что институтъ любовницъ преслѣдовалъ, хотя бы между прочимъ, цѣль соединить

мужчину и женщину узами любви, совершенно отсутствовавшей въ бракѣ, носившемъ условный характеръ. Институтъ метрессъ служилъ только удовольствію, котораго не было въ освященныхъ бракомъ половыхъ сношеніяхъ. А такъ какъ въ эту эпоху половыя отношенія построены исключительно на чувственномъ наслажденіи, то метресса незамѣтно стала главной фигурой, стоявшей въ центрѣ всеобщаго вниманія. Не женщина вообще была эпохой возведена на престолъ, а женщина въ качествѣ метрессы: съ ней на престолъ взошла проститутка.

Если метресса была возлюбленной лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то съ другой стороны, какъ типъ, она была той формой, въ которой только и можно было рѣшить стоявшую тогда на очереди проблему галантности.

Галантность покоится на многообразіи и разнообразіи. Институтъ метрессъ позволялъ рѣшить обѣ эти задачи. Любовницу можно мѣнять, если угодно, каждый мѣсяцъ и еще чаще, чего нельзя дѣлать съ женой, подобно тому, какъ любовницъ можно имѣть цѣлую дюжину, или можно быть любовницей многихъ мужчинъ. Такъ какъ институтъ метрессъ такъ удачно разрѣшалъ проблему галантности, то общество и санкціонировало его: никакое позорное пятно на метрессу не ложилось. Это такъ же логично, какъ и то, что господствующіе классы видѣли въ этомъ институтѣ исключительно имъ принадлежавшую привилегію. Конкубина-мѣщанка была въ ихъ глазахъ существомъ въ высшей степени презрѣннымъ. И такъ какъ въ эту эпоху все сосредоточивалось вокругъ абсолютнаго государя, то онъ имѣлъ спеціальное право содержать любовницъ, и въ княжеской метрессѣ кульминировали всѣ тенденціи этого учрежденія. Государь безъ любовницы былъ понятіемъ положительно дикимъ въ глазахъ общества. Государи, индиферентные въ половомъ отношеніи, содержали поэтому фиктивную метрессу, любовницу напоказъ, какъ Фридрихъ I прусскій въ лицѣ графини Кольбе-Вартенбергъ. О положеніи метрессъ при французскомъ дворѣ Гастонъ Могра говоритъ:

Моро: **Качели.**

Дезей: Вѣрный стражъ.

Галантная Гравюра.

Женщины въ накидкахъ (adrienne).

„Мѣсто оффиціальной любовницы было равносильно оффиціальной должности. Оффиціальная метресса тѣсно связана съ личностью короля. Она слѣдуетъ за нимъ во всѣ его лѣтнія резиденціи, имѣетъ свои комнаты въ Версалѣ, получаетъ опредѣленное жалованье, а министры работаютъ въ ея покояхъ. Всѣ остальныя dames du lit royal распредѣлены соотвѣтствующимъ образомъ, и каждая изъ нихъ занимаетъ особое мѣсто, особый рангъ“.

Такъ какъ въ культѣ метрессы кульминировалъ и весь культъ женщины, то понятно, что онъ достигалъ своихъ чудовищныхъ формъ лицомъ къ лицу съ королевской любовницей. Обыкновенно она стояла выше даже законной супруги, часто, не болѣе, какъ машины для производства наслѣдниковъ. Г-жа Монтеспанъ, знаменитая метресса Людовика XIV, имѣла въ Версалѣ двадцать комнатъ въ первомъ этажѣ, тогда какъ королева занимала лишь одиннадцать во второмъ. Фридрихъ II, король прусскій, представитель такъ называемаго просвѣщенія, покрылъ стѣны замка Сансусси откровенными портретами своей любовницы, балерины Барберини (см. иллюстрацію), великолѣпный залъ этого дворца былъ посвященъ ея прославленію,—а королева была изгнана со двора и не имѣла даже права издали смотрѣть на Сансусси. Это возведеніе любовницы государя въ санъ высшаго божества выражалось тѣми почестями, которыя обязательно оказывались ей.

Метресса en titre являлась, какъ равная, рядомъ съ легитимными государынями въ обществѣ. Передъ ея дворцомъ стоялъ почетный караулъ, и часто она имѣла къ своимъ услугамъ почетныхъ фрейлинъ. Шлейфъ г-жи Монтеспанъ несла гофмейстерина, герцогиня де-Нуайль, а шлейфъ королевы—простой пажъ. Выѣзжала она всегда подъ эскортомъ взвода лейбъ-гвардіи. Въ одномъ, посвященномъ ей описаніи, говорится: „Гдѣ бы она ни появлялась, губернаторы и интенданты устраивали ей почетныя встрѣчи, сословія посылали депутаціи. Въ запряженной шестью лошадьми колесницѣ, за которой слѣдовала другая, также запряженная шестью конями, гдѣ сидѣли ея фрейлины, путешествовала она по странѣ. Потомъ слѣдовалъ багажъ, семь муловъ, сопровождае-

мыхъ двѣнадцатью всадниками. Словно находишься въ мірѣ сказокъ Перро".

Подобнымъ же образомъ чествовали оффиціальныхъ фаворитокъ и при другихъ дворахъ. Когда Августъ Сильный былъ избранъ королемъ польскимъ, коронаціонная церемонія превратилась въ чествованіе тогдашней оффиціальной фаворитки, графини Эстерлэ. Баронъ Пелльницъ сообщаетъ:

„Получивъ дипломъ на избраніе, король поѣхалъ въ Краковъ, гдѣ короновался съ большой пышностью. Графиня Эстерлэ сопровождала его. Коронація возлюбленнаго превратилась въ своего рода тріумфъ для нея. Она смотрѣла на всю церемонію изъ ложи, устроенной для нея въ церкви, и было замѣчено, что когда король направился къ алтарю, онъ оглянулся на свою любовницу, точно желая сказать, что ей онъ будетъ курить фиміамъ и ей принесетъ въ жертву свое сердце".

О почетѣ, которымъ Карлъ Александръ Виртембергскій окружилъ свою любовницу Агату, бывшую балерину, говорится въ выше уже разъ цитированныхъ Denkwürdigkeiten des Hauses Würtemberg:

„Люди повели иную рѣчь, когда увидѣли, что предназначенный для наслѣднаго принца домъ былъ назначенъ дворцомъ г-жи Агаты. Однако, это еще не все: къ ея услугамъ были лакеи герцога, драгоцѣнности герцогской фамиліи, придворные экипажи— все. Гайдуки и пажи-аристократы должны были служить ей. Она сдѣлалась главнѣйшей особой не только при дворѣ, но и во всей странѣ. Изъ-за нея откладывались празднества. День ея рожденія, ея именины, наконецъ, всѣ дни, посвященные ея святой, праздновались при дворѣ и въ столицѣ. Часовые брали передъ ней на караулъ. Министры и лакеи должны были являться въ мундирахъ и ливреяхъ-гала, сжигались фейерверки, все по приказанію и въ честь г-жи Агаты".

Этимъ еще не ограничиваются всѣ почести, оказываемыя фавориткѣ. Даже государи и государыни другихъ странъ обмѣнивались любезностями съ оффиціальной фавориткой. Ни Екатерина II, ни Фридрихъ II, ни Марія-Терезія не считали ниже своего до-

Сатира на ревнивыхъ мужей. 1700.

TOUT CE QUI RELUIT NEST PAS OR.

Mode dimiter les gens de qualité autant que faire se peut

Mode de trousser juppes et manteau jusqu'aux épaules

Une belle apparance soutient le credit.

mode d'estre aussi brave qu'une Savoisine

Mode d'aller en pantoufle par la ville

Mode de faire voir le bas de soye Et la jarretiere à frange d'Or

N. Guerard inv. et fecit

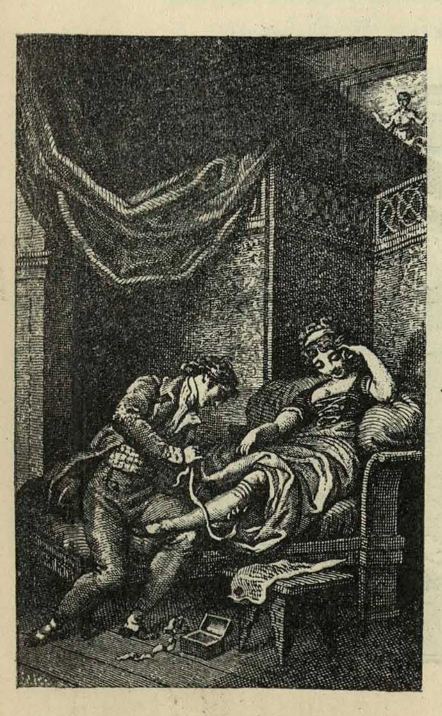
Герарь: Дама, поднимающая юбку (Retroussè).

Галантный ужинъ.

Мои ли это дѣти?

Рембеpъ: Красивая нога.

Иллюстрація къ роману Ретифъ де-ла-Бретонна.

стоинства посылать любезныя письма идолу Людовика XV, г-жѣ Помпадуръ. О томъ, какъ отнесся Іосифъ II къ графинѣ Дюбарри, графъ Тилли сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ:

„Въ Люсьеннѣ онъ навѣстилъ графиню Дюбарри, любовницу Людовика XV. Раньше она имѣла дерзость выступать публично, какъ врагъ дофины, оскорбить даже королеву. Іосифъ дѣлалъ видъ, что забылъ объ этомъ. Онъ даже пошелъ дальше и сдѣлалъ отцвѣтшей красавицѣ приторный комплиментъ. Когда у нея упала подвязка, то онъ поднялъ ее, а когда она разсыпалась въ извиненіяхъ, онъ замѣтилъ: „Развѣ ниже достоинства императора служить граціямъ?“

Когда датскій король Фридрихъ IV посѣтилъ Дрезденъ, то въ центрѣ, устроенныхъ въ честь него празднествъ, стояла тогдашняя фаворитка графиня Козель. Баронъ Пелльницъ пишетъ:

„Слѣдующіе дни были посвящены всевозможнымъ удовольствіямъ, и каждый день тѣхъ шести недѣль, которыя король провелъ въ Дрезденѣ, устраивалось новое зрѣлище, пышность и оригинальность котораго приводило всѣхъ въ изумленіе. Главнѣйшимъ объектомъ этихъ празднествъ была всегда г-жа фонъ-Козель, вездѣ виднѣлись ея девизы, оба короля въ честь нея носили во время скачки ея любимые цвѣта. Вѣроятно, никогда королевская метресса не пользовалась такими почестями“.

Когда фавориткой Августа Сильнаго, тогда еще курфирста, сдѣлалась фрелейнъ фонъ-Кенигсмаркъ, то не только его мать, но и жена склоняли передъ ней голову. Пелльницъ оправдываетъ такое поведеніе особенной любезностью фаворитки:

„Даже мать курфирста, чувствовавшая всегда отвращеніе къ развратной жизни, не могла упрекать сына за то, что онъ полюбилъ такую, поистинѣ достойную любви особу. Обѣ курфирстши навѣщали ее и были съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ“.

Когда миссъ Робинзонъ, фаворитка въ гаремѣ англійскаго наслѣдника, актриса по профессіи, пріѣхала въ 1781 г. въ Парижъ, то весь міръ феодальныхъ виверовъ пришелъ въ экстазъ. Гастонъ Могра сообщаетъ по этому поводу:

„Французское общество прекрасно приняло ее. Давали въ честь нея празднества и придумывали развлеченія, въ которыхъ участвовали виднѣйшіе люди. Герцогъ Шартрскій, Лозенъ, самые очаровательные кавалеры двора жаждали быть представленными красивой иностранкѣ. Герцогъ Шартрскій, влюбленный въ нее по уши, устраивалъ въ честь нея скачки въ равнинѣ Саблонъ. Даже больше. Въ роскошно иллюминованныхъ садахъ Муссо онъ устроилъ сельскій праздникъ, итальянскую ночь. При помощи пестрыхъ лампіоновъ, гирляндъ и искусственныхъ цвѣтовъ всѣ деревья были украшены иниціалами миссъ Робинзонъ".

Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, чествуемая дама не преминула, впрочемъ, доказать своимъ фанатичнымъ поклонникамъ, что она достойна такого чествованія. Миссъ Робинзонъ милостиво включила герцога Шартрскаго въ число осчастливленныхъ ею любовниковъ. Англійскіе памфлетисты поспѣшили довести до свѣдѣнія публики мельчайшія подробности этого столь важнаго государственнаго акта. Впрочемъ, единственнымъ послѣдствіемъ было то, что слава этой дамы еще поднялась въ англійскомъ обществѣ.

Какъ уже видно по этимъ немногимъ примѣрамъ, институтъ метрессы представляетъ собой, поистинѣ, переводъ на свѣтскій языкъ католическаго культа Маріи. Марія выше Христа. Такъ выше и могущественнѣе монарха его метресса, ибо она властвуетъ надъ нимъ, она его рокъ.

За кого Марія заступается передъ Всевышнимъ Судьей, можетъ спокойно расчитывать на милость неба. Кому сіяетъ благосклонность фаворитки, тому сіяютъ звѣзды жизни. Послѣдствіемъ этой исторической ситуаціи былъ, такъ называемый, режимъ метрессъ, придающій эпохѣ стараго режима такую зловѣщую окраску. Мы можемъ здѣсь воздержаться отъ детальнаго описанія этого режима, тѣмъ болѣе, что онъ наиболѣе извѣстная сторона исторіи абсолютизма. Необходимо, однако, внести нѣкоторыя поправки въ ходячую оцѣнку этого факта.

Большинство критиковъ режима метрессъ исходятъ прежде всего изъ моральнаго негодованія по поводу того, что

народы должны были подчиниться капризамъ проститутки. Подобная критика шита бѣлыми нитками, такъ какъ исходитъ изъ идеи прирожденнаго законодателя, усматривая его лишь въ законномъ государѣ. И однако ничто такъ хорошо не опровергаетъ эту идею, какъ именно режимъ метрессъ. Ибо если имѣть въ виду умственныя способности, то даже при поверхностномъ взглядѣ роковымъ образомъ обнаружится, что онѣ были въ большинствѣ случаевъ именно на сторонѣ фаворитокъ. Эти послѣднія, за немногими исключеніями, были интеллигентнѣе не только вытѣсненныхъ ими законныхъ супругъ, но и своихъ номинальныхъ повелителей. Тутъ ничего не подѣлаешь. Единственно безнравственной чертой въ этомъ положеніи вещей была сущность абсолютизма, превращавшая индивидуальный произволъ во всемогущій законъ.

Если мы можемъ вполнѣ игнорировать огромныя злоупотребленія, къ которымъ всюду приводило господство метрессъ, то для исторіи нравовъ тѣмъ важнѣе послѣдствія, которыя оно имѣло отчасти для всего населенія, отчасти для значительныхъ его слоевъ.

Такъ какъ подчиненіе воли женщины въ эту эпоху находило свое высшее выраженіе въ подчиненіи воли метрессы, то стать фавориткой было тогда для женщины наиболѣе выгодной и потому и весьма желанной профессіей. Многіе родители прямо воспитывали своихъ дочерей къ этому призванію. Мистриссъ Мэнли говоритъ въ своей „Атлантидѣ“: „Благоразумныя матери развозятъ своихъ дочерей по операмъ и въ Гайдъ-Паркѣ, чтобы онѣ заручились любовниками“.

Любовникъ былъ первымъ идеаломъ дѣвушки, такъ какъ если изъ него и не выходило мужа, то, по крайней мѣрѣ, дарующій подарки или оказывающій протекцію другъ. Въ Gehab dich wohl Абрагамъ а Санта Клара говоритъ:

„И теперь еще можно найти родителей, отводящихъ собственную кровь и плоть, т.-е. своихъ дѣтей, еще невинными на бойню къ дьяволу. Есть и такіе, которые сводятъ дочерей съ важными господами, чтобы путемъ проданной имъ дѣвственности расширить свою родословную и получить прибыльныя мѣста“.

Высшимъ идеаломъ, достижимымъ для женщины, было, естественно, стать метрессой государя. Ежедневное зрѣлище безграничнаго могущества, которымъ располагала любовница государя, тотъ фактъ, что на всю ея родню и на всѣхъ ея знакомыхъ сыпались, какъ изъ рога изобилія, богатства и почести, все это соблазняло множество родителей серьезно считаться съ такой возможностью и воспитывать своихъ дочерей такъ, чтобы онѣ стали—какъ тогда выражались—„королевскимъ лакомствомъ". Въ нашемъ распоряженіи цѣлый рядъ данныхъ. Такъ напр. Казанова говоритъ въ одномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ:

„Въ гостиницѣ, гдѣ я остановился, я встрѣтилъ актрису, по имени Тоскани, возвращавшуюся съ своей молодой, очень красивой дочерью въ Штуттгартъ. Она ѣхала изъ Парижа, гдѣ пробыла годъ, такъ какъ ея дочь обучалась характернымъ танцамъ у знаменитаго Вестриса. Я познакомился съ ней въ Парижѣ, и хотя и не обратилъ на нее особеннаго вниманія, все же подарилъ ей маленькую болонку, ставшую любимицей ея дочери. Молодая дѣвушка была настоящимъ сокровищемъ и ей не стоило особаго труда убѣдить меня сопутствовать имъ до Штуттгарта, гдѣ я къ тому же расчитывалъ найти всевозможныя развлеченія. Мать горѣла нетерпѣніемъ узнать, какъ найдетъ герцогъ ея дочь, которую она съ дѣтства предназначала для этого развратнаго государя".

Наиболѣе фанатично занимались подобными спекуляціями въ средѣ придворной знати. Вмѣстѣ съ своими феодальными занятіями дворянство лишилось и прежней энергіи и чувства собственнаго достоинства. Исполняя при дворѣ функціи высшихъ лакеевъ, оно незамѣтно переняло психику и нравы лакеевъ. Всѣ родственники неимовѣрно горды, если красота дочери, жены или сестры оказалась способной возбудить желанія государя. Каждая женщина только и думаетъ о томъ, чтобы привлечь къ себѣ взоры властителя. Всѣ стараются очутиться въ такомъ положеніи, чтобы сблизиться съ королемъ и каждую минуту готовы послѣдовать его приглашенію. Одинъ современникъ сообщаетъ о дворѣ Людовика XIV: не было при дворѣ ни одной женщины, которая не travaillât a

Рамбергъ: **Товаръ черкессовъ.**

Роуландсонъ: **За ужиномъ.**

Каррикатура на увлеченіе модой на перья.

Титульный листъ нѣмецкой сатиры на прическу фонтанжъ.

donner de l' amour au roi... О нравахъ, царившихъ при дворѣ Фридриха-Вильгельма II, мы слышимъ изъ устъ извѣстнаго директора академіи Шадова: „Весь Потсдамъ былъ ничѣмъ инымъ, какъ однимъ большимъ домомъ терпимости. Всѣ семейства мечтали только объ одномъ: имѣть дѣло съ королемъ, съ дворомъ. Всѣ наперерывъ предлагали женъ и дочерей. И усерднѣе всѣхъ предлагали представители высшаго дворянства".

Даже о патріотизмѣ забывала въ такихъ случаяхъ аристократія. Именно дочери и жены старыхъ вестфальскихъ дворянъ дрались между собой изъ-за чести украсить ложе короля милостью Наполеона, короля, прозваннаго Morgen wieder Lustik. Характернымъ признакомъ міровоззрѣнія лакеевъ является мысль, что тотъ, кто вторгается въ ихъ область, „нарушаетъ тѣмъ ихъ прирожденныя права". Дворянство видѣло поэтому нарушеніе своихъ прирожденныхъ правъ въ томъ, что дѣвушки или женщины изъ народа удостаивались такой же чести и дѣлали на ложѣ королей или принцевъ карьеру, на которую, по мнѣнію дворянъ, имѣли право одни они, какъ по своему происхожденію, такъ и по божескимъ законамъ. И аристократія вела себя соотвѣтствующимъ образомъ. Если король выбиралъ себѣ любовницу изъ дворянства, то восхваляли мудрость правителя, умѣющаго сочетать личное благо съ благомъ народа... Если же фаворитка звалась—какъ фаворитка Фридриха-Вильгельма II—Минхенъ Энке или носила иное какое-нибудь мѣщанское имя, то не находили достаточно бранныхъ словъ, чтобы заклеймить позорное хозяйничаніе метрессы.

Указанное феодальное воззрѣніе дворянства, что лишь его дочери имѣютъ право быть наложницами государя, встрѣчается, разумѣется, не впервые въ XVIII в.: оно существуетъ съ самаго того времени, когда абсолютизмъ становился силой, съ того самого момента, когда, стало-быть, образовалась и придворная знать. Иначе: съ той поры, какъ только функція метрессы доставляла всей ея роднѣ богатство и могущество (см. I томъ). Чѣмъ болѣе значительные слои дворянства отрывались отъ прежнихъ своихъ феодальныхъ занятій, падая до уровня придворной знати, тѣмъ

ожесточеннѣе и беззастѣнчивѣе становилась конкуренція, и въ XVIII вѣкѣ протесты и негодованіе противъ „княжескихъ наложницъ“ достигли своего высшаго напряженія. Эта конкуренція кипѣла, разумѣется, въ нѣдрахъ самой знати. И какъ разъ картина этой не прекращавшейся конкуренціи была бы самымъ забавнымъ зрѣлищемъ, какое только можно себѣ представить, если бы при этомъ не раскрывались вмѣстѣ съ тѣмъ и пропасти самой дикой преступности.

Ни одно преступленіе не казалось слишкомъ страшнымъ тѣмъ, кто хотѣлъ добиться и сохранить за собой выгоду „раздѣлять королевское ложе“. Для этого вступали въ союзъ съ небомъ и адомъ, заказывали мессы и продавали душу дьяволу. Къ послѣднему прибѣгали чаще, такъ какъ изъ лабораторіи дьявола брались „медленно дѣйствующіе“ яды и „надежные“ любовные напитки, играющіе такую видную роль во всѣхъ придворныхъ интригахъ. Къ репертуару дьявола относилась и отвратительная черная месса, во время которой приносили въ жертву князю тьмы маленькихъ дѣтей въ расчетѣ подчинить себѣ его волю. На подобные эксперименты тратили огромныя деньги, зная, что въ случаѣ удачи они принесутъ хорошій процентъ.

Г-жа Монтеспанъ предложила отравительницѣ Вуазенъ не болѣе и не менѣе, какъ милліонъ ливровъ, если она доставитъ ей порошокъ, способный устранить всѣхъ любовницъ Людовика XIV— прежнихъ и будущихъ—и навсегда привязать къ ней короля. Если г-жа Монтеспанъ дѣйствовала такими средствами противъ г-жъ Лавальеръ и Фонтажъ, то такія же средства пускали противъ нея въ оборотъ герцогиня Ангулемская, г-жа Витри и собственная ея belle-soeur, которыя всѣ мечтали занять ея мѣсто.

Однако, и здѣсь необходимо считаться съ болѣе глубоко лежащими мотивами, а именно съ мотивами классоваго господства. Было бы ошибкой считать эту борьбу за мѣсто королевской наложницы простымъ личнымъ дѣломъ. Такъ какъ метресса пользовалась могуществомъ, то за каждой изъ этихъ дамъ всегда стояли извѣстныя политическія группы. Фракція, стремившаяся захватить

въ свои руки власть, хотѣла имѣть на мѣстѣ фаворитки своего человѣка. Другими словами: за гаремными ссорами часто скрываются политическія распри эпохи. И эти болѣе серьезные политическіе интересы и придають всѣмъ этимъ придворнымъ интригамъ ихъ страстность и ихъ историческое значеніе. Въ вѣчныхъ спорахъ между господствовавшими въ данную минуту фаворитками и отдѣльными министрами, или между дамами, боровшимися изъ-за мѣста фаворитки, столь обычныхъ и нескончаемыхъ при французскомъ дворѣ начиная съ половины XVII в., рѣчь шла въ конечномъ счетѣ о борьбѣ все болѣе крѣпнувшаго парламента противъ королевскаго самодержавія. Министръ Людовика XV, герцогъ Шуазель, стоялъ на сторонѣ г-жи Помпадуръ и былъ противникомъ г-жи Дюбарри, но не потому, что послѣдняя совращала короля къ безнравственной жизни, тогда какъ при г-жѣ Помпадуръ царили „благородство и пристойность", а потому, что г-жа Помпадуръ служила партіи парламента, олицетворенной въ герцогѣ, тогда какъ Дюбарри была довѣреннымъ лицомъ и ставленницей іезуитовъ.

Здѣсь отражается, стало-быть, важнѣйшій политическій поединокъ эпохи. Что политическая борьба облекалась именно въ такой идеалогическій покровъ, коренится въ самомъ существѣ абсолютизма. Эта его сущность обусловливала, что великія историческія проблемы должны были облекаться въ довольно грязный покровъ.

Въ эпоху, когда продажно большинство женщинъ, не менѣе продажнымъ является, естественно, и мужчина. И потому въ эпоху абсолютизма рядомъ съ институтомъ метрессъ встрѣчается другое характерное и чрезвычайно обычное явленіе: мужъ, соглашающійся изъ матеріальныхъ соображеній на такую роль жены.

Многое множество мужчинъ относились снисходительно къ внѣбрачнымъ любовнымъ связямъ женъ не только изъ удобства или равнодушія, не только изъ раффинированности, такъ какъ запахъ проститутки, исходившій отъ жены, дѣйствовалъ возбуждающе на ихъ переутомленную чувственность, а потому, что

тѣло жены было для нихъ товаромъ, ея любовь капиталомъ, приносившимъ большій процентъ, чѣмъ всякій другой капиталъ.

На базѣ продажности жены и матери строилось немало домашнихъ хозяйствъ, чаще же она служила пособнымъ средствомъ, позволявшимъ семьѣ тратить больше, чѣмъ она могла, занять такимъ образомъ положеніе въ обществѣ, которое трудъ рукъ или ума мужа никогда не могъ бы для нея создать. Любовникъ одѣвалъ свою метрессу, подносилъ ей украшенія, дававшія ей возможность блистать въ обществѣ, и подъ видомъ займа, о возвратѣ котораго не думала ни одна изъ сторонъ, онъ, кромѣ того, оплачивалъ наличными оказанныя ему любовныя услуги. Это тѣмъ менѣе удивительно, что въ эту эпоху обычной фигурой былъ профессіональный авантюристъ, игрокъ и мошенникъ во всѣхъ возможныхъ видахъ, торговавшій женой, а когда она становилась для этого слишкомъ старой, то и красотою дочери.

Однако, типъ мужа, услужливаго изъ чисто эгоистическихъ соображеній, встрѣчается во всѣхъ классахъ и слояхъ. Онъ то-и-дѣло мелькаетъ въ мемуарахъ знаменитыхъ виверовъ XVIII в. Большинство изъ нихъ пользовались такимъ успѣхомъ только потому, что мужья играли предупредительно роль тайныхъ режиссеровъ. Повидимому, особенно обычнымъ явленіемъ это было въ средѣ купечества, именно въ тѣхъ отрасляхъ торговли, которыя находили своихъ потребителей въ имущихъ классахъ. Таковы были, напр., продавцы модныхъ вещей и галантерейнаго товара. Здѣсь установился обычай, въ силу котораго жена обслуживала мужчинъ кліентовъ: она приходила на квартиру модника, предложить вновь полученныя новинки. Если ей удавалось побѣдить кліента своей пикантностью и расположить своей услужливостью такъ, что тотъ не только покупалъ, но и платилъ вдвойнѣ, покупалъ и тогда, когда товаръ становился все дороже, то она получала репутацію ловкой купчихи, за которую можно позавидовать мужу. А мужъ, естественно, гордился такимъ сокровищемъ, хотя зналъ, что порой кліентъ платилъ за такой товаръ, котораго онъ и не думалъ поставлять.

Парижская мода

Нѣмецкая мода.

Ланкрэ: Бурный любовникъ.

Галантная нѣмецкая гравюра. 1760.

Также часто встрѣчался этотъ типъ среди средняго и мелкаго чиновничества. Все отличіе состояло здѣсь лишь въ томъ, что на мѣсто кліента—покупателя становился начальникъ или покровитель. Если жена или дочь была достаточно любезна съ начальникомъ, то можно было освободиться отъ части работы, закрѣпить свое положеніе, авансировать и получить тепленькое мѣстечко. Такіе случаи были столь часты, что можно безъ преувеличенія сказать: таковъ былъ путь, которымъ тогда обычно чиновники дѣлали карьеру. Но и въ солидномъ съ виду бюргерствѣ встрѣчалось тогда множество семействъ, гдѣ мужъ съ удовольствіемъ видѣлъ, если жена умѣла стать любовницей состоятельнаго друга дома. Онъ самъ уже давно направлялъ мысль жены въ эту сторону добрыми совѣтами: ты должна ухаживать за господиномъ такимъ-то, будь съ нимъ любезна, его рекомендація можетъ намъ сослужить большую службу и т. д. Подобные совѣты и фразы были въ этой средѣ стереотипными. Не менѣе стереотипно было, однако, и царившее здѣсь лицемѣріе. Нигдѣ такъ не возмущались порокомъ, гулявшимъ по улицѣ въ непокрытомъ видѣ.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ вытекало въ концѣ-концовъ неизбѣжное послѣдствіе. Узаконеніе метрессы, какъ общественнаго института, узаконивало и рогоносца. Послѣдній все болѣе переставалъ быть комическимъ лицомъ. Напротивъ, его прославляли, какъ единственный прочный фундаментъ прочнаго семейнаго счастья и какъ лучшій фундаментъ, который только можно выбрать. Комическимъ лицомъ былъ лишь тотъ мужъ, который сталъ рогоносцемъ противъ желанія... А отсюда слѣдуетъ, что званіе рогоносца становилось въ эту эпоху своего рода профессіей. Фигура Schanddeckel'а, фигура человѣка, который за деньги, положеніе или мѣсто покрываетъ своимъ именемъ незаконную сдѣлку, появилась, правда, въ эту эпоху не впервые, зато сдѣлалась типичной.

И этотъ типъ также встрѣчается во всѣхъ классахъ. „Придворный женится на любовницѣ государя, чиновникъ на любовницѣ начальника, слуга любовницѣ господина“. Въ эту эпоху подобный типъ былъ даже неизбѣжной фигурой. Въ немъ нужда-

лись для тысячи случаевъ: чтобы возстановить честь дамы и поднять ее въ глазахъ общества, чтобы узаконить незаконныхъ дѣтей, чтобы удобнѣе вдвоемъ наслаждаться. Въ качествѣ жены оберамтмана или пастора какой-нибудь графъ всегда могъ имѣть возлѣ себя хорошенькую особу, доставленную ловкимъ сводникомъ, и при томъ такъ, чтобы она не стѣсняла его, а мужа можно было, въ крайнемъ случаѣ, обязать воздержаться отъ своихъ супружескихъ правъ. Ибо и на это нерѣдко соглашался интересующій насъ типъ, если только онъ умѣлъ соблюдать свои интересы. Упомянемъ, какъ о наиболѣе извѣстномъ историческомъ примѣрѣ, о сообщаемомъ Пёлльницемъ договорѣ, по которому баронъ Эстерлэ уступалъ свою жену курфюрсту саксонскому Августу. Въ этомъ трактатѣ говорится: господинъ фонъ-Эстерлэ „обязанъ совершенно отказаться отъ своихъ супружескихъ правъ и никогда не находиться въ супружескихъ сношеніяхъ съ женой", если же у жены будутъ дѣти, сыновья и дочери, то „онъ обязанъ ихъ усыновить, и они должны носить имя и гербъ графа Эстерлэ".

Первымъ условіемъ повышенія въ чинѣ чиновника была часто обязанность жениться на отставной метрессѣ начальника, отъ котораго зависѣло это назначеніе. А если принять во вниманіе массовое потребленіе нѣкоторыми господами любовницъ, то неудивительно, что существовали цѣлые феодальные округи, гдѣ вообще какое бы то ни было мѣсто можно было получить только женившись на гаремной дамѣ властителя округа. Кто на это былъ неспособенъ или не имѣлъ денегъ купить себѣ мѣсто, тотъ всю жизнь тщетно ждалъ декрета. Однако, нужда дѣлала большинство благоразумными, а въ нѣкоторыхъ пробуждала и прямо желаніе очутиться въ такомъ положеніи.

Одинъ швабскій пасторъ писалъ своему коллегѣ: „Жениться на беременной метрессѣ патрона кажется многимъ высшимъ счастіемъ, которое только можетъ выпасть на ихъ долю". Особенно часто слышимъ мы, что именно такимъ путемъ добивались мѣста священники. „Попадья брала уроки конфирмаціи на ложѣ госпо-

Галантная французская гравюра.

Фрейдебергъ: Медовый мѣсяцъ.

Бушэ: **Спящая пастушка.**

Шенау: **На пути къ пороку.**

дина графа",—эта фраза была долгое время на югѣ Германіи очень популярной поговоркой. Существовали и другія такія поговорки.

Если профессія фиктивнаго мужа чрезвычайно прибыльна, то въ эту эпоху она не считается и безчестной, особенно, если мужъ не скрывалъ своей роли. Менѣе же всего она безчестила человѣка, если онъ былъ когда-то или все еще являлся товарищемъ по ложу государя. Когда руку г-жи Лаварьеръ вмѣстѣ съ милліоннымъ приданымъ предложили нѣкоему барону Вардà, то онъ отклонилъ предложеніе не изъ чувства собственнаго достоинства, а только потому, что находилъ сумму слишкомъ незначительной, такъ какъ въ письмѣ къ своей собственной метрессѣ, графинѣ Суассонъ, онъ выражалъ свое принципіальное согласіе слѣдующими словами:

„Мой отецъ, покойный графъ Морэ, одинъ изъ наиболѣе достойныхъ уваженія французовъ, женился на метрессѣ Генриха IV, отъ брака съ которой я и произошелъ. Судите сами, мнѣ ли противиться! А такъ какъ я совершенно равнодушенъ къ г-жѣ Лавальеръ, то король доставилъ бы мнѣ большое удовольствіе, если бы продолжалъ съ ней свою связь".

По поводу такого случая Мольеръ создалъ извѣстную формулу: Un partage avec Jupiter n' a rien du tout qui deshonore. И всѣ одобрительно аплодировали,—разумѣется, въ томъ случаѣ, когда гонораръ былъ достаточно великъ.

Необходимо остановиться еще на одной типической мужской фигурѣ эпохи: на мужчинѣ въ роли метрессы. Женщина, особенно въ зрѣлые годы, когда одна ея красота уже не могла соблазнить мужчину, также покупала любовь. Для многихъ мужчинъ эксплоатація этого источника существованія была также наиболѣе выгодной профессіей, какую они только могли придумать. Изъ сотни историческихъ примѣровъ возьмемъ лишь нѣсколько. О дворѣ Людовика XIV Жанъ Эрвэ сообщаетъ: г-жа Бовэ, за дѣвственность которой Людовикъ XIV заплатилъ цѣлое состояніе, содержала нѣкоего барона Фроменто; жена канцлера Сегьэ содержала много лѣтъ графа Аркуръ; г-жа Роганъ заплатила за любовь господина

Міоссенъ маленькую сумму въ 200,000 тал.; г-жа Берингенъ предложила господину Монлуэ д'Анженнъ, отличавшемуся большой красотой, за его нѣжность ежемѣсячную пенсію въ 1200 тал.,—въ послѣднемъ случаѣ предложеніе было отклонено, несмотря на высокую цифру, отчасти потому, что этотъ господинъ уже былъ связанъ, отчасти потому, что дама „была уже не первой молодости".

Какъ видно женщины платили любовникамъ не хуже, чѣмъ мужчины любовницамъ. Поэтому онѣ также ставили свои условія. Объ одной придворной дамѣ Людовика XIV Жанъ Эрвэ приводитъ слѣдующій случай:

„Одна придворная дама, и далеко не изъ послѣднихъ, узнала, что ея любовникъ намѣренъ жениться и добилась того, что онъ послѣ бракосочетанія зашелъ къ ней. Едва онъ пришелъ къ ней, какъ она упросила его днемъ спать съ ней, чтобы ночью племянница,—онъ женился на племянницѣ своей метрессы,—получала только остатки. Такъ какъ она платила хорошо, а молодой супругъ нуждался въ деньгахъ, то онъ и согласился на ея предложеніе".

Женщины, располагавшія политическимъ вліяніемъ, платили, кромѣ того, должностями и синекурами. Иногда, правда, условно, на тотъ случай, если кавалеръ плохо исполнитъ поставленныя условія или пойдетъ въ разрѣзъ съ ними, обращаясь сердцемъ къ другой женщинѣ. Въ своемъ этюдѣ объ извѣстномъ всемогущемъ министрѣ Фридриха-Августа Саксонскаго графѣ Брюлѣ Эбелингъ сообщаетъ такой случай:

„Подобно мужу и графиня имѣла свои перемѣщаемыя цифры, какъ Солонъ окрестилъ фаворитовъ деспотовъ. Среди нихъ было четверо камеръ-юнкеровъ, молодыхъ славянъ, служба которыхъ заключалась въ томъ, что они иногда прислуживали дамѣ при закрытыхъ дверяхъ, за что ихъ ожидали въ зависимости отъ болѣе или менѣе удовлетворительнаго исполненія обязанностей должности и синекуры. Секретарь министра Зейффертъ долженъ былъ убѣдиться, какъ опасно возбудить ея недовольство. Однажды она застигла его въ такой моментъ, когда онъ находилъ достойной вниманія и любви не только ея превосходительство, но и

одну изъ ея камеристокъ. Въ наказаніе онъ былъ удаленъ, получилъ гдѣ-то скромное мѣсто, а дѣвушку немедленно же выдали насильно замужъ".

Судя по книгѣ Galanterien Wiens мужская метресса была и въ Вѣнѣ обычной фигурой. Такъ какъ такихъ людей было немало, то ихъ обозначали буквой N. N.

„N. N. живетъ шикарно, прекрасно одѣвается, слѣдуетъ модѣ, а говорятъ, у него нѣтъ ни единаго крейцера состоянія и онъ простой практикантъ.—Какимъ же образомъ это случается?— Г-жа (такая-то) содержитъ его и платитъ ему жалованіе, какъ берейтору. Онъ всегда при ней, во время туалета замѣняетъ служанку, за обѣдомъ—друга, на прогулкѣ—спутника, въ театрѣ—толмача ея настроеній, а въ постелѣ—супруга".

Въ Берлинѣ функціи мужской метрессы особенно часто исполняли офицеры. Ничтожное жалованіе, получаемое прусскими офицерами, заставляло ихъ стремиться къ такому положенію.

Любовникъ въ свитѣ женщины знаменуетъ собой моментъ ея высшаго господства въ эпоху абсолютизма. Вмѣстѣ съ нимъ падаетъ и ея господство. И вотъ, если природа лишила ея права на любовника, или, если онъ по тѣмъ или инымъ причинамъ самъ не является, то умная женщина приковываетъ его къ себѣ за наличные. Фигура мужской метрессы какъ нельзя лучше завершаетъ собой эту главу. Она неизбѣжное смѣшное украшеніе всего зданія.

V.

Проституція.

„Въ наше время такъ легко и удобно найти любовь у порядочныхъ женщинъ, что никто не нуждается въ услугахъ нимфъ",— подобное сужденіе мы то и дѣло слышимъ въ эпоху стараго режима. Казанова пишетъ: „Въ наше счастливое время проститутки совсѣмъ не нужны, такъ какъ порядочныя женщины охотно идутъ навстрѣчу вашимъ желаніямъ". Однако, эти слова характеризуютъ лишь всеобщую склонность къ разврату и его размѣры, а не второстепенную роль проституціи въ общественной жизни.

Въ эпоху, когда, какъ въ дни стараго режима, любовью торговали оптомъ, естественно, процвѣтала и торговля въ розницу, такъ какъ ежеминутно удовлетворяемое половое наслажденіе относится къ числу важнѣйшихъ потребностей эпохи. Велико должно было быть число женщинъ, торговавшихъ собой открыто на улицахъ и площадяхъ. Не столько, впрочемъ, потому, что эта якобы наиболѣе легкая для женщинъ форма заработка находила свою опору во всеобщей нравственной распущенности, а по другой существенной причинѣ, а именно потому, что тогда внѣ семьи не было у женщины никакого дѣла, а семья была для многихъ недоступной роскошью. Проституція была поэтому для десятка

Ватто (сынъ): **Модистка**

Купающіяся женщины. Англійская гравюра.

Ватто: **Солдаты и проститутки.**

тысячъ женщинъ просто неизбѣжностью. Вѣдь надо же было да и хотѣлось жить!

Роль проститутки въ общественной и частной жизни эпохи была не ограниченнѣе, чѣмъ раньше, а, напротивъ, значительнѣе, отличаясь, однако, во многихъ отношеніяхъ существенно инымъ характеромъ, чѣмъ, напр., въ эпоху Ренессанса. О количествѣ проститутокъ въ эпоху стараго режима намъ точно извѣстно также мало, какъ и относительно ихъ числа въ эпоху Ренессанса, такъ какъ до насъ дошелъ только рядъ приблизительныхъ подсчетовъ. Такъ, въ Вѣнѣ, и при томъ въ эпоху безжалостнаго господства комиссіи, наблюдавшей за нравственностью населенія, созданной Маріей-Терезіей, когда каждая захваченная проститутка подвергалась самымъ жестокимъ наказаніямъ,—число обычныхъ проститутокъ—по общему мнѣнію—доходило до 10,000, а болѣе дорогихъ до 4,000. Въ Парижѣ—по разнымъ свѣдѣніямъ—ихъ число колебалось между 30 и 40 тысячами, а въ Лондонѣ около 1780 г. ихъ даже насчитывалось 50,000, не включая сюда метрессъ. Въ одномъ только лондонскомъ участкѣ Мэрибонъ ихъ число доходило до 13,000, изъ которыхъ 1700 населяли цѣлые дома. Въ Берлинѣ въ послѣднюю четверть XVIII вѣка имѣлось около ста домовъ терпимости, въ каждомъ изъ которыхъ жило не менѣе семи или девяти проститутокъ. Другими словами, въ тогдашнемъ Берлинѣ существовало вчетверо или впятеро больше регламентированныхъ проститутокъ, чѣмъ въ современномъ.

Огромное количество женщинъ, торговавшихъ изъ года въ годъ любовью въ розницу, лучше всего характеризуется, однако, той видной ролью, которую проститутка играла въ общественной жизни. На этотъ счетъ мы освѣдомлены гораздо лучше, въ особенности относительно большихъ городовъ.

Въ маленькихъ мѣстечкахъ, гдѣ тонъ задавала ремесленная мелкая буржуазія, и въ особенности въ деревняхъ положеніе дѣлъ, несомнѣнно, измѣнилось со времени Ренессанса. Оффиціальные дома терпимости, вездѣ существовавшіе въ XV и XVI вв., сдѣлались съ теченіемъ времени здѣсь рѣдкостью. Это, конечно, не значитъ,

что вмѣстѣ съ домомъ терпимости исчезла изъ общей картины этихъ городковъ и проститутка. Она существовала лишь тайкомъ и всячески маскировала свое поведеніе. Если раньше она носила на своемъ костюмѣ позорящіе знаки своей профессіи,—въ видѣ особой формы шпильки или желтой каймы на вуали,—и должна была ихъ носить, какъ только она выходила на улицу, чтобы всякій ее могъ отличить, то теперь въ маленькихъ городкахъ она, напротивъ, была обязана одѣваться скромно и цѣломудренно и „честно“ зарабатывать себѣ хлѣбъ въ качествѣ швеи, вышивальщицы, прачки и т. д. Разумѣется, эта порядочная внѣшность нисколько не мѣшала тому, что эти женщины были очень хорошо извѣстны мужской половинѣ населенія, знавшей не только гдѣ онѣ живутъ, но и когда ихъ можно застать дома.

Подобно тому, какъ проститутки вели тайное существованіе, такъ и общеніе съ ними было окутано покровомъ величайшей тайны. Большинство приходило и уходило окольными путями. Зато именно здѣсь, въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ, ихъ услуги особенно цѣнились и, быть можетъ, нигдѣ проститутки не были въ такой мѣрѣ простымъ половымъ аппаратомъ, какъ именно здѣсь. Нѣкоторыя проститутки должны были принимать здѣсь каждый вечеръ десятокъ или дюжину мужчинъ. Такое массовое посѣщеніе отдѣльныхъ проститутокъ объясняетъ въ достаточной степени тотъ фактъ, что здѣсь совершенно отсутствовалъ типъ бродячей проститутки. Характерная для мелкихъ городовъ чопорность,—а въ Германіи еще спеціально господство піэтизма,—мѣшали возникновенію этого типа, какъ и возникновенію дома терпимости. По улицамъ шла только воплощенная порядочность.

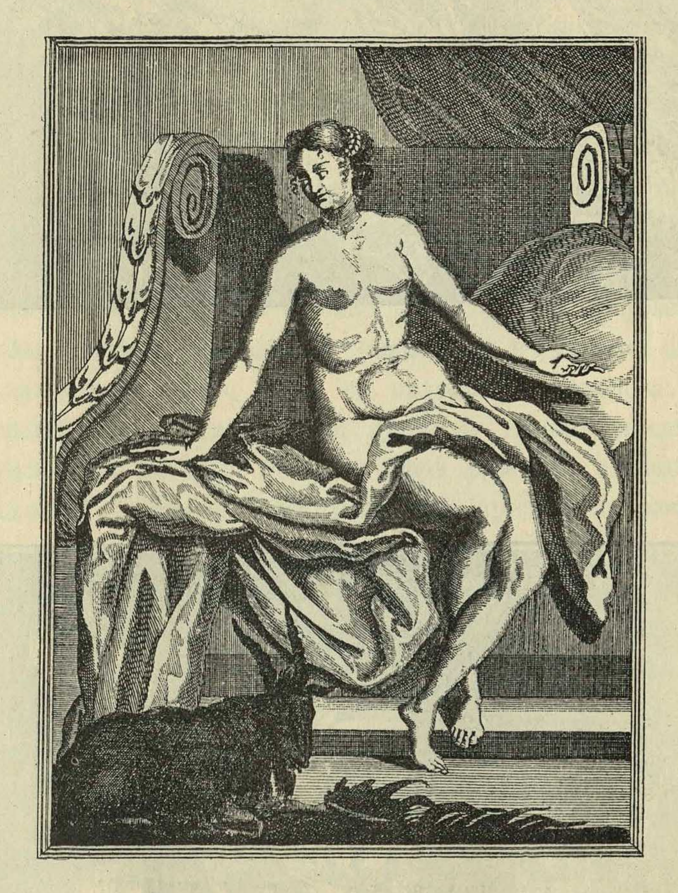
Совершенно иной характеръ носила роль проститутки въ жизни большихъ городовъ, и потому совершенно иной была здѣсь и ея профессія. Чѣмъ болѣе скромной и тайной была профессія проститутки въ провинціальныхъ мѣстечкахъ, тѣмъ откровеннѣе выступала она въ крупныхъ городахъ. Если проститутка и перестала быть украшеніемъ праздниковъ и жизни, какимъ она

Куртэнъ: **Галантная гравюра.**

Ланкрэ: **Туалетъ.**

Безстыдство. Символическая гравюра.

служила въ эпоху Ренессанса, то все же безъ нея не обходилось ни одно развлеченіе взрослыхъ.

Вольно промышляющая проститутка наводняла улицы и площади, являясь одной изъ главныхъ фигуръ въ жизни города. Въ большинствѣ городовъ—въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ, въ центрахъ тогдашней общественной жизни—существовали особыя корсо проститутокъ, улицы и площади, гдѣ въ опредѣленные часы, а порой и цѣлый день можно было видѣть однихъ только проститутокъ. Обыкновенно, то были оживленнѣйшія и красивѣйшія мѣста города, какъ Липовая аллея въ Берлинѣ, Палэ-Ройаль въ Парижѣ, Грабенъ въ Вѣнѣ. Въ Schattenriss von Berlin, появившемся въ 1788 г., говорится: „Лѣтомъ столь пріятное мѣсто прогулки подъ Липами совершенно запружено этими созданіями". О Лондонѣ, гдѣ въ XVII в. проститутки устраивали свое корсо въ Сенъ-Джемсовскомъ паркѣ, г-жа Мэнли говоритъ въ своей „Атлантидѣ":

„Удивляюсь, что еще находятся порядочные люди, которые ходятъ туда, такъ какъ паркъ сталъ публичнымъ рынкомъ, гдѣ молодыя женщины продаютъ себя на день или часы, смотря потому, какъ имъ платятъ".

Международная извѣстность въ XVII и XVIII вв. этихъ мѣстъ зависѣла даже исключительно отъ ихъ роли офиціальныхъ корсо, гдѣ проститутки устраивали биржу любви. Всякій иностранецъ поэтому прежде всего посѣщалъ эти мѣста. Сюда приводили его прежде всего потому, что и сами жители города считали эти излюбленныя биржи любви наиболѣе интересной его достопримѣчательностью. Иностранецъ не могъ гордиться тѣмъ, что знаетъ городъ, если не побывалъ на этихъ улицахъ и площадяхъ и не присмотрѣлся къ ихъ жизни.

Бродячія проститутки бывали, однако, не только въ этихъ мѣстахъ, ихъ можно было встрѣтить рѣшительно вездѣ. Въ Briefe über die Galanterien von Berlin говорится:

„Какъ только наступитъ вечеръ, эти птички вылетаютъ изъ своихъ клѣтокъ и бродятъ по всѣмъ улицамъ города: по Липовой

аллеѣ, въ Дворцовомъ паркѣ, въ Тиргартенѣ—словомъ вездѣ и повсюду“.

Въ Лондонѣ бродячія проститутки гуляли по вечерамъ первоначально только на Сити, такъ какъ только здѣсь улицы были настолько освѣщены, какъ этого требовала торговля собой. Вмѣстѣ съ введеніемъ газоваго освѣщенія онѣ распространились по всему городу, такъ какъ теперь онѣ имѣли вездѣ возможность предлагать себя, выяснить финансовое состояніе покупателя и—главное—позволить послѣднему убѣдиться въ доброкачественности предлагаемаго товара.

Число этихъ бродячихъ проститутокъ было, судя по всѣмъ свѣдѣніямъ, такъ велико, что хронисты, повидимому, не преувеличиваютъ, говоря о томъ, что можно было лишь съ трудомъ протискиваться сквозь отдѣльныя группы, и что мужчины постоянно находился подъ перекрестнымъ огнемъ предложеній и болѣе или менѣе грубаго свойства галантныхъ нападеній.

Архенхольцъ пишетъ о Лондонѣ:

„Эти несчастныя заговариваютъ съ прохожими, предлагая свою компанію для дома или для таверны. Онѣ стоятъ цѣлыми группами. Высшая категорія этихъ охотницъ, живущая самостоятельно, предпочитаетъ ходить по улицѣ и ждать, пока къ нимъ обратятся. Даже многія и многія замужнія женщины, живущія въ отдаленныхъ кварталахъ, приходятъ на Вестминстерскую улицу, гдѣ ихъ не знаютъ, и занимаются здѣсь тѣмъ же промысломъ или изъ безнравственности или изъ нужды. Съ удивленіемъ видѣлъ я восьми или девятилѣтнихъ дѣвочекъ, предлагавшихъ свои услуги“.

Разумѣется, проститутки не довольствуются обычными фразами въ родѣ: „Добрый вечеръ, красавецъ!“ „Угости стаканомъ вина“, „Могу я раздѣлить твою кампанію!“ Таково было только начало торга. Огромная конкуренція вынуждала ихъ дѣлать самые смѣлые авансы. Циничныя слова сопровождались циничными жестами. Каждому заинтересованному разрѣшалось на сосѣдней скамейкѣ удостовѣриться насчетъ самыхъ интимныхъ подроб-

постей, его желанія разжигались непристойными ласками и поцѣлуями, на которые ни одна изъ нихъ не скупилась. Проститутки къ тому же доводили до крайности господствовавшія въ модѣ тенденціи. Онѣ всегда декольтировались, а въ годы, когда даже и порядочныя дамы любили глубокое декольтэ, проститутка, разъ она была мало-мальски недурна, совершенно оголяла грудь. Или же она набрасывала на декольтэ легкую шаль, которую при встрѣчѣ съ мужчиной отдергивала съ вызывающимъ замѣчаніемъ: „Нравлюсь ли я тебѣ?“ Не скупились и на retroussé.

Все это подтверждается какъ современными бытописателями, такъ и отдѣльными, дошедшими до насъ полицейскими постановленіями. Въ Der deutsche Zuschauer (1787) упоминается о постановленіи берлинской полиціи, запрещавшемъ одной извѣстной въ послѣдней трети XVIII в. своднѣ „показываться въ публичныхъ мѣстахъ съ своими дѣвицами въ слишкомъ галантномъ костюмѣ“. Крупныя сводни, работавшія на богатыхъ кліентовъ и особенно на иностранцевъ, прогуливали своихъ „питомицъ“ или „воспитанницъ“,—какъ называли дѣвицъ легкаго поведенія, если онѣ показывались въ сопровожденіи сводни, часто и въ экипажахъ по публичнымъ мѣстамъ. Эти экипажи были всегда также крикливо убраны, какъ и сидѣвшія въ нихъ жрицы Венеры, старавшіяся обратить на себя вниманіе мужчинъ не выкриками, а раффинированностью поведенія и недвусмысленнымъ разговоромъ при помощи вѣера.

Въ Лондонѣ и Парижѣ такіе экипажи насчитывались на каждомъ корсо цѣлыми дюжинами. Болѣе экстравагантныя проститутки появлялись даже верхомъ.

Какъ не бросались въ глаза дѣвицы въ экипажахъ или верхомъ, свою особую печать на уличную сутолоку накладывали все же пѣшія проститутки. Не только потому, что онѣ превосходили ихъ количественно въ двадцать съ лишнимъ разъ, но потому, что онѣ могли свободнѣе ухаживать и ловить. Порой свобода нравовъ доходила до послѣднихъ предѣловъ возможности. Если превращенное въ биржу любви мѣсто прогулки предста-

вляло собой тѣнистую аллею или находилось недалеко отъ такой аллеи, то было нерѣдкостью, что состоявшаяся между проституткой и мужчиной сдѣлка осуществлялась тутъ же на мѣстѣ. Окруженная кустами скамейка, боскеты и лужайки были часто ничѣмъ инымъ, какъ алтарями и храмами Венеры Vulgivaga. Въ Briefe über Galanterien von Berlin о Тиргартенѣ и аллеѣ подъ Липами говорится: „Никто уже больше не удивляется, если лѣтней порой спотыкается о полдюжину лежащихъ въ травѣ звѣрей съ двумя спинами“.

Существовалъ, кромѣ того, цѣлый рядъ другихъ случаевъ и ситуацій, получавшихъ свой особый отпечатокъ отъ массоваго участія проститутокъ. Такъ, почти каждое значительное паломничество было связано съ рынкомъ любви. На входящихъ снова въ XVIII в. въ моду курортахъ проститутки также составляли значительный контингентъ женскаго населенія. Наиболѣе значительными рынками любви были, однако, театры и другія мѣста зрѣлищъ въ большихъ городахъ. Упоминаемъ объ этомъ здѣсь лишь мимоходомъ, такъ какъ будемъ объ этомъ говорить подробнѣе въ слѣдующей главѣ. Необходимо здѣсь указать еще на солдатскихъ дѣвокъ. Солдатская дѣвка была характерной фигурой и въ эпоху абсолютизма, хотя значительно разнилась отъ подруги ландскнехтовъ эпохи Ренессанса.

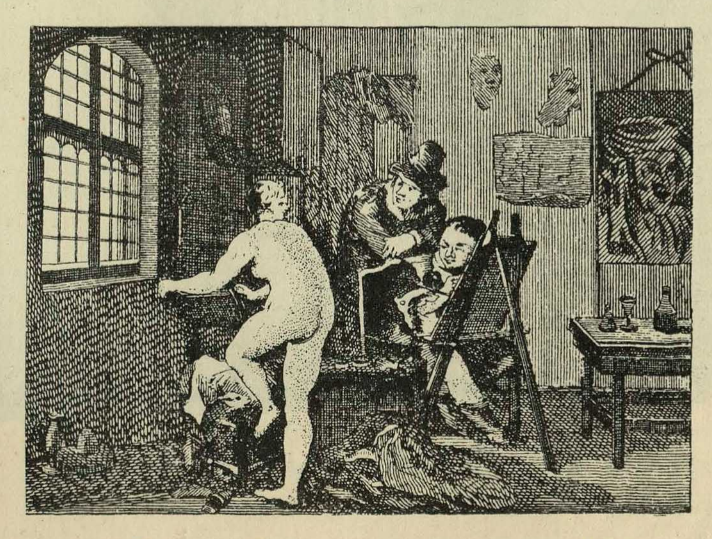
Въ вѣкъ Возрожденія такая проститутка была составной частью организаціи войска, такъ какъ исполняла тѣ или другія гагерныя обязанности и помогала ландскехту добывать добычу. Вмѣстѣ съ возникновеніемъ постоянной арміи главная ея роль приходилась уже на мирное время. Такъ какъ въ мирное время солдатъ получалъ слишкомъ ничтожное жалованіе, котораго не хватало на жизнь, то онъ часто сходился съ проституткой и былъ ея покровителемъ-защитникомъ во время ея ежедневныхъ походовъ: въ награду за это она содержала его или вносила такимъ образомъ свою долю въ общее хозяйство. Впрочемъ, этотъ сортъ дѣвокъ считался самымъ низкимъ. Поскольку проститутка въ эпоху абсолютизма сопровождала войско въ походъ, она служила пре-

Передъ зеркаломъ. Французская галантная гравюра.

Гойэ: **Проститутка.**

Иллюстрація къ новогоднему поздравленію,

имущественно потребностямъ офицерства. И, въ самомъ дѣлѣ, тогда не было ни одного войска, въ которомъ не находились бы многія сотни такихъ офицерскихъ дѣвокъ. Такъ какъ проститутки уже не были больше работницами, а исключительно продавщицами любви, то онѣ часто задерживали движеніе войскъ... Вызываемыя ихъ присутствіемъ галантныя развлеченія заставляли увеличивать до чудовищныхъ размѣровъ обозъ. И это имѣло тѣмъ болѣе мѣсто, что каждый высшій офицеръ бралъ на войну если не жену, то, во всякомъ случаѣ, свою оффиціальную метрессу, со вкусами и потребностями которой необходимо было, по понятіямъ времени, считаться самымъ серьезнымъ образомъ.

Также открыто, какъ функціонировали въ XVII и XVIII вв. въ большихъ городахъ бродячія проститутки, дѣйствовали и дома терпимости. Подобно корсо проститутокъ и дома терпимости—по крайней мѣрѣ болѣе богатые—относились къ числу достопримѣчательностей города, которыя каждый иностранецъ обязанъ былъ осмотрѣть, если желалъ похвастаться, что видѣлъ все интересное въ городѣ. Въ такихъ городахъ, какъ Лондонъ, Парижъ и Берлинъ, нѣкоторые дома терпимости пользовались прямо міровой славой. Въ Лондонѣ сюда принадлежалъ домъ метрессы Пендерквастъ, „монастырь" Шарлотты Гэйсъ и храмы Авроры, Флоры и Мистеріи. Въ Парижѣ—дома г-жи Гурденъ, прозванной маленькой контессой, г-жи Жюстинъ-Пари,, „Bonne Maman", отель Монтиньи и др.—Въ Берлинѣ—главнымъ образомъ учрежденіе г-жи Шувицъ. Въ этихъ домахъ было, повидимому, въ самомъ дѣлѣ собрано все, что только могли требовать въ этомъ смыслѣ состоятельные кліенты.

Впрочемъ, даже при войскѣ мы встрѣчаемъ дома терпимости (См. Ватто: Солдаты и проститутки). Такъ, магистръ Лаукхартъ упоминаетъ въ своемъ описаніи осады пруссаками Майнца въ 1753 года:

„Въ нашемъ полку существовалъ настоящій домъ терпимости, палатка, гдѣ жили четыре дѣвицы, для вида торговавшія кофе.

Самая красивая изъ нихъ, Лизхенъ, стоила 45 крейцеровъ, Ганнхенъ—24, Бербхенъ—12, а старуха Катарина—8“.

Въ оффиціальномъ домѣ терпимости сосредоточивалась въ эпоху стараго режима проституція, и поэтому здѣсь передъ нами лучше всего обнаруживается крупное веденіе дѣла, его методы и его тонкости.

Такъ какъ проститутка дома терпимости не могла, подобно вольнопромышлявшей, бѣгать за мужчинами или навѣщать ихъ въ ихъ домѣ, а должна была ждать ихъ появленія, то съ своей позиціи она дѣлала все, чтобы навлечь на себя вниманіе мимоходящихъ. Въ каждую свободную минуту она сидѣла у окна и смотрѣла на проходящихъ (см. „Римскія куртизанки у окна“). Естественнымъ послѣдствіемъ было то, что „сидѣніе у окна“ стало первой характерной чертой профессіи проститутки и что такое поведеніе считалось неприличнымъ для порядочной женщины. Архенхольцъ сообщаетъ объ Англіи: „Показываться у окна здѣсь считается неприличнымъ“.

Проститутка не ограничивалась, однако, въ большинствѣ случаевъ тѣмъ, что привлекала на себя ободряющими взглядами вниманіе проходившихъ мужчинъ, а подкрѣпляла обыкновенно—въ особенности въ населенныхъ ими кварталахъ—свои ухаживанія возможно непристойнымъ костюмомъ. Хорошенькія проститутки обычно сидѣли у окна въ бросавшемся въ глаза неглижэ. Въ Die Galanterien Wiens говорится о Наглергассэ, главномъ центрѣ вѣнской проституціи:

„Цѣлый день подкарауливаютъ нецѣломудренныя дѣвицы у открытыхъ оконъ, возбуждаютъ открытой грудью проходящихъ Актеоновъ и любезными взорами приглашаютъ ихъ къ себѣ...“

Къ крикливому и безстыдному костюму присоединялись недвусмысленные жесты. Тамъ, гдѣ конкуренція была очень велика, дѣвицы вели себя особенно цинично. Здѣсь для проходящихъ устраивались настоящія эротическіе спектакли. М. Райанъ сообщаетъ въ своей книгѣ о проституціи въ Лондонѣ:

„Въ пользовавшемся дурной славой домѣ терпимости, содержавшемся г-жей Обри, проститутки стояли у окна голыя, дѣлая разные непристойные жесты, принимая разныя циничныя позы. И то же бывало во многихъ другихъ лондонскихъ домахъ терпимости. Такому безобразію пытались помѣшать постановленіемъ, въ силу котораго окна должны были быть защищены занавѣсками разныхъ видовъ. Но эти послѣднія обыкновенно откидывались“.

Безстыдство иногда доходило до того, что вообще уже ничего не скрывали отъ взоровъ проходящихъ. Въ появившейся въ 1750 году въ Лондонѣ книгѣ Satans Harvest Home говорится о лондонскихъ кварталахъ, гдѣ селились проститутки:

„Ты можешь здѣсь увидѣть самыя безстыдныя сцены, происходящія у окна, даже въ полдень, иногда самый актъ... Другія приводятъ въ порядокъ свои рубашки, фартуки и головные уборы, стоя у окна совершенно обнаженныя“.

Такія сцены можно было тогда видѣть въ проститутскихъ кварталахъ всѣхъ большихъ европейскихъ городовъ. Поэтому эти кварталы притягивали—особенно по вечерамъ—массу мужской публики. Каждый день туда отправлялись въ одиночку и цѣлыми группами, чтобы насладиться подобными зрѣлищами, если не въ качествѣ активныхъ участниковъ, то по крайней мѣрѣ пассивныхъ наблюдателей. Не отсутствовала и болѣе чистая публика, хотя послѣдняя отправлялась туда обыкновенно переодѣтая, т.-е. въ не бросавшемся въ глаза костюмѣ или не желая скомпрометировать себя, или желая обезопасить себя отъ приставаній черни, обдѣлывавшей здѣсь свои темныя дѣлишки.

Такіе же грубые нравы царили и внутри этихъ домовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда любовная сдѣлка не совершалась съ быстротой простого торговаго дѣла, она была соединена съ вакханаліей, кончавшейся всеобщимъ пьянствомъ и часто огромнымъ скандаломъ. Лондонскій корреспондентъ ежемѣсячнаго журнала London und Paris, выходившаго въ Веймарѣ, сообщаетъ въ 1801 г.:

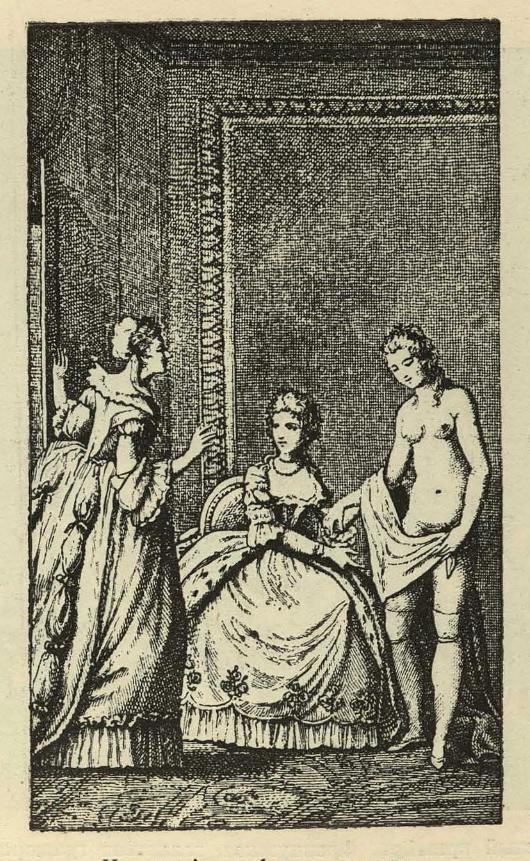
„Безобразія, творимыя продажными дѣвками, такъ велики, что положительно говорить о нихъ невозможно... напримѣръ, на Кэстль-Стритъ, Оксфордъ Стритъ нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы не происходили съ утра до поздней ночи сцены, способныя привести человѣка въ трепетъ“.

Изъ Briefe über die Galanterien von Berlin мы узнаемъ названія цѣлаго ряда такихъ домовъ терпимости въ Берлинѣ, а также и названія улицъ, на которыхъ они стояли. Большинство находилось въ такъ называемомъ Фридрихштатѣ... Авторъ описываетъ также безстыдное поведеніе обитательницъ этихъ домовъ. И его описаніе вполнѣ подтверждается данными магистра Лаукхарта, знавшаго по собственному опыту эти дома—онъ провелъ въ одномъ такомъ домѣ даже нѣсколько дней, такъ какъ въ качествѣ солдата стоялъ въ немъ постоемъ—и приводящаго рядъ болѣе детальныхъ подробностей. О физіономіи обитательницъ этихъ домовъ и о способѣ торговли, практиковавшейся въ этихъ домахъ самой низкой пробы, магистръ Лаукхартъ говоритъ:

„Въ среднемъ дѣвицы глупыя нахалки, которымъ совершенно неизвѣстно ни чувство приличія, ни чувство деликатности. Рѣчь ихъ уснащена безстыдными словами, а циничными жестами онѣ еще безстыднѣе возбуждаютъ животную похоть И при томъ пьютъ онѣ, даже водку, какъ ломовики. Если приходишь въ такой домъ, то первая попавшаяся атакуетъ тебя, назоветъ „миленькій“, говорить на ты, и сейчасъ же требуетъ, чтобы ты ее угостилъ виномъ, шоколадомъ, кофе, водкой и пирожнымъ. И все это подается скверно, а стоитъ дороже, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Дальнѣйшее зависитъ отъ того, будетъ ли мусью (Mosjeh) такъ галантенъ, что исполнитъ желаніе нимфы или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ дѣвица остается съ нимъ, гладитъ его по щекѣ, называетъ его милымъ и желаннымъ. Во второмъ случаѣ она его бросаетъ и ищетъ себѣ болѣе податливаго компаньона. Такимъ образомъ, можно спокойно сидѣть въ домѣ терпимости, покуривать свою трубку, смотрѣть представленіе, и платить только за то, чего самъ потребуешь“.

Виллъ: **Дамскій портной.**

Испытаніе невѣсты государя.

Опасный примѣръ. Французская галантная гравюра.

Осязаніе. Галантная символическая гравюра.

Итакъ многіе любили проводить время. Подобныя посѣщенія домовъ терпимости кое-гдѣ сдѣлались столь обычными, что никто не видѣлъ въ нихъ ничего предосудительнаго, даже, говорятъ, жены, если туда отправлялись ихъ мужья. О безцеремонномъ посѣщеніи домовъ терпимости берлинцами магистръ Лаукхартъ сообщаетъ:

„Въ Берлинѣ не считается постыднымъ или зазорнымъ заходить въ домъ терпимости. Многіе, даже очень почтенные мужья ходятъ туда и никто не порицаетъ ихъ за это, даже собственныя ихъ жены. Всѣмъ извѣстно, что каждый десятый дѣлаетъ это просто изъ любопытства или для времяпрепровожденія“.

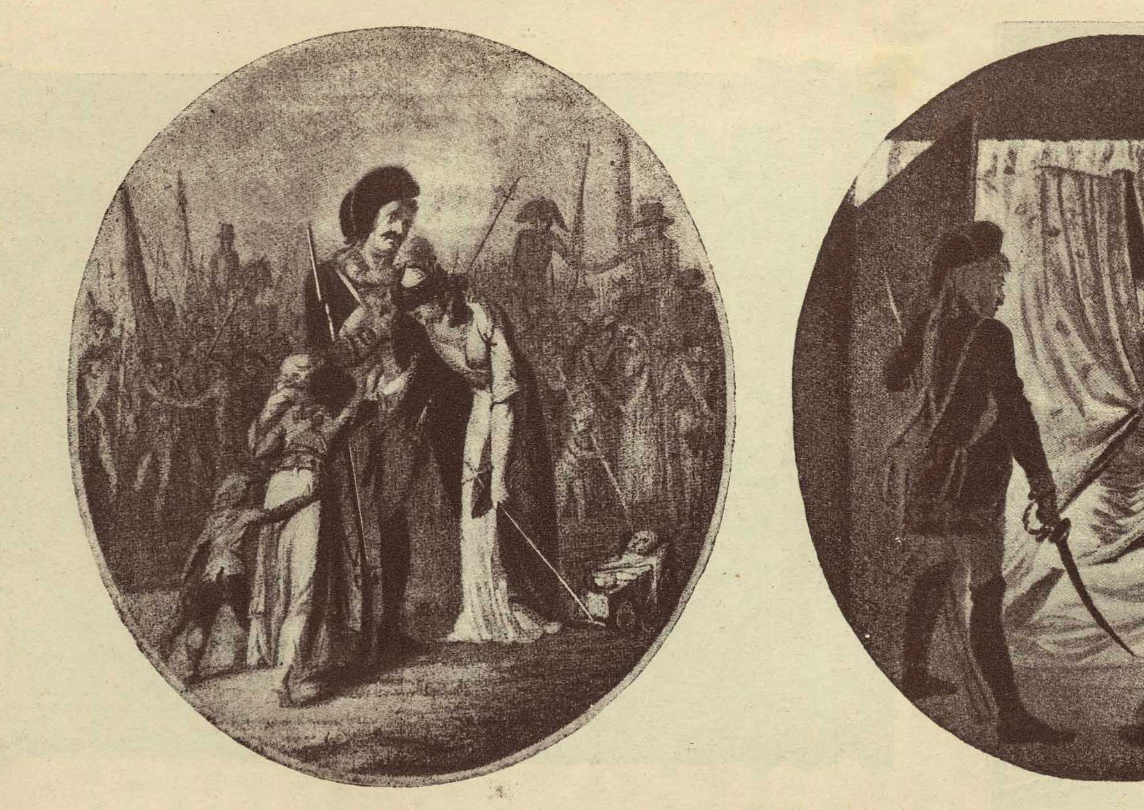
Въ домахъ терпимости, посѣщавшихся болѣе состоятельнымъ бюргерствомъ, царили тѣ же нравы, хотя жизнь текла и менѣе шумно. Такіе дома лежали къ тому же обыкновенно въ сторонѣ отъ центральныхъ улицъ. Почтенные бюргеры, несомнѣнно, бывали очень не прочь разнообразить супружескую жизнь, но должно было это совершаться безъ всякаго скандала. Какова была программа въ этихъ болѣе чистыхъ домахъ терпимости, видно изъ Gemälde von Berlin Potsdam und Sanssouci I. K. Мюллера:

„Одна изъ дѣвицъ караулитъ постоянно за окномъ и какъ только является посѣтитель, къ ней присоединяются другія, разъ онѣ не заняты. Все здѣсь очень дорого и элегантно. Madame, у которой живетъ дѣвица, встрѣчаетъ посѣтителя, разсыпаясь въ любезностяхъ и провожаетъ его въ пріятно натопленную и чистенькую комнату, гдѣ стоитъ диванъ и небольшая постель. Появляется одна или нѣсколько красиво причесанныхъ, мило одѣтыхъ женщинъ и madame, уходя, спрашиваетъ, чѣмъ она можетъ служить. Посѣтитель требуетъ, скажемъ, бутылку вина—прекрасно, бутылка немедленно подается. Сколько стоитъ? Талеръ. Печенье? Восемъ грошенъ! Ты садишься на диванъ и шутишь съ дѣвицей. Вдругъ у нея разбаливается голова. „А что если бы намъ выпить чашку шоколада!“—„Ты, надѣюсь, останешься на ночь!“—и она обнимаетъ тебя и горячо цѣлуетъ въ обѣ щеки. Если ты рѣшилъ испить чашу любви до дна и, такъ какъ день клонится къ концу,

остаться на всю ночь, то это для дѣвицы тѣмъ пріятнѣе. „Madame, чашку шоколада!“—кричитъ она и шепчетъ ей на ухо: „Господинъ остается“. Madame посылаетъ лакея съ шоколадомъ. Сколько? Шестнадцать грошенъ? Прекрасно. Является горничная съ ночнымъ колпакомъ, туфлями, полотенцемъ, двумя тазами съ водой, желаетъ доброй ночи, запираетъ и уходитъ“.

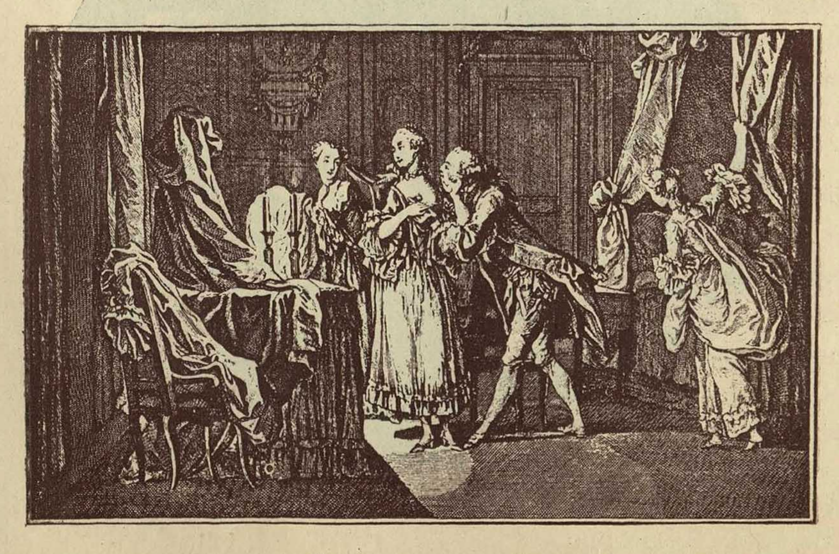
Если таковыми были большинство домовъ терпимости и ихъ обитательницы, если отдѣльные города и страны отличались другъ отъ друга развѣ только тѣмъ, что подъ вліяніемъ расовыхъ или національныхъ особенностей ярче выступали тѣ или иныя черты профессіи, то, какъ уже упомянуто, въ каждомъ городѣ существовало нѣсколько святилищъ любви, обслуживавшихъ исключительно богатую и требовательную кліентуру. Эти послѣдніе отличались, разумѣется, во всѣхъ отношеніямъ, извнѣ и внутри, отъ домовъ второго, третьяго или четвертаго ранга. Здѣсь дѣвицы никогда не показывались у окна и уже конечно никогда не показывались въ безстыдномъ костюмѣ. Да и вообще ничто не говорило уму непосвященнаго о характерѣ дома. Очень часто, напротивъ, все имѣло цѣлью произвести впечатлѣніе строжайшей солидности. Даже значительная посѣщаемость многихъ изъ такихъ домовъ тщательно маскировалась. Цѣлый рядъ дверей выходилъ въ переулки или въ сосѣдній домъ, такъ, что никто не видѣлъ входившихъ или выходившихъ посѣтителей. Все это дѣлалось отчасти въ интересахъ богатыхъ кліентовъ, желавшихъ сохранить свое инкогнито, отчасти въ интересахъ спеціальной категоріи посѣтителей, напримѣръ священниковъ, которымъ посѣщеніе такихъ учрежденій было запрещено.

Внутри тѣже контрасты. Неопытный посѣтитель въ первую минуту могъ вообразить, что попалъ въ порядочное общество. Когда однажды парижскій архіепископъ жаловался министру d'Аржансону на снисходительное отношеніе къ упомянутому выше отелю de Roule, онъ услышалъ въ отвѣтъ, что нигдѣ не царитъ такого порядка, какъ въ этомъ домѣ, „такъ что и вы, монсиньоръ, и я мы могли бы спокойно зайти“. Тоже самое приложимо и къ лондон-

Бухгорнъ: **Послѣ войны.**

Галантная французская гравюра.

Молодые ложатся. Нѣмецкая гравюра.

скимъ Bagnio, представлявшимъ, впрочемъ, не столько дома терпимости, сколько своего рода Petites maisons. Объ одномъ такомъ учрежденіи, во главѣ котораго стояла сводня м-ссъ Гоудзъ, говорится въ одной изъ наиболѣе важныхъ для исторіи протситуціи въ Лондонѣ XVIII в. Serails de Londres:

„М-ссъ Гоудзъ всегда разыгрывала благовоспитанную даму общества. Женщины, которыя ругались или непристойно выражались, не принимались. Главными ея кліентами были богатые купцы, которые подъ предлогомъ поѣздки на дачу обыкновенно заходили въ субботу вечеромъ и оставались до понедѣльника утра. Она всячески старалась имъ угодить, у нея имѣлись превосходные ликеры, очень образованныя куртизанки, элегантныя кровати и мебель“.

Приблизительно такой же репутаціей пользовался также упомянутый выше домъ любви madame Шувицъ въ Берлинѣ, привлекавшій въ началѣ XVIII в. массу иностранцевъ.

Царившія въ такихъ роскошныхъ домахъ болѣе утонченныя формы, конечно, не мѣшали тому, что здѣсь были на лицо всѣ пороки и всѣ капризы, даже больше, эти болѣе утонченныя формы только и дѣлали возможнымъ удовлетвореніе подобныхъ капризовъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ амбарахъ любви можно было все найти и все получить: красивѣйшихъ женщинъ всѣхъ національностей и всѣхъ возрастовъ отъ невиннаго ребенка до перезрѣлой женщины, привлекавшей эксцентрической извращенностью. Здѣсь устраивались пикантные ужины, за которыми прислуживали нагія проститутки, имѣлись комнаты пытокъ съ самыми раффинированными возбуждающими орудіями для стариковъ и безсильныхъ.

Здѣсь устраивались афинскіе вечера и массовыя оргіи, эротическіе спектакли, въ которыхъ можно было участвовать активнымъ актеромъ или пассивнымъ зрителемъ. Кто хотѣлъ имѣть женщину экзотической расы, находилъ ее здѣсь и т. д. Содержатели и содержательницы такихъ знаменитыхъ заведеній постоянно старались перещеголять другъ друга самыми раффинированными новинками.

Наиболѣе роскошный, по мнѣнію современниковъ, домъ терпимости. De Fountein (Фонтанъ) въ Амстердамѣ состоялъ изъ „ресторана, танцзала, кабинетовъ, кафэ и (на крышѣ дома) билліардной, гдѣ самыя красивыя дѣвушки играли нагія на билліардѣ“. Уже упомянутая нами мистриссъ Гайсъ, содержавшая на Ring Place въ Лондонѣ учрежденіе преимущественно для импотентныхъ развратниковъ, нуждающихся въ самыхъ острыхъ возбуждающихъ средствахъ, разослала однажды своимъ постояннымъ посѣтителямъ приглашеніе такого содержанія:

„М-ссъ Hayes позволяетъ себѣ увѣдомить лорда..., что завтра ровно въ 7 часовъ вечера 12 прекрасныхъ нимфъ, нетронутыхъ дѣвушекъ, исполнятъ одинъ изъ тѣхъ знаменитыхъ праздниковъ любви, какіе устраиваются на Таити, по указаніямъ и подъ руководствомъ царицы Оберенъ (каковую роль взяла на себя сама м-ссъ Hayes)“.

И тотъ же свидѣтель сообщаетъ намъ и объ эффектѣ, которое произвело подобное приглашеніе:

„Явилось двадцать три посѣтителя, всѣ изъ высшей знати, среди нихъ пять членовъ палаты общинъ. Ровно въ семь началось празднество, къ которому м-ссъ Hayes пригласила 12 молодыхъ атлетическихъ парней, исполнившихъ вмѣстѣ съ нимфами на глазахъ восхищенной публики таитскій праздникъ Венеры, по окончаніи котораго былъ устроенъ роскошный ужинъ“.

Въ томъ же родѣ былъ и упомянутый выше „балъ любви“, устроенный м-ссъ Пендерквастъ, въ которомъ участвовали также свѣтскія дамы. Домъ терпимости, который содержала нѣкая миссъ Фаукландъ, состоялъ изъ трехъ домовъ: Аврора, Флора и Мистеріи. Въ каждомъ было 12 дѣвушекъ, называемыхъ монашенками. Обитательницами Авроры были невинныя дѣвушки и сюда имѣли доступъ только импотентные старики старше 60 лѣтъ. Объ остальныхъ двухъ учрежденіяхъ въ Les Serails de Londres говорится:

„Въ храмѣ Флоры имѣлось такое же число монашенекъ, отличавшихся благодаря предшествовавшему воспитанію живостью, веселостью, услужливостью и развращенностью и посѣтителямъ было

нелегко остановить свой выборъ на какой-нибудь одной. Храмъ Мистеріи оправдывалъ свое названіе разыгрывавшимися въ немъ сценами невообразимаго тайнаго разврата. Сюда доступъ былъ закрытъ даже обитательницамъ другихъ двухъ храмовъ и остальныхъ домовъ терпимости".

Всѣ завоеванія техники, химіи, физики, философіи,—достаточно вспомнить магнетизмъ—тогда едва ли кѣмъ такъ усердно эксплоатировались, какъ содержателями роскошныхъ домовъ терпимости. Казалось, всѣ эти завоеванія не имѣли иной цѣли, какъ помочь послѣднимъ, стремившимся къ все болѣе раффинированнымъ формамъ промысла, придумывать все новые трюки. Классическимъ примѣромъ можетъ служить пользовавшійся всемірной извѣстностью храмъ здоровья Грахэма, не только приводившій впродолженіи многихъ лѣтъ въ восхищеніе всѣхъ старыхъ виверовъ Лондона, но и привлекавшій въ Лондонъ многихъ состоятельныхъ иностранцевъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Наряду съ оффиціальнымъ домомъ терпимости каждый классъ, каждый городъ имѣли еще свои особые замаскированные дома терпимости. Такъ въ Швейцаріи такую роль играли лечебныя грязи: Бернскіе Matten были въ этомъ отношеніи извѣстны во всей Европѣ. Сюда не только пріѣзжали влюбленныя парочки: женская прислуга состояла здѣсь прямо изъ проститутокъ, среди которыхъ гости могли выбирать по желанію. Самое купанье имѣло лишь второстепенное значеніе, главной цѣлью была возможность развлекаться днемъ въ костюмѣ Адама съ одной или нѣсколькими проститутками.

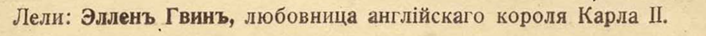
Сюда относятся и вышеупомянутые лондонскіе bagnio, гдѣ купанье вообще не играло роли. Въ своей, посвященной Англіи, книгѣ Архенхольцъ слѣдующимъ образомъ описываетъ эти buen retiros похожденій знати.

„Въ Лондонѣ существуютъ особые дома, называемые bagnio, собственно бани. На самомъ дѣлѣ ихъ назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы доставить представителямъ обоихъ половъ удовольствія. Эти

дома меблированы роскошно, иногда даже по царски. Все, что может возбудить чувства, или имѣется на лицо или можетъ быть доставлено. Дѣвицы не обитаютъ въ нихъ, а приносятся въ портшезахъ. Этой чести удостаиваются только такія, которыя отличаются хорошимъ тономъ, одеждой и красотой. Если дѣвица не понравится, то она не получаетъ подарка, а уплачивается только за портшезъ. Такъ какъ англичане остаются серьезными и тогда, когда предаются удовольствіямъ, то дѣла обдѣлываются здѣсь такъ сосредоточенно и прилично, что даже трудно себѣ представить. Всякій шумъ и суетня изгнаны. Не слышно даже шаговъ, такъ какъ всѣ углы застланы коврами, а многочисленные лакеи говорятъ между собой шопотомъ. Старики и безсильные подвергаются здѣсь по желанію розгамъ. Въ каждомъ bagnio имѣются ради формы и ванны, которыя однако почти никогда не употребляются. Хотя подобныя удовольствія стоятъ дорого, многочисленныя bagnio переполнены всю ночь публикой".

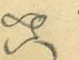
Ту же роль играли еще въ большей степени помѣщенія для танцевъ, всюду открывавшіяся въ XVIII в. Подробныя свѣдѣнія имѣются у насъ главнымъ образомъ о Берлинѣ. Въ Gemälde von Berlin Мюллера этой темѣ посвящена цѣлая глава. Въ этихъ помѣщеніяхъ часть дѣвицъ состояла изъ вольнопромышляющихъ проститутокъ, часть находилась на службѣ у владѣльца зала. „Бѣлый лебедь", „Золотой корабль", „Городъ Варшава", „Залъ гусара Курта"—таковы наиболѣе извѣстныя такія помѣщенія въ концѣ XVIII в. Здѣсь веселилось главнымъ образомъ простонародье. Болѣе чистая публика посѣщала залъ Гейля и ресторанъ Легера. Впрочемъ залы для танцевъ существовали при большинствѣ домовъ терпимости и публика посѣщала ихъ или чтобы познакомиться съ проституткой или чтобы въ качествѣ зрителей насладиться откровеннымъ кокетствомъ дѣвицъ.

Аналогичный характеръ носили и возникавшія въ началѣ XVIII в. кофейни, особенно въ Саксоніи. Въ нихъ съ самаго начала прислуживали дѣвицы—Kaffeemenscher, какъ ихъ называли. Онѣ

Лели: **Элленъ Гвинъ,** любовница англійскаго короля Карла II.

Грезъ: **Урокъ любви.**

Томный любовникъ. Англійская гравюра.

пользовались очень плохой репутаціей. Въ лейпцигскомъ Frauenzimmerlexicon объ этой категоріи проститутокъ говорится:

„Caffe-Menscher“ называются тѣ подозрительныя и развратныя женщины, которыя въ кофейняхъ прислуживаютъ мужчинамъ и исполняютъ всѣ ихъ желанія“.

Многія гостиницы также служили во всѣхъ странахъ цѣлямъ проституціи. Многіе хозяева сдавали комнаты проституткамъ, чтобы онѣ могли обслуживать гостей, или же знали адреса проститутокъ, такъ что ихъ можно было по желанію гостей сейчасъ же привести.

Архенхольцъ приводитъ въ своихъ британскихъ лѣтописяхъ слѣдующій случай:

„Одинъ содержатель гостиницы въ Дюре-Лэнъ выпускаетъ каждый годъ списокъ проститутокъ, посѣщающихъ его гостиницу или вообще извѣстныхъ ему. Книга озаглавлена: „Haris's List of Coventgarden Ladies“. Въ ней имѣются ихъ фамиліи, описаніе наружности, манеръ, талантовъ, хотя, правда, часто пристрастное. Ежегодно печатается 8,000 экз., которые расходятся необычайно быстро“.

Въ Англіи этотъ промыселъ былъ въ особенности сильно развитъ. Здѣсь существовали учрежденія всѣхъ видовъ и ранговъ, отъ простой таверны, посѣщаемой матросами, и до упомянутыхъ выше bagnio. Въ низкопробныхъ тавернахъ хозяева привлекали дѣвицъ тѣмъ, что кормили и поили ихъ даромъ. Въ болѣе дорогихъ хозяинъ часто прямо давалъ имъ все содержаніе и онѣ были поэтому обязаны всегда быть къ его услугамъ, чтобы онъ въ надлежащій моментъ могъ ихъ представить гостямъ. Въ своей вышедшей въ 1788 г. книгѣ The Adventures of a speculist Стивенсъ говоритъ:

„Послѣ того, какъ компанія молодыхъ людей изрядно выпьетъ, является слуга и докладываетъ, что „четыре или пять красавицъ остановились передъ таверной и пожелали узнать, не понадобятся ли онѣ, причемъ заявили, что зайдутъ еще разъ“. Слуга получаетъ приказаніе пригласить дамъ, когда онѣ снова появятся. Въ дѣйствительности эти женщины просто живутъ въ гостиницѣ и ждутъ въ маленькой комнатѣ, гдѣ онѣ тѣснятся, какъ овцы въ Смитфиль-

дѣ, пока ихъ не пригласятъ. Въ этомъ заключается ночная работа этихъ несчастныхъ. А такъ какъ имъ живется еще лучше другихъ, то какова же должна быть жизнь остальныхъ!“

Какъ ни разнились другъ отъ друга всѣ эти дома и учрежденія, какъ ни разнообразна была маскировка, у нихъ у всѣхъ одна общая черта: какъ можно больше эксплуатировать посѣтителя. Дѣлалось это не только обычной платой за любовь, но и дороговизной напитковъ и кушаній, потреблявшихся посѣтителями, бывали ли они одни или въ компаніи проститутокъ. Впрочемъ, это были лишь самыя невинныя формы. Гораздо выгоднѣе была для содержателей игра, которой предавались съ фанатизмомъ во всѣхъ домахъ терпимости. Чувственно возбужденнаго мужчину, рядомъ съ которымъ сидѣла проститутка съ непристойными манерами, было такъ легко обмануть и ограбить до послѣдней копейки, что и представляло обычное явленіе во всѣхъ святилищахъ любви.

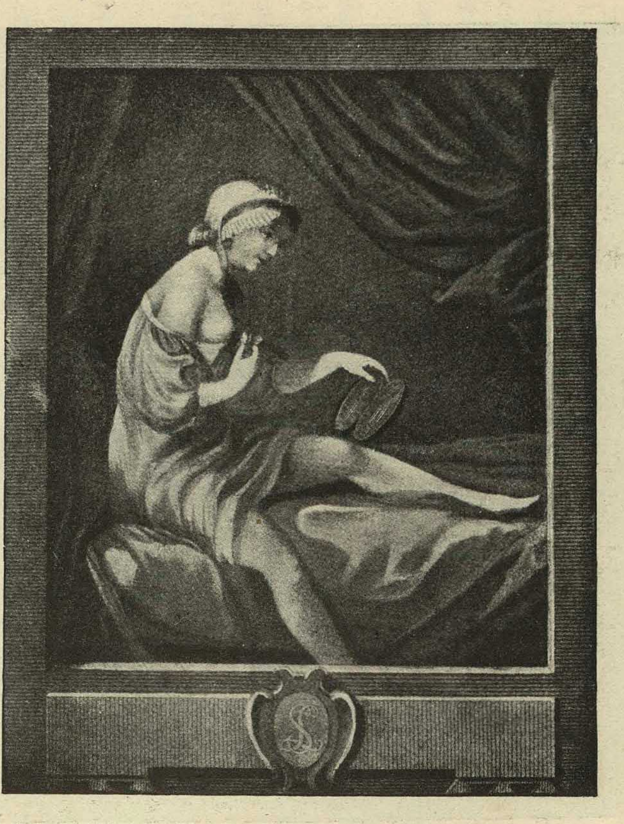
Въ квартирахъ низкопробныхъ проститутокъ не ограничивались шулерствомъ, а прибѣгали къ грубымъ методамъ, въ особенности къ воровству или къ ограбленію заснувшаго или пьянаго посѣтителя, не говоря уже о прямомъ вымогательствѣ со стороны сутенеровъ, такъ что гость часто долженъ былъ считать себя вообще счастливымъ, если ему удавалось добраться домой невредимымъ и цѣлымъ.

Не мѣшаетъ здѣсь кстати замѣтить, что проституція вообще была тѣсно связана съ преступленіемъ. Большинство вольно промышлявшихъ дѣвицъ занималось вмѣстѣ съ тѣмъ воровствомъ.

Огромному войску проститутокъ и не менѣе огромному спросу со стороны потребителей проституціи соотвѣтствовала въ эпоху абсолютизма не менѣе многочисленная армія маклеровъ и агентовъ, снабжавшихъ рынокъ все новымъ товаромъ, находившихъ для него покупателей и главнымъ образомъ старавшихся о томъ, чтобы даже самый утонченный порокъ могъ расчитывать на удовлетвореніе.

Лорейнсъ: **Подруги.**

Сентъ-Обенъ: **Сравненіе груди съ бутономъ розы.**

Развратникъ. Французская гравюра XVII в.

Августъ Сильный и Аврора Кенигсмаркъ.

Нигдѣ, даже въ маленькихъ городкахъ, не было недостатка въ профессіональныхъ сводняхъ и сводникахъ. Въ крупныхъ городахъ, гдѣ любовь была предметомъ массоваго потребленія, имя имъ былъ легіонъ. Мюллеръ говоритъ въ своемъ Gemälde von Berlin:

„Число своденъ огромно. Ибо дѣвицы являются въ Берлинѣ важнымъ предметомъ торговли. На нихъ такъ и смотрятъ. Поэтому это ремесло совершается какъ въ спеціально для него устроенныхъ домахъ, такъ и отдѣльными лицами такъ же хорошо, какъ въ мануфактурѣ съ долголѣтней практикой, а именно механично и безсознательно“.

Это войско своденъ исполняло свою профессію подъ всевозможными покровами, рѣдко открыто и незамаскированно. И не столько потому, что эта профессія была и въ эту эпоху сопряжена съ опасностями, а скорѣе потому, что это было выгоднѣе. Тысячи лицъ были къ тому же случайными своднями, такъ какъ ихъ профессія представляла въ этомъ отношеніи удобный поводъ, а выгодность такой дѣятельности все болѣе побуждала ихъ къ постоянному использованію этихъ удобныхъ случаевъ.

Когда напр. въ Парижѣ въ XVII в. появились извозчики, то даже люди, имѣвшіе собственныхъ лошадей, съ особенной охотой нанимали извозчика, чтобы поѣхать на свиданіе или въ мѣста тайнаго и открытаго разврата, или карета становилась сама мѣстомъ галантныхъ сценъ. Тѣмъ болѣе, что въ виду полнаго отсутствія другихъ средствъ сообщенія и небезопасности дорогъ карета была единственнымъ средствомъ болѣе безопаснаго передвиженія.

Казанова десятки разъ удостоивался благосклонности дамы именно въ каретѣ. И тоже извѣстно намъ изъ мемуаровъ всѣхъ другихъ виверовъ. Такъ незамѣтно каждый кучеръ становился сводникомъ. И уже въ XVII в. всѣ они были именно на такомъ счету. Ф. Леру говоритъ о парижскихъ кучерахъ XVII в.: Les cochers sont la plupart des maquereaux, qui connaissent tous les lieux de débauche de Paris.

Другой такой фигурой былъ парикмахеръ. Въ эпоху, когда ни мужчина, ни женщина не могли обойтись безъ его помощи, и онъ

каждый день приходилъ въ домъ, трудно было найти лучшаго посредника незаконныхъ сношеній для обоихъ половъ. И парикмахеръ въ самомъ дѣлѣ исполнялъ въ большинствѣ городовъ въ то же время и обязанности сводника, какъ видно изъ цѣлаго ряда сообщеній и мемуаровъ.

Продавщица галантерейныхъ товаровъ могла исполнять такія же функціи и потому также часто была и сводней. Прорицатели и гадалки, къ услугамъ которыхъ прибѣгали въ эту столь богатую противорѣчіями эпоху всѣ безъ исключенія женщины и значительный процентъ мужчинъ, были вообще прежде всего сводням и сводниками. О Вѣнѣ мы узнаемъ, что здѣсь очень многіе квартирохозяева были въ то же время сводниками, у которыхъ среднее сословіе поселяло своихъ нимфъ. Однако сводниками крупнѣйшаго калибра были, безъ сомнѣнія, агенты по отысканію мѣстъ. Чтобы покрыть огромный спросъ на дѣвушекъ, да и вообще на свѣжій товаръ для рынка проституціи, трудно было найти болѣе удобный случай, тѣмъ болѣе, что изъ провинціи ежедневно прибывали въ большіе города толпы служанокъ, нуждавшихся, естественно, въ такихъ посредникахъ. Такъ рано напали на мысль соединить вмѣстѣ обѣ профессіи или, вѣрнѣе, пользоваться одной для прикрытія другой. Профессія агента по отысканію мѣстъ была съ самаго начала связана съ торговлей дѣвушками. Около местечекъ, куда прибывали изъ провинціи деревенскія телѣги, всегда толпились массы подобныхъ человѣколюбцевъ.

Архенхольцъ сообщаетъ о Лондонѣ:

„Негодяйки—сводни обращаютъ особое вниманіе на деревенскія телѣги, ежедневно прибывающія изъ провинціи въ Лондонъ и почти всегда привозящія съ собой крестьянокъ, ищущихъ въ столицѣ мѣсто служанокъ. Такое бѣдное существо радо, если по прибытіи въ столь шумное мѣсто, гдѣ она не знаетъ ни кола ни дороги, встрѣчаетъ человѣка, дѣлающаго ей дружелюбныя предложенія и разыгрывающаго по отношенію къ ней добрую мать“.

Разъ очутившись въ рукахъ хозяина дома терпимости, такая бѣдняжка было совершено безпомощна, ибо никто о ней не заботил-

ся, а сама она была слишкомъ невѣжественна, чтобы освободиться изъ ужасной темницы. Особенно въ ходу были подобные методы въ Парижѣ и Лондонѣ. Романъ Ретифъ де-ла-Бретонна La Paysanne pervertie ou les dangers de la ville — исторія такой дѣвушки. Относящіяся къ 1773—1774 гг. извѣстная серія Гогарта „Жизнь проститутки“ также изображаетъ на первомъ рисункѣ дѣятельность такихъ торговокъ дѣвушками.

Таковы, безъ сомнѣнья, наиболѣе важныя формы, въ которыя тогда облекалась профессія сводни. Но это еще не всѣ. Мы уже выше упомянули, что многіе богатые виверы имѣли своихъ собственныхъ сводниковъ, находившихся исключительно на службѣ у нихъ. Обыкновенно они выступали въ роли каммердинера или гофмейстера. Въ Вѣнѣ камердинеръ и сводникъ были даже прямо синонимами. Авторъ книги Die Galanterien Wiens говоритъ:

„Здѣсь въ большинствѣ случаевъ каммердинеръ и сводникъ одно и тоже. Онъ прекрасно исполняетъ свои должности и отличается прекрасными манерами. На долю же повара и гофмейстера выпадаетъ честь предоставлять своихъ женъ въ распоряженіе господина графа, а если онѣ уже негодны, то нанимать хорошенькихъ и здоровыхъ дѣвушекъ, что имъ даетъ возможность надуть его сіятельство на нѣсколько сотъ гульденовъ въ годъ“.

Такую же роль часто играла камеристка или dame de compagnie при знатной дамѣ.

Число лицъ, открыто занимавшихся сводничествомъ, было, какъ уже упомянуто, ничтожно въ сравненіи съ замаскированными агентами проституціи. И однако и ихъ число было настолько внушительно, что накладывало извѣстный отпечатокъ на жизнь крупнаго города. А именно тѣмъ, что большинство содержательницъ домовъ терпимости имѣли, какъ уже указано, обыкновеніе водить своихъ нимфъ на прогулку пѣшкомъ или въ колясках. Зрѣлище тѣмъ болѣе бросалось въ глаза, что нѣкоторыхъ изъ такихъ своденъ сопровождала полдюжина, а то и болѣе „питомицъ“. Эти ежедневныя парады служили исключительно цѣлямъ рекламы и потому особенно демонстративно показывался обыкновенно свѣжій товаръ, который

сводня могла предложить своимъ клiентамъ. Во время такихъ парадовъ обыкновенно пользовались также случаеамъ завязать новыя знакомства съ мужчинами, упрочить старыя и сговориться если не на счетъ цѣны, то по крайней мѣрѣ о часѣ свиданiя.

Иные еще способы рекламы были связаны съ такими парадами. Если мужчина обнаруживалъ любопытство при видѣ такого шествiя, любопытство, которое можно было претворить въ деньги, то ему вручались записки и любовныя письма, содержавшiя кромѣ адреса дома терпимости или частной квартиры проститутки еще описанiе ея красоты и тѣхъ рѣдкостей, которыя ожидаютъ посѣтителя. Такiя записки часто раздавались въ большихъ городахъ и мужчинами.

Если принять во вниманiе все сказанное, то едва-ли покажется преувеличенiемъ, если современные свидѣтели называютъ улицы большихъ городовъ единымъ рынкомъ любви, а кварталы проститутокъ—единымъ большимъ домомъ терпимости, гдѣ можно было найти все, только не любовь.

Все вышесказанное служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ на важный вопросъ: какой классъ въ особенности поддерживалъ проституцiю? Отвѣтъ гласитъ: всѣ классы безъ исключенiя. Однако не менѣе важенъ второй вопросъ: въ какой степени участвовалъ каждый классъ въ удовлетворенiи сексуальной потребности путемъ продажной любви. Отвѣтъ на этотъ вопросъ обусловленъ тѣми цѣлями, которыя проституцiя должна была выполнять въ жизни отдѣльныхъ классовъ. А эти цѣли были самыя разнообразныя.

Для имущихъ и господствующихъ классовъ проституцiя была учрежденiемъ, позволявшимъ имъ прежде всего осуществлять минутные капризы, тогда какъ для мелкой буржуазiи и пролетарскихъ слоевъ она была прежде всего суррогатомъ брака, въ который, какъ мы знаемъ, очень многiе въ силу стѣсненнаго матерiальнаго положенiя или совсѣмъ не вступала или вступала лишь поздно. Это обстоятельство объясняетъ намъ въ достаточной мѣрѣ, почему значительно большiй процентъ мелкой буржуазiи и пролетарiата, чѣмъ

Желанный свидѣтель. Французская гравюра.

Роньо: **Спи! Спи!**

Даилу: **Картинка модъ.**

Гайдъ: **Рылейщица.**

богачей, посѣщалъ проститутокъ. Конечно, это не рисуетъ послѣднихъ въ болѣе выгодномъ свѣтѣ, такъ какъ мы должны вспомнить здѣсь тѣ слова, которыми мы начали эту главу.

Если характерная для эпохи абсолютизма всеобщая порча нравовъ и не нашла именно въ проституткѣ своего высшаго выраженія, то въ ней она, во всякомъ случаѣ, нашла свое наиболѣе яркое выраженіе. Противъ проститутки была поэтому направлена въ первую голову борьба противъ безнравственности, исходившая преимущественно отъ пробуждавшагося къ классовому сознанію мелкаго бюргерства. Однако борьба велась всегда негодными средствами. Теоретически она сводилась прежде всего къ массовой подачѣ хорошихъ совѣтовъ, а затѣмъ въ яркой разрисовкѣ опасностей, грозившихъ отъ общенія съ проститутками. Среди этихъ опасностей подчеркивались, какъ и прежде, особенно нападенія на кошелекъ мужчины, покупавшаго любовь.

Практически борьба противъ безнравственности ограничивалась устройствомъ пріютовъ кающихся Магдалинъ, насильственнымъ заключеніемъ заболѣвшихъ проститутокъ въ опредѣленныхъ больницахъ и, главнымъ образомъ, выселеніемъ пришлыхъ проститутокъ. Оба послѣднихъ способа практиковались чаще всего, тогда какъ пріюты спасенія основывались только въ нѣкоторыхъ крупныхъ городахъ. Для болѣе широкой дѣятельности такъ называемымъ комиссіямъ публичной нравственности недоставало не только болѣе широкаго умственнаго горизонта, но и необходимыхъ денегъ. Наиболѣе энергично и систематически велась борьба противъ всеобщей безнравственности, кульминировавшая, естественно, въ борьбѣ противъ проституціи въ Австріи, при Маріи-Терезіи.

Марія-Терезія назначила постоянно функціонировавшую комиссію, извѣстную подъ названіемъ „комиссіи цѣломудрія". Ея методы скоро достигли, правда, не славы, зато печальной извѣстности во всей Европы. Драконовскими мѣрами, какъ-то отрѣзываніемъ волосъ, тюремнымъ заключеніемъ, осужденіемъ на роль уличныхъ метельщицъ хотѣли перевоспитать проститутокъ.

Мужчинъ хотѣли отпугнуть отъ общенія съ проститутками постановленіемъ, въ силу котораго каждый холостякъ, застигнутый въ квартирѣ проститутки, обязанъ былъ на ней жениться. Женатаго ожидало обвиненіе въ прелюбодѣяніи. Однако подобное насильственное лѣченіе никакихъ результатовъ не достигло. Ни число проститутокъ не уменьшалось, ни число посѣщеній не сократилось: стали развѣ прибѣгать только къ всевозможнымъ уловкамъ. Проститутка превращалась оффиціально въ горничную или экономку. Зато увеличилось число преступленій, въ особенности абортъ и дѣтоубійство, и увеличилось до чудовищныхъ размѣровъ, такъ какъ каждая дѣвушка—мать тѣмъ самымъ казалась безнравственной и каралась закономъ. Увеличеніе числа такихъ преступленій было на самомъ дѣлѣ единственнымъ положительнымъ результатомъ охватившаго правительство Маріи-Терезіи нравственнаго пыла. Да и не могло быть иныхъ результатовъ, такъ какъ логику вещей нельзя по желанію измѣнять въ ту или другую сторону.

Какъ ни мало логики было въ такомъ и подобныхъ ему методахъ борьбы съ проституціей, самое отношеніе полиціи къ проституткамъ и проституціи было совершенно логично. Оно носило чисто абсолютистическій характеръ. Другими словами: полиція обслуживала интересы начальства, а такъ какъ этими послѣдними были господствующіе классы, то ихъ интересы заключались въ безпрепятственной эксплоатаціи всѣхъ возможностей наслажденія. Къ числу послѣднихъ принадлежала и проститутка и потому, естественно, къ ея дѣятельности необходимо было относиться осторожно. Эту задачу и исполняла какъ нельзя лучше, повсюду и вездѣ, полиція. А подобное типическое поведеніе полиціи можетъ показаться страннымъ только развѣ слѣпому идеологу, вѣрящему въ существованіе независимо отъ времени и пространства, царящей надъ міромъ, вѣчной морали и потому усматривающему въ полиціи облеченную въ мундиръ защитницу этой вѣчной и возвышенной нравственности, не понимающему, что она не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ власти господствующихъ въ данную эпоху классовъ.

Изъ того, что полиція относилась къ проституткѣ по абсолютистически и скорѣе содѣйствовала, чѣмъ препятствовала пышному развитію проституціи, разумѣется, не слѣдуетъ, что эти женщины обладали какими-нибудь положительными правами. Если не считать Англіи, онѣ не имѣли рѣшительно никакихъ правъ. Онѣ всецѣло были отданы во власть полиціи. Если послѣдняя часто закрывала на самыя дикія оргіи не только свои глаза, но и чужіе, да еще и чужіе рты, то иногда напротивъ по самому невинному поводу она грубо вмѣшивалась, если господа бывали охвачены капризомъ ввести въ своихъ владѣніяхъ строжайшую нравственность. Грубѣе и нахальнѣе всего она вмѣшивалась всегда тогда, когда какая-нибудь продажная жрица любви становилась неудобною для могущественнаго покупателя, и тотъ хотѣлъ отъ нея отдѣлаться самымъ простымъ образомъ.

Она же беззастѣнчиво провозглашала невинную дѣвушку проституткою, если та пробудила желаніе вліятельнаго человѣка и тотъ хотѣлъ наложить на нее свою властную руку. А послѣднее сдѣлать было уже нетрудно, если дѣвушка носила на себѣ клеймо проститутки. Иными словами: широчайшая терпимость, мирившаяся съ долголѣтнимъ нарушеніемъ полицейскихъ постановленій относительно порядка въ домахъ терпимости, была соединена съ грубымъ игнорированіемъ всѣхъ человѣческихъ правъ. Этотъ методъ имѣлъ однако еще и болѣе сокровенный смыслъ. Такимъ образомъ сама проститутка становилась полиціей, т.-е. она становилась союзницей полиціи.

Такъ какъ каждой проституткѣ ежеминутно грозило своевластіе полиціи—въ Парижѣ, напримѣръ, она заносила каждую мало-мальски подозрительную дѣвушку въ особые списки—то каждая была готова сдѣлать все, что отъ нея потребуетъ полиція. А первое, чего требовала полиція, была обязанность шпіонить за кліентами и доносить ей о нихъ. Въ концѣ-концовъ полиція знала всѣ частныя тайны и держала въ своихъ рукахъ множество лицъ изъ всѣхъ классовъ. А это было для нея, какъ органу абсолютизма, гораздо важнѣе, чѣмъ всякая воображаемая высшая нравственность. Такъ же

точно проститутка всегда была желанной союзницей милитаризма. Многіе рѣшались пойти въ солдаты—тогда всюду существовали только наемныя войска—только въ томъ случаѣ, если голова ихъ была затуманена: а для этой цѣли вербовщики пользовались услугами дѣвицъ. Однимъ словомъ: каждая проститутка, а еще въ большей степени каждая сводня—ибо къ ней приложимо все сказанное о проституткѣ—была, въ конечномъ счетѣ, орудіемъ и оплотомъ абсолютизма.

Таковъ итогъ

Съ этимъ итогомъ какъ нельзя болѣе гармонировалъ другой фактъ: сифилисъ, въ продолженіе цѣлаго столѣтія почти заглохшій, во всякомъ случаѣ сильно ослабѣвшій, въ XVIII в. снова наводнилъ гигантской волной Европу. Однако, на этотъ разъ онъ уже не былъ дерзкой случайной остротой, которую исторія могла бы и не позволить себѣ, какъ прежде, когда въ вѣкъ географическихъ открытій сифилисъ былъ случайно завезенъ изъ Гаити, нѣтъ, на этотъ разъ онъ былъ неизбѣжнымъ рокомъ абсолютизма. Провозглашеніе галантности высшей цѣлью жизни должно было позволить пышно распуститься оставшимся зародышамъ сифилиса, такъ какъ трудно было найти болѣе удобныя условія для его развитія и распространенія, чѣмъ жизненная философія и политическіе методы абсолютизма.

„Шипъ на розѣ“,—острили фаталисты, когда жестокая дѣйствительность вбила имъ въ голову молотками мысль, что здѣсь не существуетъ: или-или! Однако, то былъ страшный шипъ, который снова вонзился въ кровь человѣчества, хотя симптомы заболѣванія и не были столь ужасны, какъ двумя столѣтіями раньше, когда болѣзнь впервые вторглась въ Европу.

Главной разсадницей сифилиса—и разумѣется другихъ венерическихъ болѣзней—была публичная проститутка. Каждое половое съ ней сношеніе было тогда равносильно почти неизбѣжному венерическому заболѣванію. Одинъ берлинскій врачъ, д-ръ П. Мейснеръ недавно разслѣдовалъ съ этой стороны жизнь Казановы и пришелъ къ тому выводу, что „Казанова заболѣвалъ каждый разъ, когда имѣлъ дѣло съ проститутками“. Неизбѣжная тѣсная связь мелкой

Юмбсіо: **Розыскъ пропавшей дочери XVII.**

Осязаніе. Символическая гравюра XVII.

88

Гопперъ: **Картинка модъ.**

Красота. Англійская гравюра.

буржуазіи и въ особенности люмпенпролетаріата съ проституціей вводила ядъ сифилиса по тысячѣ каналовъ въ народныя массы. I. К. Мюллеръ говоритъ въ своемъ Gemälde von Berlin: „Низшіе классы совершенно заражены, двѣ трети (сказалъ мнѣ выдающійся врачъ) больны венерическими болѣзнями или обнаруживаютъ симптомы венерическихъ болѣзней. Въ Кобленцѣ послѣ вторженія эмигрантовъ, когда была „предложена безплатная медицинская помощь, зараженныхъ оказалось семьсотъ“. Такъ какъ съ начала XVII в. Лондонъ сдѣлался центромъ міровой торговли, и здѣсь всегда былъ огромный наплывъ иностранцевъ, то здѣсь половыя болѣзни достигли особенно чудовищныхъ размѣровъ, и потому ни одинъ городъ не возбуждалъ въ этомъ отношеніи такихъ опасеній.

Однако и господствующіе классы страдали не меньше отъ этого бича. Напротивъ, здѣсь цѣлыя семейства были заражены этой болѣзнью еще больше даже, чѣмъ въ мѣщанствѣ, такъ какъ при господствѣ вышеописанной свободы нравовъ „галаатный подарокъ“, полученный отъ проститутки или балерины, очень легко передавался свѣтской дамѣ, и прежде всего метрессѣ, чѣмъ обычно не ограничивался круговоротъ зараженій. Въ Satans Harvest Home говорится:

„Мужья передаютъ сифилисъ женамъ, жены мужьямъ, даже дѣтямъ, послѣднія кормилицамъ, а тѣ въ свою очередь своимъ дѣтямъ“.

Многіе развратники, любовь которыхъ знатныя дамы оспаривали другъ у друга, положительно разносили эту болѣзнь по всѣмъ домамъ. Большая половина правящихъ фамилій была тогда заражена сифилисомъ. Почти всѣ бурбоны и орлеанисты страдали или временно или постоянно этой и другими венерическими болѣзнями: Людовикъ XIV, его братъ, мужъ герцогини Елизаветы Шарлотты, Филиппъ Орлеанскій, регентъ Франціи, Людовикъ XV и др. И то же надо сказать о всей французской придворной знати.

Въ Парижѣ, какъ доказали Капонъ, а вслѣдъ за нимъ Эрве, большинство балеринъ и актрисъ были сифилитичками. Такъ какъ именно изъ этихъ круговъ французская знать преимущественно

брала своихъ любовницъ, то заболѣванiе было для большинства неизбѣжностью. Знаменитая танцовщица Камарго и не менѣе знаменитая Гимаръ оставили почти всѣмъ своимъ поклонникамъ, среди нихъ нѣсколькимъ принцамъ и герцогамъ, такую память о своей благосклонности. Герцогиня Елизавета Шарлотта, которая, впрочемъ, и сама была заражена мужемъ, пишетъ:

„Балерина Дешанъ поднесла принцу Фридриху Карлу Виртембергскому подарокъ, отъ котораго онъ умеръ".

А сверху зло просачивалось, естественно, также внизъ. Милость, оказанная государемъ женамъ придворныхъ, вскорѣ переходила въ ихъ кровь, а далѣе въ кровь ихъ дѣтей. Герцогъ Виртембергскiй Карлъ Александръ, вѣроятно, зараженный балериной, потомъ заразилъ въ свою очередь весь свой гаремъ, состоявшiй изъ танцовщицъ придворнаго штуттартскаго театра и извѣстный подъ названiемъ „синихъ башмаковъ", ибо право носить синiе башмаки отличало всѣхъ фавритокъ герцога.

Когда на верху общества увидѣли, что почти всѣ стрѣлы Амура оставляли послѣ себя отравленныя раны и что никто не покидаетъ поле битвы Венеры безъ того, чтобы рано или поздно не быть отмѣченнымъ подобнымъ знакомъ, то къ этой ужасной болѣзни присоединили жестокое самоиздѣвательство.

Болѣзнь была идеализирована.

Ея послѣдствiя были провозглашены аттрибутами истиннаго благородства. И этотъ послѣднiй итогъ не менѣе логиченъ, какъ и признанiе проститутки вѣрнѣйшей союзницей абсолютизма, такъ какъ оба явленiя были поистинѣ матерiей и духомъ, рожденными изъ его крови и изъ его души...

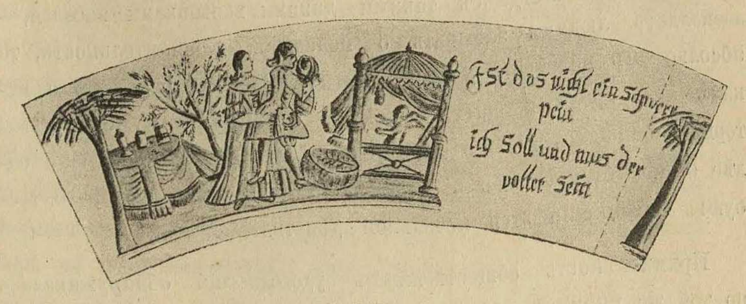

Курёнъ: **Неравный бракъ.**

89

Мирисъ: **Завтракъ.**

Регемортеръ: **Влюбленный мужикъ.** Галантная голландская гравюра.

VI.

Гостиница и салонъ.

Общественныя развлеченія массы населенія отличались въ эпоху абсолютизма большой примитивностью, ибо всегда одною изъ главныхъ заботъ всякаго абсолютистическаго режима было стремленіе отучить людей „радоваться“.

Радоваться значитъ безпрепятственно двигаться, и прежде всего безпрепятственно отдаваться движеніямъ духа и души. А это противорѣчитъ, какъ по своимъ предпосылкамъ, такъ и по своимъ послѣдствіямъ, интересамъ абсолютизма, такъ какъ приводитъ къ его уничтоженію. Предпосылкой истинной радости является самоопредѣленіе радующагося, важнѣйшимъ послѣдствіемъ—повышеніе энергіи въ томъ же направленіи самоопредѣленія. Абсолютизмъ поэтому стѣснялъ свободное проявленіе жизни въ массахъ и убивалъ еще въ зародышѣ истинную радость.

Въ эпоху стараго режима радость массы—ни что иное, какъ вспышки дикаго веселья. Послѣднія не противорѣчатъ интересамъ абсолютизма, какъ господствующей силы, а наоборотъ, упрочиваютъ его, ибо если болѣе высокія развлеченія повышаютъ энергію массъ и индивидуумовъ, то такія вспышки дикаго веселья ослабляютъ эту энергію, которая безполезно разрѣшается. А это, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ интересамъ абсолютизма, такъ

какъ такимъ образомъ понижается вызываемое имъ въ массахъ противодѣйствіе. Такъ какъ далѣе всякое состояніе опьяненія,— а оно связано всегда съ такими дикими вспышками веселья,— позволяетъ людямъ забывать о печальной дѣйствительности, то абсолютизмъ получаетъ двоякую выгоду. Забывая временно о мукахъ ада, среди которыхъ человѣкъ осужденъ жить, онъ нѣкоторымъ образомъ вообще примиряется съ ними и тѣмъ еще болѣе ослабляется опасность сверженія того, интересы котораго требуютъ сохраненія этой печальной дѣйствительности.

Примитивность общественныхъ удовольствій обнаруживалась по той же причинѣ не столько въ качественномъ, сколько въ количественномъ отношеніи. Потребность забыть дѣйствительность была въ эту эпоху стереотипна и потому люди пользовались каждымъ представившимся случаемъ. Такъ какъ въ такомъ поводѣ нуждались ежечасно, то его старались создать,—такимъ поводомъ была гостиница.

Съ гостиницей связано въ XVIII в. большинство развлеченій. Даже больше: всѣ виды ихъ были не болѣе, какъ—въ большинствѣ случаевъ — продолженіемъ ресторанной жизни. Правда, на это имѣлась еще одна причина, а именно все разраставшійся спросъ на общеніе, нуждавшееся въ постоянномъ центрѣ схожденія. Такимъ центромъ и сдѣлался ресторанъ, и притомъ, какъ явленіе самостоятельное, рядомъ съ прежнимъ постоялымъ дворомъ, исполнявшимъ совсѣмъ другія функціи, а также не въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія прежняго цехового кабачка, гдѣ сообщались только представители даннаго цеха. Нѣтъ, гостиница, ресторанъ сдѣлались тогда тѣмъ, чѣмъ они являются и теперь, нейтральнымъ мѣстомъ сборищъ для различныхъ группъ того же класса: дѣленіе на классы именно здѣсь получило постоянный характеръ. Эта эволюція совершилась, естественно, скорѣе тамъ, гдѣ климатическія условія мѣшали болѣе продолжительному пребыванію на улицѣ, т.-е. главнымъ образомъ, въ средней и сѣверной Европѣ.

По мѣрѣ того, какъ ресторанъ становился въ центрѣ общественныхъ увеселеній, исчезали или отступали замѣтно назадъ прежнія типическія формы общественныхъ развлеченій. И прежде всего баня и прядильня, когда-то пользовавшіяся одинаковой популярностью въ деревнѣ и городѣ. Какъ мы выяснили въ первомъ томѣ, посвященномъ Ренессансу, жизнь въ баняхъ замерла подъ вліяніемъ появленія сифилиса и возраставшаго обѣдненія массъ. Тамъ, гдѣ онѣ уцѣлѣли или послѣ кризиса снова расцвѣли, онѣ въ большинствѣ случаевъ превращались, какъ уже было нами сказано, въ ясно выраженные дома терпимости.

Иначе обстояло дѣло съ посѣщеніемъ, такъ называемыхъ, цѣлебныхъ источниковъ, которые офиціально посѣщались изъ соображеній здоровья. Подобные курорты, напротивъ, снова вошли въ моду въ XVIII в., а во многихъ изъ нихъ сохранились и прежніе нравы, имѣвшіе тѣ же, какъ и прежде, послѣдствія. „Ничто такъ не полезно для безплодныхъ женщинъ, какъ посѣщеніе курорта, и виновата тутъ не вода, а—монахи“,—говорится—точь въ точь, какъ въ эпоху Возрожденія—въ сатирическихъ описаніяхъ жизни въ модныхъ курортахъ XVIII в. Кокетство, флиртъ, словомъ, всѣ виды галантности были главнымъ занятіемъ курортныхъ посѣтителей.

Впрочемъ, это касается только, такъ называемыхъ, модныхъ курортовъ, среди которыхъ особенной славой пользовался тогда Спа. Въ настоящихъ цѣлебныхъ курортахъ,—приведемъ въ примѣръ очень популярныя тогда виртембергскія мѣстечки Вильдбахъ, Тейнахъ и Геппингенъ,—царили противоположные нравы: они были центрами господствовавшаго тогда преимущественно въ мелко-буржуазныхъ слояхъ піэтизма. Здѣсь на лѣченіе смотрѣли, какъ на священнодѣйствіе, и оно напоминало священнодѣйствіе тѣмъ, что ему старались придать религіозную окраску пѣніемъ религіозныхъ пѣсенъ, касавшихся цѣлебныхъ источниковъ. Такова была, напр., церковная пѣсня, сочиненная штутгартскимъ городскимъ священникомъ Я. Ф. Юнгомъ (1689—1754).

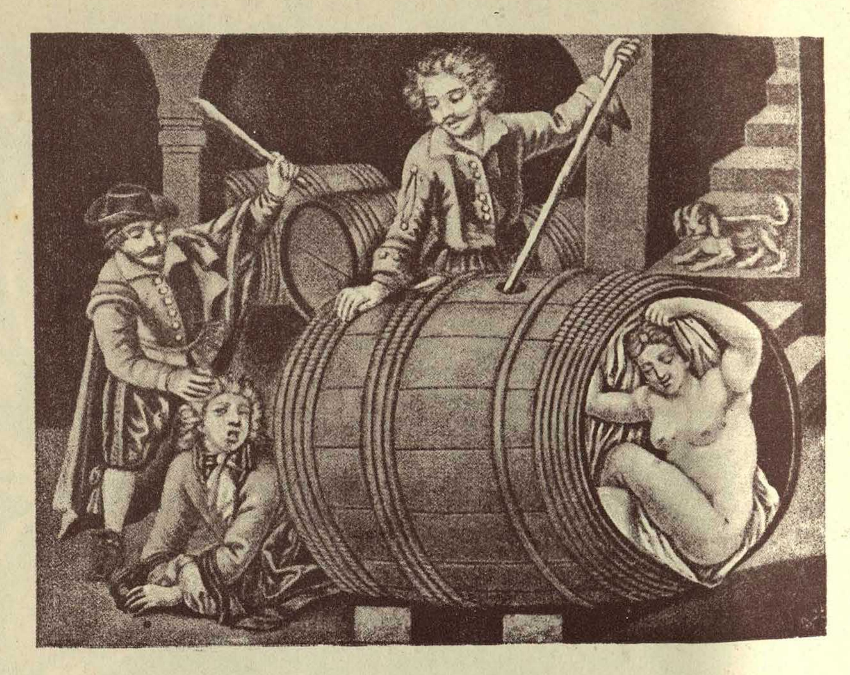
Въ настоящее время мы сочли бы подобныя пѣсни за невольныя пародіи на благочестіе,—тогда онѣ были задуманы совершенно серьезно, и ихъ серьезность никѣмъ не подвергалась сомнѣнію. Этому вовсе не противорѣчитъ, если цѣлый рядъ насмѣшниковъ утверждалъ, что какъ разъ въ этой піэтистической атмосферѣ въ особенности пышно процвѣтала земная любовь,—это тѣмъ менѣе удивительно, такъ какъ „большинство болѣзней, преимущественно женскихъ, можно было вылѣчить только такимъ путемъ". Отсюда можно было бы сдѣлать выводъ, что главное отличіе посѣщаемыхъ среднимъ бюргерствомъ курортовъ отъ модныхъ состояло только во внѣшности, въ томъ, что здѣсь царило лицемѣріе вмѣсто открытой галантности. Хотя мы имѣемъ полное право сомнѣваться въ христіанскомъ цѣломудріи, въ которое, какъ въ броню, облекался піэтизмъ, такъ какъ съ нимъ нерѣдко соединялась самая изрядная грязь, все же нѣтъ основанія считать аскетическое поведеніе мелкобуржуазныхъ массъ однимъ сплошнымъ лицемѣріемъ. Если не безусловный аскетизмъ,—ибо, какъ массовое явленіе, такой аскетизмъ не существуетъ,—то относительный былъ для значительныхъ слоевъ закономъ горькой необходимости, которая вѣдь всегда является секретомъ всякаго аскетизма. Кто всю жизнь осужденъ высчитывать каждую копѣйку, тотъ лишенъ побудительныхъ причинъ дѣлать изъ любви хотя бы временно пріятное времяпровожденіе.

Что вѣрно для мелкаго буржуа, то, естественно, еще въ большей степени приложимо къ зависимому мужику, и къ еще болѣе несвободному наемному работнику. Оба эти класса не только не имѣли времени дѣлать изъ любви занятіе,—они были для этого слишкомъ истощены работой. Когда человѣкъ ежедневно трудится 14—15 часовъ, то любовь падаетъ для него до уровня простого животнаго инстинкта, и единственное ея „облагораживаніе" проявляется въ концѣ-концовъ въ дикихъ эксцессахъ, къ которымъ можетъ увлечь опьяненіе.

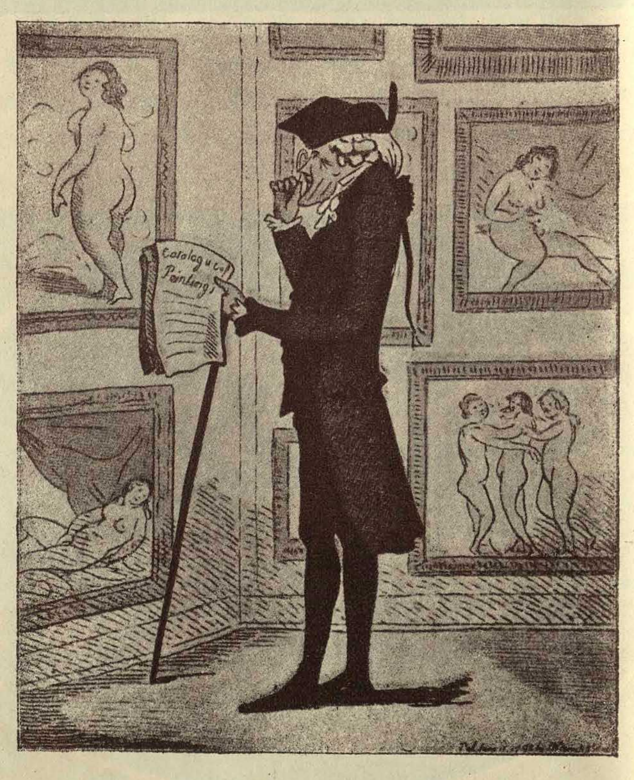
Другой важный поводъ къ развлеченіямъ когда-то существовавшій въ жизни мелкой буржуазіи и мелкаго крестьянства, а имен-

Дѣвушка, нанизывающая жемчугъ. Французская гравюра.

Войэ: **Передъ зеркаломъ.**

Иллюстрація къ галантной новеллѣ. Голландская гравюра.

Знатокъ. Англійская каррикатура.

ню посѣщеніе прядильни, сохранился, правда, въ деревняхъ, вымирая только въ городахъ. Но и въ деревняхъ мужчины уже не участвовали въ этомъ развлеченіи въ такой же степени какъ прежде. Тамъ же, гдѣ это все-таки имѣло мѣсто, господствовали обыкновенно тѣ же нравы и обычаи, царилъ тотъ же флиртъ жестами, какъ нѣкогда въ эпоху Ренессанса, продолжая, какъ и тогда, быть главной притягательной силой какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ.

Вмѣстѣ съ учащавшимся посѣщеніемъ ресторановъ мужчинами, все болѣе частымъ гостемъ тамъ была и женщина. Это произошло, когда прежній кабачекъ превратился въ офиціальный и всеобщій поводъ къ пьянству, служа лишь временно ареной для экономической и политической борьбы разныхъ организацій. Уже въ XVII в. женщины низшихъ классовъ охотно посѣщали трактиры. Абрагамъ а Санта Клара замѣчаетъ со свойственной ему манерой преувеличивать, что женщины даже чаще мужчинъ заглядываютъ въ кабакъ.

„У насъ, нѣмцевъ,—говоритъ онъ,—бабы чаще посѣщаютъ трактиры и кабаки, нежели мужчины“.

Большую роль играетъ преданная пьянству женщина также въ лексиконѣ современныхъ бранныхъ словъ и въ сатирическихъ изображеніяхъ. Что не только женщина низшихъ классовъ предавалась пьянству, доказываютъ помимо многихъ другихъ данныхъ тѣ выводы, къ которымъ приходитъ Толлукъ въ своей книгѣ „Das akademische Leben des XVII J.“. На основаніи изслѣдованныхъ имъ актовъ тюбингенскаго университета онъ доказываетъ, что университетское начальство видѣло себя часто вынужденнымъ порицать дочерей и женъ профессоровъ за незаконную беременность, абортъ, прелюбодѣяніе и особенно за грубое пьяное поведеніе и наказывать ихъ за такіе проступки. Здѣсь кстати будетъ упомянуть, что и придворныя дамы были чрезвычайно преданы пьянству

О дворѣ Людовика X герцогиня Елизавета Шарлотта замѣчаетъ: „Пьянство весьма распространено среди французскихъ женщинъ, а m-me Мазаренъ оставила послѣ себя дочь, мастерски умѣющую пить, маркизу Ришелье“.

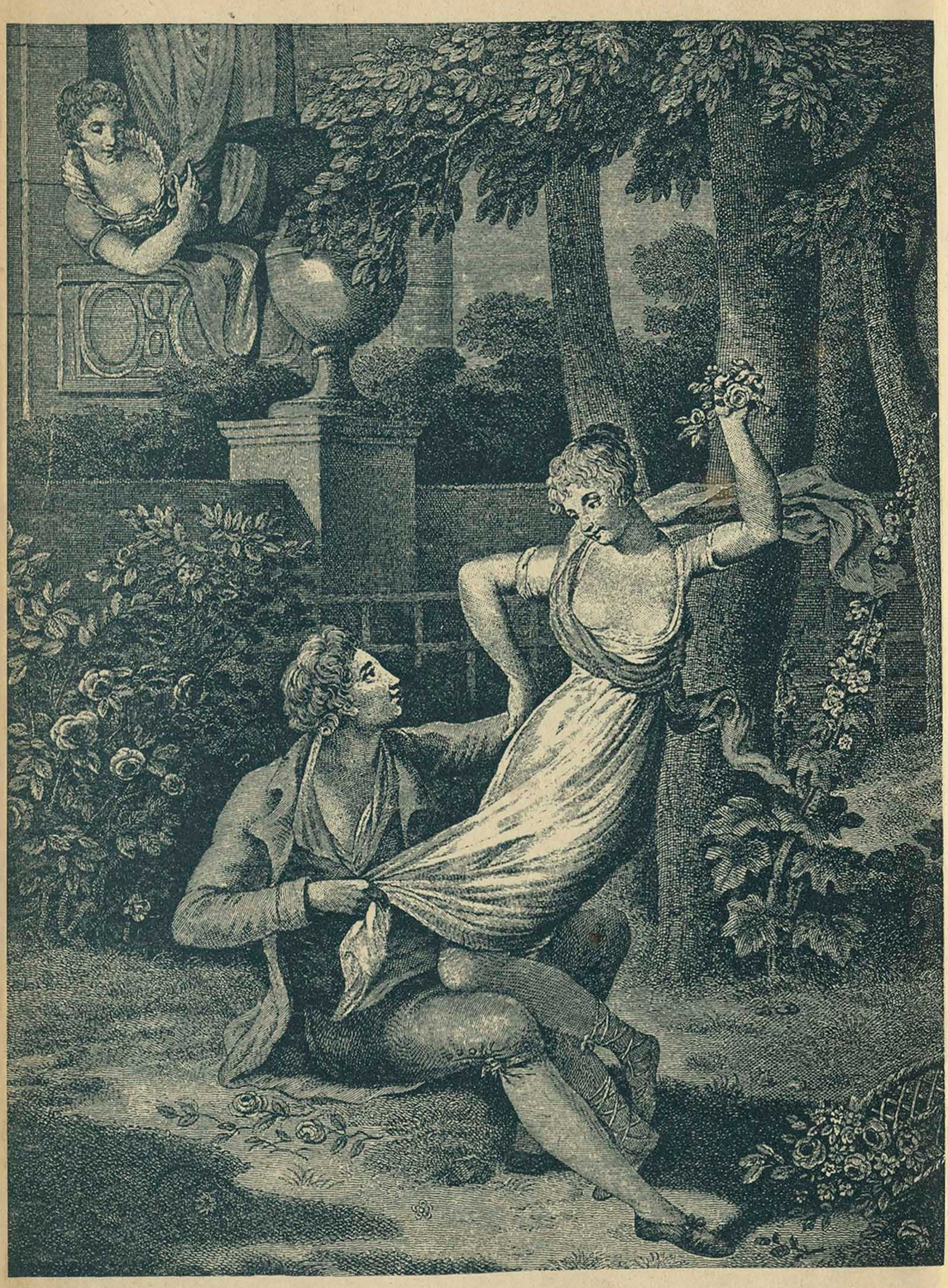
Половой элементъ обнаруживался во время посѣщенія ресторана какъ въ дѣйственномъ флиртѣ, такъ и въ бесѣдѣ: въ сообщеніи эротическихъ эпизодовъ и эротическихъ остротъ. Для многихъ то была единственной темой разговора, и рядомъ съ вышивкой и картами то было, несомнѣнно, наиболѣе излюбленнымъ развлеченіемъ. Особенной грубостью отличались подобныя бесѣды, разумѣется, когда мужчины были въ своей компаніи. Но подъ вліяніемъ вина и пива не стѣснялись и передъ порядочными женщинами, которыя въ свою очередь не протестовали, какъ не протестовали онѣ и противъ грубой публичной ласки, расточаемой въ такой стадіи веселья.

Проповѣдники морали поэтому постоянно жалуются на непристойное поведеніе въ ресторанахъ. Женщина слышитъ тамъ только скабрезности. Мужчины только и думаютъ о томъ, чтобы выставить на показъ свою похоть, не боятся никакихъ откровенныхъ словъ, а женщины украдкой и открытымъ одобреніемъ сами побуждаютъ ихъ къ этому. Ни о чемъ онѣ такъ не любятъ, чтобы разговаривали, какъ о радостяхъ, которыя приноситъ любовь, и о прелестяхъ, которыми обладаютъ онѣ сами. Если же мужчина позволитъ себѣ смѣлое нападеніе на грудь женщины, или „на колѣно и чуть-чуть повыше“, то она сердится и стыдится только въ томъ случаѣ, если онъ это дѣлалъ слишкомъ неуклюже. Въ противномъ же случаѣ его благодарятъ нѣжными взглядами или незамѣтнымъ смѣшкомъ. На обратномъ пути изъ кабака,—говорятъ моралисты,—не одна дѣвушка рискуетъ потерять невинность, а опьяненный виномъ мужъ—честь своего дома. Если мужъ пьянъ, то другъ выражаетъ свою готовность проводить его домой, и „не успѣли его уложить, какъ жена въ объятіяхъ друга теряетъ послѣдній стыдъ“. Таково общее правило.

Грубѣе всего были, безъ сомнѣнія, развлеченія тогдашняго люмпенпролетаріата, все существованіе котораго было сплошнымъ прозябаніемъ и который черпалъ отдыхъ только въ дикихъ оргіяхъ чувственности. Однако о нравахъ этихъ слоевъ у насъ—за исключеніемъ Англіи—почти нѣтъ никакихъ свѣдѣній и потому приходится удовлетвориться констатированіемъ того факта, что здѣсь не было

Леженъ: Сравненіе.
Гл. II.

Добродѣтельная служанка. Французская гравюра (1805).
Гл. II.

никакихъ просвѣтовъ и что только нужда служила задерживающимъ моментомъ.

Въ особенности разнузданно вели себя, какъ и прежде, во время разныхъ семейныхъ торжествъ, народныхъ празднествъ и всякаго рода торжествъ, и наконецъ во время исполненія старинныхъ обычаевъ. Среди семейныхъ торжествъ на первомъ планѣ, какъ и прежде, стояли свадьба и крестины. Однако и поминки справлялись не менѣе шумно.

Не успѣли зарыть покойника, какъ въ его домѣ устраиваются поминки, на которыхъ всѣ пьютъ и ѣдятъ сверхъ мѣры,—говорится въ Genealogie Nisibitarum. При такихъ условіяхъ не удивительно, если мы слышимъ, что порой уже въ такой моментъ вдова задумывалась надъ вопросомъ, кто изъ ея друзей лучше всего могъ бы замѣстить покойнаго. Во время свадебнаго пира господствовали часто еще тѣ же обычаи, какъ и въ эпоху Ренессанса. Такіе же грубые шутки и жесты, и они попрежнему приводили въ восторгъ. Что эти послѣдніе остались такими же умопомрачительно грубыми, доказываютъ хотя-бы свадебныя поговорки, бывшія въ ходу въ XVII и XVIII вв.; они или произносились вслухъ или украшали такъ называемыя „тарелки невѣсты", т.-е. тарелки на которыхъ невѣстѣ подносили подарки или же въ которыя собирали среди гостей деньги для музыкантовъ.

Такой же грубостью, какъ эти поговорки, отличались и свадебные стихи, сочиняемые въ честь новобрачныхъ и произносившіеся подъ аккомпаниментъ соотвѣтствующихъ жестовъ. Распѣвавшіяся пѣсенниками подъ звуки музыки свадебныя пѣсни также были часто ни чѣмъ инымъ, какъ раффинированными скабрезностями. Подобными эротическими шутками занимались обыкновенно во время такъ называемой Nachhochzeit, которая праздновалась на другой день послѣ свадьбы. Гвариноніусъ разсказываетъ о такомъ торжествѣ начала XVII в., въ которомъ онъ самъ участвовалъ:

„Я присутствовалъ на торжествѣ, послѣдовавшемъ за свадьбой. Этотъ день здѣсь называется „золотымъ" или „сыръ въ маслѣ". Пѣсенники поютъ и играютъ самыя непристойныя пѣсни. Этого еще

мало. Былъ тамъ и шутъ, онъ поставилъ посрединѣ комнаты скамейку, такъ чтобы всѣ его видѣли, а столовъ было четыре и за ними сидѣли мужчины, женщины и дѣвушки. Стоя на этой скамейкѣ, онъ дѣлалъ такіе жесты, при одномъ воспоминаніи о которыхъ мнѣ становится стыдно. Даже язычники такъ не поступали".

Однако,—какъ сообщаетъ дальше Гваринопіусъ,—кромѣ него никто изъ присутствующихъ не возмутился ни словесными ни дѣйственными скабрезностями, а напротивъ, всѣ были въ восхищеніи. Вѣроятно, эти скабрезности состояли въ юмористическомъ комментаріи къ первой ночи молодыхъ и къ тѣмъ переживаніямъ, которыя они испытали. Если въ теченіе XVIII в. грубость языка этихъ произведеній и нѣсколько смягчилась, то это касалось въ большинствѣ случаевъ только формы. Мѣсто наивной грубости заняла риторическая скабрезность, которой теперь все приправлялось. Съ этимъ явленіемъ мы встрѣчаемся главнымъ образомъ въ болѣе образованныхъ слояхъ.

Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить излюбленное современнымъ искусствомъ изображеніе бракосочетанія, такъ какъ вѣдь подобныя художественныя произведенія были расчитаны исключительно на господствующіе классы. Эти картины постоянно варьируютъ тѣ же немногія темы: „Le coucher de la mariée" и „Le lever de la mariée", т.-е. самые пикантные эротическіе мотивы брака. Молодая, проникнутая затаеннымъ любопытствомъ, жеманится, оставаясь въ первый разъ наединѣ съ влюбленнымъ супругомъ: таково le coucher de la mariée. Женщина, настолько оставшаяся довольной первымъ урокомъ любви, что уже не стѣсняется ни матери, ни камеристки и неохотно покидаетъ мужа, еще лежащаго въ постели: таково Le lever de la mariée. Большинство остальныхъ прославляющихъ бракъ современныхъ картинъ также вращается вокругъ этого положенія. Высшимъ и единственнымъ богомъ брака является Пріапъ: ему люди, вступая въ бракъ, посвящаютъ себя, и чѣмъ милостивѣе этотъ богъ, тѣмъ счастливѣе бракъ и потому приносятъ жертвы только ему.

Такъ какъ народъ долго придерживается своихъ обычаевъ, даже еще тогда, когда послѣдніе уже не коренятся больше въ реальной жизни, то и въ XVIII в. сохранились почти нетронутыми разнообразные эротическіе обычаи, связанные въ разныхъ странахъ съ новымъ годомъ, масленицей, первымъ мая, Иваномъ Купалой и т. д. Къ описаннымъ въ первомъ томѣ (Ренессансъ) обычаямъ присоединимъ еще слѣдующіе.

Въ Англіи еще въ концѣ XVIII в. существовалъ обычай, въ силу котораго перваго мая во всѣхъ приходахъ, городахъ и деревняхъ собирались молодежь и старики, чтобы пойти за майскимъ деревомъ. Лишь очень немногіе возвращались домой, большинство проводило ночь подъ открытымъ небомъ въ лѣсу за танцами и залихватскими играми. Отсюда нетрудно понять то, что Тэнъ, описавшій этотъ обычай, говоритъ о его послѣдствіяхъ: „Изъ ста дѣвушекъ, проводящихъ эту ночь въ лѣсу, нетронутой не возвращается и третья часть".

Другой тоже англійскій обычай, господствовавшій преимущественно въ Гертфордширѣ и праздновавшійся черезъ каждыя семь лѣтъ въ день Михаила, т.-е. 10 октября (ст. ст.), заключался по словамъ Тэна въ слѣдующемъ:

„Толпа молодыхъ парней, преимущественно крестьяне, собирается въ этотъ день утромъ въ полѣ и выбираетъ предводителя, за которымъ они обязаны слѣдовать повсюду. Онъ отправляется въ путь съ своимъ отрядомъ. Путь лежитъ черезъ болота и топи, изгороди, рвы и заборы. Всякій, кто имъ встрѣтится, не взирая на возрастъ, полъ и положеніе, обязанъ подвергнуться обряду качанья. Дѣвушки и женщины поэтому въ эти дни не выходятъ изъ дома. Только легкомысленныя дѣвицы любятъ подвергаться этому обряду и остаются съ веселой бандой до поздней ночи, когда, если только погода благопріятствуетъ, устраивается въ полѣ подъ открытымъ небомъ пирушка, переходящая въ вакханалію".

Наиболѣе разнузданно вели себя однако во время народныхъ праздниковъ, связанныхъ съ ярмаркой или паломничествами. Приличія въ такихъ случаяхъ было мало. Въ качествѣ характернаго

примѣра того, какъ веселились въ такихъ случаяхъ народныя массы, приведемъ слѣдующій обычай, бывшій очень популярнымъ во многихъ странахъ, въ особенности въ Бельгіи, гдѣ онъ сохранился вплоть до XIX в. и нашелъ свое высшее выраженіе въ знаменитомъ брюссельскомъ кермессѣ. Наканунѣ праздника, всегда во вторникъ, всѣ собирались у крутого оврага въ окрестности города или села. Ѣли, пили, пѣли и наконецъ, раздѣлившись на парочки, обнявшись, катились внизъ по склону оврага. Хорошенькая женщина, красота которой при этомъ представала глазамъ всѣхъ, могла этого не стыдиться, напротивъ ей восторженно аплодировали, а ея партнеру завидовали. Въ Брюсселѣ, гдѣ это народное празднество происходило обыкновенно на одномъ изъ обширныхъ склоновъ долины Воссегатъ, порой катались такимъ образомъ на потѣху себѣ и другимъ четыре или пять тысячъ парочекъ. Такая же игра существовала въ Богеміи, въ Эгерландѣ и въ Англіи.

Народныя празднества, достигшія своего наивысшаго развитія въ Англіи—здѣсь были налицо самыя благопріятныя условія для ихъ развитія: большіе города и значительная гражданская свобода—были почти всегда сатурналіями, въ которыхъ рядомъ съ культомъ Вакха всегда игралъ большую роль и разнузданный культъ Венеры. Что и тотъ и другой облекались въ такія формы, которыя покажутся несносными мало-мальски развитому вкусу, уже по одному тому неудивительно, что подобные праздники всегда были и наиболѣе выигрышными днями для проститутокъ, которыя присутствовали на всѣхъ такихъ праздникахъ, а къ болѣе большимъ паломничали цѣлыми толпами или даже пріѣзжали издалека.

Но даже если и не было проститутокъ, находясь въ своемъ собственномъ кругу, люди съ особенной охотой пускали въ оборотъ скабрезныя шутки. Доказательствомъ можетъ служить извѣстная картина Трооста, изображающая прибытіе персидскаго начальства. Эта шутка состояла въ томъ, что хорошенькая женщина выставляла изъ окна взорамъ публики заднюю часть тѣла, превращенную путемъ угля въ лицо. На картинѣ Трооста эту роль исполняетъ хорошенькая голландская трактирщица вблизи Амстердама. И чѣмъ

Чья ножка меньше. Нѣмецкая гравюра.

Фрейдебергъ: **Неожиданный визитъ.**

Морэ: **Смѣлый крестьянинъ.**

Реньо: **Лишь бы не проснулся.**

грубѣе вели себя люди на словахъ и въ поступкахъ, тѣмъ выше было удовольствіе. И наоборотъ: чѣмъ безудержнѣе становилось веселье, тѣмъ разнузданнѣе вели себя мужчины и женщины. Не пропускали ни одной женщины. О знаменитой лондонской ярмаркѣ, такъ называемой ярмаркѣ Варфоломея, даже говорили, что она „могила для всѣхъ лондонскихъ дѣвственницъ", и всѣ дѣти, родившіяся отъ неизвѣстныхъ отцовъ, назывались „дѣтьми Варфоломея".

Еще въ 1880 г. Теге сообщаетъ въ своей появившейся въ Дрезденѣ книгѣ England, Wales, Irland und Schottland слѣдующее объ этой ярмаркѣ:

„Такъ какъ здѣсь все имѣетъ цѣлью разжечь простую публику, то каждый и отдается всецѣло разнузданному веселью. Радость и довольство сіяютъ на всѣхъ лицахъ и всѣ ликуютъ. Что ни въ чемъ себѣ не отказываютъ и о приличіи не особенно заботятся, понятно и безъ дальнѣйшихъ объясненій. Извѣстный классъ публичныхъ дѣвушекъ въ эти три дня совершенно свыкается съ этимъ сборищемъ черни. Но и не мало неопытныхъ невинныхъ дѣвушекъ увлекается потокомъ развращенной черни и многія изъ тѣхъ, которыя нынѣ занимаютъ первое мѣсто среди жрицъ Венеры, впервые дебютировали на этой сценѣ и перешли изъ рукъ пьяныхъ матросовъ въ руки лорда".

Такіе же приблизительно нравы царили и на большихъ паломничествахъ въ католическихъ странахъ, завершавшихся всегда бурнымъ народнымъ праздникомъ совсѣмъ не религіознаго характера. Одинъ современникъ такъ описываетъ извѣстное паломничество въ Херналъсъ около Вѣны.

„Раньше было не мало такихъ мѣстечекъ и религіозныхъ поводовъ предаваться пороку. Къ числу наиболѣе извѣстныхъ такихъ мѣстечекъ принадлежалъ Херналъсъ, деревушка недалеко отъ Вѣны, гдѣ находится гора съ крестомъ, придающая прогулкѣ религіозный оттѣнокъ. Это мѣстечко посѣщается особенно охотно въ постъ и въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ названія Fastenredoute, какъ его здѣсь называютъ.

Подъ предлогомъ благочестія всѣ собираются туда; чернь какъ и дворянство массами стекается пѣшкомъ и верхомъ. Такъ какъ католикамъ возбраняется ѣсть мясо въ постные дни, то они наслаждаются лицезрѣніемъ женскихъ грудей. Взорамъ предстаютъ самые блестящіе кареты, экипажи и наряды. Какъ всѣ излюбленныя празднества и это посѣщается проститутками. Мужъ прогуливается со своей любовницей, встрѣчаетъ жену подъ руку съ двумя офицерами, они проходятъ мимо, раскланиваются и смѣются..."

Такъ какъ незаконныя любовныя радости были главной цѣлью для многихъ участниковъ этихъ и подобныхъ офиціальныхъ паломничествъ, то создалась цѣлая масса соотвѣтствующихъ поговорокъ. О дѣвушкѣ, заподозрѣнной въ беременности, говорили: „она участвовала въ паломничествѣ". Нѣчто подобное говорили и о женахъ, любительницахъ разнообразія въ календарѣ супружеской жизни. Другая поговорка гласила: „Кто посылаетъ жену на воды или на паломничество, у того колыбель ни одинъ годъ не пустуетъ", и т. д.

Къ числу народныхъ праздниковъ относились также во всѣхъ странахъ—казни. Въ особенности это имѣло мѣсто, да и сохранилось до нашихъ дней, въ Англіи.

Въ книгѣ Wanderungen durch London, появившейся еще въ 1852 году, говорится:

„Вы хотите знать, какъ совершаются наши народныя торжества? Наши приходскіе праздники, наши праздники винограднаго сбора, наши масленичныя шутки, когда въ вашей солнечной странѣ народъ опьяняется виномъ, весельемъ и пляской? Они празднуются, сударь, въ день казни передъ Ньюгетомъ, или въ Хорьмонджерлэнъ, или на какомъ-нибудь другомъ прекрасномъ мѣстечкѣ передъ тюрьмой нашихъ графствъ. Тутъ стоитъ такая толкотня и давка отъ зари до того момента, когда палачъ совершитъ свой ужасный долгъ, въ сравненіи съ которыми суета вашихъ ярмарокъ блѣднѣетъ. Окна окрестныхъ домовъ сдаются за дорогія деньги, строются эстрады, появляются вблизи лавочки съ съѣстными припасами и напитками; пиво и водка покупаются нарасхватъ; издалека люди прибѣгаютъ, пріѣзжаютъ въ колязкахъ или верхомъ, что-

бы насладиться зрѣлищемъ, позорящимъ человѣчество, а въ переднихъ рядахъ стоятъ женщины, и вовсе не только изъ низшихъ классовъ, а также изящныя, нѣжныя бѣлокурыя кудрявыя головки. Это позорно, но это такъ. А на долю нашихъ газетъ выпадаетъ потомъ печальная обязанность, отъ которой ихъ не освободитъ ни одинъ истый англичанинъ, зарегистрировать послѣднія судороги несчастныхъ съ душураздирающей точностью физiолога".

И какъ разъ эти казни, превращенныя въ публичныя зрѣлища, играютъ выдающуюся роль въ исторiи публичной нравственности, такъ какъ самыя жестокiя изъ нихъ, тѣ, во время которыхъ жертву сначала пытали, а потомъ медленно убивали, были для значительной части зрителей, въ особенности для женщинъ, ничѣмъ инымъ, какъ чудовищными разжигателями чувства сладострастiя. Ими наслаждались, чтобы возбудить самымъ дикимъ образомъ свою чувственность. И это дѣйствiе иногда обнаруживалось въ ужасающихъ формахъ.

Въ своей книгѣ о безполезности смертной казни Гольцендорфъ говоритъ:

„Во время казни въ маленькомъ городкѣ населенiе сосѣднихъ деревень, вообще спокойное и порядочное, выказало себя съ такой стороны, что можно утверждать, что смертная казнь не только обнаруживаетъ уже опредѣлившееся вырожденiе испорченныхъ элементовъ, но и портитъ элементы болѣе здоровые. Даймондъ сообщаетъ по поводу казни, состоявшейся въ городкѣ Чельмсфордъ, что среди собравшагося деревенскаго населенiя царилъ „настоящiй карнавалъ разврата". Въ ночь наканунѣ казни палача угощали ужиномъ въ трактирѣ, и онъ долженъ былъ разсказывать о разныхъ казняхъ. Крестьяне стекались изъ окрестностей, отстоявшихъ на 20 англiйскихъ миль. Молодые люди и дѣвушки устраивали при этомъ пикники".

Во время сенсацiонныхъ казней, когда предшествовавшiй имъ судебный процессъ взбудоражилъ все населенiе, обыкновенно происходили на самомъ дѣлѣ массовыя оргiи, въ непристойностяхъ которыхъ участвовало не только простонародье, но и высшiе классы. Изъ цѣлаго ряда сообщенiй, которыя нетрудно провѣрить, мы знаемъ,

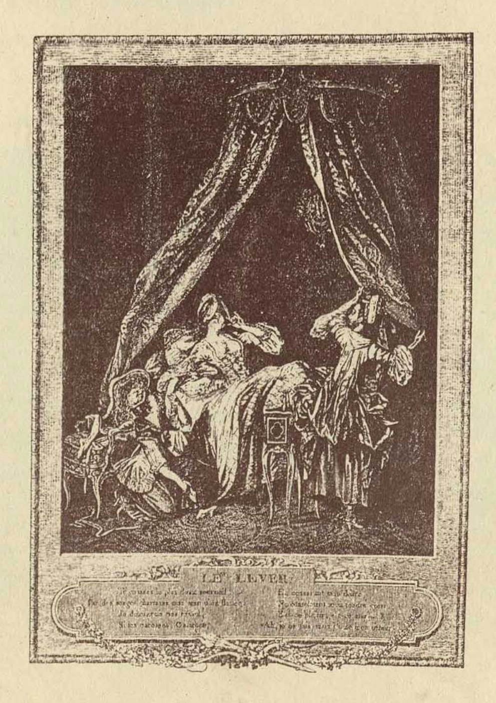
что въ XVII и XVIII вв. въ свѣтскомъ обществѣ считалось прямо bon ton присутствовать при знаменитыхъ казняхъ, и что богатые люди платили баснословныя цѣны за окна, выходящія на мѣсто казни. У этихъ оконъ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ и возлежали знатнѣйшія дамы. M-me Севинье присутствовала въ качествѣ зрительницы на всѣхъ пыткахъ и казняхъ. Когда къ плахѣ вели знаменитую отравительницу маркизу Бренвилльэ, вокругъ нея толпилась такая масса представителей высшаго общества, графинь и маркизъ, что шествіе не могло двигаться впередъ.

Дамы не ограничивались тѣмъ, что были простыми зрительницами: для нихъ подобное зрѣлище было также раффинированнымъ возбуждающимъ средствомъ. Если въ такихъ случаяхъ чернь иногда насиловала сотни женщинъ, или врывалась въ дома терпимости и тамъ устраивала ужасающія оргіи, то знатныя дамы, смотрѣвшія на казнь съ высокаго балкона, праздновали у окна вакханаліи съ шампанскимъ и вели себя самымъ безстыднымъ образомъ. Одинъ французскій хронистъ пишетъ: „Никогда наши дамы не бываютъ уступчивѣе; видъ страданій колесованной жертвы возбуждаетъ ихъ такъ, что они хотятъ тутъ же на мѣстѣ вкусить наслажденіе“.

Чтобы убѣдиться въ правильности этого замѣчанія, достаточно прочесть описаніе отвратительныхъ сценъ, видѣнныхъ Казановой во время казни безумца Дамьена и очень подробно имъ разсказанныхъ. Въ Англіи обыкновенно комнаты, выходящія на мѣсто казни, обставлялись нѣсколькими постелями и сдавались знатнымъ парочкамъ не только на весь день, но и на слѣдующую ночь.

Народные праздники въ собственномъ смыслѣ слова были связаны съ опредѣленными днями и случаями, какъ-то ярмарками, церковными праздниками и т. д. Однако по мѣрѣ роста большихъ городовъ, каковыми въ XVII в. были, правда, только Лондонъ, Парижъ, Вѣна и—гораздо позднѣе—еще Берлинъ, по мѣрѣ того, какъ сюда стекалась цѣлая армія болѣе или менѣе знатныхъ бездѣльниковъ, авантюристовъ и мошенниковъ всѣхъ видовъ, возникла здѣсь постоянная потребность имѣть возможность справлять каждый день, такъ сказать, народный праздникъ, т.-е. имѣть каждый день возмож-

Шалль: **Галантныя шутки.**

Фрейдебергъ: **Дама въ ночномъ корсетѣ.**

Английская мода (1786).

Роуландсонъ: Старый распутникъ.

ность предаваться разнузданному веселью. Изъ этой потребности выросли увеселительныя учрежденія, тогда носившія названіе „садовъ веселья“, нынѣ составляющія главную приманку для иностранцевъ, посѣщающихъ городъ. Родились они въ Лондонѣ. Здѣсь подобные сады веселья возникли уже въ XVII в.: концерты, балы, маскарады—такова была ихъ программа. Первыми такими увеселительными учрежденіями были Marbones Garden и сады Вокзала, извѣстные также подъ названіемъ The New Spring gardens.

Наибольшей извѣстностью пользовались сады Вокзала, такъ что названіе это было перенесено и въ другіе города, когда въ нихъ открылись подобныя учрежденія. Въ концѣ XVIII в. какъ Парижъ, такъ и Берлинъ имѣли свой Вокзалъ. Въ садахъ лондонскаго Вокзала собиралось ежедневно отъ четырехъ до шести тысячъ людей, въ особо торжественные случаи даже отъ восьми до десяти тысячъ. Не высокая входная плата, а баснословно дорогія цѣны напитковъ и кушаній удерживали отъ посѣщенія этихъ садовъ чернь—этимъ именемъ тогда, впрочемъ, обозначались не отбросы большого города, а неимущіе слои народа.

Кто имѣлъ эротическія намѣренія, тотъ находилъ въ этихъ садахъ самый удобный случай для ихъ удовлетворенія, такъ какъ сюда устремлялось не только огромное войско проститутокъ, но и женщины и дѣвушки, искавшія лишь мимолетныхъ авантюръ. Послѣднее обстоятельство приводило къ тому, что всѣ женщины, посѣщавшія эти учрежденія однѣ, безъ кавалеровъ, разсматривались мужчинами, какъ доступныя, и съ ними обращались соотвѣтственнымъ образомъ. Одинъ современникъ, англичанинъ Пеписъ, занесъ въ 1668 г. въ свой дневникъ слѣдующія слова:

„Былъ одинъ въ Вокзалѣ, гулялъ тамъ и видѣлъ, какъ молодой Ньюпортъ и двое другихъ негодяевъ насиловали двухъ дѣвушекъ изъ города, гулявшихъ съ ними около часа подъ маской“.

А подъ 27-мъ того же мѣсяца онъ пишетъ:

„Поѣхалъ по Темзѣ съ женой и Дебъ и Мерсеръ въ Спрингъ-Гарденъ; ѣли и гуляли; наблюдалъ, до какой грубости доходятъ нѣкоторые молодые франты города. Они уединяются въ бесѣдкахъ, гдѣ

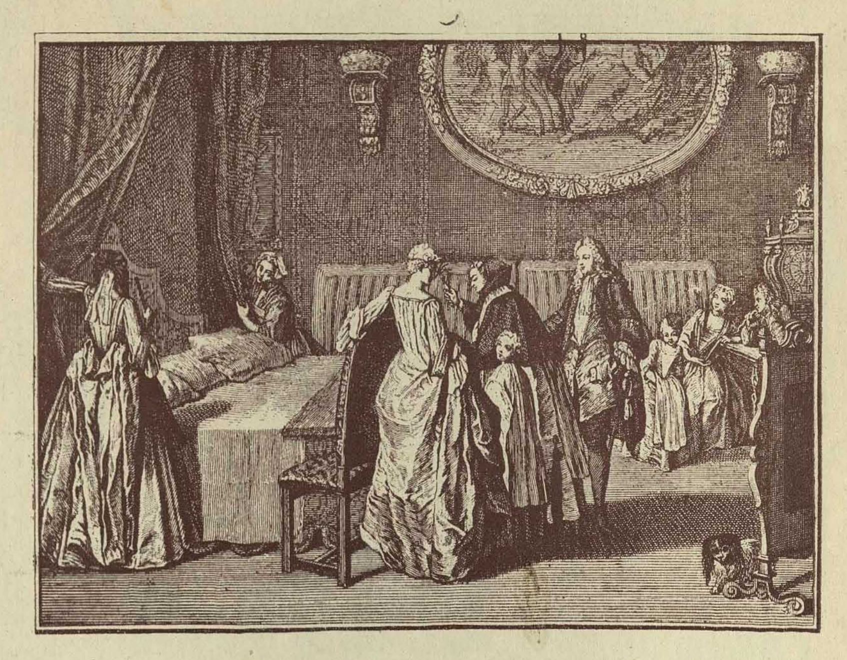
нѣтъ мужчинъ, и тамъ насилуютъ женщинъ. Меня возмущаетъ такая дерзость порока. По рѣкѣ вернулся и притомъ съ большимъ удовольствіемъ домой“.

Лицомъ къ лицу съ обычностью подобныхъ инцидентовъ другіе современники не безъ основанія замѣчаютъ, что женщины изъ высшихъ классовъ, шатающіяся въ этихъ садахъ подъ маской, просто жаждутъ такихъ непристойныхъ нападеній и потому весьма рады, если понравившійся имъ любовникъ игнорируетъ ихъ жеманство и хочетъ насильно взять ихъ. Многія даже всѣми силами старались провоцировать подобные инциденты, гуляя всегда въ самыхъ укромныхъ мѣстечкахъ, гдѣ смѣлый любовникъ могъ не бояться, что ему помѣшаютъ въ его галантныхъ похожденіяхъ.

Всѣ эти учрежденія служили такимъ образомъ цѣлямъ какъ открытой, такъ тайной проституціи. Всѣ эти сады были основаны для ея вящшаго процвѣтанія. „L'Observateur français à Londres“ пишетъ:

„Въ этихъ садахъ во многихъ мѣстахъ насажены кусты, благопріятствующіе влюбленнымъ. Это, быть можетъ, болѣе всего привлекаетъ англійскихъ женщинъ. У нихъ есть свои слабости, но нѣтъ еще смѣлости не краснѣть по поводу ихъ, еще менѣе, конечно, хвастать ими. Публичныя дѣвушки не только не устраняются отъ этихъ учрежденій, напротивъ, онѣ тамъ могутъ показать свои таланты, если только это не связано со скандаломъ, и упомянутые кусты, какъ нельзя лучше, обнаруживаютъ этого рода проституцію“.

Такъ какъ эта замѣтка относится къ 1769 г., то уже изъ одного этого видно, что приведенныя выше изъ дневника Пеписа сцены были обычнымъ явленіемъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. На самомъ дѣлѣ онѣ были обычнымъ явленіемъ гораздо дольше, ибо наряду со многочисленными литературными данными болѣе поздняго времени гравюры Роуландсона, относящіяся къ первому десятилѣтію XIX в., рисуютъ такія же сцены разврата, царившаго въ этихъ мѣстахъ, показываютъ, какъ проститутки цѣлыми сотнями здѣсь устраивали свой циничный рынокъ любви и какъ дамы общества умѣли перещеголять безстыдствомъ продажныхъ женщинъ.

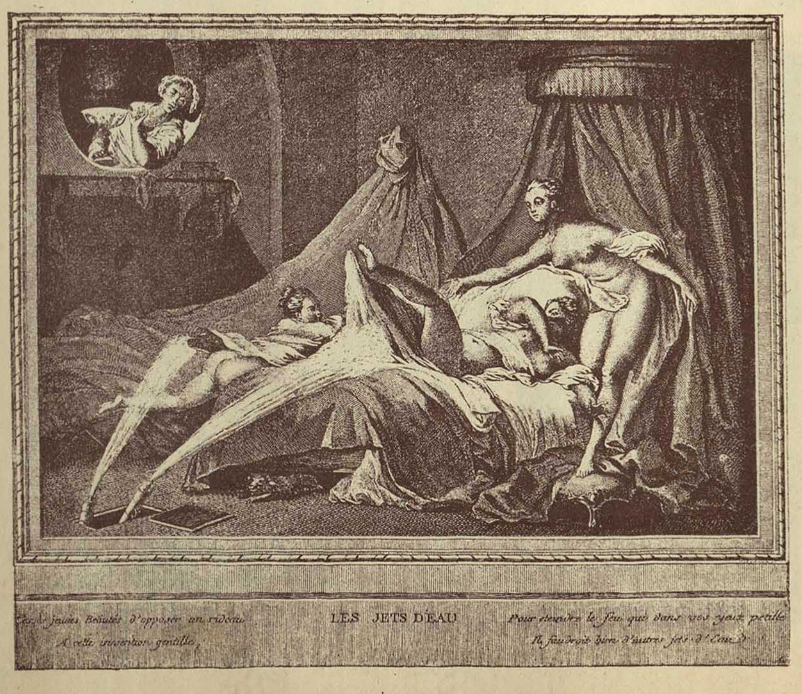
Пикаръ: **Освященіе брачнаго ложа.**

Гогартъ: **Утренній туалетъ дамы.**

94

Лоренсъ: **Модистка.**

Фрагонаръ: **Галантная гравюра.**

Формы, въ которыя облекаются публичныя увеселенія и спеціально народные праздники, служатъ всегда надежнымъ мѣриломъ для оцѣнки какъ общей культурности, такъ и господствующей въ данную эпоху свободы половыхъ нравовъ, такъ какъ здѣсь эти послѣдніе находятъ свое наиболѣе бросающееся въ глаза выраженіе. При этомъ однако не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это вѣрно главнымъ образомъ только для большихъ городовъ, или для деревень, лежащихъ въ ближайшемъ съ ними сосѣдствѣ.

Для большой массы крестьянства, напротивъ, народные праздники играли все менѣе видную роль. Экономическое положеніе крестьянъ было въ большинствѣ случаевъ столь печально, а ихъ зависимость отъ барина столь велика, что въ ихъ жизни уже не было мѣста праздникамъ. Исключенію подлежитъ и мелкій буржуа, посколько его дни протекали вдали отъ центровъ общественной жизни—а тогда даже десятокъ миль былъ большимъ разстояніемъ. Все его существованіе было настолько опутано государственной опекой и было такъ близко къ рабству, каждое его движеніе такъ усердно регулировалось „отеческимъ попеченіемъ" монарха, что у него не было ни возможности ни—за немногими исключеніями—мужества отдаваться разнузданной радости. Ему, которому начальство предписывало часъ, когда онъ долженъ былъ вернуться домой, которому подъ страхомъ тяжкихъ наказаній вмѣнялось въ обязанность посѣщеніе церкви, которому по воскресеніямъ даже возбранялось выходить за городскія ворота, этому по ногамъ и рукамъ опутанному мѣщанину казалось геройскимъ поступкомъ, уже если онъ выпивалъ лишній стаканъ пива.

А остальное довершалъ, какъ уже упомянуто, піэтизмъ, ничему такъ не мѣшавшій, какъ жизнерадостности, рвавшейся бурно и смѣло наружу.

Измѣнившаяся въ эпоху стараго режима историческая ситуація оказала значительное вліяніе и на танцы. Цѣлый рядъ танцевъ исчезъ—и ихъ мѣсто заняли другіе. Главной ихъ ноткой сдѣлались

теперь игривость и кокетливость, а также ясно выраженная сладострастность.

Характерными примѣрами могутъ служить: менуэтъ, аллемандъ и вальсъ, танцы, которые именно тогда вошли въ моду. Благодаря такой эволюціи танецъ сдѣлался еще въ большей, чѣмъ прежде, степени великимъ совратителемъ, неутомимымъ сводникомъ, сводившимъ оба пола. Прежняя его главная цѣль, состоящая въ томъ, что партнершу вращали въ воздухѣ такъ, что юбки вздувались и глазамъ публики представало интересное зрѣлище, никогда, правда, вполнѣ не исчезала, однако постепенно были придуманы болѣе интимные и рафинированные эффекты. Во время такъ называемыхъ „поцѣлуйныхъ танцевъ", бывшихъ особенно въ ходу въ Англіи, поцѣлуй, которымъ должны были обмѣняться парочки, становился все болѣе длительнымъ. Аддисонъ, возмущавшійся этимъ обычаемъ, писалъ: „Хуже всего танцы съ поцѣлуями, когда кавалеръ долженъ цѣловать свою даму по крайней мѣрѣ въ продолженіе минуты, если не желаетъ обогнать музыку и сбиться съ такта".

Танецъ аллемандъ, вошедшій въ моду въ серединѣ XVIII в. и начавшій, подобно болѣе поздно возникшему вальсу, свое побѣдное шествіе изъ Германіи, описывается слѣдующимъ образомъ танцмейстеромъ Гилльомъ, авторомъ появившагося въ 1770 г. Almanach dansant.

„Сладострастный, полный страсти, медленный, шаловливый этотъ танецъ позволяетъ женскому полу проявить всю присущую ему кокетливость и придаетъ физіономіи женщины самыя разнообразныя выраженія".

А авторъ Galanterien Wiens описываетъ аллеманду, какъ ее танцовали въ послѣдней трети XVIII в., слѣдующимъ образомъ:

„Вообще говоря я не хочу порицать это развлеченіе (танцы), а только высказать тебѣ свои мысли по поводу одного танца, который здѣсь въ модѣ. Это такъ называемый нѣмецкій танецъ, способный лишь разжечь кровь и возбудить безнравственныя желанія, и потому онъ, какъ мнѣ думается, и пользуется такой популярностью. Все развлеченіе состоитъ въ постоянномъ верченіи, отъ

котораго кружится голова и туманится разсудокъ. Сладострастныя прижиманія, вздыманіе разгоряченной груди пробуждаютъ желанія, которыя стремятся удовлетворить какъ можно скорѣй... Сколькимъ завоеваніямъ уже помогъ танецъ, такъ какъ воспоминаніе о томъ, какъ она кружилась въ тактъ съ такимъ паясомъ сладострастія должно покорить дѣвушку, имѣющую о чувственности лишь слабое представленіе".

Ни одинъ танецъ такъ не позволялъ забывать о всѣхъ заботахъ. Тотъ же авторъ пишетъ: „Многія стараются забыть въ танцѣ о своемъ горѣ, ибо я не могу тебѣ сказать, до какой степени здѣшнія дѣвушки любятъ танцовать".

Всѣ эти танцы, въ особенности же входившій въ моду вальсъ, были самымъ смѣлымъ образомъ использованы въ интересахъ галантности, темпъ былъ ускоренъ, а самыя позы становились сладострастнѣе. Г. Фитъ, написавшій въ своей появившейся въ 1794 г. популярной книгѣ Versuch einer Encyklopedie der Leibesübungen, настоящій апоѳеозъ красиво исполненнаго вальса, замѣчаетъ: „Дикое подбрасываніе и подпрыгиваніе безспорно не вытекаетъ изъ самого характера вальса, а зависитъ, напротивъ, отъ характера нашихъ легкомысленныхъ кавалеровъ и дамъ". Такъ какъ, однако, всѣ находили высшее удовольствіе въ этихъ преувеличеніяхъ, и каждый вальсъ превращался въ настоящій актъ сладострастія, то неудивительно, что даже такой не очень чопорный человѣкъ, какъ поэтъ Бюргеръ, разразился цѣлой филиппикой противъ вальса.

Однако, самымъ характернымъ танцемъ абсолютизма, тѣмъ танцемъ, который одинъ только и коренился въ его сущности, который былъ имъ порожденъ и взращенъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ исчезнуть или же въ лучшемъ случаѣ продолжать послѣ него чисто карикатурное существованіе, былъ—менуэтъ. Менуэтъ считается—и вполнѣ основательно,—величайшимъ произведеніемъ искусства, когда-либо созданнымъ въ области танца. Въ менуэтѣ все—элегантность и грація, все—высшая артистическая логика и вмѣстѣ съ тѣмъ—все церемонность, не допускающая малѣйшаго нарушенія

предписанныхъ линій. Въ менуэтѣ торжествуетъ законъ абсолютизма: поза и демонстрація.

Менуэтъ достигъ поэтому своего совершенства только на придворномъ паркетѣ, ибо тамъ величественность и размѣренность были все равно закономъ, предписаннымъ для каждаго движенія. Только здѣсь вся жизнь была безъ остатка сведена на игру и изящество. Что менуэтъ былъ доведенъ до такого совершенства, что надъ его выработкой работали въ продолженіе ста лѣтъ—первая достойная вниманія музыкальная композиція этого танца относится къ 1763 г.: написанный Граделемъ по случаю бракосочетанія Людовика XVI и Маріи-Антуанеты Menuet de la Reine считается совершеннѣйшимъ шедевромъ, когда-либо созданнымъ композиторомъ—было, правда, результатомъ неумолимой необходимости, противъ которой спорить не приходится. Высокіе каблуки и кринолинъ вынуждали создать особый танецъ, такъ какъ въ такомъ костюмѣ танцовать вальсъ невозможно. Такимъ танцемъ и явился менуэтъ. Только его и можно было танцовать, надѣвъ высокіе каблуки и кринолинъ. Менуэтъ не болѣе, какъ идеализированная линія ихъ ритма...

Разумѣется, сокровеннѣйшей тайной этого несравненнаго шедевра ритмики, уничтожавшаго даже безобразіе высокихъ каблуковъ и превращавшаго ихъ на время танца прямо въ элементъ красоты, была, какъ и тайной всякаго танца, все та же галантность, т.-е. ухаживаніе, домоганіе и достиженіе. Въ свое время вмѣсто „танцовать менуэтъ“ говорили: tracer des chiffres d'amour.

Это не только самая простая, но и самая тонкая и остроумная характеристика менуэта.

Что вѣрно относительно танцевъ, приложимо и къ играмъ.

Игры также становились значительно раффинированнѣе. Уже не устраивались больше состязанія въ силѣ между мужчиной и женщиной, чтобы такимъ образомъ добиться обнаженія женщины, какъ это дѣлалось въ эпоху Ренессанса. Нѣтъ, теперь сама женщина должна была это дѣлать и притомъ, какъ можно пикантнѣе. Эта

Грезъ: **Семейное счастье.**

Нѣмецкая сатирическая гравюра направленная противъ мужей подъ башмакомъ.

Фрагонаръ: **Календарь старцевъ.**

Галантная французская гравюра.

возможность была создана тѣмъ, что модной игрой стали качели; отъ женщины самой зависитъ сдѣлать такъ, чтобы ея юбки развѣвались пикантнымъ образомъ. И всѣ женщины, естественно, увлекались этой игрой. Никогда не видно на качеляхъ мужчины, ибо ему нечего показывать. Мужчина всегда выступаетъ въ роли voyeur'а, что обусловливало—со стороны женщины—систематическое выставленіе на показъ тѣхъ ея прелестей, которыя обычно скрыты отъ любопытствующихъ взоровъ.

Всѣмъ извѣстны далѣе также вошедшія въ XVIII в. въ моду пастушечьи игры. Обычно въ нихъ видятъ одно изъ проявленій постепеннаго возвращенія къ природѣ. И, разумѣется, это такъ. Но, подобное ихъ истолкованіе только вскрываетъ ихъ корень, а не ихъ сущность. А этой сущностью была организація публичнаго флирта. Пастушокъ и пастушка являются представителями неиспорченной моралью природы, и потому пастушокъ цѣлуетъ свою пастушку совершенно безцеремонно на виду у всѣхъ, а она также безцеремонно возвращаетъ ему его поцѣлуй. Эта публичность приводитъ въ восторгъ, хотятъ насладиться этимъ новымъ удовольствіемъ. Безцеремонный флиртъ—въ немъ здѣсь главная суть. Флиртъ въ такомъ маскарадѣ возбуждалъ къ тому же обѣ стороны симуляціей силы, ибо пастушокъ и пастушка только идеализированные мужики, а крѣпкій мужикъ—синонимъ неистощенной сексуальной силы. Облекая эти тенденціи въ форму культа естественности, общество нашло лучшее средство отдаваться, не стѣсняясь и публично, ни передъ чѣмъ не останавливавшемуся флирту.

Тотъ же самый секретъ скрывается, впрочемъ, и за художественнымъ изображеніемъ любви крестьянъ. Тайкомъ крестьянскій парень крадется ночью въ комнату возлюбленной, а она поднимаетъ одѣяло съ жалкаго ложа, чтобы согрѣть и осчастливить его. Молодой парень и полногрудая крестьянка флиртуютъ въ хатѣ, и каждая сторона старается вызвать другую на болѣе смѣлые поступки и т. д. Все это, разумѣется, не имѣло никакого отношенія къ жизни настоящихъ крестьянъ. Это тоже было не болѣе, какъ новой пикантной формой, облечь свои собственныя желанія и предста-

вить ихъ публикѣ. Не любовь крестьянъ представляли себѣ такъ, нѣтъ, такъ мечтали оформить собственную любовь, когда выяснилось, что никакія ухищренія не даютъ уже новыхъ неизвѣданныхъ чувствъ. То была лишь новая варьяція наслажденія, одно представленіе о которомъ опьяняло, а отнюдь не отказъ отъ прежнихъ ухищреній.

Создавать новыя эротическія возможности—такова была сокровенная тенденція и всѣхъ остальныхъ модныхъ игръ, рождавшихся тогда цѣлыми десятками. Достаточно упомянуть о столь излюбленной игрѣ: feu de la main chaude, состоявшей въ томъ, что кавалеръ пряталъ голову на колѣняхъ дамы и угадывалъ, кто ударялъ его.

Къ числу главныхъ развлеченій эпохи абсолютизма принадлежитъ и театръ. Его посѣщали прежде всего ради удовольствія. Даже тамъ, гдѣ театръ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ареной борьбы новыхъ гражданскихъ идей, гдѣ буржуазная оппозиція сосредоточила всѣ свои силы, выставленныя противъ абсолютизма, пантомима и фарсъ должны были удовлетворять потребностямъ въ грубыхъ зрѣлищахъ, такъ какъ болѣе серьезныя пьесы всегда почти завершались ими.

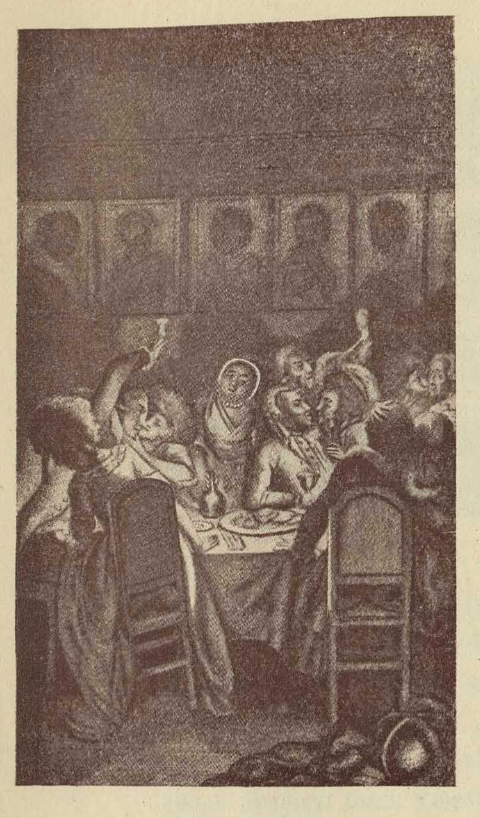
Теперь—это прежде всего публичное выставленіе напоказъ извѣстныхъ чувствъ. Уже одно это объясняетъ намъ то фанатическое увлеченіе, съ которымъ въ XVIII вѣкѣ относились къ театру почти всѣ круги. Ибо, если наиболѣе страстнымъ стремленіемъ этой враждебной всему интимному эпохѣ было желаніе выставлять напоказъ свои чувства, то театръ, т.-е., такая форма, которая особенно ярко выставляетъ напоказъ чувства, какъ нельзя лучше отвѣчалъ этой потребности. А чувства, выставлявшіяся со сцены напоказъ публикѣ и возбуждавшія особенный интересъ, вертѣлись, естественно, исключительно вокругъ галантности. Люди хотѣли наслаждаться эротикой не только активно, но и пассивно, быть свидѣтелями чужой эротики, зрителями эротики вообще.

Галантная фарфоровая статуэтка.

Миссъ Chudleigh.

Ходовецкій: **Оргія.**

Клистиръ.

Проституткамъ обрѣзаютъ волосы. Французская гравюра.

Этимъ цѣлямъ и служили комедія и фарсъ, содержаніе которыхъ было часто ничѣмъ инымъ, какъ драматизированной порнографіей, и притомъ часто порнографіей грубѣйшаго сорта, о которой мы въ настоящее время едва можемъ себѣ составить представленіе. Англичанинъ Дж. Коллеръ началъ свой памфлетъ противъ царящей на сценѣ безнравственности, изданный имъ въ 1698 г., не безъ основанія, слѣдующими словами: „Такъ, какъ я убѣжденъ, что въ наше время нигдѣ не господствуютъ въ такой мѣрѣ безнравственность, какъ въ театрахъ и игорныхъ домахъ, то я не сумѣю лучше использовать свое время, какъ направляя противъ нихъ свое сочиненіе".

Эта оцѣнка вполнѣ приложима къ театру всѣхъ странъ, т.-е., къ большинству пьесъ, которыя особенно нравились публикѣ. Стиль большинства комедій и фарсовъ, даже болѣе приличныхъ, лучше всего можно охарактеризовать тѣмъ, что въ нихъ обыкновенно рѣчь идетъ лишь о мимической перефразѣ флирта, начинавшагося дерзкими жестами и грубыми ласками, и заходившаго даже дальше полового акта... Обычнымъ содержаніемъ всѣхъ комедій было Avant, Pendant и Apres акта со всѣми ихъ случайностями, разочарованіями и—въ особенности—тріумфами. Въ болѣе серьезныхъ пьесахъ на особенный успѣхъ могли всегда расчитывать сцены насилія. Главной задачей автора было: не только какъ можно больше приблизиться къ дѣйствительности, но и какъ можно больше подчеркнуть гротескнымъ преувеличеніемъ каждую эротическую ситуацію и каждый эротическій варіантъ. Если словъ было недостаточно, то жестъ и мимика должны были быть тѣмъ откровеннѣе, кромѣ того они должны были рельефнѣе оттѣнять каждое слово.

Что эти мимическіе жесты стояли въ центрѣ вниманія, видно хотя бы ужъ изъ того, что въ центрѣ дѣйствія всегда стояла одна и та же фигура, арлекинъ, преимущественно отличавшійся такими сальностями. Чтобы иллюстрировать характеръ этой мимики однимъ классическимъ примѣромъ, упомянемъ, что одинъ изъ излюбленнѣйшихъ трюковъ арлекина долгое время состоялъ въ томъ, что въ моментъ любовнаго объясненія или другихъ пикантныхъ положеній

онъ неизмѣнно терялъ на сценѣ штаны. Родиной этихъ мимическихъ и словесныхъ скабрезностей была Англія, откуда онѣ зашли и въ Германію. Развитіе въ сторону открытаго цинизма совпало здѣсь, какъ и во Франціи и Италіи, съ развитіемъ абсолютизма.

Первоначально единственными актерами были мужчины, исполнявшіе также женскія роли. Это вполнѣ отвѣчало первоначальному стилю и гротескнымъ намѣреніямъ фарса. Мужчина въ женской роли могъ гораздо сильнѣе отвѣчать на дерзкіе авансы партнера или же ограждать себя отъ нихъ. Однако въ одинъ прекрасный день выяснилось, что безъ женщины—актрисы не обойтись. Произошло это не потому, что постепенно утончавшійся вкусъ уже не переносилъ скабрезности, нуждаясь въ болѣе изысканной пищѣ, а потому, что абсолютизмъ пристрастилъ всѣхъ ко всяческимъ ухищреніямъ, и публика теперь предпочитала услышать самыя грубыя сальности изъ устъ пикантной хорошенькой актрисы, а не изъ устъ мужчины, которому сальность все равно нипочемъ. Въ этотъ моментъ и явилась на сценѣ женщина. Это произошло во второй половинѣ XVII г., сначала въ Англіи, въ 1660 г., потомъ во Франціи и около того же времени и въ Германіи.

И женщина какъ нельзя лучше выполняла предъявленныя къ ней „утончившимся" вкусомъ требованія и прежде всего въ Англіи. Объ англійскихъ комедіяхъ эпохи реставраціи и исполнявшихъ въ нихъ женскія роли актрисахъ Маколей говоритъ въ своей исторіи Англіи. „Эпилоги отличались крайней разнузданностью. Ихъ произносили обыкновенно наиболѣе популярныя актрисы, и ничто такъ не приводило въ восхищеніе испорченную публику, какъ если самые скабрезные стихи произносились красивой дѣвушкой, о которой всѣ были убѣждены, что она еще невинна".

Въ особенности же любила публика такія пьесы и пѣсни, гдѣ дѣйствіе происходило въ графскихъ или княжескихъ будуарахъ. И дѣйствіе въ самомъ дѣлѣ то и дѣло переносилось туда. Въ Tabeau von Paris, вышедшемъ въ 1783 г., говорится:

„Пѣвицы предпочитаютъ пѣсни, настолько откровенныя, что приходится закрывать лицо вѣеромъ. Каждая фраза здѣсь насыщена

двусмысленностями и грубыми шутками. Во всемъ царитъ крайняя испорченность. Всѣ женщины, развратные нравы которыхъ описываются, являются графинями или маркизами, женами президентовъ и герцоговъ. Среди нихъ нѣтъ ни единой мѣщанки".

Серьезный поворотъ отъ этого господства на сценѣ скабрезности сказался только тогда, когда буржуазныя идеи побѣдили и въ жизни. Тамъ, гдѣ это произошло раньше, и театръ раньше былъ очищенъ отъ грязи и сальностей.

Наряду съ комедіями и фарсами особенно привлекали публику танцы и балетъ. Одно время они даже возбуждали въ ней еще больший восторгъ, чѣмъ драматизированныя въ комедіи сальности, такъ что въ каждой даже небольшой труппѣ комедіантовъ имѣлась пара танцоровъ, а въ болѣе значительныхъ и цѣлый балетъ. Въ появившихся въ 1769 г. Briefe über die Tanzkunst und Ballette, составленныхъ знаменитымъ танцоромъ Новерръ, тѣмъ самымъ, который получалъ отъ страдавшаго маніей величія Карла Александра Вюртембергскаго большій окладъ, чѣмъ всѣ его чиновники вмѣстѣ, говорится:

„Танцы и балетъ въ наше время настоящая модная болѣзнь. Публика увлекается ими до умопомѣшательства и никогда никакое искусство не пользовалось такимъ успѣхомъ, какъ наше. Увлеченіе балетомъ замѣчается повсемѣстно и заходитъ очень далеко. Всѣ государи украшаютъ имъ свои представленія. Самая ничтожная бродячая трупа тащитъ съ собой толпу танцоровъ и балеринъ, даже шарлатаны и шуты больше расчитываютъ на способности своихъ балетовъ, чѣмъ на свои капли и порошки. Балетъ ослѣпляетъ глаза черни своими антраша, и она покупаетъ лѣкарства въ зависимости отъ того, какое количество удовольствій она получаетъ отъ него".

Такъ какъ о балетѣ намъ придется говорить еще ниже, то мы ограничимся здѣсь только указаніемъ, что и въ балетѣ рѣчь шла объ эротическихъ тенденціяхъ.

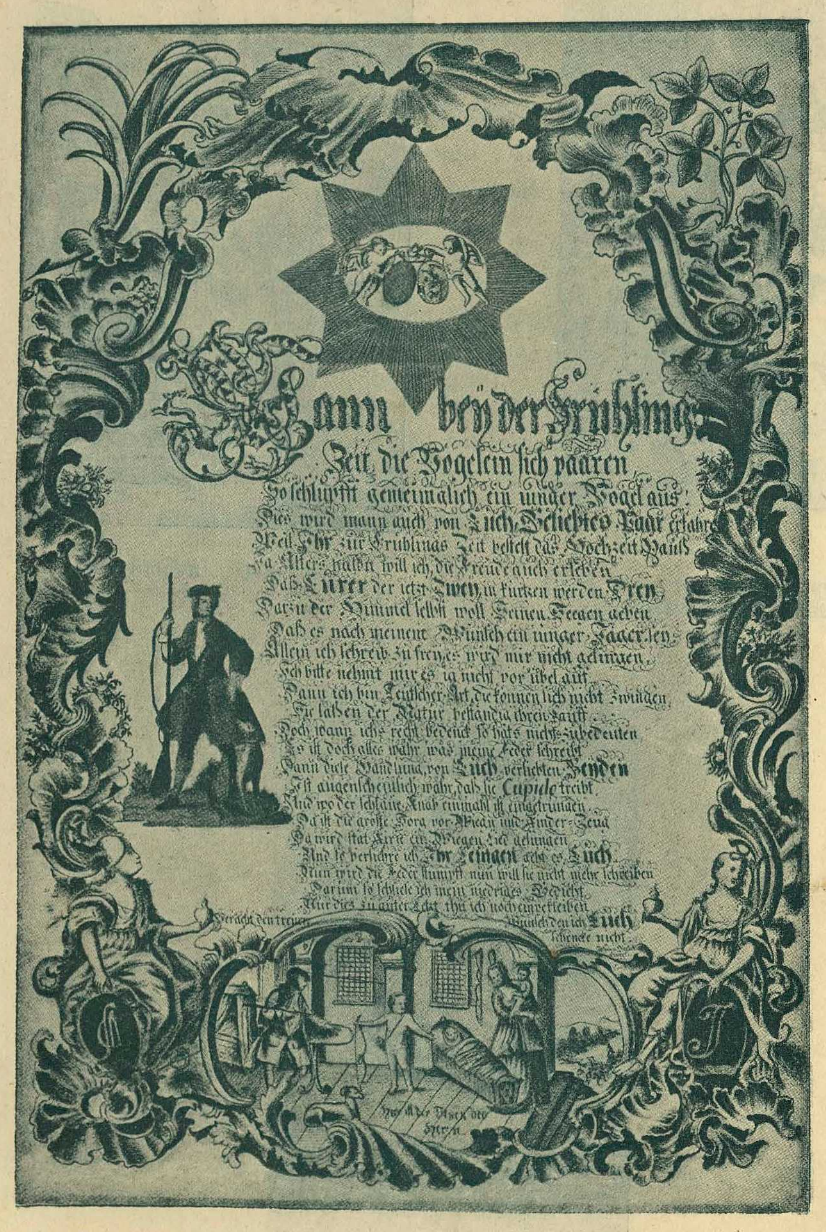
Представленіе и публика всегда составляютъ одно цѣлое. Ибо сцена только послушный исполнитель и истолкователь желаній публики. Сцена только отвѣчаетъ назрѣвшимъ потребностямъ. Поведеніе

партера, а также, разумѣется, ложъ и галлереи, вполнѣ соотвѣтствовало поэтому тону и температурѣ рампы—публика держала себя всегда также. Другими словами: драматизированныя или отплясываемыя на сценѣ скабрезности дѣйствовали на публику также, какъ возбуждающее средство. Это второе обстоятельство имѣетъ не меньшее значеніе для оцѣнки общественной нравственности эпохи. И это тѣмъ болѣе, что деморализующее вліяніе театра, находившагося въ близкомъ родствѣ съ явной и похотливѣйшей порнографіей, очень часто обнаруживалось тутъ же, претворяясь въ соотвѣтствующіе „поступки". Рука объ руку съ совершавшимися на сценѣ вакханаліями шли очень часто такія же вакханаліи въ зрительной залѣ, которая въ главной части была устроена именно для подобныхъ цѣлей (ложи). Всѣ ложи были снабжены мягкой мебелью, „удобными алтарями сладострастія", а въ нѣкоторыхъ театрахъ въ глубинѣ ложъ имѣлись даже уютные диванчики.

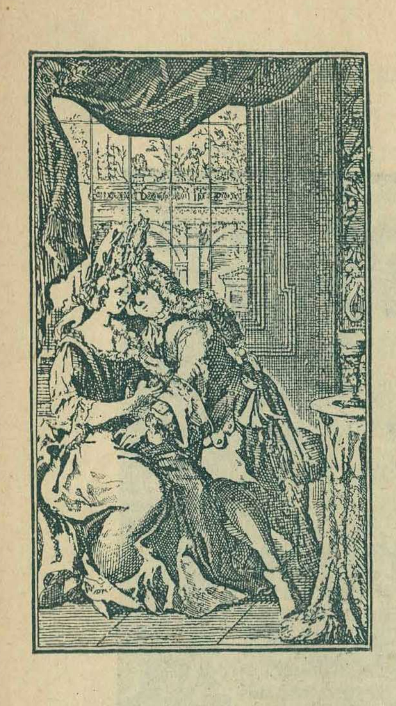
Въ своей монографіи о парижскихъ театрахъ XVIII в. Капонъ говоритъ: „Въ ложахъ часто имѣлись постели, на которыхъ можно было тутъ же удовлетворить желанія, возбужденныя видомъ смѣлыхъ сценъ и соотвѣтствующимъ діалогомъ".

О томъ, чтобы дать возможность и порядочной дамѣ посѣщать театръ, заботилась съ одной стороны маска, которую, какъ мы уже замѣтили выше, надѣвала знать, отправляясь въ театръ, а съ другой—темныя ложи, встрѣчающіяся во всѣхъ странахъ и бывшія въ большомъ ходу. Ибо нигдѣ и никогда скабрезная комедія не посѣщалась одними только низшими классами, а напротивъ также и высшими. Такимъ путемъ ловко сочетали приличіе съ фривольностью. Сущность этихъ темныхъ ложъ состояла въ томъ, что изъ нихъ все было видно, тогда какъ благодаря рѣшеткамъ и украшеніямъ онѣ сами не были видны ни со сцены, ни изъ партера, или же онѣ были снабжены занавѣсками, которыя въ любой моментъ можно было спустить и изолировать себя такимъ образомъ отъ остальной публики.

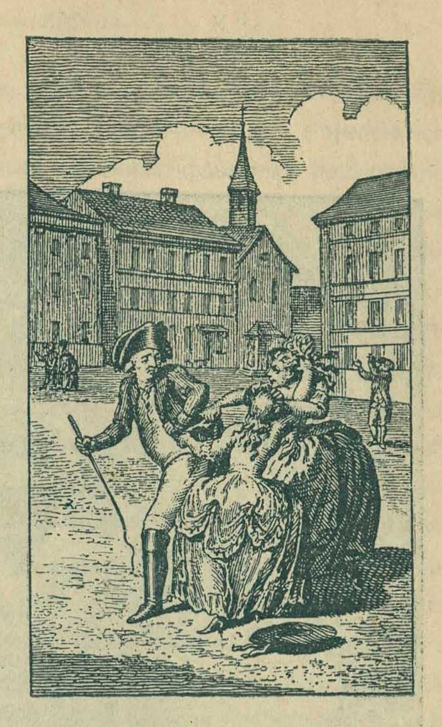
Въ Memoires secrets о Парижѣ говорится: Il y a aussi des loges grillées pour les femmes, qui ne veulent pas être vues.

Wann beÿ der Frühlings
Zeit die Vögelein sich paaren
So schlüpfft gemeiniglich ein junger Vogel aus:
Dies wird man auch von Euch Geliebtes Paar erfahren
Weil Ihr zur Frühlings Zeit bestellt das Hochzeit Hauß
Ja Alters halben will ich, die Freude auch erleben
Daß Eurer der jetzt Zwey, in kurtzen werden Drey
Darzu der Himmel selbst woll Seinen Seegen geben
Daß es nach meinem Wunsch ein junger Jäger sey.
Allein ich schreib zu frey, es wird mir nicht gelingen,
Ich bitte nehmt mir es ja nicht vor übel auf
Dann ich bin Teutscher Art, die können sich nicht zwingen,
Sie lassen der Natur beständig ihren Lauff
Doch wann ichs recht bedenck so hats nichts zu bedeuten
So ist doch alles wahr was meine Feder schreibt
Dann diese Handlung, von Euch verliebten Beyden
Ist augenscheinlich wahr, daß sie Cupido treibt
Und wo der schlaue Knab einmahl ist eingetrungen
Da ist die grosse Sorg vor Wiegen und Kinder-Zeug
Da wird stat Kyrie ein Wiegen Lied gesungen
Und so versichre ich Ihr Leinacht geht es Euch.
Nun wird die Feder stumpff nun will sie nicht mehr schreiben
Darum so schließe ich mein niedriges Gedicht
Nur dies zu guter Letzt thu ich noch einverleiben
Veracht den treuen Wunsch den ich Euch schencke nicht.

Нѣмецкое свадебное поздравленіе. 1731.

Графиня Леру посвящаетъ сына Людовика XIV въ любовь.

Ссорющіяся проститутки.

Декольтэ 1750.

Мерсье посвящаетъ цѣлую главу театрамъ и изъ нея видно, что такія секретныя ложи существовали и въ Германіи.

„Мы имѣемъ теперь въ нашихъ нѣмецкихъ театрахъ также меблированныя ложи, которыя снимаются на цѣлый годъ. Многія изъ нашихъ зрителей хотятъ развлекаться и въ антрактахъ и дать волю своей разгоряченной безнравственными представленіями фантазіи. О началѣ такихъ драмъ вдвоемъ (Duodrama) публику извѣщаютъ опусканіемъ занавѣсокъ, но даже если послѣднія и не спущены, дѣйствіе происходитъ въ темной глубинѣ ложи“.

Исторія театра всѣхъ странъ разсказываетъ о настоящихъ оргіяхъ, устраивавшихся въ этихъ ложахъ во многихъ театрахъ. Въ романѣ L'Espion anglais говорится, что однажды когда въ одномъ изъ парижскихъ театровъ произошла паника, вызванная пожаромъ, и публика темныхъ ложъ была извѣщена о грозящей опасности, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ всѣ дамы оказались голыми, „если только галантность не требуетъ назвать даму одѣтой, разъ она въ чулкахъ и башмакахъ“.

Однако и въ обычныхъ ложахъ часто вели себя крайне разнузданно и отнюдь не удаляясь въ ихъ глубину. Другими словами многіе обнаруживали свое безстыдство совершенно открыто. Нѣкоторые нѣмецкіе князья и французскіе герцоги славились именно своимъ безнравственнымъ поведеніемъ въ театрѣ, своими циническими шутками, которыя они позволяли себѣ coram publico съ своимъ галантнымъ придворнымъ штатомъ. Такіе примѣры были, разумѣется, заразительны и нѣтъ ничего удивительнаго, если упомянутый. Мерсье сообщаетъ о поведеніи „райка“.

„Нѣкій мясникъ здѣсь иначе не аплодировалъ, какъ ударяя геркулесовскими ладонями по задней части тѣла своей возлюбленной такъ, что звуки разносились по всему театру“.

Возбужденіе къ разврату предполагаетъ возможность его выполненія. И потому всѣ тогдашніе театры кишѣли проститутками. Подобные нравы продолжали быть типичными еще и въ XIX в. Въ своихъ Bilder aus London Розенбергъ сообщаетъ:

„Къ сожалѣнію, публика въ Дрюи-Лэнъ и Ковентъ-Гарденъ очень разношерстна, и часто герцогиню окружаютъ проститутки и т. д. Галлерея наполнена послѣдними, каждая имѣетъ свободный доступъ. Неприличныя шутки между этими дѣвицами и молодыми людьми изъ лучшихъ фамилій кажутся чѣмъ-то совершенно дозволеннымъ и даже въ присутствіи знакомыхъ дамъ не стѣсняются обмѣниваться такими шутками. Въ антрактахъ вся армія публичныхъ женщинъ и молодыхъ и старыхъ распутниковъ собирается въ большомъ салонѣ, устроенномъ въ первомъ ярусѣ, гдѣ продаются всевозможные прохладительные напитки. Стѣны украшены зеркалами, комнаты—оттоманками и диванами. Сотни свѣчей и большая газовая люстра освѣщаютъ эти сцены безстыдства и невиданной дерзости«.

Не только однѣ проститутки являлись въ театрахъ жрецами Венеры, но и многочисленныя другія ихъ разновидности, напр. продавщицы цвѣтовъ и афишъ, продавщицы апельсиновъ—характерная фигура въ тогдашнихъ театрахъ—и въ особенности статистки и танцовщицы, постоянно въ свободныя минуты толкавшіяся въ театрѣ, всегда готовыя на нѣжное tête-à-tête, когда получали черезъ сторожа ложи соотвѣтствующее billet doux. Балерина и жрица Венеры были вообще первоначально синонимами. Чтобы состоять въ балетной труппѣ, для этого вовсе не нужно умѣть танцовать. Большинство и не знало этого искусства и исполняло легкія роли статистокъ. Въ гораздо большей степени требовалась пикантная внѣшность и характеръ, склонный къ галантности. Юбки должны были походить на занавѣсъ театра, они должны были граціозно опускаться и подниматься при малѣйшемъ приглашеніи. При наличности этихъ данныхъ можно было поступить на сцену, и таковъ былъ въ самомъ дѣлѣ вѣрный путь къ счастью, своему и чужому.

Путь изъ дома терпимости на сцену былъ въ эпоху стараго режима поэтому часто во всѣхъ странахъ чрезвычайно простъ. И это былъ путь, особенно цѣнимый проституткой.

Не только потому, что танцы и игра тогда почти никогда не были самоцѣлью, а главнымъ образомъ потому, что съ перваго дня,

когда женщина появлялась на сценѣ, онѣ усматривала въ этомъ средство обратить на себя вниманіе платежеспособныхъ знатныхъ любовниковъ. Что подобныя соображенія были правильны, доказалъ примѣръ цѣлаго ряда метрессъ государей. Достаточно указать на Нелль Гвинъ. Во Франціи внесеніе проститутки въ списки членовъ балетной труппы было къ тому же единственнымъ средствомъ освободиться отъ контроля полиціи, такъ какъ актеры и актрисы были здѣсь подчинены только министру двора.

Балетъ былъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ спеціальнымъ учрежденіемъ для состоятельныхъ жуировъ. Капонъ говоритъ о Парижѣ: „Королевская академія музыки, танца и оперы была гаремомъ, женской конюшней pour les princes, maison publique pour gentils hommes". Кромѣ того балетъ былъ часто гаремомъ того принца, который содержалъ театръ. Казанова сообщаетъ о штутгартскомъ придворномъ театрѣ: „Всѣ танцовщицы были хорошенькія, и всѣ онѣ гордились, что хоть разъ осчастливили герцога". Въ такихъ случаяхъ балетъ существовалъ съ одной стороны для того, чтобы удовлетворить жажду новизны, которая могла обуять государя, а съ другой—принятіе въ балетъ было одной изъ формъ вознагражденія за небольшія мимолетныя услуги.

Въ анонимной сатирѣ „Die Kunst des Tanzes" говорится:

„Мамзель Тереза, хорошенькая дочка садовника, была настолько счастлива, что герцогъ обратилъ свое вниманіе на ея маленькую ножку. Достаточно хорошо воспитанная, чтобы не противодѣйствовать его любопытству на счетъ красоты ея колѣнъ и бедръ дольше, чѣмъ того требовали законы галантности, она добилась того, что была включена пожизненнымъ членомъ въ балетъ. Тамъ было нѣсколько другихъ, которымъ счастье не менѣе благопріятствовало. Мамзель Ульрика, дочь лакея, ничего не имѣла противъ, когда герцогъ, случайно встрѣтившій ее въ корридорѣ, захотѣлъ удостовѣриться въ красотѣ ея груди. Мамзель Шарлотта, здоровая дочь лѣсника, однажды до того возбудила желаніе герцога, что, когда внезапный дождь заставилъ его искать защиты въ домѣ ея отца, онъ тамъ провелъ всю ночь" и т. д.

Такъ какъ для абсолютнаго государя содержанiе театра было въ большинствѣ случаевъ равносильно устройству гарема, то директоръ театра обыкновенно такъ же часто былъ непосредственнымъ сводникомъ монарха, пополнявшимъ ряды балета подъ этимъ однимъ угломъ зрѣнiя и приглашавшимъ только такихъ дѣвушекъ, которыя по его мнѣнiю могли возбудить чувственный интересъ государя. По той же причинѣ иногда управителемъ театра назначался какой-нибудь камердинеръ, не обнаруживавшiй, правда, особенно яркихъ художественныхъ талантовъ, за то тѣмъ ярче блиставшiй въ роли сводника.

Что было вѣрно для незначительной танцовщицы, то имѣло тѣмъ больше значенiя для театральныхъ звѣздъ—все равно мужчинъ или женщинъ—всѣ они, за немногими исключенiями, были тѣсно связаны съ проституцiей. Стимулирующее влiянiе театра дѣйствовало еще въ одномъ направленiи. Свѣтъ рампы дѣлаетъ всѣхъ дѣйствующихъ въ его рамкѣ болѣе обаятельными въ глазахъ публики. И потому онъ всегда превращалъ актрису въ желаннѣйшую метрессу, а актера—въ идеальнѣйшаго любовника. Хотя въ продолженiе всего XVIII вѣка актрисъ привыкли считать внѣ закона и общества, честолюбивѣйшей мечтой каждаго либертина было: „avoir pour la maitresse une artiste de l'opera". Даже возможность публично показаться съ актрисой считалось торжествомъ.

Въ своемъ Neueste Gemälde von Berlin Мерсье говоритъ о пикникахъ, устраиваемыхъ съ театральнымъ персоналомъ: „Считается хорошимъ тономъ хвастать, по крайней мѣрѣ, въ своемъ кругу тѣмъ, что удалось угостить ту или другую красавицу". Сотни слѣпо разорялись имъ въ угоду, и каждый день въ честь нихъ глупость совершала свои безумнѣйшiе прыжки. Изъ-за любви знаменитаго пѣвца или танцора даже знатнѣйшiя дамы буквально срывали другъ съ друга платье и при томъ совершенно открыто на виду у всѣхъ. Объ успѣхахъ французскаго пѣвца Желмотти, бывшаго съ перваго своего выступленiя „кумиромъ публики и восхищенiемъ двора", Мармонтель сообщаетъ:

Жора: Полиція накрываетъ тайный притонъ.

Туалетъ. Нѣмецкая гравюра.

Галантная нѣмецкая гравюра 1690.

„Всѣ дрожали отъ радости, какъ только онъ появлялся на сценѣ и его слушали въ какомъ-то опьянѣніи. Молодыя женщины вели себя, какъ безумныя. Онѣ наполовину высовывались изъ ложъ, выставляя на показъ свое сумасшедшее возбужденіе, и многія отнюдь не наименѣе красивыя, хотѣли обратить на себя его вниманіе«.

Какъ видно, въ эпоху стараго режима театръ былъ великимъ сводникомъ, все и всѣхъ сводившимъ: зрителей другъ съ другомъ, а съ сцену съ аудиторіей.

Театръ былъ успѣшнѣйшимъ осуществленіемъ тенденцій эпохи, ибо идеаломъ всѣхъ было—быть съ кѣмъ-нибудь сведеннымъ и кому-нибудь проданнымъ.

Сущностью сибаритства является стремленіе до крайности повышать всѣ возможности наслажденія. Если же сибаритство выступаетъ въ формѣ абсолютизма, то это повышеніе имѣетъ не только цѣлью увеличить и усилить количество и качество наслажденія для себя, а также этимъ именно путемъ продемонстрировать черни свое безграничное могущество. Свое богоподобіе яснѣе всего можно обнаружить, показывая, что нѣтъ границъ для собственныхъ желаній и хотѣній, и что питаешься пищею боговъ. Изъ глубины этихъ тенденцій, какъ ея наиболѣе утонченное осуществленіе, и родилась опера.

Опера являетяс ничѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ въ одно гармоническое единство всего объективно-чувственнаго въ его наиболѣе повышенныхъ формахъ: пѣнья, музыки, танца и красочнаго великолѣпія. И потому она и могла возникнуть только въ эту эпоху. Опера—самое исконное и истинное созданіе абсолютизма. И она вмѣстѣ съ тѣмъ—тотъ документъ, который болѣе другихъ соотвѣтствуетъ ему. Абсолютизмъ базируетъ на наслажденіи, и потому только въ этой области и могъ быть продуктивнымъ. Другими словами: только въ области наслажденія могъ онъ создать нѣчто такое, что кромѣ него не могла создать никакая другая политичсская констеляція. То, что создалъ абсолютизмъ въ политической

сферѣ, могла бы создать и построенная на народномъ суверенитетѣ общественная организація и притомъ гораздо лучше, чѣмъ то сумѣли сдѣлать даже наиболѣе прославленные абсолютные монархи. Неопровержимымъ доказательствомъ служитъ исторія Англіи и позднѣйшаго буржуазнаго демократическаго общества.

Тотъ фактъ, что продуктивныя силы абсолютизма нашли себѣ разрѣшеніе исключительно въ проблемахъ наслажденія, объясняетъ намъ въ достаточной степени, почему его созданія въ этой области вызываютъ еще и теперь удивленіе, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ, до какой степени въ эпоху абсолютизма все служило исключительно одной цѣли: содѣйствовать удовольствію и капризамъ государя.

Опера—сконцентрированная чувственность. Каждое слово, каждый звукъ, каждый ритмъ, каждая линія, каждое красочное пятно—все въ ней насыщено чувственностью, эротикой. Ея содержаніемъ является исключительно чувственность, эротика, любовь, сведенная на сладострастіе. Вокругъ сладострастной любви вертится основная мысль сюжета, ею напоена любая арія, которая поется, и ничего, кромѣ сладострастной любви, символизируютъ тысяча изворотовъ и арабесокъ балета. Другими словами: все въ ней сконцентрированная обнаженность, физически—въ костюмѣ и движеніяхъ, духовно—въ діалогѣ. Она не второстепенная въ ней черта, а единственная сознательная цѣль. Не простая случайность поэтому, что во всѣхъ классическихъ операхъ балетъ играетъ такую большую роль. Балетъ—просто неотдѣлимъ отъ оперы, такъ какъ въ немъ чувственность линій и движеній находитъ свое утонченнѣйшее выраженіе.

А въ первыхъ операхъ балетъ долженъ былъ даже быть главной частью, такъ какъ въ немъ можно было довести до сказочныхъ размѣровъ также и главныя черты абсолютизма: великолѣпіе и позу. Въ миѳологіи абсолютизма балетъ сдѣлался, такъ сказать, стилизованнымъ воплощеніемъ всемогущества монарха.

Что именно абсолютизмъ праздновалъ въ обстановочной оперѣ свое воскресенье, лучше всего доказывается знаменитыми придворными празднествами стараго режима. Большинство и въ особенно-

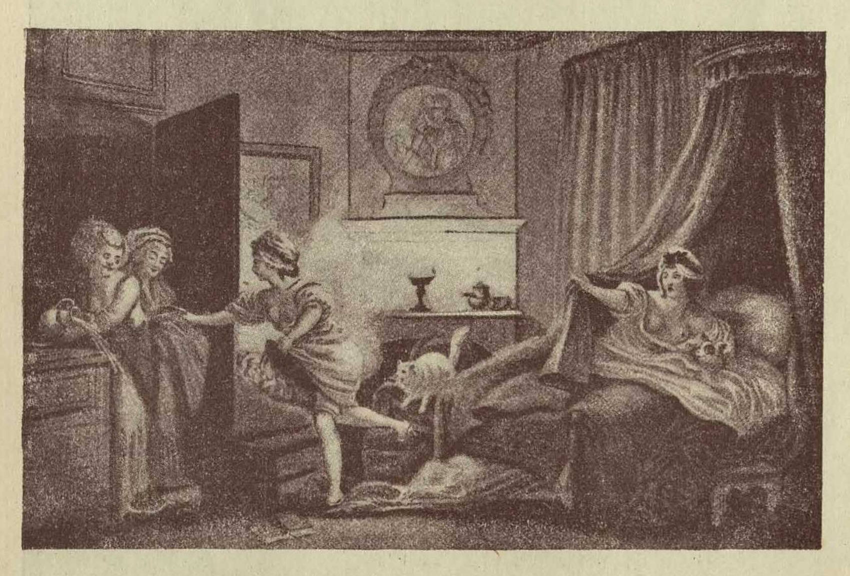

Троостъ: **Влюбленный старикъ.**

Троостъ: **Влюбленная старуха.**

Ле клеркъ: **Качели.**

Фрагонаръ: **„Моя рубашка горитъ!..“**

сти болѣе значительныя придворныя торжества были тогда ничѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ оперы въ томъ смыслѣ, что абсолютный государь и его придворный штатъ сами въ качествѣ актеровъ выступали въ ея роляхъ. Не только пытались вознестись до степени боговъ, но и себя такимъ образомъ превращали въ боговъ. Ибо содержаніе всѣхъ этихъ торжествъ состояло въ апофеозѣ величія и могущества государя, его несравненнаго генія и всѣхъ свойственныхъ только богамъ добродѣтелей.

Такъ какъ все сводилось тогда къ наслажденію, то сладострастіе также составляло одну изъ главныхъ нотъ этихъ торжествъ. Центрами праздника былъ не только государь, но и женщина, Венера. Даже больше: Аполлонъ, Марсъ, Юпитеръ и кто бы ни былъ тотъ богъ, въ позу котораго заблагоразсудилось монарху задрапироваться, въ концѣ концовъ преклоняли передъ ней свои колѣна. Весьма характерной чертой въ данномъ случаѣ было далѣе то обстоятельство, что на этихъ торжествахъ Венера никогда не была воплощеніемъ отвлеченной идеи, а всегда олицетворялась въ лицѣ фаворитки en titre, и что такими праздниками обыкновенно начиналась карьера метрессы. А это, какъ нельзя лучше, объясняетъ и обосновываетъ тотъ фактъ, что именно въ такихъ случаяхъ абсолютизмъ обнаруживалъ самые смѣлые полеты фантазіи, и что послѣднее слово всегда оставалось безусловно за чувственнымъ наслажденіемъ.

Роль, которую игралъ въ жизни низшихъ классовъ трактиръ, исполнять въ XVIII вѣкѣ въ жизни господствующихъ и имущихъ классовъ—салонъ.

Салонъ преставлялъ собой специфическую форму ихъ общественности. Однако, интеллектуальная культура, воплощенная въ салонѣ, переоцѣнивалась большинствомъ изслѣдователей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что существовалъ рядъ салоновъ, гдѣ остроуміе вспыхивало каждый день новымъ фейерверкомъ, гдѣ рождались всѣ тѣ смѣлыя идеи, которыя должны были привести къ преобразованію

общества, гдѣ происходили аванпостныя стычки новой эпохи. Таковы были знаменитые парижскіе салоны, гдѣ царили энциклопедисты, салонъ г-жи Дюдефанъ, гдѣ бывалъ Д'Аламберъ, г-жи Д'Эпинэ, гдѣ тонъ задавали Дидро и Гриммъ, г-жи Жоффренъ, гдѣ можно было встрѣтить Монтескье, и десятокъ другихъ. Но вотъ и все.

И, однако, богатство царившей здѣсь культуры было ничѣмъ въ сравненіи съ культурой, имѣвшейся вообще на лицо, даже имѣвшейся на лицо въ одной только Франціи. Тѣмъ болѣе значительную роль игралъ салонъ въ исторіи половой нравственности эпохи. Онъ былъ главной ареной словеснаго флирта въ противоположность будуару, гдѣ преобладала практика. Изо дня въ день разговаривали о любви, не о ея высшихъ проблемахъ, а только о ней, какъ наслажденіи. Правда, нѣкоторые современники, какъ графъ Тилли, утверждаютъ, что эта—клевета, пущенная въ оборотъ романистами. Онъ говоритъ о французскомъ обществѣ эпохи Людовика XVI: „Что въ особенности достойно порицанія въ нихъ (въ романистахъ), такъ это не столько непристойность описаній (я говорю здѣсь не о преднамѣренно задуманныхъ картинахъ сладострастія), а скорѣе ихъ намѣреніе или, вѣрнѣе, ихъ глупое желаніе изобразить дѣло такъ, какъ будто тайные пороки свѣта являются его публичными нравами, будто безнравственные разговоры которые ведутся въ будуарѣ, ведутся и въ салонѣ, будто молодые кавалеры и дамы свѣта идіоты и гусыни, объясняющіеся на самомъ небываломъ и непристойномъ жаргонѣ, будто, наконецъ, школа изящныхъ придворныхъ нравовъ выродилась въ ярмарочный балаганъ, гдѣ забавляются подсахарными скабрезностями, грубыми остротами и элегантными глупостями“.

Современные панегиристы стараго режима охотно цѣпляются за такія защитительныя рѣчи. Тѣмъ не менѣе сужденія, подобныя сужденіямъ графа Тилли, остаются весьма прозрачными идеализаціями. Разумѣется, во второй половинѣ XVIII в. въ салонахъ уже не царило, какъ прежде, излюбленное арго дома терпимости, когда изящныя дамочки блистали тѣмъ, что, не стѣсняясь, произ-

носили въ обществѣ грязныя словечки изъ сексуальной области или отвѣчали на скабрезности мужчинъ восклицаніемъ „Какая восхитительная гадость!“.

Однако „подсахаренныя скабрезности“ и „элегантныя глупости“ какъ разъ тогда входили въ моду. Или какъ назвать бесѣду на тему „Кто придумалъ одежду?“, причемъ хозяйка салона, гдѣ происходила эта бесѣда, отвѣтила серьезнѣйшимъ образомъ: „То былъ, вѣроятно, маленькій безобразный карликъ, горбатый, худой и кривой, ибо, кто хорошо сложенъ, не вздумаетъ же спрятаться въ платье!“ Или какъ назвать бесѣду, во время которой глубокомысленнѣйшимъ образомъ обсуждался поставленный нѣкіимъ принцемъ вопросъ, почему люди стали скрывать отъ другихъ половой актъ.

На этотъ вопросъ послышался отвѣтъ, что не иначе поступаетъ собака, ибо, когда ей бросятъ кость, она уединяется съ ней въ уголокъ. Виновата зависть мужчины, боящагося за свою кость. Она—единственный источникъ стыдливости.

Все это, несомнѣнно,—„подсахаренныя скабрезности“, хотя въ этихъ „глупостяхъ“ и нѣтъ ни капли „элегантности“. Намъ остается только добавить, что такія дискуссіи были не исключеніемъ, а правиломъ въ тогдашнихъ салонахъ, такъ какъ интересъ возбуждали вообще только мотивы изъ половой области и потому сюда ловко перебрасывались и самые серьезные вопросы, т.-е. и ихъ обливали галантнымъ соусомъ. Въ Германіи такую способность у мужчинъ называли „талантами петиметра“. И большинство мужчинъ положительно горѣло честолюбіемъ удостоиться во время бесѣды подобнаго эпитета, повышающаго репутацію въ глазахъ „образованнаго общества“.

Что подразумѣвалось тогда, особенно въ Германіи, подъ словомъ „хорошій тонъ“, или лучше: чего допускалъ этотъ „хорошій тонъ“, наглядно иллюстрируютъ игры, бывшія въ ходу, какъ въ салонахъ, такъ и въ мѣщанской квартирѣ. Характернымъ образчикомъ можетъ служить игра-гаданье, о которой подробныя данныя

имѣются въ вышедшей въ 1770 г. книгѣ Der. wahrsagende Wercurius.

Игра состояла въ томъ, что ставился какой-нибудь вопросъ, отвѣтъ на который получался изъ числа очковъ на трехъ брошенныхъ костяшкахъ. Въ наставленіи перечисляются около двадцати вопросовъ для обоихъ половъ, и каждый вопросъ сопровождается шестнадцатью возможными отвѣтами. На вопросъ мужчины: „Довольна ли тобой жена?“, отвѣтъ гласилъ, напримѣръ, при шести очкахъ: „Ахъ, старина, какъ можешь ты спрашивать: довольна ли тобой твоя молодая жена, когда ты даже аппетитнаго поцѣлуя ей дать не въ состояніи, не говоря уже о чемъ-нибудь иномъ!“; при семи очкахъ: „Ты здоровенный дѣтина, и жена можетъ быть тобой довольна“; при восьми: „Если бы ты занимался съ женой также усердно, какъ съ книгами, то она могла бы быть тобой довольна“ и т. д. Вотъ что понимало хорошее общество подъ „галантными шутками“, ибо среди шестнадцати возможныхъ отвѣтовъ добрая дюжина въ томъ же родѣ.

Если случайно бесѣда вертѣлась не вокругъ любви, ее замѣняли сплетни, споры объ этикетѣ и подобныя глупости. Многіе салоны прямо славились, какъ гнѣзда сплетенъ. Въ Германіи сплетничество было вообще обычнымъ явленіемъ въ салонахъ, и здѣсь столь важные вопросы, какъ альковныя тайны друзей и сосѣдей, даже не прерывались зарницами неумолимо подготовлявшейся революціи.

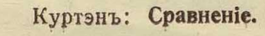
Подобныя же оговорки необходимо сдѣлать и относительно прославленныхъ манеръ XVIII в. Въ высшихъ классахъ онѣ сводились къ культу умственной и физической напыщенности, въ бюргерствѣ царило граничившее съ комизмомъ подражаніе роднымъ или чужимъ придворнымъ нравамъ. Нелѣпѣе всего вели себя въ этомъ отношеніи въ провинціи, но и англійская буржуазія славилась въ этомъ смыслѣ.

Парижскія моды 1780 г.

Мушэ: **Прерванный сонъ.**

Куртэнъ: **Сравненіе.**

Въ высшихъ классахъ общества слишкомъ уважали практику галантности, чтобы въ салонахъ ограничиваться одной только теоріей, особенно послѣ того, какъ за ужиномъ вино и шампанское произвели надлежащее дѣйствіе. И какъ бы низко ни стояли, какъ мы видимъ, нравы низшихъ классовъ, наиболѣе дикая разнузданность царила все же въ салонахъ знати.

Изъ „Historiettes et mots d'esprits du XVIII в.“ мы заимствуемъ слѣдующія два мѣста, изъ которыхъ одно характеризуетъ господствовавшій въ этихъ салонахъ послѣ ужина развязный тонъ, а второе тѣ активныя шутки, которыя разрѣшали себѣ ихъ посѣтители. Въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ о кружкѣ регента Франціи, герцога Орлеанскаго. Первое мѣсто гласитъ:

„Однажды регентъ ужиналъ съ г-жей Параберъ, архіепископомъ Камбрэ, и Лоу. Послѣ ужина ему принесли бумагу для подписи. Онъ хотѣлъ взять перо, но былъ такъ пьянъ, что не могъ его держать. Онъ передалъ перо г-жѣ Параберъ и сказалъ ей: „Подпиши, б...“ Она возразила, что не имѣетъ права подписывать. Тогда онъ вручилъ архіепископу и сказалъ: „Подпиши, сутенеръ“. Тотъ тоже отказался. Тогда регентъ передалъ перо Лоу со словами: „Подпиши, мошенникъ!“ Но и онъ отказался. Тогда регентъ пустился въ слѣдующія мѣткія размышленія: „Что за превосходно управляемое государство! Оно управляется: проституткой, сутенеромъ, мошенникомъ и пьянымъ“. И подписалъ бумагу“.

Второе мѣсто гласитъ:

„На ужинѣ у г-жи Нель (Hesles) нѣсколько молодыхъ аристократовъ, сидѣвшихъ за однимъ столомъ съ г-жей Гасэ, заставили ее выпить много разнаго вина и ликеровъ, такъ что она совершенно опьянѣла. Въ такомъ состояніи она снизошла до того, что стала плясать передъ присутствующими почти нагая. Когда разнузданность достигла своего апогея, ея друзья передали ее лакеямъ, чтобы и тѣ имѣли свое удовольствіе. Согласная въ своемъ опьянѣніи на все, г-жа Гасэ только бормотала: Какой прекрасный день!“.

Въ Германіи въ это время вели себя не иначе. Въ одномъ сочиненіи, правдиво описывающемъ грубые обычаи, царившіе въ разныхъ дворянскихъ помѣстьяхъ, когда наѣзжали веселые гости, говорится о танцахъ, послѣ ужина: „Въ самый разгаръ танца, тушатъ свѣчи, которыя вновь зажигаются только часъ спустя, а въ это время ведутъ себя платонически, т. е., я хотѣлъ сказать, плутонически, анабаптически. Кто виноватъ? Кто отецъ?“

Конечно, было бы неправильно считать такой развратъ обычнымъ правиломъ. Это также невѣрно, какъ насыщенное грязью поведеніе низшихъ классовъ во время народныхъ праздниковъ не было ихъ обычнымъ способомъ использовать отдыхъ. Однако, подобный развратъ былъ здѣсь постоянной возможностью, такъ какъ историческая ситуація, въ которой тогда находились господствующіе классы, не только позволяла имъ дѣлать изъ любви своего рода занятіе, но и заставила ихъ, какъ мы видили, сдѣлать изъ нея высшее свое занятіе.

Нѣкая г-жа де ла Веррю слѣдующими классическими словами опредѣлила жизнь своего круга:

„Ради большей вѣрности, необходимо уже здѣсь на землѣ создать рай“. Эти слова, быть можетъ, лучше всякихъ другихъ характеризуютъ жизненную философію господствующихъ и живущихъ классовъ въ эпоху стараго режима.

Превратить жизнь въ рай: такова была въ самомъ дѣлѣ, какъ мы, надѣемся, показали достаточно убѣдительно на предыдущихъ страницахъ, тенденція, господствовавшая въ свѣтскомъ обществѣ всѣхъ странъ и господствовавшая при этомъ болѣе властно, чѣмъ какая бы то ни было другая идея. Эта тенденція приводила, естественно, въ конечномъ счетѣ къ тому, что повышенная общительность, балы, вечеринки и тому подобныя увеселенія заняли въ жизни верхнихъ слоевъ огромное мѣсто, и къ тому, что

Мѣщанинъ и мѣщанка. Французская гравюра.

Виллъ: **Нѣмецкія моды.**

Оргія въ кружкѣ регента.

Рамбергъ: Иллюстрація.

здѣсь эти развлеченія и увеселенія предлагались настолько же въ рафинированномъ видѣ, насколько примитивный характеръ они носили въ низахъ.

И въ самомъ дѣлѣ никогда со времени античной культуры жизнь господствующихъ классовъ не представляла въ такой степени единый, беспрерывный, роскошный праздникъ, какъ тогда. Одно развлеченіе смѣняло другое, словно въ нескончаемомъ хороводѣ. Первая мысль утромъ принадлежала вопросу о возможностяхъ, предстоящихъ вечеровъ. Главнымъ содержаніемъ всѣхъ этихъ праздниковъ была опять-таки галантность. Въ ея интересахъ создавалась и варьировалась всегда программа увеселеній, т. е., массовый флиртъ былъ для всѣхъ участниковъ высшей цѣлью. Индивидуальный флиртъ, которому предавались въ будуарѣ, во время lever, уже не удовлетворялъ, ибо каждый вѣдь принадлежалъ всѣмъ. Служить всѣмъ, принадлежать всѣмъ, насладиться всѣми, отдавать себя всѣмъ, таковы были въ конечномъ подсчетѣ послѣдствія галантнаго міровоззрѣнія.

„Принадлежать всѣмъ—вотъ высшее наслажденіе“ — писала одна свѣтская дама подругѣ послѣ бала, во время котораго она дала нѣжное обѣщаніе тремъ мужчинамъ. И она прибавляла съ пикантнымъ остроуміемъ: „Такимъ образомъ я не измѣню ни одному изъ нихъ, и угрызенія совѣсти не нарушатъ спокойствія моего сна“.

Такъ какъ балъ служитъ лучшимъ поводомъ для массоваго флирта, то постоянно придумывали все новыя варьяціи, особенно въ видѣ разныхъ маскарадовъ, представляющихъ особо благопріятную почву для галантныхъ похожденій. Въ роли Марса, Аполлона или Юпитера мужчина могъ себѣ все позволить. Въ роли Діаны, Венеры или Юноны женщина могла все выслушать. Подъ маской можно было все простить. Вѣдь то была только шутка.

Поэтому самыя смѣлыя формы флирта считались свободнымъ правомъ масокъ не только на улицѣ въ дни карнавала, но и въ бальной залѣ, въ теченіе всего года. Апологеты стараго режима склонны видѣть и въ его праздникахъ только одну грацію.

Они упускаютъ изъ виду, что грація эпохи была только той гирляндой розъ, которою украшены аттрибуты похотливаго Лампсакійскаго бога, и что эти маскирующія розы служили одной только цѣли: имѣть возможность не только тайно, но и открыто передъ лицомъ всего свѣта приносить жертвы самому непристойному изъ всѣхъ боговъ.

Когда приближался конецъ карнавала, онъ становился—сознательно или безсознательно—все безумнѣе.

Люди хотѣли использовать время, пока оно не миновало.

И они спѣшили довести до конца послѣдній хороводъ, прежде чѣмъ наступитъ день—новый день въ исторіи человѣчества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе .... I-III

Эпоха абсолютизма.

I.

Эпоха абсолютизма 1
Психика подданнаго 40
Общественная ложь 46
Галантность 49

II.

Новый Адамъ и новая Ева.

Идеалъ красоты абсолютизма 59
Культъ интимныхъ женскихъ прелестей 72
Физическій портретъ мужчины и женщины 76

III.

Ливрея разврата.

Величественность: шлейфъ, фонтанжъ, парикъ 86
Роль каблука 95
Декольтэ 100
Кринолинъ 110
Нижнія части костюма 116
Скала цвѣтовъ эпохи стараго режима 118
Роскошь модъ 120

IV

Любовь.

Культъ техники 129

Стр.

Раффинированность и сентиментальность 132
Сексуальное воспитаніе 135
Любовь, какъ произведеніе искусства 147
Авансы за счетъ брака 172
Женская потребность въ любви ... 193
Юридическая формула 200
Герой стараго режима 228
Оргія 230
Венера и Пріапъ въ рясѣ 247
Подъ кнутомъ 253
Воцареніе проститутки 259

V.

Проституція.

Уличная торговля любовью 278
Дома терпимости 296
Агенты и маклера проституціи ... 323
Полиція и проститутка 326
Шипъ на розѣ 328

VI.

Гостиница и салонъ.

Эволюція трактирной жизни 307
Семейные праздники 313
Народные обычаи 315
Народные праздники и увеселительныя мѣста 317
Танцы и игры 323
Оперы и балетъ 328
Салонъ 339

Отдѣлъ V Исторіи.

К. Валишевскій.

Происхожденіе современной Россіи, 8 том.

Т. I. ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ. 2 изданія Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.
Т. II. ПЕРВЫЕ РОМАНОВЫ. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.
Т. III. ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р. 50 к.
Т. IV. ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.
Т. V. ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.
Т. VI. РОМАНЪ ИМПЕРАТРИЦЫ. Ц. 3 р. 50 к., въ переплетѣ 4 р. 50 к.
Т. VII. ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.
Т. VIII. ВЕЛИКАЯ РАЗРУХА. Ц. 3 р., въ переплетѣ 4 р.

О. Пирлингъ.

РОССІЯ и ПАПСКІЙ ПРЕСТОЛЪ. Т. I. Ц. 3 р.
РОССІЯ и ПАПСКІЙ ПРЕСТОЛЪ. Т. II. (Печатается).

Исторія завоевателя міра:

Т. I. **АРТУРЪ ЛЕВИ**. НАПОЛЕОНЪ БОНАПАРТЪ. Наполеонъ въ интимной жизни. Большой роскошно изданный томъ съ 17 портретами,
Ц. 2 р., въ переплетѣ 3 р.
Т. II. **ФРИДРИХЪ МАССОНЪ**. НАПОЛЕОНЪ и ЖЕНЩИНЫ. Ц. 2 р.
Т. III. **СОФУСЪ МИХАЭЛИСЪ**. ВѢЧНЫЙ СОНЪ 1812 г. Ц. 1 р. 50 к.
Т. IV. **ФРИДРИХЪ КИРХЕЙЗЕНЪ**. НАПОЛЕОНЪ ПЕРВЫЙ. Его жизнь, его время. Съ предисловіемъ **А. Дживелегова**. Ц. 2 р. 50 к.

2007332289